

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ
РУССКОГО ВОЕВОДСКОГО
КОРПУСА ПРИ ИВАНЕ IV

SLAVICA PETROPOLITANA

Dmitry Volodikhin

**SOCIAL STRUCTURE
OF THE RUSSIAN ARMY
HIGH-RANKING OFFICERS
UNDER IVAN THE FORTH**

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2011**

Дмитрий Володихин

**СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ
РУССКОГО
ВОЕВОДСКОГО КОРПУСА
ПРИ ИВАНЕ IV**

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2011**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)44

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

*Монография рекомендована к печати Ученым советом исторического
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Р е ц е н з е н ты:

канд. ист. наук Т. А. Круглова, канд. ист. наук А. В. Лаушкин

Дмитрий Володихин. Социальный состав русского воеводского корпуса
В 68 при Иване IV. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. — 296 с.
(Slavica Petropolitana).

Монография посвящена исследованию проблем, связанных с воинской историей Московского государства середины—второй половины XVI в. Работа построена на комплексном изучении письменных источников (воинские разряды, летописи, законодательные памятники, записки иностранцев о России) и на критическом анализе специальной научной литературы.

Усилиями нескольких поколений отечественных историков накоплено немало разрозненных фактов и частных наблюдений, касающихся высшего командования вооруженных сил России XVI в. Однако до сих пор не ставился вопрос о его социальному составе в целом и о влиянии на него такого, в частности, учреждения, как опричнина. Настоящая монография является первой попыткой ответа на эти вопросы.

Автором впервые составлен список ведущих военачальников Московского государства середины XVI в., а также реестр аристократических семейств, откуда они рекрутировались. Кроме того, впервые из общего списка крупных опричных служильцев (он неоднократно составлялся и уточнялся) выделен точный список опричных воевод.

Исследование источников позволило автору выявить динамику социальных групп, из которых формировалось военное командование вооруженных сил России как в предопричные десятилетия, так и в опричный период. Произведена оценка влияния «служебного» фактора, т. е. тактического опыта и способности одерживать победы над неприятелем, на решения монарха о включении того или иного военачальника в состав воеводского корпуса опричнины. Выясено, в частности, что этот фактор не был преобладающим ни на одном из уровней воеводской иерархии. Удалось доказать связанную с этим высокую «текучесть» командных кадров опричного боевого корпуса, в рамках которого сохранился незначительный по численности «костяк» (группа военачальников, регулярно получавших воеводские посты в опричнине), обеспечивавший устойчивость командования в боевых условиях. Для большинства прочих лиц, назначаемых на крупные военные посты, пребывание в опричном воеводском корпусе было незначительным эпизодом служебной деятельности.

Адресуется специалистам по истории Московского государства, а также всем интересующимся русской военной историей.

ISBN 978-5-85803-431-5

9 785858 034315

© Дмитрий Володихин, 2011

© Петербургское Востоковедение, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава I. Историография и источники	8
1. Историография	8
2. Источники	42
Глава II. Военная элита Московского государства в середине XVI века	63
1. Списочный состав военной элиты Московского государства при Иване IV	63
2. Титулованная и нетитулованная знать в командовании русской армии при Иване IV	73
3. Процесс утраты старомосковским боярством влияния в армии Московского государства	90
Глава III. Социальный состав опричных воевод.	120
1. Список опричных воевод	120
2. Высшие военачальники опричного корпуса	140
3. Командиры самостоятельных отрядов и отдельных полков в полевых соединениях опричного корпуса	172
4. Вторые, третьи и четвертые воеводы в полках и отдельных отрядах опричного корпуса	218
Заключение	256
Приложение	263
Список использованных источников и литературы	265
Список сокращений	274
Указатель имён	265
Справка об авторе	290
Основные научные, научно-популярные и учебные публикации Д. М. Володихина, связанные с историей Московского государства	291

ВВЕДЕНИЕ

Вооруженным силам Московского государства XVI столетия посвящено огромное количество литературы исследовательской и еще большее — научно-популярной. Этой темой активно занимались как дореволюционные исследователи, так и советские. На протяжении постсоветского периода интерес к истории русской армии постепенно возрастал, чему способствовал подъем патриотических настроений в конце 1990-х—«нулевых» годах XXI в. Появились несколько крупных исследовательских трудов, а также ряд публицистических и популярных работ, большей частью компилятивных.

Кроме того, в настоящее время ведутся постоянные споры о том, какой идеал необходим для новых отечественных командных кадров, об их нравственных и тактических приоритетах в прошлом (что могло бы способствовать формулированию новых приоритетов на будущее). Таким образом, исторический материал, пригодный для использования в подобного рода дискуссиях, обретает актуальность. На него существует очевидный социальный запрос. Следовательно, разработка источников, позволяющих реконструировать состав командных кадров российской армии, может также обеспечить их высокую практическую значимость: заполнение ряда лакун в данной сфере отечественной военной истории будет иметь не только строго научное, но и общественное значение.

На страницах научных изданий, связанных с названной тематикой, подробно рассматриваются вопросы, касающиеся численности вооруженных сил России в XVI в., их тактических приемов, вооружения, комплектования, появления в их составе стрелецких войск и др. Однако спектр проблем, связанных с социальным составом высших командных кадров, остается малоизученным. Исследователи касаются их главным образом в трудах, посвященных местничеству, формированию «боярской аристократии» (выражение А. А. Зимина) в России или же становлению российского дворянства в целом. Наиболее крупные работы в данной сфере созданы В. И. Бугановым, М. Е. Бычковой, С. Б. Веселовским, Н. П. Загоскиным, А. А. Зиминым, К. Д. Кавелиным, В. Б. Кобриным, А. И. Маркевичем, Н. В. Мятлевым, В. Д. Назаровым, В. И. Новицким, А. П. Павловым, Н. П. Павловым-Сильван-

ским, К. В. Петровым, С. В. Рождественским, Р. Г. Скрынниковым, И. И. Смирновым, А. Л. Станиславским, Б. Н. Флорей, С. О. Шмидтом, Ю. М. Эскиным. Однако указанной проблеме все перечисленные ученые касаются вскользь.

Столь масштабное явление, как опричнина, потенциально могло серьезнейшим образом повлиять на социальный состав воеводского корпуса. Однако в данной сфере пока не произошло стыковки академических исследований, связанных с изучением социально-политической природы опричнины, и трудов, принадлежащих перу специалистов по военной истории. Значительное число ученых занимались и занимаются изучением опричнины. Наибольшую известность в этой сфере получили труды Д. Н. Альшица, Г. Н. Бибикова, С. Б. Веселовского, Р. Ю. Виппера, А. А. Зимина, В. Б. Кобрина, В. А. Колобкова, С. Ф. Платонова, П. А. Садикова, Р. Г. Скрынникова, Л. М. Сухотина. Что же касается трудов военных историков, в частности преподавателей высших учебных заведений военного профиля (это, в частности, А. К. Баиров, Г. Д. Бурдей, В. А. Волков, Н. С. Голицын, Е. А. Разин, А. А. Строков), то они постоянно касаются опричнины в обобщающих работах по истории русской армии и отечественного военного искусства. Но в большинстве случаев либо они используют результаты труда академических специалистов, порой сильно устаревшие, либо происходит измышление оценок опричнины, слабо связанных с данными источников. Соединение академической подготовки со специфическим интересом к чисто военным вопросам видно в работах П. П. Епифанова, А. В. Чернова и В. В. Пенского, однако всех трех ученых вопросы отражения опричных порядков в области подбора армейских командных кадров интересовали слабо. В результате степень и формы влияния опричного фактора на высший эшелон военного командования России до настоящего времени оставались и пока остаются за пределами внимания обеих групп исследователей, а потому до сих пор не подверглись серьезному научному анализу¹.

Итак, целью настоящего исследования является анализ социально-го состава командных кадров российской армии (30—80-е гг. XVI в.) и влияния на него опричного фактора.

¹ Подробный обзор специальной исторической литературы содержится в главе 2 (подраздел «Историография»).

Глава I

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. Историография

В дореволюционный период появилось несколько фундаментальных описаний отечественной военной истории.

Так, князь Н. С. Голицын, профессор Императорской военной академии, дал весьма обширное описание истории войн и вооруженных сил России. Однако ряд неточностей и весьма радикальных оценок в описаниях армейской действительности XVI в. делает его книгу малополезной для данного исследования. Так, Н. С. Голицын, отмечая вред, наносимый местничеством «между боярами и воеводами» русским вооруженным силам в боевой обстановке (что впоследствии станет общим местом многих трудов по военной истории), почему-то возводил этот феномен к последствиям монголо-татарского ига [Голицын, 1878. С. 26].

Значительный фрагмент о командных кадрах в русской армии времен Ивана IV содержится в издании «Русская военная сила», получившем широкую популярность [Русская военная сила, 1892]¹. Этот фрагмент во многом базируется на известии английского дипломата Дж. Флетчера, посетившего Россию в конце 1580-х гг. [Флетчер, 1906. С. 82]. В частности, говорится:

С объявлением о походе назначаются государем полковые воеводы. Большой воевода (главнокомандующий) выбирался из бояр наиболее знатных родов. К нему придавали товарища (иногда двух или трех). Последний выбирался из лиц менее знатных, но более опытных в ратном деле. Придача его должна была парализовать недостатки местничества, когда главным воеводой приходилось назначать не достойнейше-

¹ Это издание впоследствии неоднократно цитировалось в трудах как военных историков, так и специалистов по социально-политической истории Московского государства. Значительные отрывки из «Русской военной силы» заимствовались авторитетными изданиями, что говорит о большом значении этой работы в рамках русской военно-исторической мысли.

го, а более знатного родом; в этом случае обыкновенно второй воевода и распоряжался всем именем главного [Русская военная сила, 1892. С. 249].

До настоящего времени научная критика свидетельства Флетчера, пишущего о подобном механизме назначения воевод в русской армии XVI в., не развеяла сомнений по поводу его достоверности. Вопрос остается открытым.

Назначение главнокомандующего в полевое соединение из аристократической среды никем не оспаривается. Мало того, и «товарищи» его, т. е. второй, третий, четвертый воеводы, обыкновенно избирались в той же среде, хотя и не бывали столь же родовиты. Принадлежность же к числу бояр — если рассматривать это слово в значении думного чина — для получения высшей армейской должности не требовалась; впрочем, возможно, в данном случае словом «боярин» не совсем точно обозначается служилый аристократ в широком смысле.

Здесь же сказано о вреде местничества в период боевых действий:

Все полковые воеводы назначались... по родословному старшинству... Этот обычай, вредный для воинского порядка и благоустройства... особенно усилился при Иване IV, несмотря на строгие меры по обузданнию его, и был причиной частых ссор, распри и тяжб между воеводами, а также происходивших оттого в войске беспорядков и неудач (например — в ливонских походах). Только присутствие в войске самого Иоанна прекращало между воеводами все споры за места и тем устраняло одну из главных причин военных неудач. В важных случаях государь приказывал быть «без мест», а иногда и, вероятно не раз, посыпал из Москвы доверенных лиц для прекращения местнических споров и восстановления порядка в войске [Там же. С. 250].

Ущерб, наносимый вооруженным силам России от местнических обычаев, проходит в качестве непременного предмета обсуждения по страницам подавляющего большинства сводных трудов по военной истории России XVI—XVII вв.

В классическом труде генерал-лейтенанта профессора Императорской Николаевской военной академии А. К. Баирова по истории русской армии явственно ощущается влияние работ В. О. Ключевского.

В частности, он говорит об особом взгляде «московского боярства» на собственную роль в отношении Руси: оно видело в себе «собрание наследственных и общепризнанных властителей русской земли, а на Москву смотрело как на сборный пункт, откуда они... будут править русской землей». Это привело к установлению порядка служебных отношений, именуемого местничеством. В его основу были положены «не личные качества назначаемых лиц, а относительное служебное значение фамилии служилых людей и генеалогическое положе-

жение каждого из них в своей фамилии». По мнению Баиова, «на устройстве вооруженных сил Руси того периода местничество должно было отражаться весьма вредно» [Баiov, 2008. С. 78—79].

Что касается социального состава командования, то Баiov определенно считает, что оно до опричнины назначалось из аристократических «боярских» родов или же из высших слоев дворянства, однако более подробно об этом не пишет. Баiov ассоциировал думные чины с высшими воеводскими, что источниками XVI в. не подтверждается. В частности, он говорит:

В военное время для начальствования полками из бояр, окольничих и думных дворян назначались полковые воеводы [Там же. С. 77—78, 86, 91].

Действительно, представители служилой знати, получившие думные чины, нередко назначались воеводами в действующую армию, но значительно чаще в полковых воеводах оказывались аристократы, не имеющие думных чинов. Воинские разряды XVI в. со всей очевидностью показывают это каждой своей страницей: высокое назначение в военной иерархии и в иерархии думной никак не связаны друг с другом.

А. К. Баiov видит в опричнине инструмент взлома старых порядков, основанных на местничестве. Из его слов вырисовывается картина чуть ли не революции в управлении вооруженными силами, совершенной в годы опричнины. Историк, в частности, пишет:

Высшая знать, составленная из бывших удельных князей, была сравнена с остальными служилыми людьми, почему мало-помалу исчезали все следы старых удельных обычаев и вольностей в области служебных отношений, а вместе с ними должны были исчезнуть и остатки удельных дружин, с которыми потомки князей раньше приходили на государеву службу... опричнина оказала влияние... на военное дело на Руси того времени: прежде всего подчинение боярства Великому князю устанавливало столь необходимое для организации вооруженной силы единовластие; уничтожая привилегии княжат, достигали единства войска... Впрочем, опричнина была скоро уничтожена, выполнив свою главнейшую задачу низведения боярства к весьма незначительному влиянию и значению [Там же. С. 80].

Однако утверждения А. К. Баиова остаются фактически голословными: для того чтобы их обосновать, требуется перебрать начальствующий состав опричнины и проанализировать его социальные характеристики, в частности роль, которую играли в нем то же «московское боярство», та же «высшая знать». А этого сделано не было.

В научной традиции, к сожалению, еще в предреволюционный период наметилось своего рода «раздвоение». Труды военных историков

по стилю изложения материала в весьма значительной степени отличались от специальных исследовательских трудов — в сторону упрощения и популяризации. Знания, добытые специалистами по социальнно-политической истории Московского государства, использовались их авторами компилятивно — как иллюстрация или объяснение некоторых аспектов общей картины истории русской армии. Это прекрасно видно, если сравнивать получившие широкую известность работы Н. С. Голицына, А. К. Баюса или, например, крупного военачальника А. А. Свечина (издавшего фундаментальный двухтомник «Эволюция военного искусства» уже в 1927—1928 гг., но ничуть не изменившего традициям своих коллег, дореволюционных академических военных профессоров) с гораздо более глубокими трудами академических учёных, в цели которых не входило создание всеохватного полотна русской военной истории.

Н. П. Загоскин пишет о стремлении московских государей обусловить «доступ к высшим служебным ступеням не родовым превосходством, но превосходством чиновным», иными словами, приближать к себе не наиболее родовитых аристократов, а прежде всего тех, кто заработал это службой. В связи с этим правительство предпринимает меры, ограничивающие местничество, в частности, Загоскин приводит как аргумент Указ 1550 г. «О воеводском устройении» [Загоскин, 1875. С. 111—112].

Рассматривая происхождение «московского служилого класса», Н. П. Загоскин подчеркивает свое удивление «...от замечательного разнообразия элементов, вошедших в его состав. Трудно найти национальность, представители которой не вложили бы свою лепту в дело образования московского служилого класса; замечательнее всего то, что собственно русский элемент составляет... лишь весьма небольшой процент всей массы служилых людей». Историк перечисляет народы, давшие своих представителей в военно-служилый класс России: тут выходцы из Германии, Польши и Литвы, татары, разного рода пограничные и северные этносы, покоренные русскими. Притом к известиям родословных росписей исследователь относится некритически; используя термин «польско-литовское происхождение», явно смешивает этничность и подданство [Там же. С. 124]. Исследователь рассматривает историю нескольких сотен титулованных и нетитулованных аристократических родов [Там же. С. 139—185], но его интересует не военная карьера представителей этих родов, а достижение ими думных чинов, что делает сочинение Н. П. Загоскина не слишком информативным в отношении темы настоящей работы.

В 1888 г. вышла книга А. И. Маркевича «История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв.». Это весьма солидный по объему фундаментальный труд, оказавший мощное влияние на всю

обширную литературу, посвященную проблемам местничества. Для настоящего исследования тема местничества периферийна. Однако работа Маркевича не может быть оставлена в стороне, поскольку многие вопросы, связанные с местничеством, тесно связаны также и с комплектованием воеводского корпуса России.

Именно Маркевич впервые показал, сколь важно, рассматривая историю военно-служилого класса России, в том числе и его аристократии, из которой выходили русские полководцы, учитывать огромное влияние родственных связей на всю общественную структуру. Иными словами, «родство», «отечество», принадлежность к определенному семейству очень многое решали в судьбе знатного человека [Маркевич, 1888. С. 150—155]. Это мнение справедливо, оно подтверждено в многочисленных источниках XVI в., и, естественно, оно утвердилось в последующей исследовательской литературе. В работе А. И. Маркевича показано, как «родовое старшинство» соотносилось с лестницей служебных чинов, какие происходили в этом смысле колебания, насколько полным было соответствие «отечества» занимаемой должности — при дворе, в армии, в Боярской думе и т. п.

В. О. Ключевский прямо и однозначно высказался в пользу того, что управление в Московском государстве XVI в. принимает очевидный аристократический характер. Притом в составе служилой аристократии, или, по выражению В. О. Ключевского, «нового боярства», в первой половине XVI столетия на первый план выдвигается слой «княжат», высшей титулованной знати. В частности, исследователь пишет относительно данного периода:

Люди родовитых фамилий, начавших служить не раньше XV в., дают старинное боярство московское и своей численностью, и важностью занимаемых ими должностей. Огромное большинство этих людей составляют князья. И в думе, и в высшей военно-походной администрации встречаются сходные явления. Как там первый думный чин, так здесь места первых полковых воевод принадлежат преимущественно знатному княжью... [Ключевский, 1994. С. 253].

В доказательство этого тезиса историк приводит подсчеты числа представителей титулованной и нетитулованной знати по данным разрядных книг за 7021 (1512/1513) и 7056 (1547/1548) гг.

Важнейшие выводы о социальной базе русского командного состава в XVI в. были сделаны Н. П. Павловым-Сильванским, исследовавшим состояние военно-служилого класса, а не военные вопросы. Аристократический характер командного состава в России того времени для этого исследователя очевиден, он специально не останавли-

вается на этом. История же формирования отечественной служилой знати получила у него следующую схему².

Внутреннее объединение Руси еще не было закончено при Иване III и Василии III.

Внутри государства оставались еще обособленные владения князей, сохранивших остатки удельной независимости; князья владели укрепленными городками, выходили на войну с особыми полками своих слуг, у них были свои дети боярские-помещики, свои сотни стрельцов. Иоанну Грозному предстояла задача довершить внутреннее объединение Руси, стереть последние следы эпохи уделов [Павлов-Сильванский, 1909. С. 44].

Все это верно, однако некоторые, пусть и незначительные, остатки удельной старины пережили даже царствование Ивана Грозного, тем более что на протяжении первой половины его правления удельные князья, судя по разрядам, нередко выходили в походы вместе с собственно московскими армиями, и удельные воеводы оказывались в составе общерусских полков наряду с воеводами велиокняжеской и, впоследствии, царской службы.

Во второй половине XV—первой половине XVI в. «некоторые владетельные князья, приехавшие в Москву из Литвы или с велиокняжеских удельных столов, образовали высший разряд московской знати, оттеснив на второй план большую часть старых боярских родов; таковы были потомки литовского князя Юрия Патрикевича, южнорусские князья Мстиславские, Бельские и северные князья Рюриковичи: Ростовские, Пенковы (Ярославские), Шуйские (Сузdalльские) и другие. Среди них с некоторым успехом держался род Кошкиных из первостепенного московского боярства. Это боярство (Воронцовы, Давыдовы, Челядники) стояло по службе наравне с менее значительными княжескими родами, владевшими уделами в бывших княжениях Тверском, Ярославском и на южной границе, а именно с князьями Микулинскими, Курбскими, Воротынскими, старшими Оболенскими. Потомки мелких князей удельных, сохранившие свои владения или лишившиеся их до прихода в Москву, князья Ушатые, Симские, Прозоровские и многие другие не только вообще сравнялись с нетитулованным боярством, но даже стали по служебной знатности в один ряд со второстепенными боярскими родами Колычевых, Сабуровых, Салтыковых и других... Независимый удельный князь, делаясь слугою московского государя, естественно, становился выше старинного мос-

² Ввиду фундаментального характера выводов, сделанных Н. П. Павловым-Сильванским, автор счел уместным обширное цитирование этого исследователя.

ковского боярина, потому что ранее, когда боярин служил, он сам был государем, имевшим таких же слуг-бояр». Но этим вся сложность устройства русской служилой знати отнюдь не ограничивается, ведь к началу XVI в., когда исчезли последние самостоятельные княжества, в Москве явилось много таких служебных князей, «которые перешли в ряды придворных слуг московского государя не прямо с удельных столов, но послуживши ранее другим удельным князьям. Такой князь, служивший ранее в боярах у князя тверского или у Воротынского, становился при переходе в Москву в качестве тверского боярина, ниже родившего тверского боярина» [Павлов-Сильванский, 1909. С. 45—46]. Получается весьма пестрая картина, в рамках которой видно явное ущемление интересов старинного московского боярства. Собственно, Н. П. Павлов-Сильванский прямо пишет, что «в княжение Василия Дмитриевича и Василия Темного в среду московской аристократии вошло много князей Рюриковичей и Гедиминовичей, они заняли первенствующее положение, оттеснив старые боярские роды» [Там же. С. 47].

С течением времени военно-служилый класс становится все более и более гомогенным. Князья, оказавшись на постоянной московской службе, принимают в армии роль воевод, голов и т. п. — точно так же, как это было с представителями старинных московских нетитулованных родов боярской аристократии. Они понемногу теряют значение локальных «державных землевладельцев». При Иване III долгое время «военные силы многих уделов считались самостоятельными военными единицами и не вводились общий строй московских полков, большого передового и других. Владельцы этих уделов князья Воротынские, Одоевские, Белевские (Бельские), Мезецкие, Стародубский, Шемяич составляли со своими дворами особые полки, и московский разрядный приказ предоставлял им в походе становиться подле того или другого московского полка, справа или слева, „где похотят“». Но в последние годы княжения Ивана III порядок изменился (и об этом до Павлова-Сильванского писал еще В. О. Ключевский): эти князья уже не присоединяются к московским полкам со своими самостоятельными военными отрядами, но сами становятся во главе того или другого московского полка:

Сначала их назначают воеводами московских полков только тогда, когда другими полками командуют равные им по происхождению служилые князья. В княжение Василия III исчезает и этот остаток прежней удельной особности этих князей. Князь Швих-Одоевский и князь Воротынский водят московские полки по ростписи не только с князем Щентевым, гораздо раньше их поступившим на службу к московским князьям, но и с московскими боярами Кошкиными, Сабуровыми и Колычёвыми [Павлов-Сильванский, 1909. С. 53—56].

Консолидируясь, высшая прослойка военно-служилого класса, князья и старое боярство, стремится сохранить «сложившийся к началу XVI столетия аристократический распорядок фамилий. Поддерживая взаимную иерархию, они сохраняют за собой высшие правительственные места, свое привилегированное положение среди служилого дворянства, не допуская в свою среду новых людей». Разумеется, речь идет не только о положении в правительстве, т. е. в Думе и высших административных учреждениях, но и в армии.

Для охраны этого положения в руках московского боярства было надежное средство — местничество, которое ко времени Иоанна Грозного складывается в известную систему и регулируется законодательными определениями [Там же. С. 64].

Павлов-Сильванский нигде не пишет о том, что местничество было разрушено или хотя бы поколеблено при Иване IV. Более того, он приводит факты, из которых становится ясно: и после него московское правительство оставалось весьма стесненным в своей кадровой работе на военном поприще из-за сохранения местнических порядков [Там же. С. 74—75]. Указы «первых лет самостоятельного правления Иоанна [Грозного]», в т. ч. Указ 1550 г. о воеводском устроении в полках, во-первых, «не столько... ограничивали местничество, сколько упорядочивали его», во-вторых, соблюдались с нарушениями. Иван IV отнюдь не отказывался от местничества и не мыслил отменять его. К местническим притязаниям знати он относился с терпимостью и вниманием [Там же. С. 75—80]. Первый русский царь, по мнению Н. П. Павлова-Сильванского, «имел возможность ослабить значение московского боярства еще и иным путем, помимо опала и казней. Следуя примеру своего деда и отца, он проводит в высшие места невысоких по отечеству или совсем неродословных людей, вопреки притязаниям бояр» [Там же. С. 80—81]. Это очень важное предположение остается у исследователя без доказательной базы в отношении военной сферы.

Историк перечисляет роды, составившие «высший разряд московского дворянства» [Там же. С. 87—89], однако делает это с некоторой беспорядочностью, мешая семейства, действительно стоявшие весьма высоко в служебно-местнической иерархии, и роды второстепенные. В любом случае, список Павлова-Сильванского, и без того весьма неполный, остался без пояснений: до какой степени этот «высший разряд московского дворянства» является также высшим разрядом военного командования.

Н. П. Павлов-Сильванский затрагивает также вопрос о составе избранной тысячи служилых землевладельцев, которых правительство Ивана IV планировало «испоместить» неподалеку от Москвы в соответствии с Указом 1550 г. Этот вопрос станет одним из первостепен-

ных в истории русской армии XVI в., и он непосредственно связан с темой настоящего исследования. Итак, исследователь считает, что в первые две статьи «тысячников» вошли «знатнейшие княжеские роды и вся боярская первостепенная и второстепенная знать» [Павлов-Сильванский, 1909. С. 92]. Как выяснят позднее другие исследователи, это не совсем точно, однако верно то, что из числа «тысячников» в значительной степени рекрутировалось командование вооруженными силами России.

Работа Н. П. Павлова-Сильванского как в подходах к источнику, так и в методах реконструкции социально-политической реальности заложила прочный фундамент для целой традиции в исследованиях по истории русского военно-служилого класса.

Н. Мятлев, анализируя состав «тысячников», также пришел к выводу, согласно которому лучшую часть «тысячников» составляли представители знаменитых, наиболее знатных семейств русской служилой аристократии [Мятлев, 1912. С. 9—11]. И он указал, что именно эта часть «тысячников» привлекалась для воинских служб в ранге воевод в городах и полках, а также голов [Там же. С. 23—24]. В частности, он прямо пишет:

...полковыми воеводами в огромном большинстве своем опять-таки являются те же тысячи — дети боярские лучшие слуги... Тысячников же мы видим во главе принимавших участие в походах отрядов служилых инородцев — татар, мордвы, темниковских, кадомских, цненских людей и других... В тех случаях, когда в поход вместе с воеводами выступал сам Царь Государь и Великий Князь во главе своего предводительствуемого «дворовыми» воеводами «царева и великого князя полка», то и тогда среди командного состава этого полка и ближайшей свиты государевой, как удостоверяется разрядными записями об этих походах царских, в значительном большинстве оказываются те же тысячи — князи и дети боярские лучшие слуги [Там же. С. 24—25].

Этот вывод Н. Мятлева, в целом подтверждаемый источниками, является чуть ли не единственным в дореволюционной специальной литературе обращением к вопросу о персональном и родовом составе высшего командования русской армии в XVI в.

В. И. Новицкий полагал, что дворянство (а не только аристократия) могло в XVI в. занимать воеводские должности, особенно если речь идет о городовых воеводах, — но не в первую очередь и ненадолго. Обычно у дворян был иной служебный потолок. По Новицкому, должность воинского головы, сотенного начальника, «неразрывно связана со званием дворянина, подобно тому как должность полкового воеводы — с чином боярина (а впоследствии также окольничего и стольника)». Соответственно, «не только главная масса дворян не бы-

ла в воеводах, но и многие состоящие в этой должности исполняют ее лишь временно, до того, как они сойдутся во главе своих отрядов. Выход из воевод вовсе не знаменует собой понижение дворянина, так как это лишь оставление должности, чин же один и тот же» [Новицкий, 1915. С. 93, 95]. Утверждение Новицкого, столь однозначно связывающее боярский чин и пост полкового воеводы, думается, работает только в одну сторону: боярин обычно не занимает более низких должностей в командной иерархии самостоятельного полевого соединения, но не всякий полковой воевода обязательно боярин. То же самое можно сказать и об окольничих и стольниках. Полковой воевода может не иметь ни думного, ни «дворового» чина, это сплошь и рядом встречается в воинских разрядах XVI столетия. Однако слова Новицкого прижились и стали общим местом в трудах позднейших историков русской армии — без понимания односторонности этой связи, к сожалению.

Работа А. Е. Преснякова «Московское царство» лишена научно-справочного аппарата; в то же время она изобилует философскими отступлениями, где осмысляется общественно-политическое устройство допетровского времени в динамике, с учетом религиозной подоплеки. Поэтому книга Преснякова представляет собой скорее историософский, нежели строго научный труд. Надо отдать автору должное: его обобщающие формулировки отличаются редким сочетанием лаконичности и точности.

Повествуя о складывании Московского государства в конце XV—начале XVI в., исследователь, в частности, написал:

Великий князь — глава обширного государства — нуждался в большой армии и средствах ее содержания. В центре его воинской силы стоял его личный полк — «двор великого князя», преемник древней дружины. Организация Нового войска получила в духе вотчинной власти характер расширения этого великокняжеского двора до размеров великорусской государственной армии, а первые шаги в этом деле, как момент сбиения власти, приняли форму увеличения количества дворовых слуг великого князя за счет «дворов» младших князей и бояр [Пресняков, 1918. С. 79].

Это произошло в результате объединения власти над землями Северной и Северо-Восточной Руси в руках московского государя. У него под контролем оказались все «боярские силы» ранее разрозненных политических формирований. Москва получила новую роль: она стала средоточием боярства — не только служилым и административным, но и бытовым:

Личные слуги великого князя входят в состав его двора и, вне моментов служебной деятельности на воеводствах и наместничествах или

в посольских посылках, живут в Москве, под рукою у великого князя. Это землевладельческая аристократия, насквозь служилая, связанная всеми основными своими житейскими интересами с деятельностью правительственной власти. Крушение боярской вольности было подготовлено таким правительственным значением боярского класса и только укрепило его тесную связь с великокняжеским домом [Пресняков, 1918. С. 47].

Таким образом, руководство вооруженными силами Московского государства оказывается в руках боярства, из которого рекрутируется воеводский корпус. Но что понимает А. Е. Пресняков под термином «боярство»? Это отнюдь не застывшая раз навсегда социальная категория. Во всяком случае, московское боярство динамично развивалось, включая в себя новые группы. Оно не только росло, оно становилось все более пестрым по составу; оно быстрыми темпами утрачивало гомогенность:

Его исконное ядро — старое боярство московского двора устояло в основном своем личном составе. К нему примкнули прежде всего служилые князья, сошедшие в боярское положение после утраты последних остатков прежней политической самостоятельности. Но из прежнего боярства местных политических единиц — великих и удельных княжений или новгородского народоправства — только удачливые верхи вошли в состав высшего столичного класса; остальные, большинство, — «захудали» в рядах провинциального служилого люда... [Там же. С. 48].

Это прямо отразилось на состоянии армии, ведь при новом ее строем не могло быть места ни союзным, ни служебным князьям, которые выступают во главе своих полков как особых тактических единиц и на ратном поле стоят рядом с великокняжеским войском, «где походят». Единство организации и командования, планомерность боевого действия требовали превращения князят в государственных воевод [Там же. С. 82], что и начало происходить в действительности — надо отдать должное А. Е. Преснякову, он весьма точно описал мотивации московского правительства для реальных изменений, производившихся им в военной сфере.

И. И. Смирнов, формально перейдя к марксистской философии истории, критикуя дореволюционных исследователей, продолжает изучение военно-служилого класса России в том же ключе, что и ученые XIX—начала XX в. Так, он подробно рассматривает местничество и видит в нем один из «институтов феодального государства, которые обеспечивали монопольное право на руководящую роль в важнейших органах государства представителям феодальной знати». Здесь важно сделать оговорку: говоря о крупнейших постах государственного аппарата, И. И. Смирнов имеет в виду и армейские командные должности. Это следует из его слов:

Сущность местничества состояла в том, что возможность занятия тем или иным лицом какого-либо поста в административных органах или в армии предопределялась местническими счетами, т. е. взаимными соотношениями между отдельными феодальными... фамилиями, а внутри этих фамилий — взаимными соотношениями между отдельными членами этих фамилий. При этом исключалась возможность изменениях этих соотношений, ибо это означало бы изменение порядка мест служебной, придворной или военной иерархии.

По мнению И. И. Смирнова, московские государи вели упорную борьбу против местничества, а «феодальная знать, в свою очередь, упорно боролась за сохранение местнических привилегий». Историк считал, что в середине XVI в. местнические обычаи серьезно повредили русской армии во время казанских походов. С его точки зрения, основным недостатком в организации русской армии того времени было построение управления на местнических началах. Это лишало командование армии возможности оперативно руководить войсками и, напротив, позволяло княжатам и боярам, недовольным политикой правительства Ивана IV, саботировать путем местнических счетов и распрай распоряжения верховного командования.

Местнические счеты лишили правительство возможности руководствоваться при назначении на посты воевод соображениями политического и персонального порядка, а требовали предоставления воеводских постов тем, кто имел на них привилегию в соответствии с местнической иерархией [Смирнов, 1958. С. 399—401].

Приговор 1550 г. (у И. И. Смирнова — 1549 г.) серьезно ограничил местничество в армии. Хотя формально он представляет собой акт, «определяющий местнические отношения между отдельными воеводскими должностями», но существо его, полагает историк, заключалось в борьбе против местничества. Так, особенно важен, с этой точки зрения, смысл статей о полковых воеводах, поднимающих роль и значение воевод Большого полка «путем изъятия из местнических счетов обоих — и первого, и второго — воевод Большого полка» [Там же. С. 404—405]. То, что И. И. Смирнов не касается персонального состава русских воевод из аристократической среды, делает его труд не слишком полезным для настоящего исследования.

А. А. Зимин во многом продолжает книгу И. И. Смирнова, в чем-то полемизируя с ним, в чем-то ставя иные акценты.

Соответственно, ему приходится неоднократно обращаться к теме местничества, а через нее — и к социальному составу, а также к порядку назначения воевод в России середины XVI в. А. А. Зимин, в частности, пишет, что крупнейшие военачальники выходили из среды бояр [Зимин, 1960. С. 170]. Притом имеются в виду именно персоны с

думными чинами, а не высший ярус служилой аристократии в целом. Трудно с этим согласиться: в данном случае А. А. Зимин идет по стопам дореволюционной историографии, повторяя ее неточности, о которых уже говорилось выше³. По его мнению, в середине XVI столетия, в частности в 1530—1540-х гг., думные должности «находились в руках небольшого числа аристократических фамилий»: группы чернигово-северских князей и «Гедиминовичей», потомков ростово-суздальских князей и представителей старомосковского боярства (Морозовы, Шеины, Челяднины, Воронцовы) [Там же. С. 170—171]. Для данного исследования это важная оценка, притом заслуживающая самого серьезного внимания, поскольку А. А. Зимин в течение многих лет изучал состав служилой аристократии; у него посмертно вышла крупная монография по этой теме, о чем подробнее будет сказано ниже. Порядок назначения «на думные, равно как и на другие высшие судебно-административные и военные должности», с точки зрения А. А. Зимины, определялся системой местничества, т. е. положением феодала на сословно-иерархической лестнице. Вред местнических порядков осознавался современниками. Поэтому к середине XVI в. местничество «подверглось серьезным ограничениям: правительство стремилось учесть при назначении воеводами не только „породу“, но и „службу“, т. е. опыт службы в вооруженных силах. Отдельными указами правительство... отменяло местнические счеты в армии на время того или иного похода». Но все эти ограничения, полагает А. А. Зимин, были явно недостаточными. Речь идет прежде всего о «приговоре о местничестве» 1550 г. Историк считает, что в нем местнические счеты не отменяются, а лишь регулируются. Особенно же важно установление старшинства первого воевода большого полка, поскольку это укрепляло единоначалие в армии [Там же. С. 171, 196, 342].

Что касается исполнения тысячи «лучших слуг» недалеко от Москвы, то историк счел, что этот проект, во-первых, носил продворянский характер, во-вторых, «вероятно, остался неосуществленным потому, что у правительства не было необходимого фонда свободных земель под Москвой» [Там же. С. 366—371]. Впоследствии оба мнения А. А. Зимины будут аргументированно оспорены в специальной исследовательской литературе, но в данном случае важнее другое: подобная точка зрения лишает возможности связывать реформу «тысячников» с социальной средой, откуда мог рекрутироваться воеводский корпус России. А это автоматически выводит соответствующий фрагмент в монографии А. А. Зимины из рамок научной литературы, концептуально перспективной для данного исследования.

³ Речь идет о взглядах А. К. Баюва и, особенно, В. И. Новицкого.

Фундаментальная работа С. Б. Веселовского «Исследования по истории класса служилых землевладельцев» вышла в 1969 г., однако основу ее составили статьи историка, созданные в 1930-х гг. С. Б. Веселовский продолжает дореволюционную традицию социально-политических исследований, посвященных военно-служилому классу, он фактически углубляет те исследовательские линии, которые были намечены до октября 1917-го.

Книга по большей части состоит из генеалогических наблюдений и служилых биографий представителей виднейших родов старомосковской нетитулованной аристократии. Она дает ценнейшую информацию по отдельным военачальникам, вышедшим из этой среды и служившим в середине XVI в. Фактически книга давно используется в значительной степени как справочное пособие. Другое дело, что для С. Б. Веселовского вопросы комплектования командной иерархии вооруженных сил России — глубоко периферийные. Он занимается историей аристократических родов по отдельности, а также историей влиятельной социальной группы — московской нетитулованной служилой знати в целом. Закономерности назначения на воеводские должности историка интересуют лишь постольку, поскольку они связаны с магистральными темами его исследования.

По мнению Веселовского, уже в XIV в. в боярской московской среде «сложился как средство самозащиты от инородцев, как принцип внутренней дисциплины и порядка обычай местнических родовых счетов, который одинаково связывал как великого князя, так и его слуг. Если соотношение родов между собой и положение того или иного лица в роде связывали в известной мере князя и давали право каждому лицу претендовать на соответствующее его происхождению место, то, с другой стороны, они обязывали каждого родича отстаивать свое положение и честь рода, т. к. даже если бы он не желал этого по тем или иным причинам, его заставили бы это делать остальные родичи». Веселовский выводил этот порядок из старинных устоев, регулировавших взаимоотношения князя и его дружины. Он считал, что позже, «с наплывом новых родов, в зависимости от роста государства, с разветвлением размножившихся родичей старых родов, с усложнением всех отношений вообще этот строй начинает расшатываться. Непоправимо тяжелые удары наносит ему самодержавная политика вел. кн. Ивана III и в особенности царя Ивана. В XVII в. местнические счеты — уже уродливый анахронизм» [Веселовский, 1969. С. 499—500]. Итак, в период от воскняжения Ивана III до опричнины состав боярского класса сильно изменяется по сравнению с предыдущими эпохами:

Один за другим в него входят роды удельных князей и тверское боярство. Гранью этого третьего периода следует считать террор опричнины царя Ивана, при котором погиб без остатка целый ряд старых ро-

дов, а другие сильно поредели или, разоренные, утратили свое положение. После опричнины до начала Смуты московские цари правят с остатками того же самого класса. Смута начинает новый период, доверша во многих отношениях дело опричнины, а после Смуты состав класса уже изменен и перерожден сверху донизу [Там же. С. 506].

Собственно, С. Б. Веселовский занимается нетитулованной частью этого класса. Подсчитывая представителей старого боярства в высших эшелонах власти, исследователь сделал вывод, что «в общем 23 рода, известные по своей службе до XVI в., выделили около 200 думцев, т. е. без малого половину думцев указанного периода. Другая половина думцев приходится на долю княжат и нетитулованных родов XVI в. ...размножившиеся старые роды разветвились уже в конце XV в. на особые фамилии и насчитывали в своих рядах массу представителей, иногда несколько десятков. Эти представители боярских родов и лучшие представители передовых служилых людей образовывали второй слой, из которого выходили преимущественно полковые воеводы и головы... писцы, дипломатические представители и т. п.» Здесь же С. Б. Веселовский показал, как именно распределяются воеводские должности между княжескими и боярскими родами. Ясно видно, что предпочтение оказывалось Гедиминовичам и сузdalским князьям. А из нетитулованной знати чаще всего воеводами становились представители Кобылинных (Колычёвы, Захарьины-Кошкины, Шереметевы и один Лодыгин), Морозовых, Вельяминовых-Воронцовых и Плещеевых [Там же. С. 35—36].

Вышедшая намного позднее работа А. А. Зимина «Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой трети XVI в.» [Зимин, 1988] в значительной степени напоминает сводный труд С. Б. Веселовского. Это столь же богатый фактическим материалом справочник. В отличие от книги Веселовского, у Зимина речь идет обо всей совокупности русской служилой знати указанного периода — как титулованной, так и нетитулованной. История отдельных аристократических родов и семейств сопровождается подробной информацией о том, кто и когда из их представителей получал воеводские чины. Зимин, работая над книгой, нисколько не интересовался военной историей Московского государства. Однако именно его труд дает наиболее полное представление о социальном составе военно-служилого класса в эпоху, предшествующую царствованию Ивана IV. Что касается общих соображений, связанных с выдвижением служилых аристократов на военные посты, то исследователь не считал возможным видеть в тех или иных назначениях исключительно результат действия местнической системы. Он, в частности, пишет:

При назначении на военные должности, конечно, учитывались воинские способности княжат и бояр. При распределении этих постов ве-

ликий князь руководствовался их положением на служебно-иерархической лестнице [Зимин, 1988. С. 308].

Таким образом, действовали оба фактора: личный опыт и родовитость.

Работа М. Е. Бычковой следует в том же русле. Исследовательница дает описание роли служилых князей в политическом строем Московского государства второй половины XV—первой половины XVI в. В частности, она кратко рассматривает службу в вооруженных силах на воеводских должностях князей Воротынских, Мезецких, Белевских, Одоевских, Бельских, а также князей Семена Ивановича Можайского и Василия Ивановича Шемячика [Бычкова, 1986. С. 51—52].

В. Д. Назаров, опубликовавший отрывки из «боярских списков» середины XVI в., на основе их анализа показал, какие именно чины государева двора 1540—1550-х гг. назначались на должности военачальников — есаулов, голов, полковых воевод, а также наместников и воевод городовых [Назаров, 1975. С. 44—51]. Из его работ очевидностью можно сделать вывод о формировании воеводского корпуса сплошь из родовитой аристократии.

В. И. Буганов смотрел на разряды как на первостепенно важный источник сведений по составу военной элиты Московского государства. По его словам, «важнейшее место занимают в разрядных книгах данные о службах представителей феодальной верхушки. Разрядные книги имеют в этом плане, без преувеличения, первостепенное значение как источник. Нигде больше мы не найдем столь полные данные — перечни упомянутых деятелей, служивших воеводами и головами в полках и городских гарнизонах, участвовавших в военных походах» [Буганов, 1975. С. 56].

Б. Н. Флоря согласен с высказанным еще в дореволюционной историографии мнением, согласно которому московское правительство стремилось поставить служебные заслуги выше родовитости при решении кадровых вопросов. Исследователь, в частности, пишет, что в середине XVI в. по нормам законодательных документов «размер возмещения за „бесчестье“ феодала, а следовательно, и оценка его со словной „части“... оказывались в прямой зависимости от несения феодалом „службы“. Теперь не сословная принадлежность, не „отчество“ оскорбленного лица, а характер его „службы“, его положение на служебно-административной лестнице влияет на размер возмещения за его „бесчестье“... Смена „критериев“ при возмещении за бесчестье свидетельствует об изменениях во взаимоотношениях между сословными группами феодалов и органами государственной власти, о росте доли государства в определении сословного положения отдельных феодалов» [Флоря, 1983. С. 72].

Для историографии советского периода особенно важны специальные работы А. В. Чернова и П. П. Епифанова, непосредственно посвященные русской армии в XVI столетии, в частности, ее общему состоянию и военным реформам, происходившим на протяжении царствования Ивана IV.

Характеризуя командный состав вооруженных сил Московского государства при Иване III и Василии III, А. В. Чернов, в частности, писал:

Основой служебного положения боярства становилась его родовитость: чем родовитее был боярин, тем более высокое служебное место он занимал. Соответственно, бояре, постепенно терявшие политическую самостоятельность, цепко держались за свою родовитость [Чернов, 1954. С. 20]⁴.

Немало внимания уделяет историк местничеству, считая его основой для взаимоотношений в среде старомосковских командных кадров:

Определение служебного места на основе происхождения привело к возникновению местничества... При назначении полковых и городовых воевод, сотенных голов и других должностных лиц правительство должно было считаться не с личными качествами, а с родовитостью кандидатов. Родовитые воеводы затевали местнические споры даже во время военных действий, отказываясь от назначений на должности и срывая мероприятия правительства. Великокняжеская, позднее царская, власть долгое время терпела местничество, вводя лишь некоторые ограничения в местнические споры по отношению к лицам, находившимся в войске [Там же].

В сущности, этот подход значительно упрощен по сравнению с тем уровнем осмысления проблемы, которого удалось добиться Н. П. Павлову-Сильванскому и С. Б. Веселовскому. Из числа конкретных замечаний по теме нашего исследования А. В. Чернов упоминает лишь воеводский состав в армии, выигравшей сражение на Ведроше:

О том, как много служилых князей было при Иване III, свидетельствует хотя бы тот факт, что из шестнадцати воевод, участвовавших в битве при Ведроше, одиннадцать имели княжеский титул [Чернов, 1954. С. 20—21].

А. В. Чернов полагал, что московское правительство не особенно доверяло бывшим правителям удельных княжеств, хотя и предоставляло им общее руководство полками:

⁴ В данном случае «боярами» А. В. Чернов называет совокупность служилой аристократии без разделения на титулованную и нетитулованную знать, что, думается, предполагает слишком обобщенный подход к проблеме.

Князья и княжата смирились со своим подчиненным положением, но не покорились великокняжеской власти. Как показали события первой половины XVI в., ослабление великокняжеской власти князья и бояре использовали для восстановления своих прав периода феодальной раздробленности. Поэтому правительство строго контролировало деятельность родовитых воевод и стремилось перемешать их с простыми московскими боярами [Там же. С. 36].

Поскольку разрядные книги периода правления Василия III (1505—1533) в массовом порядке показывают отправку крупных полевых соединений в походы под командой одних только представителей титулованной аристократии или при подавляющем их численном превосходстве в воеводском составе, А. В. Чернов тут явно преувеличивает.

Особую роль в военных реформах середины XVI в., т. е. уже при Иване IV, исследователь отводит Ивану Пересветову как крупному идеологу преобразований. В частности, А. В. Чернов считает его значительным военным теоретиком.

Пересветов резко выступал против правящей верхушки родовитого боярства, «вельмож», являвшихся врагами централизованного государства. По-другому относился Пересветов к мелким служилым феодалам — дворянам и детям боярским, или «воинству», «воинникам». Основная мысль всех произведений Пересветова сводилась к тому, что опорой государственной власти являются не крупные феодалы, а феодальная служилая мелкота — дворяне и дети боярские... Особого внимания заслуживает предложение Пересветова об образовании постоянного войска в 20 тысяч юношей («юнаков») храбрых «со огненною стрельбою, гораздо учиненною»... [Там же. С. 44—45].

А. В. Чернов уверен в том, что «дворянская программа» Пересветова послужила основой для реформ правительства Ивана Грозного. Однако фактических доказательств этого тезиса он не приводит, поэтому всё высказанное историком остается в статусе гипотезы.

А. В. Чернов выразил уверенность в том, что «все реформы вооруженных сил, которые проводило правительство Ивана Грозного, являлись частью широко намеченного и осуществленного плана государственных преобразований». В частности реформа, связанная с «избранной тысячей». В том, что она действительно состоялась, Чернов убежден и не высказывает в этом никаких сомнений. Он считает, что «образование избранной тысячи имело крупное политическое значение» [Чернов, 1954. С. 46, 56—57].

С этим связаны и его взгляды на роль опричнины как фактора, повлиявшего на социальный состав русского командования при Иване IV. По мнению А. В. Чернова, на усиление борьбы реакционного боярства, ставшего на путь прямой государственной измены, Иван Грозный ответил чрезвычайной мерой — созданием опричнины:

Иван Грозный начал формировать особые отряды людей (опричников), на которых он мог бы опереться в своей борьбе с боярами. Сначала из дворян и детей боярских были отобраны 1000 человек, затем эта цифра увеличилась до 6000. Впоследствии опричное войско состояло (вместе с боярскими людьми) из 15—20 тыс. всадников, не считая опричных стрельцов и казаков, число которых неизвестно... Опричнику Иван Грозный комплектовал из мелкопоместных служилых людей... Обязанностью опричников являлась защита царской власти [Там же. С. 61].

Опричное войско, пишет А. В. Чернов, было отделено от земских полков. И далее:

Разгромом княжеско-боярского землевладения Иван Грозный лишил крупных феодалов их прежнего политического значения и создал кадры мелких землевладельцев, всецело зависевших от царской власти и готовых всячески поддерживать ее... Важным последствием разгрома боярского землевладения были изменения, произшедшие в организации войска. С опричниной исчезали многочисленные отряды вооруженных слуг, с которыми княжата раньше выходили на службу, отмирали и все другие дельные обычаи и вольности в области служебных отношений. Служилые люди частных лиц, переходя на государственную службу, ставились в непосредственную зависимость от царя [Там же. С. 63—64].

Все это звучало бы значительно солиднее, весомее, если бы А. В. Чернов, выдвигая столь масштабные концепты, давал им доказательства или хотя бы ссылался на специальную литературу по социальной истории России в XVI в. Между тем он не только не делает этого, но и противоречит сам себе по ряду позиций.

Так, он пишет об опричной армии:

Это было вполне боеспособное войско, охранявшее границы государства и участвовавшее в военных действиях наравне с земскими полками. Опричное войско включалось в общевойсковые росписи (разряды) так же, как и земские отряды, делилось на такие же полки, как и все русское войско, имело во главе полков воевод, полки объединялись между собой и с земскими полками по существующим правилам [Чернов, 1954. С. 62].

Как же так? Для «защиты царской власти» или все-таки для полноценных военных операций создавалось опричное войско? Объединялись опричные полки с земскими или были отделены от них?

Иногда невнятность доказательной базы приводит А. В. Чернова к серьезным ошибкам. Среди прочего он утверждает:

Думные чины (бояре, окольничие, думные дворяне) занимали высшие командные должности в войске. Их назначали большими полковыми и просто полковыми воеводами, воеводами в пограничные города

и т. д. Наиболее знатным из бояр поручалось главное командование войском [Там же. С. 79].

Во-первых, назначение на высшие воеводские должности весьма часто производилось без оглядки на то, есть ли у кандидата на пост думный чин. Разрядные книги знают огромное количество главнокомандующих крупными полевыми соединениями, не имевших думного чина. Во-вторых, утверждение, согласно которому думные дворяне оказались среди тех, кто занимал «высшие командные должности в войске», недоказуемо и прямо неверно: для этого подавляющему большинству думных дворян просто не хватало знатности.

Таким образом, работа А. В. Чернова мало проясняет в вопросах социального состава высшего русского военного командования и содержит ряд недоказанных тезисов об особой роли опричнины в социальной динамике «генералитета» времен правления Ивана IV. Она скорее ставит вопросы, чем дает ответы.

Гораздо более обоснованный, взвешенный в плане опоры на источники труд принадлежит перу П. П. Епифанова. Историк подчеркнул, что «в 50—90-х гг. XVI в. были осуществлены крупные военные реформы: созданы органы центрального военного управления — приказы, определены правила службы в коннице феодалов всех разрядов, учреждены полки (приказы) стрелецкой пехоты, вооруженной огнестрельным и холодным оружием, создана мощная для своего времени полевая и крепостная артиллерия (наряд), укреплена пограничная охрана и военно-инженерная оборона государства, разработаны первые военные уставы и наставления» [Епифанов, 1976. С. 337]. Тут он совершенно сходится во мнении с А. В. Черновым. Терминологически он значительно аккуратнее пишет о том, что крупные феодалы, в частности удельные князья, имели собственные армии, однако на протяжении XVI в. шел процесс постепенной их ликвидации и включения служилых людей этих бывших армий полусамостоятельных феодалов в царское войско.

Реформаторская деятельность автоматически усложнила задачи управления вооруженными силами нашей страны. Но его лучшей организации «препятствовал укоренившийся в среде боярско-княжеской аристократии обычай местничества, согласно которому представители феодальной знати занимали более высокое или низкое „место“ на военной или придворной службе в зависимости от положения их предков на иерархической лестнице феодалов... Со временем при назначении воевод в полки основанием для местнических споров между боярами и князьями служили уже те „места“, какие занимали их предки в предшествующее время. Каждый вельможа ревниво следил за тем, чтобы его „отеческая честь“ не была унижена в сравнении с предста-

вителями другого княжеско-боярского рода и внутри собственного рода и семьи... Естественно, возникшая сложность и запутанность генеалогических отношений между многочисленными боярскими и княжескими фамилиями при отсутствии каких-либо общих правил, регулирующих местнические счеты, в военном деле приводила к самым трагическим последствиям» [Епифанов, 1976. С. 365].

Со всем этим вполне можно согласиться. Проблема состоит лишь в том, что П. П. Епифанов, как это видно по обширным выдержкам из его статьи, уделил крайне мало внимания вопросам, которым посвящено настоящее исследование. К тому же он редко переходит от общих рассуждений к конкретному материалу. Так, он пишет о том, что воевод ставили только из числа «крупных феодалов» [Там же. С. 339], и этим ограничивается. Тут не с чем спорить, но и нет какой-либо попытки перечислить роды этих «крупных феодалов», посмотреть на социальную стратификацию внутри самого их сообщества. Вероятно, жанр научно-просветительской статьи не позволял П. П. Епифанову говорить об этом подробнее.

Важные наблюдения по теме принадлежат П. П. Епифанову в отношении местничества и соблюдения правительством Ивана IV норм приговора 1550 г. о регламентации назначений на воеводские посты. Эта регламентация, с точки зрения Епифанова, «позволила правительству назначать воевод не только „рассуждая их отчество“, но и сообразуясь с тем, кто из них в состоянии „ратный обычай содержати“, то есть обладает военным опытом и дарованиями. Иван IV был настойчив в своих попытках осуществить правила „служебного наряда“ 1550 г. Однако царь не посягал на самый принцип местнических счетов, он жаловал феодалов за службу „поместьем и деньгами, но не отечеством“. Даже в годы опричнины, когда в результате истребления многих знатных княжеско-боярских родов открылся путь к возвышению менее знатных или „худородных“ людей, Иван IV решал местнические споры... „скоро, благоразумно и милостиво“... В военном деле местничество бояр приносило явный вред, но в то же время столкновения между ними ослабляли боярство перед лицом центральной власти: правительство использовало распри знатных вельмож в своих интересах» [Епифанов, 1976. С. 366]. Таким образом, П. П. Епифанов с большей осторожностью относится к изменениям, которые принесла опричнина в армию; для этого исследователя их масштаб, а значит, и влияние на состав командования более ограничены, нежели для А. В. Чернова.

Научно-популярные работы В. В. Каргалова, посвященные биографиям отдельных русских полководцев, неоднократно переиздавались, их качество и, в частности, научная основательность никем не оспариваются, поэтому имеет смысл привести здесь важные выводы,

сделанные названным автором по теме настоящего исследования. В. В. Каргалов, в частности, отмечает принадлежность к «самой верхушке феодальной знати» столь крупных полководцев России XV—XVI вв., как кн. Ф. С. Курбский Черный, И. И. Салтык-Травин, кн. Д. В. Щеня (В. В. Каргалов считает, правда, что «не знатность и не родственные связи выдвинули Даниила Щеню... а выдающиеся военные способности», но этот тезис остается без доказательств), кн. И. П. Шуйский [Каргалов, 1989. С. 174, 195, 264]. Что касается еще одного титулованного полководца, кн. Д. И. Хворостинина, то В. В. Каргалов допускает крайне вольную трактовку степени его знатности, что вообще характерно для военных историков советского периода:

Дмитрий Иванович Хворостинин не относился к знати. Он происходил из самой младшей ветви ярославского княжеского рода, по «местническому счету» был намного ниже других воевод, возглавлявших полки. На самую вершину военной иерархии последней четверти XVI века его выдвинула не знатность происхождения, а военный талант, верность России... Царь Иван Грозный, проводя в середине столетия серию военных реформ, отменил местничество в войске, что давало возможность менее знатным феодалам выдвинуться на высокие посты в армии... Учреждение в 1565 году опричнины открывало большие перспективы для феодалов, оказавшихся в составе опричного двора Ивана Грозного... (далее говорится о том, что Дмитрий Иванович попал в опричнину в качестве воеводы) [Там же. С. 308].

Так был ли кн. Д. И. Хворостинин незнатным человеком или же все-таки «менее знатным»? Есть в этих словах очевидное противоречие. Перспективы военной карьеры для служилых людей «по отечеству», попавших в опричнину, дискуссионны: В. В. Каргалов не прослеживает зависимость продвижения того же кн. Д. И. Хворостинина по лестнице воеводских чинов в зависимости от его службы в опричнине, ограничиваясь заявлением, прямо опровергающим тезис о «больших перспективах»:

Однако и при этих, казалось бы благоприятных, условиях выдвижение Дмитрия Хворостинина было медленным и трудным, понадобились десятилетия верной службы, чтобы он занял, наконец, самостоятельные большие должности в войске. Буквально каждый заметный шаг по военной лестнице сопровождался местническими спорами, протестами знатных феодалов [Каргалов, 1989. С. 309].

Выходит, ни о какой отмене местничества при Иване Грозном говорить не приходится.

Вопрос о местничестве, как уже говорилось, связан с темой настоящего исследования непрямо, опосредованно. Тем не менее необ-

ходимо сказать несколько слов, чтобы стало очевидным весьма сложное отношение современных исследователей к этому социальному явлению. С. О. Шмидт видел в местничестве инструмент правительства для ослабления феодальной знати [Шмидт, 1973. С. 262—270]. К. В. Петров, напротив, считает, что местничество имело родовой характер. Ему, кстати, удалось реконструировать систему старшинства полковых воевод в русской армии, действовавшую до «приговора» 1550 г. [Петров, 1991; Проблемы... 1993. № 1]. Важные выводы сделал Ю. М. Эскин, на протяжении многих лет занимавшийся историей местничества и опубликовавший фундаментальный справочник по данной теме [Эскин, 1994]. Этот исследователь считает опричнину примером случая, когда «правительство выделяло часть служилых людей в особо привилегированную группу» [Эскин, 2009. С. 115]. Опровергая мнение А. А. Зимины, считавшего, что в опричнину «воля государя... ломала традиционные местнические отношения» [Зимин, 1999. С. 221], Ю. М. Эскин пишет, что на протяжении всего периода существования опричнины с января 1565 г. по осень 1572 г. произошло 35—36 местнических конфликтов с участием полусотни человек (из них 29 «бесспорных» опричников и 7 вероятных, а также 7 земских чинов), причем в 12—13 случаях это «конфликты между опричниками, т. е. лицами, относительно равными по статусу, но не по „отечеству“». Характер этих дел не позволяет найти в них какие-либо отличия от обычных местнических тяжб, и это свидетельствует о том, что внутри двора „кромешников“ функционировали обычные правила службы и родословного счета. Местничество между опричными и земскими за этот период примерно столько же — 12—13... Конечно, ввиду назначения раздельных опричных и земских полковых разрядов число столкновений между земскими и опричными воеводами было невелико. Но и число бесспорных побед опричников в этих тяжбах невелико — по нашим подсчетам, всего 4» [Эскин, 2009. С. 115—116]. Далее Ю. М. Эскин приводит материалы, связанные с данными тяжбами, и еще раз, в более четкой форме, повторяет вывод:

Известные нам дела «опричник» — «земский» крайне немногочисленны и не свидетельствуют о каком бы то ни было привилегированном местническом положении опричнине в целом [Там же. С. 122].

Н. С. Борисов также показывает принадлежность к среде высшей служилой аристократии крупных русских полководцев XV—XVI столетий: кн. Д. Д. Холмского, того же кн. Д. В. Щени, кн. М. И. Воротынского, целого ряда крупных военачальников из рода князей Шуйских [Борисов, 1993. С. 122, 133, 153, 163; Абрамович, 1991]⁵.

⁵ Что касается Шуйских, то их аристократическое родословие подробно прослежено в монографии Г. В. Абрамовича.

Автор этих строк также не нашел среди воевод, командовавших при Иване IV крупными полевыми соединениями, личностей, которые вышли бы из среды, отличной от служилой аристократии⁶. Перечисляя известных полководцев его царствования, в частности, князей Шуйских, Горбатых, Мстиславских, Воротынских, князя С. И. Микулинского, приходится во всех случаях говорить о том, что это представители самых знатных родов Московского государства [Володихин, 2009. С. 35—37, 72—73, 123—124, 157—161]. А тот же кн. Д. И. Хворостинин вышел отнюдь не из «захудалого» рода; он был титулованным служилым аристократом, хотя и не относился к верхнему слою этой социальной страты [Там же. С. 8—9].

В небольшой работе о защите русских степных границ С. Л. Марголин, среди прочего, показывает выдающуюся роль кн. М. И. Воротынского в организации обороны русского юга от татарских набегов, упорядочении сторожевой и станичной службы [Марголин, 1948. С. 5—6]. Эти оценки близко соотносятся с мнением дореволюционного историка И. Беляева, высказанным им в монографии «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича» (1846). О полководческом таланте кн. М. И. Воротынского, с особой силой проявившемся в ходе молодинской битвы, писали много; высокой научной ценностью отличается работа Г. Д. Бурдея [Бурдей, 1963. Т. 26].

В. А. Волков в книге «Русская рать: богатыри, витязи и воеводы» представил биографии нескольких десятков видных русских военных деятелей от Рюрика до князя И. А. Хованского. К рассматриваемому периоду относятся биографические очерки, посвященные воеводам Д. Ф. Адашеву, кн. А. Б. Горбатому-Шуйскому, кн. М. И. Воротынскому, кн. Д. И. Хворостинину, кн. А. М. Курбскому, кн. И. П. Шуйскому, И. М. Бутурлину, Ермаку и дьяку И. Г. Выродкову [Волков, 2005. С. 194—286]. Из них в число служилой аристократии не входят лишь дворянин Д. Ф. Адашев (братья крупного политического деятеля А. Ф. Адашева), Ермак (но он командовал отрядом всего лишь в несколько сотен казаков) и Г. И. Выродков (никогда не получавший воеводских чинов). Полноценным исключением из правила, согласно которому крупнейшие воеводы в самостоятельных полевых соединениях выходят из служилой знати, является только Д. Ф. Адашев, не обладавший особой родовитостью. Но родство с одним из вождей «Избранной рады» полностью объясняет природу этого исключения. В другой работе В. А. Волкова, лишенной сносок, однако снабженной весьма солидным исто-

⁶ С некоторыми оговорками можно назвать лишь одного представителя «родословного», но никак не аристократического семейства Чепчуговых-Клементьевых. О нем подробнее рассказано в главе III.

риографическим вступлением, говорится, что назначение «от имени царя и Боярской думы (с обязательным объявлением через разрядный приказ и записью в разрядных книгах)» главнокомандующего, других воевод и их помощников происходило одновременно с рассылкой по городам «указов о сборе ратных людей в поход». Комментируя социальный состав воевод, В. А. Волков допускает неточность, идущую у историков русской армии еще от дореволюционной литературы (о ней уже говорилось выше): «Большой воевода (командующий войском) и подчиненные ему полковые воеводы назначались, как правило, из бояр и окольничих...» [Волков, 2004. С. 284]. Но источники, как уже говорилось, не дают оснований говорить о соотнесении думных чинов с армейскими должностями в XVI в.

Другая попытка представить читателю биографии выдающихся военачальников Московского государства явно не удалась из-за обилия заимствований из трудов коллег. Речь идет о коллективной монографии «На пути к регулярной армии России: От славянской дружины к постоянному войску», вышедшей в 2000 г. [На пути... 2000]. Глубокая вторичность этой работы делает ее анализ излишним.

Работа еще одного военного историка, полковника А. А. Строкова, весьма далека от фундаментального уровня академической истории социально-политических процессов. Собственно, он ограничивается самым общим описанием:

Войском и его отдельными частями командовали воеводы. Сан воеводы считался высшим, однако он не был пожизненным; воеводами назначались на время военных действий лица, имевшие звания бояр, окольничих и, реже, стольников... (та же неточность. — Д. В.). Воеводы полков назначались согласно существующей иерархической лестнице, каждая ступень которой распределялась по знатности боярской фамилии. В военном деле местничество часто приводило к спорам из-за мест (служебных должностей) и не могло не отражаться на управлении войском. Более того, талантливым людям, не имевшим родословного старшинства, был закрыт доступ на высшие военные должности. Иван IV принял ряд строгих мер против местничества, однако оно было изжито гораздо позднее [Строков, 1955. С. 351—352].

В оценке опричнины и ее влияния на вооруженные силы России А. А. Сстроков вообще весьма далеко отходит от достижений современной ему науки. Так, он пишет, в частности, что после ряда измен крупных феодалов и проигрыша двух боев на фронтах Ливонской войны Иван Грозный «принимает решительные меры против реакционного боярства и вводит опричнину (1565—1584), при помощи которой были ликвидированы пережитки феодальной раздробленности и ослаблена экономическая и политическая роль крупных феодалов.

Введение опричнины в разгар Ливонской войны вызывалось также необходимостью укрепления военных сил Московского государства [идет ссылка на Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г. о кинофильме «Большая жизнь»]. Опричное войско, комплектуемое из мелкопоместных людей, насчитывало 15—20 тыс. всадников, не считая опричных стрельцов и казаков. Опричное войско участвовало в военных действиях» [Там же. С. 379]. Тут слишком много произвольного, чтобы всерьез относиться к оценкам А. А. Строкова в целом.

В одно время с трудом А. А. Строкова вышла работа Е. А. Разина, впоследствии неоднократно переиздававшаяся при разном числе томов. Военному искусству и состоянию вооруженных сил Московского государства у Разина отведено даже больше места, чем у Строкова, но его сочинение страдает теми же недостатками. Не потрудившись разобраться в истории складывания, сути и масштабах столь сложного явления, как местничество, Е. А. Разин поспешил отнести его к числу «феодальных пережитков» вместе с выдуманным им «коллегиальным характером командования полками». А его произвольные оценки, касающиеся начальственного состава русской армии XVI—XVII вв., уже подверглись справедливой критике со стороны В. А. Волкова [Разин, 1999. С. 200; Волков, 2004. С. 26].

В постсоветское время историю вооруженных сил России допетровского периода активно разрабатывал В. В. Пенской. В частности, он дал обоснование предположению М. М. Крома, согласно которому существовала зависимость между числом воевод и количеством ратников, пребывающих у них под началом [Кром, 2002. С. 67—68].

При тогдашнем уровне развития средств связи и коммуникаций управлять крупными массами войск в бою, используя только звуковые и зрительные сигналы, было сложно. Можно с уверенностью предположить, что опытным путем были выработаны некие «нормы» количества ратных людей, которыми мог с достаточной степенью эффективности управлять один военачальник [Пенской, 2008. С. 12].

Результатом исследования правящей элиты России в 1990-х — «нулевых» годах стал обобщающий труд, вышедший под редакцией А. П. Павлова. Материал в нем подается таким образом, что по нему можно составить представление о судьбах отдельных родов, семей, региональных «кустов» элиты, придворных партий, но не об устройстве собственно военной элиты XVI в. Тем не менее исследование содержит целый ряд ценных замечаний по теме.

Соответствующий раздел также написан А. П. Павловым. По его мнению, «если представители государева двора, в том числе и выборные дворяне, выступают в качестве своего рода „офицерского корпуса“ и получают разного рода „именные назначения“, то дворовые дети

боярские вместе с городовыми — это рядовой состав войска» [Правящая элита... 2006. С. 213].

Увидеть состав правящей элиты нетрудно по спискам тысячников, поскольку «само понятие „лучшие слуги“ предполагало вхождение во двор прежде всего представителей наиболее знатных и видных по службе родов. Действительно, доля лиц, происходивших из видных княжеско-боярских фамилий, в Тысячной книге значительно выше, чем в Дворовой тетради. Это обстоятельство не позволяет согласиться с мнением И. И. Смирнова и А. А. Зимина (в ранней его работе) о „дворянском“ характере Тысячной реформы, якобы имевшей целью оттеснить от государственного управления боярскую аристократию». А. П. Павлов убедительно показывает, что, несмотря на преобладание в первых статьях Тысячной книги представителей княжеско-боярской знати, в целом знать не была вполне консолидирована в особую высшую привилегированную группировку, противостоящую низшему, «дворянскому» слою государева двора. Исследователь приводит доказательства к тезису, согласно которому нет оснований считать реформу только проектом: она была реализована. Во всяком случае, активно реализовывалась правительством в 1550-х—начале 1560-х гг. [Там же. С. 209—212].

Что касается опричнины, то А. П. Павлов видит в ней серьезный шанс карьерного продвижения для людей «неродословных» или просто «худородных». Так, в частности, он пишет:

Лица, состоявшие на службе в опричнине, находились по сравнению с земскими дворянами в явно привилегированном положении... Опричная служба открывала перед неродословными дворянами новые возможности сделать успешную карьеру и возысить свой род. Нередко худородные опричники в обход традиции местничества получали на службе более высокие места, чем более знатные земские бояре и дворяне. Последние, опасаясь царской опалы, не смели открыто защищать свою родовую честь и вынуждены были смиряться со своей местнической «потерей» [Правящая элита... 2006. С. 218].

Утверждая это, А. П. Павлов не приводит доказательств, касающихся продвижения подобного рода семейств на высшие посты армейской службы.

В целом же видно: несмотря на существование ряда фундаментальных исследований, вопрос о социальном составе опричнины все еще вызывает дискуссии, более того, совершенно не подверглось описанию руководство военными силами опричнины. Очень много сил потрачено отечественными историками на прояснение того, насколько опричнина поднимала значение худородного дворянства, «новых людей». Однако до настоящего времени не определено, какой уровень

служебных назначений оказался для этого социального слоя доступным благодаря опричнине и с какой частотой отдельные его представители могли достигать этого «потолка». Специалисты по истории вооруженных сил России — Н. С. Голицын, А. К. Баиров, А. В. Чернов, А. А. Строков, Е. А. Разин — постоянно обращаются к опричнине, однако, опираясь в той или иной мере на труды коллег, занимающихся социально-политической историей, они дают разноречивые оценки, не сопровождаемые аргументами в их пользу.

С этой точки зрения, необходимо уделить особое внимание работам, пусть и не связанным формально с военной историей России, но ставшим магистральными в рамках исследований социального состава опричной элиты. Дискуссию, происходящую на их страницах в течение периода, тянувшегося более полутора столетий, пришлось выделить в особую историографическую тему.

В специальной исторической литературе, связанной с темой опричниной, широкое распространение получил тезис, согласно которому Иван IV, устроив двор, отделенный от земского, получил возможность выдвигать на самый верх талантливых людей из числа худородных дворян [Штаден, 2002. С. 61—62; Таубе и Крузе, 1922. С. 35—36; Переписка... 1986. С. 92—93]⁷. Позднее сплошное худородство опричников было оспорено.

Еще принадлежавший к середине позапрошлого столетия мыслитель, К. Д. Кавелин в работе «Взгляд на юридический быт древней России» писал:

Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на месте рода, кровного начала поставить в государственном управлении начало личного достоинства [Кавелин, 1897. С. 53].

Иными словами, достоинства, никак не соединенного с «достоинствами крови», со знатностью и, может быть, выходящего из худородной среды.

М. В. Довнар-Запольский полагал, что в 1550-х гг. Иван Грозный боролся с местничеством и пытался его отменить, но смог лишь «в некоторой степени ограничить» [Довнар-Запольский, 1910. С. 189]. Историк ошибочно сближает опричнину с испомещением 1000 «избранных слуг» в 1550-х гг., так как считает, что в обоих случаях смысл действий Ивана IV — борьба с родовой аристократией; в 1550 г. пред-

⁷ Утверждению этого мифа немало способствовали соответствующие высказывания иностранцев — современников опричнине, например, Генриха Штадена, а также Иоганна Таубе и Элерта Крузе. Сыграло свою роль и то, что князь Андрей Курбский обозвал новых воевод Ивана Грозного «каликами».

ставителей виднейших семейств титулованной знати будто бы «переводили» из их вотчин на новые места «целыми гнездами», что, по мнению Довнар-Запольского, схоже с земельной политикой опричнины. Сходство определенно есть, но иное. Историк не приводит сколько-нибудь серьезных свидетельств сведения служилой знати с ее родовых вотчин в 1550-х гг., его утверждение бездоказательно. Однако в летописном пересказе указа о введении опричнины говорится о необходимости испоместить 1000 государевых слуг — вот оно, явное сходство. Довнар-Запольский видит смысл опричнины в борьбе с аристократией — имущественный ее разгром, физическое уничтожение ее вождей и разрушение ее «престижа» в глазах народа и в глазах самой знати. Притом, по его мнению, в годы опричнины «Грозный сильнее был по княжью, чем по боярству», т. е. нетитулованной знати. Что же касается кадровой политики, то, трактуя ее, исследователь идет за свидетельствами иностранцев и кн. Андрея Курбского. С точки зрения Довнар-Запольского, Иван Грозный «окружил себя новыми людьми» в опричном правительстве, выдвигал «худородных страдников», на коих и опирался в политической деятельности [Там же. С. 213—214, 219—222].

Р. Ю. Виппер считал, что до введения опричнины «плотный строй родовой аристократии, теснившейся к должностям, мешал государю выдвигать способных и талантливых людей низшего звания»; зато после ее учреждения «в опричницу царь отбирал пригодные ему элементы, не считаясь с родовитостью, с местничеством, с классовыми предрассудками и притязаниями, свободно передвигая людей в чинах и соображаясь только с их военной пригодностью, их талантами и заслугой» [Виппер, 1998. С. 152, 157]⁸. С. Ф. Платонов разработал концепцию, получившую широкую популярность: по его мнению, «Иван Грозный... решил вывести из удельных наследственных вотчин их владельцев — княжат и поселить их в отдаленных от их прежней

⁸ При всей спорности утверждений Р. Ю. Виппера, одна его идея заслуживает самого пристального внимания: Роберт Юрьевич видит в установлении опричной организации род военной реформы. К настоящему времени собрано достаточно фактов, чтобы согласиться с этим мнением в весьма значительной степени. К сожалению, работа с текстом Р. Ю. Виппера затруднена из-за того, что первое издание монографии «Иван Грозный», вышедшее в 1922 г., было страшно искажено и даже прямо испорчено чудовищными редакторскими поправками и дописками в изданиях 1942 и 1944 гг. Ссылки на эти поздние издания неоправданы, а знакомство с ними, думается, вводит исследователей в заблуждение относительно уровня работы Роберта Юрьевича и ее изначального предназначения [Володихин, 1997. С. 63—80]. Современное издание, на которое ссылается автор этих строк, воспроизводит текст 1922 г.

оседлости местах, там, где не было удельных воспоминаний и удобных для оппозиции условий; на место же выселенной знати он селил служебную мелкоту на мелкопоместных участках, образованных из старых больших вотчин» [Платонов, 1996. С. 204—205]. Таким образом, противопоставлялись богатые аристократы и «служебная мелкота». Позднее, в монографии «Иван Грозный» (первое издание 1923 г.), С. Ф. Платонов, характеризуя социальную обстановку накануне опричнины, высажется еще резче:

...Между Грозным и высшим кругом московской знати легла пропасть. По одну ее сторону находился царь со своими новыми приближенными, взятыми из дворцовой среды весьма среднего разбора. Среди них было лишь одно лицо с княжеским титулом (князь Афанасий Вяземский) и лишь одна семья достаточно великородная (Басмановых-Плещеевых). По другую сторону стояла вся великородная знать, как близкая к «избранной раде», так и далекая от нее [Платонов, 1998. С. 83].

П. А. Садиков, двигаясь в том же русле, противопоставлял «помещичье-дворянскую» опричнину и «княжеско-боярскую феодальную знать» [Садиков, 1950. С. 26]. С. В. Бахрушин считал социальной основой опричнины «мелкое и среднее, преимущественно городовое (пропинциальное), дворянство» [Бахрушин, 1954. С. 300]. Подобные взгляды с разной степенью определенности высказывались и многими менее известными исследователями.

А вот С. Б. Веселовский отрицал рекрутование опричного двора из «худородных людей» [Веселовский, 1963. С. 143]⁹. В целом же он крайне резко оспаривал концепцию Платонова [Там же. С. 29—34]. В. Б. Кобрин, составивший список опричного двора, совершенно отверг тезис о его повальном худородстве; он выдвигает более корректную формулировку: «Состав опричного двора был несколько „худороднее“ доопричного и, главное, современного ему земского». Этот исследователь полагал, что борьба боярства и дворянства в опричный период не была стержнем политической истории [Кобрин, 1961. С. 11; 1985. С. 199—218]. А. А. Зимин еще более осторожен. Он, в частности, писал:

Создавая себе опричнину и персонально отбирая преданных ему лиц из господствующего класса, Иван Грозный смело выдвигал новых людей из числа городового дворянства, ранее не игравших никакой заметной роли в армии и государственном аппарате. Но это нельзя сколько-нибудь переоценивать. В опричнину входили также представители большинства знатных княжеских и боярских фамилий... [Зимин, 1964. С. 354].

⁹ Высказано в очерке 1945 г. «Указ об опричнине».

Приводя данные из дипломной работы С. С. Печуро, он доказывает, что в целом по опричнине (не сосредотачивая внимание на ее верхнем этаже) дворовых служилых людей больше, чем в земщине [Там же]. Б. Н. Флоря полагал, что среди опричников, занимавших в опричном дворе сколько-нибудь видное положение, не было людей, принадлежавших «к низам дворянского сословия» [Флоря, 1999. С. 186—187]. Р. Г. Скрынников, с одной стороны, считал, что С. Ф. Платонов «крайне преувеличил значение конфискаций в опричных уездах, будто бы подорвавших княжеско-боярское землевладение», а с другой — уверен был, что «при наборе опричной тысячи предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству» [Скрынников, 1992. С. 219, 221]. Современные исследователи И. В. Курукин и А. А. Булычев указали на весьма значительную роль в ранней опричнине родов старомосковской знати — нетитулованных боярских семейств [Курукин, Булычев, 2010. С. 97—98]. В монографии этих историков «Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного» целый параграф — «На службе государевой» — посвящен опричным военачальникам и содержит немало ценных замечаний, связанных с их карьерой [Там же. С. 168—186].

А. П. Павлов подходит к вопросу дифференцированно:

Привилегированное положение опричников, состав которых зависел от личной воли царя Ивана, приводило к серьезным нарушениям традиционной иерархии внутри господствующего класса. В первый год опричнины у ее руководства стоял кружок царских фаворитов преимущественно из представителей старомосковского боярства. Но на рубеже 60—70-х гг. в составе руководства опричного двора произошел перелом и на смену прежним царским фаворитам пришли новые, более худородные лица, выходцы из рядов провинциального дворянства (Бельские, Грязные и другие) [Павлов, 1992. С. 102].

При этом верхушка земского двора состояла из представителей княжеско-боярских родов.

Мнение А. П. Павлова отчасти возобновляет старую дискуссию: если «на смену прежним царским фаворитам» на рубеже 60-х и 70-х гг. XVI столетия действительно пришли «выходцы из рядов провинциального дворянства», то это могло по-разному отразиться в сферах дворовой, приказной и военной службы. Удалось ли «худородным лицам», которых призвал Иван IV, получить серьезное влияние на военные дела? Могли ли они составить реальную конкуренцию персонам аристократического происхождения в опричной военной иерархии? Не при дворе, а именно в армии? Эти вопросы пока остаются без ответа и требуют серьезного исследования. С другой стороны, А. П. Павлов видит в опричнине глубокое нарушение «традиционной иерархии внутри

господствующего класса». Так или иначе, об этом высказывались и другие исследователи, и общее впечатление от опричных порядков именно таково. Проблема, таким образом, не дискуссионна. Но какие именно формы приняло данное нарушение в вооруженных силах Московского государства? И сколь серьезные масштабы приобрел опричный сдвиг? Отвечая на эти вопросы, невозможно обойтись незначительными уточнениями: требуется углубленный анализ.

Прямо обращаясь к царствованию Ивана Грозного, А. П. Павлов уже в другой работе строит схему, из которой выводится тезис о весьма значительном влиянии худородных дворян в правительстве на протяжении последних лет опричнины и после ее отмены.

Исследователь пишет:

Долгое время в литературе считалось, что в опричники набирали людей, как правило, худородных, чуть ли не из простых «мужиков». Данное представление сложилось в значительной степени под влиянием высказываний современных иностранных наблюдателей, называвших опричников бывшими холопами, «нищими косолапыми мужиками». Однако специальные исследования состава опричного двора, произведенные В. Б. Кобриным и другими учеными, решительно опровергают это мнение. На самом деле в состав опричников входили нередко представители весьма знатных княжеско-боярских родов, таких как князья Одоевские, Трубецкие, а на позднем этапе опричнины в опричный корпус зачисляются князья Шуйские. Правда, в целом опричный двор был несколько более худородным, чем двор земский, а к концу опричнины выходцы из худородных провинциальных дворянских родов явно доминировали в составе опричного руководства. И все же можно полагать, что главным критерием при наборе в опричнину служило не столько происхождение, сколько личные качества служилого человека. Царь охотно брал в опричнину людей с «запятнанной биографией». Так, в отряд опричников позднее была зачислена целая группа дворян, служивших ранее удельным князьям Старицким. Такие люди должны были особо рьяно и преданно служить монарху [Правящая элита... 2006. С. 218].

Совершенно неясно, почему главным критерием при отборе в опричнину служили «личные качества человека»? Из чего это следует? Такие утверждения следует подкреплять серьезной аргументацией. В своем нынешнем виде они выглядят неосновательными. Видно ли доминирование худородных дворян в армейском руководстве опричнины? И что вообще означает в данном случае термин «доминирование»? Может быть, численное превосходство? Или превосходство влияния? Но это столь тонкая материя, что высчитать ее сколько-нибудь точно источники просто не позволяют.

Можно согласиться с А. П. Павловым, когда он пишет, что «на рубеже 1560-х и 1570-х гг. происходит смена руководства опричниной.

На первый план выдвинулись люди новые и худородные. Самыми яркими представителями этой новой группировки были Малюта Скуратов Бельский и Василий Григорьевич Грязной... Эти люди возглавили аппарат политического сыска и фактически стали у руля управления опричниной на последнем этапе ее существования. Вокруг Малюты Скуратова сложился довольно многочисленный и сплоченный круг единомышленников, людей, которые, как и сам Малюта, происходили из рядов провинциального дворянства и стремились благодаря опричнине пробиться к высшим эшелонам власти. Вслед за Малютой Скуратовым... при опричном дворе стали продвигаться его многочисленные родственники». Гораздо более вопросов вызывает мнение историка, согласно которому после отмены опричнины у руководства страны оставался в целом все тот же круг царских фаворитов и сподвижников, который заправлял делами в государстве до 1572 г., а ключевые позиции в правительстве Грозного продолжала сохранять группировка худородных умных дворян, правившая страной в конце опричнины. По мнению А. П. Павлова, в составе ближайшего окружения царя Ивана даже во второй половине 1570-х—начале 1580-х гг. (!) «по-прежнему доминировала группа думных дворян, за спиной которых стояла когорта худородного дворянства, продвинувшаяся в высшие московские дворянские чины благодаря своей службе в „дворе“» [Правящая элита... 2006. С. 218—224]. Худородные фавориты, думные дворяне, вышедшие из семейств, далеко отстоящих от старинного боярства на лестнице местнических счетов, действительно продолжали обступать монарха. Однако на материале воинских разрядов очень хорошо видно резкое падение опричных «выдвиженцев» в статусе.

Важной, может быть, важнейшей частью опричной системы была ее военная машина, с осени 1565 г. выводившая на театры военных действий отдельный боевой корпус. Этот корпус был самым многолюдным элементом опричнины. Поэтому материал источников по армейской иерархии опричнини весьма обширен, намного обширнее материала по приказной, дворовой и думной иерархиям; на ее примере легче всего проверить, до какой степени худородны были «выдвиженцы» Ивана Грозного и являлись ли они полезным приобретением для вооруженных сил Московского государства. Насколько очевидны способности и таланты этих самых «новых людей»? Анализируя состав опричной военной элиты, можно получить сведения, проливающие свет и на более широкие проблемы социально-политической истории Московского государства.

Вклад зарубежной историографии в разработку проблематики настоящего исследования незначителен. Дж. Кип в монографии о вооруженных силах России от начала правления Ивана III до военной реформы Александра II, выдержаншей несколько изданий, справедливо

пишет о колоссальном влиянии ситуации в армии на все остальное общество. В «Московии», а затем и Российской империи он видит, образно говоря, «милитаристское государство». Действительно, Русская цивилизация того времени очень во многом ориентировалась на военные нужды. Можно согласиться и с другим важным его наблюдением — о гибкости военного управления, утраченной позднее, в постпетровский период [Keer, 1985. Р. 14]¹⁰. Следует отметить работу Дж. Кипа по уяснению лестницы «дворовых» чинов в их соотношении с армейскими должностями. Историк не всегда точен и во многих случаях опирается в своих выводах не на анализ источников, а на пересказ специальной литературы. Однако до настоящего времени это лучшая книга зарубежного исследователя XX в. по истории российской армии допетровского периода.

В большом сборнике «The Military and Society in Russia: 1450—1917», который в отечественной историографии уже несколько раз ошибочно называли «коллективной монографией» Маршалла По и Эрика Логра¹¹, содержится несколько статей, приближающихся по тематике к настоящему исследованию. В частности, П. Б. Браун изучает стиль командования в вооруженных силах Московского государства; однако его работа в основном построена на материале более позднего периода — середины XVII в. Дж. Мартин указывает на высокую роль служилых татарских царевичей как командных кадров русской армии на литовско-ливонском фронте (что совершенно справедливо); в основном это касается раннего периода Ливонской войны [Brown; Martin, 2002. Р. 100—120, 365—387].

Известная монография Ричарда Хеллие «Enserfment and Military Change in Muscovy», изданная Чикагским университетом в 1971 г., исключена из этого обзора, поскольку вопросы военной истории затрагиваются в ней незначительно, а тематика командного состава русской армии автора не интересует совершенно; в фокусе его внимания находится главным образом закрепощение крестьянства и динамика поместной системы землевладения в Московском государстве.

Изучение специальной исследовательской литературы по заявленной теме позволяет сделать следующие выводы: во-первых, большинство исследователей уверены в аристократическом происхождении российских командных кадров XVI в., но их уверенность не опирается ни на твердое знание круга тех семейств московской знати, из числа которых выходили высшие военачальники, ни на понимание страти-

¹⁰ К сожалению, допетровская тематика занимает в книге сравнительно небольшой объем.

¹¹ На самом же деле они всего лишь редактировали сборник и написали заглавный теоретический материал «Роль войны в русской истории».

ификации столь многочисленного общественного слоя, как российская служилая аристократия в целом. Во-вторых, столь значительный социально-политический переворот, как учреждение опричнины, мог радикально изменить социальный состав русской военной элиты; однако до настоящего времени исследование опричнины велось вне соприкосновения с военной историей России, поэтому в литературе главным образом либо строятся на этот счет предположения, либо высказываются категоричные суждения, не получающие должной аргументации. Обе названные проблемы тесно связаны друг с другом, и обе они нуждаются в углубленном исследовании. Их разработка и составила цель настоящей работы.

2. Источники

Основным источником для решения задач настоящего исследования являются разрядные книги XVI столетия. Воинские разряды содержат информацию об отправке воевод, воинских голов и других армейских должностных лиц в полевые соединения на службу в крепостных гарнизонах, а также на строительство городов. Кроме того, в разрядах встречается информация, связанная с местническими тяжбами русских военачальников, участием их в свадебных торжествах, выдачей им наград за успешную службу и наложением на них наказания за различные провинности. Порой разряды с разной степенью подробности пересказывают ход боевых действий. В сущности, именно разряды обеспечивают наибольшую информационную отдачу по темам, связанным с военной историей России в XVI в. и особенно с командными кадрами русской армии.

Разрядные записи расположены по годам. Внутри каждого года выделяются обособленные группы записей, посвященные различным направлениям полевой и крепостной службы. На уровне каждого из направлений эти записи чаще всего хронологически последовательны, а на уровне года в целом — нет, поэтому приходится соблюдать величайшую осторожность при датировке тех или иных походов, кампаний, воеводских служб в отдельных крепостях. Вне сопоставления сведений воинских разрядов с иными источниками, особенно летописями, строгая датировка весьма часто либо крайне затруднительна, либо невозможна.

Разрядные записи конца XV—первой половины XVI в. представлены в известных науке памятниках с меньшей полнотой и подробностью, нежели записи, относящиеся к периоду со второй половины 1550-х гг. и позднее. Общая схема формуляра разрядных записей и их расположения не изменяется, но увеличивается количество записей, а

в ряде случаев и их объем. В разрядных книгах иногда встречаются дублеты, а порой и фальсификации. Это связано с частным характером составления подавляющего большинства разрядных книг, дошедших до нашего времени.

Разрядные книги как самостоятельная группа источников разрабатываются с середины XIX в. Среди крупных специалистов дореволюционного периода, работавших в этой сфере по времени правления Ивана IV, следует прежде всего назвать И. Д. Беляева¹², А. Н. Попова¹³, В. М. Ундорского¹⁴, П. Н. Милюкова [Милюков, 1887; 1889], Н. П. Лихачева [Лихачев, 1888].

Фундаментальное исследование В. И. Буганова о разрядных книгах Московского государства [Буганов, 1962] является до настоящего времени наиболее крупным трудом, посвященным исследованию этой группы источников. В. И. Буганов был лучшим знатоком разрядов, исключительно велики его заслуги, связанные с публикацией разрядных книг.

По мнению В. И. Буганова, разрядные книги являются ценным источником по целому ряду исследовательских тем. В частности, в них содержится информация, связанная с историей местничества. Весьма важны свидетельства разрядных книг о пограничной, гарнизонной и сторожевой службе в Московском государстве. Ряд ценных сведений дают они по вопросам, относящимся к истории войн, военного искусства, а также к внешней политике России рассматриваемого периода.

Для предмета настоящего исследования важно прежде всего замечание В. И. Буганова, подчеркнувшего роль разрядных источников в изучении «состава, организации, комплектования и отчасти снабжения русской армии в XVI—начале XVII в., вооружения русского войска, его командного состава» [Буганов, 1962. С. 5]. Действительно, для выяснения состава военной элиты, т. е. постоянно действующего командного состава высшего звена, никакая иная группа источников не может дать столь же серьезных, обширных и достоверных сведений, как именно разряды.

В. И. Буганов показывает вторичность происхождения разрядов. Это «книги записей распоряжений русского правительства о ежегодных назначениях на военную, гражданскую и придворную службу...» — причем главным образом именно на военную. Они обобщают «содержание ряда первоисточников, таких как наказы воеводам с подробны-

¹² Предисловия к публикациям: Разрядные книги 7123—7125 г. / Публ. и подгот. И. Д. Беляева // Временник ОИДР. 1849. Кн. 1, отд. 2.; Кн. 2, отд. 2; Кн. 3, отд. 2.

¹³ Предисловие к публикации: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I.

¹⁴ Предисловие к публикации: Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1.

ми инструкциями по службе, росписи с указанием количества служилых людей у каждого из воевод, отписки воевод с театров военных действий, различные грамоты, местнические дела и др.». Сами эти документы относились к делопроизводству Разрядного приказа и были в основном утрачены; значение разрядных книг неизмеримо возрастает, поскольку они содержат достаточно точный пересказ колossalного количества документов, не дошедших до современного исследователя. «Кроме того, в их составе сохранилось некоторое количество подлинных документов, которые приводятся целиком или в значительных извлечениях». Наконец, В. И. Буганов, по результатам многолетних исследований разрядных книг, сформулировал высокую оценку их достоверности. В частности, он пишет: «Отличительной чертой изучаемого источника является точность показаний подавляющего большинства его записей в отношении датировки событий, фактов, имен и фамилий исторических деятелей, их чинов и званий» [Там же. С. 5, 7]. Хотя, по его словам, наблюдаются и исключения, указанные в монографии.

Для разных лет изучаемого периода (30—80-е гг. XVI столетия), с точки зрения В. И. Буганова, характерна разная полнота источника и разная степень соблюдения точности в записях, хронологического принципа изложения. В конце XV—начале XVI в. или несколько позднее началась обработка разрядных первоисточников: фрагменты из них (возможно, добавим от себя, отредактированные) входили в первые разрядные книги или в отдельные тетради, которые позднее были сведены в книги. Встречаются записи и за более ранний период, вплоть до последней четверти XIV в. [Буганов, 1962. С. 99—109], но они, по всей видимости, в основном представляют собой сокращенные варианты летописных известий; кроме того, непосредственного отношения к теме настоящего исследования они не имеют. «К концу первой половины XVI в. разрядные книги, несомненно, существовали, они носили название „нарядов служебных“, „служебных книг“; о „книгах“, в которых записывались службы представителей боярства и дворянства, говорится в местнических делах этого времени» [Там же. С. 241]. В 1556 г., в связи с реформой приказного аппарата и вооруженных сил была изготовлена первая, т. е. древнейшая, редакция «Государева разряда». Именно с этого времени разрядные записи делаются регулярно, с большой подробностью, в них в основном строго соблюдается хронологический принцип изложения [Там же. С. 121—150]. Таким образом, можно сделать вывод, что полнота и достоверность информации, содержащейся в записях разрядных книг второй половины XVI столетия, выше, чем в разрядных записях более раннего периода. Границей служит вторая половина 50-х гг. XVI в.

Весьма высокую источниковедческую значимость имеют замечания В. И. Буганова о конкретных списках разрядных книг, об их редакциях, об их сравнительных недостатках и достоинствах. В частности, глава I монографии В. И. Буганова содержит подробный обзор разрядных книг, причем указаны те из них, в текстах которых обнаруживаются «фальсифицированные вставки в текст, искажения, нарушения хронологии» и иные моменты, снижающие информационную ценность того или иного памятника из рассматриваемой группы [Там же. С. 32—98]. Всего автором исследования рассмотрено 173 списка разрядных книг всех разновидностей до начала XVII в. Для настоящего исследования монография В. И. Буганова в значительной степени играет роль источниковедческого фундамента. Если бы ее не существовало, разработка чисто исторических тем на основе изучения данной группы источников была бы просто крайне затруднительной и, конечно, поверхностной.

Вопрос о происхождении и составе разрядных источников, дожедших до нашего времени, породил дискуссию.

По мнению В. И. Буганова, сохранившиеся списки разрядных книг пространной редакции представляют собой различного рода выписки из официальных разрядных книг, делавшиеся частными лицами. В этих выписках возможны были перестановки росписей, фамильные вставки и фальсификации [Буганов, 1958. С. 88—101; 1962. С. 99—165].

Д. Н. Альшиц высказал иное мнение. Он считает, что официальная разрядная книга пространной редакции сохранилась полностью, в подлиннике. Таковой, по его мнению, является разрядная книга в списке ГПБ, Эрм. 390 [Альшиц, 1958. С. 130—151; 1979. С. 62—68]. Совершенно очевидно, что эти два мнения приходят в непримиримое противоречие друг с другом. Компромисса тут быть не может, остается выбирать, какое из двух является более обоснованным. Позднейшие исследования, думается, поставили точку в этом споре.

Ю. Н. Мельников привлек данные частных выписок из государственных разрядов. В результате он пришел к следующим выводам. Источниками Разрядной книги 1559—1605 гг. были «небольшие по объему разрядные книги частного происхождения. Каждая часть РК—1605 представляет собой в среднем 5—10 записей за год. Ядром ее текста являются материалы о службе представителей какой-либо одной фамилии: Сабуровых, Плещеевых, Засекиных или Вельяминовых... Но и эти небольшие разрядные книги также являлись компиляциями из других разрядных книг частного происхождения» [Мельников, 1987. С. 92]. Ю. В. Анхимюк в Разрядной книге 1475—1605 гг., представленной в том числе и списком Эрм. 390, убедительно показал «сложную компиляцию частного происхождения», во многом расходящуюся с «Государевым разрядом» [Анхимюк, 2005. С. 151—210].

Эта вполне обоснованная оценка заставляет окончательно принять мнение В. И. Буганова и в основном руководствоваться им.

Вместе с тем как В. И. Буганов, так и Д. Н. Альшиц полагали, что разрядные книги велись одновременно в пространной редакции (она пополнялась записями регулярно) и в краткой редакции (или, иначе, «Государевом разряде», главным источником его служила та же пространная редакция), к которой примыкают редкие памятники сокращенной редакции (для них основным источником также послужили памятники пространной редакции). К мнению о существовании особой пространной редакции с некоторыми оговорками присоединился и А. А. Зимин [Зимин, 1992. С. 149]. Ю. Н. Мельников не считал концепцию о существовании пространной редакции убедительной.

Позднее, на основе новооткрытых источников и углубленного анализа уже известных разрядных памятников, Ю. В. Анхимюк, ученик В. И. Буганова, уточнил систему редакций разрядных книг [Анхимюк, 2005]. Но от общих бугановских оценок происхождения, а также информационной ценности разрядов XVI в. Ю. В. Анхимюк не отказался, что более важно для настоящего исследования. Вместе с тем этот исследователь отказался от идеи, согласно которой велись одновременно две «редакции» или два вида разрядных книг. Ему удалось доказать, что пространной редакции не существовало. Ю. В. Анхимюк пишет:

Анализ текстов сохранившихся списков разрядных книг, а также свидетельства других источников достаточно точно указывают на то, что в изучаемый период существовали... «Государев разряд» и частные разрядные книги, большинство которых в разной степени заимствовали или перерабатывали его текст. Таким образом, «Государев разряд» первичен, а связанные с ним тексты многих частных разрядных книг вторичны по отношению к нему... Появление частных разрядных книг было вызвано прежде всего способом составления «Государева разряда» задним числом за много лет... и труднодоступностью его текста для частных лиц... скорее всего, «Государев разряд» послужил образцом для частных составителей... В ряде частных разрядных книг можно обнаружить случаи фальсификации фактов, вымышленные сведения... Сознавая неполноту записей частных разрядных книг, составители которых не имели доступа к архиву и делопроизводству Разряда, служилые люди восполняли этот недостаток справлением и компилированием [Анхимюк, 2005. С. 413—414].

Что же касается самого «Государева разряда», то он впервые был составлен в 1556 г. задним числом за много лет и в дальнейшем составлялся в конце (правильнее было бы сказать не «в конце», а «после») каждого царствования на основе документов Разряда [Там же. С. 63, 418].

Работа Ю. В. Анхимюка, в сущности, предлагает ряд важных оговорок и уточнений к оценкам, высказанным В. И. Бугановым.

К настоящему времени в распоряжении исследователя немало публикаций разрядных источников XVI в.

Честь первой подлинно научной публикации крупного разрядного памятника принадлежит Д. А. Валуеву¹⁵. Им была опубликована разрядная книга 1559—1605 гг. По мнению современного исследователя, «публикация... была выполнена на довольно высоком для своего времени археографическом уровне, несмотря на встречающуюся иногда путаницу в переводе дат» [Анхимюк, 2005. С. 19]. Крупным достижением стал выход в свет разрядной книги Полоцкого похода 1563 г., отличающейся необыкновенной полнотой и подробностью¹⁶. Изданной в «Витебской старине» А. П. Сапуновым, этот памятник стал библиографической редкостью при весьма высоком спросе со стороны исследователей. Более совершенное издание Полоцкой разрядной книги было осуществлено лишь недавно [Петров, 2004; Баранов, 2004]¹⁷. Об изданиях, над которыми работали И. Д. Беляев, А. Н. Попов и В. М. Ундельский, уже говорилось выше. Исключительно важна публикация части «Государева разряда», совершенная по нескольким спискам с 1475 г. по середину 1560-х гг. П. Н. Милюковым (при сотрудничестве с С. А. Белокуровым) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901]. Это издание стало одним из наиболее употребимых в научном обороте — как до революции, так и на протяжении советского периода. У него был значительный тираж, оно оказалось во всех крупных библиотеках. Кроме того, обширный удобно составленный указатель значительно облегчает пользование книгой.

Важным этапом в научной публикации крупных разрядных памятников стала деятельность В. И. Буганова. Им самим или под его редакцией были подготовлены к печати издания разрядных книг, в научном отношении более совершенные, нежели дореволюционные публикации, и во многом их заменившие. В частности, вышел в свет текст «Государева разряда» за период, относящийся к данному исследованию¹⁸. Кроме того, в результате поистине титанической работы В. И. Буганова исследователи теперь могут воспользоваться издания-

¹⁵ Разрядная книга 7067—7112 г. / Изд. Д. А. Валуев // Синбирский сборник. Т. 1. М., 1844.

¹⁶ Разрядная книга Полоцкого похода царя Ивана Васильевича 1563 г. // Витебская старина / Изд. А. П. Сапунов. Витебск, 1885. Т. 4, ч. 1.

¹⁷ В том же выпуске «Русского дипломатария» содержится важное добавление к этой публикации, см.: [Анхимюк, 2004], а также публикация источника в варианте, который дают частные разрядные списки.

¹⁸ Текст подготовлен к печати В. И. Бугановым, им же составлена вводная статья. См.: Разрядная книга 1475—1598 гг.

ми разрядных книг 1559—1605, 1550—1636 и 1475—1605 гг.¹⁹, сделанными на современном научном уровне.

Волна публикаций разрядных книг в 1960—2000-х гг. радикальным образом изменила состояние источниковой базы исследователей, занимающихся социально-политической и военной историей России XVI в. Та драгоценная информация, которую С. Б. Веселовский, А. А. Зимин и В. Б. Кобрин собирали по крупицам в рукописях, стала гораздо более доступной.

Можно было бы написать здесь, что данное исследование базируется главным образом на «бугановских» изданиях разрядных книг, в первую очередь наиболее подробной и наиболее полной разрядной книги 1475—1605 гг., но это будет не совсем верно. Активно использовалась разрядная книга Полоцкого похода 1562—1563 гг.: благодаря своей уникальной полноте, она дает обширную информацию о служебном положении воевод Ивана IV и особенно много сведений содержит о военачальниках, позднее ставших воеводами в опричном боевом корпусе.

Некоторые источники были использованы в данном исследовании в справочных целях. К их числу относятся прежде всего «Тысячная книга» и «Дворовая тетрадь». Первая из них содержит список из 1070 «избранных слуг» государевых, которым правительство планировало дать поместья на территориях, находящихся недалеко от Москвы, а также информацию об их землевладении. Целью земельной реформы было облегчить службу при дворе Ивана IV, обеспечив высшему слою служилых людей, которые всегда должны быть готовы «в посылки», хозяйственную базу в непосредственной близости от места службы [ТКДТ. С. 53]. В списке «Тысячной книги» произведено деление «избранных слуг» на несколько групп. В самом начале идут немногочисленные аристократы с думными чинами бояр и окольничих, а также с высокими «дворовыми» чинами казначеев и оружничих (28 человек); вся прочая масса делится на три «статьи» по убывающей, причем специально выделены служильцы новгородской земли. В подразделе «Историография» уже была представлена дискуссия относительно того, была ли на самом деле проведена «тысячная реформа». Автор этих строк придерживается мнения А. П. Павлова, согласно которому испо-

¹⁹ Все публикации названных разрядных памятников вышли под редакцией В. И. Буганова, занимавшегося их изданием на протяжении нескольких десятилетий. 4-й том Разрядной книги 1475—1605 гг. был издан уже после кончины В. И. Буганова, ушедшего из жизни 24 февраля 1996 г., — так завершилось великое дело, начатое Виктором Ивановичем. См.: Разрядная книга 1559—1605 гг.; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1—2, вып. 1—2; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1—3; Т. 2, ч. 1—3; Т. 3, ч. 1—3; Т. 4, ч. 1—2.

мещение «тысячников» состоялось — хотя бы частично. Весьма значительная часть русского воеводского корпуса 1550—1580-х гг. (в том числе и некоторые воеводы опричники) представлена в первой и второй статьях «Тысячной книги», где собраны наиболее родовитые и достигшие наибольшего продвижения на «дворовой службе» представители служилой аристократии. Таким образом, пребывание в реестре «Тысячной книги», особенно в думных чинах, высоких «дворовых» чинах, а также в составе первой и (в меньшей степени) второй статей, показывает, что тот или иной служилый человек по отечеству к осени 1550 г., когда начала осуществляться реформа, уже достиг определенного, более или менее высокого служебного статуса на верхних этажах лестницы чинов.

«Дворовая тетрадь» содержит списки служилых людей по отечеству, входивших в состав государева двора при Иване IV. Представители высшей части служебной иерархии названы с чинами: бояре, окольничие, казначеи, постельничие, большие дьяки, печатник, сокольничий, «дворовые»; кроме того, особо выделены представители служилых княжеских корпораций; прочие отнесены к локальным служилым корпорациям — Владимир, Суздаль, Муром, Коломна и т. п. Датировка этого памятника дискуссионна²⁰; сложности добавляет прежде всего то, что «Дворовая тетрадь» не является памятником единовременного составления. Ее вели на протяжении долгого времени, оставляя пометки о службе того или иного человека: о его назначениях, о его землевладении, о его отставке от службы из-за болезни,увечья, старости или смерти, о гибели на поле боя, о переходе на другую ступеньку служебно-иерархической лестницы, о наложении на него опалы, о его плenении или о пострижении его в монахи. Очевидно, ею пользовались в течение длительного времени как рабочим списком, который постоянно уточнялся в интересах живого дела. Можно согласиться с наиболее аргументированным мнением А. А. Зимина, считавшего, что «Дворовую тетрадь» составили приблизительно в 1550—1552 гг. и она была «действующим документом в 50-х гг. XVI в.» [Зимин, 1950. С. 17]. Таким образом, «Дворовая тетрадь», в отличие от «Тысячной книги», может дать исследователю, помимо самого факта пребывания той или иной фигуры в составе государева двора, еще и сведения о служебном положении военачальника, а также о некоторых других обстоятельствах его жизни; однако привязать эти данные к конкретной дате будет, как выражался С. Б. Веселовский, «мудреным делом».

²⁰ Н. П. Лихачев отнес «Дворовую тетрадь» к 1577 г. [Лихачев, 1888. С. 444—446]. Н. Мятлев колебался между 1537 и 1550 гг. как датой составления «Дворовой тетради» [Мятлев, 1912. С. 53, 55, 78]. С. Б. Веселовский писал о 1563—1564 гг. [Веселовский, 1963. С. 89].

Специфика источниковой базы по военной истории России такова, что запись в «Тысячной книге» или «Дворовой тетради» порой является единственным фактом, известным о службе того или иного военачальника на первых этапах его карьеры (пока он не достиг «именных» назначений, отразившихся в разрядных книгах). Иногда — единственным на протяжении нескольких десятилетий службы.

В таких же — справочных — целях использовались боярские списки 1577 г., 1590—1591 гг. и 1598—1599 гг. [Станиславский, 2004. С. 191—258]. Эта группа источников напоминает «Дворовую книгу». Боярские списки представляют собой реестры служильцев государева двора с информацией об их землевладении, о пребывании в том или ином думном (или дворовом) чине, а также с пометками об их местонахождении и способности их нести службу на данный момент. Пометки эти имеют весьма лаконичный вид — так же как и пометки в «Дворовой тетради». Собственно, Н. В. Мятлев даже высказал соображение, согласно которому «Дворовая тетрадь» послужила прототипом для составления боярских списков [Мятлев, 1912. С. 49]. Среди трех названных боярских списков наибольшую ценность имеет первый — не только самый старый из них, но еще и самый значительный по объему²¹. Все три списка позволяют получить сведения о том, как складывалась «дворовая» служба разного рода военачальников в последние годы царствования Ивана IV, при Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче.

Некоторые данные, связанные с карьерой воевод, обнаруживаются в летописных источниках, а именно в описаниях походов, осад, сражений, борьбы придворных группировок знати, введения опричнины. Кроме того, летопись дает порой возможность уточнить, а то и откорректировать неточную или сомнительную датировку похода, взятую из разрядной книги.

В наибольшей степени использовались Лебедевская и Александро-Невская летописи (которые фактически представляют собой один памятник), а также Пискаревский летописец, особенно известие об обстоятельствах учреждения опричнины, и Соловецкий летописец, содержащий важные подробности о молодинской битве 1572 г.

Лебедевская и Александро-Невская летописи (далее: *ЛЛ* и *АНЛ*) доходят до 1567 г., на чем, собственно, прерывается официальное царское летописание [Летописец начала царства...]. Они представляют текст разрозненных и перепутанных частей последнего фрагмента Лицевого летописного свода и охватывают период с 1533 по 1567 г.²².

²¹ А. Л. Станиславский считает, что это список служильцев «земчины», а «дворовые» Ивана IV в него не вошли [Станиславский, 2004. С. 46].

²² См.: Александро-Невская летопись — с 1533 по 1553 г. и с 1563 по 1567 г.; Лебедевская летопись — с 1553 по 1563 г.

АНЛ и *ЛЛ*, хотя они и входят в круг лицевого летописания XVI в., являются всего лишь копиями с оригинальных частей Лицевого летописного свода (далее: *ЛЛС*). Сами же эти оригинальные части — «Синодальный том» и «Царственная книга» (далее: *С* и *Ц*) — имеют значительные лакуны в тексте за данный период; а значит, использование *ЛЛ* и *АНЛ* вместо *С* и *Ц* совершенно оправданно. Н. П. Лихачев считал, что *ЛЛ* и *АНЛ* были списаны на бумаге, датированной по филиграням серединой XVII в. Еще А. Е. Пресняков предполагал, что картина создания последних книг *ЛЛС* была следующей: *С* после составления был подвергнут редактированию, о чем свидетельствуют знаменитые приписки на полях *С*. На основе *С* с прибавлением вставок из «Софийского временника», «Степенной книги» и некоего свода, «сходного с печатным Львовским», была составлена *Ц*, в свою очередь, как считает А. Е. Пресняков, также подвергшаяся редактированию и получившая приписки [Пресняков, 1893. С. 14—17]. При этом *АНЛ* «не вполне совпадает с *Ц* и указывает на какую-то промежуточную редакцию, которая, зная скорописи (приписки. — Д. В.) „Никоновской с рисунками“ (*С.* — *Д. В.*) и *Ц*, не знает еще некоторых переделов последней... но большая часть дополнений *Ц* уже попала в Александро-Невский список» [Пресняков, 1893. С. 29—30]. Пресняков предположил, что обе книги — и *С* и *Ц* — были созданы в середине XVII в., но Н. П. Лихачев, изучив филиграни обеих книг, датировал их приблизительно 1570—1571 или 1575—1576 гг. [Лихачев, 1899. С. 302—303, 308—312]. Датировка Н. П. Лихачева была подвергнута сомнению некоторыми отечественными историками. Д. Н. Альшиц считал, что окончание работ над *С* и *Ц* произошло, соответственно, в 1563 и 1567—1568 гг. Р. Г. Скрынников построил крайне сложную конструкцию: *С*, по его мнению, был в первой своей части готов в 1562—1563 гг. и тогда же был отредактирован, а последние незначительные приписки 1553—1556 гг. были внесены во вторую часть уже после создания *Ц*, несколькими годами спустя, во всяком случае, после 1564 г. А. А. Зимин приурочивал правку *С* ко времени не ранее 1567 г., а вероятнее всего — к 1568 г., работу же над *Ц* относил к 1569—1570 гг. [Альшиц, 1947. С. 259—289; Скрынников, 1977; Зимин, 1964. С. 69—72]. Если Д. Н. Альшиц и Р. Г. Скрынников основывают свои выводы на достаточно шатком фундаменте связи между событиями политической жизни страны и составом редакционных приписок, то А. А. Зимин более осторожен и требует аргументировать такого рода выкладки палеографическими данными. Традиционной лихачевской датировке придерживался долгое время один С. О. Шмидт, считавший, что обе книги были созданы не ранее последнего десятилетия правления Ивана IV. Более того, известно, что как в тексте *Ц* при разборке его еще М. М. Щербатовым была особая группа листов,

относящихся к первым годам правления Федора Ивановича (1584—1585), так и в тексте *АНЛ* имеются листы, изданные в 29-м томе ПСРЛ и относящиеся к тем же годам. На этом основании С. О. Шмидт датировал редакционную работу над *Ц* последними годами правления Ивана IV [Шмидт, 1984. С. 200], и, можно добавить к этой разумной и обоснованной позиции, работа могла быть продолжена в первые год или два царствования Федора Ивановича. Важные доводы в этой дискуссии были приведены Б. М. Клоссом, предпринявшим дополнительное исследование филиграней книг *ЛЛС*. На основе полученных данных он определил время создания использованной при написании *ЛЛС* бумаги — между 1567 и 1576 гг. и установил, что после редактирования *С* часть его листов была изъята и составила «неповторные листы» *Ц*, а остальные листы — это исправленный и переработанный на основе Летописца начала царства текст *С* (повторные листы *Ц*). Иными словами, не было никакого двойного редактирования. Что же касается *АНЛ* и *ЛЛ*, то Клосс считает: «Основные и повторные листы *АНЛ* и *ЛЛ* переписаны, соответственно, с основного и повторного текстов последней части Лицевого свода, охватывающей события 1533—1567 гг.» [Клосс, 1980. С. 209—231]. *Ц* отличается от *АНЛ* тем, что содержит ряд дополнений, извлеченных из Летописца начала царства, но все редакторские приписки в *АНЛ* есть. Казалось бы, вопрос о протографе *АНЛ* и *ЛЛ* можно считать решенным. Но В. В. Морозов, корректируя Б. М. Клосса, вносит некоторые уточнения: в *АНЛ* присутствуют «кое-где» известия из Летописца начала царства в переработанном виде. А значит, протографом этого свода «послужили лицевые листы официальной истории царствования Ивана Грозного еще в тот период, когда они не были сформированы в известные нам кодексы... Сино达尔ный том и Царственную книгу. Однако это был не полный комплекс известий 1533—1553 гг. в их первом и втором вариантах, но лишь первый вариант и некоторое количество листов повторного, только отчасти перебеленного текста. Как показывает анализ *АНЛ*, часть этих текстов позднее, вероятно, была утрачена. Затем данный комплекс, уже зафиксированный *АНЛ*, распался» [Морозов, 1983. С. 96—106]. В. В. Морозов, таким образом, придерживается концепции «промежуточной редакции» в качестве протографа для *АНЛ* и *ЛЛ*, находя для нее лазейку в аргументации Клосса. Но во всяком случае дата создания этого протографа *ЛЛ* и *АНЛ* — не ранее 1567 г. (а учитывая залежность бумаги и работу писцов, вероятно, не ранее 1568 г.) и не позднее первых лет царствования Федора Ивановича — осталась неоспоримой.

А. А. Амосов пошел по пути углубленного анализа водяных знаков *ЛЛС*. В частности, он занялся тщательным сопоставлением филиграней той бумаги, которая пошла на создание *ЛЛС*, и той, которая ис-

пользовалась в типографии Андроника Невежи (Александровская слобода) с конца 1576 г. по начало 1580-х гг. В результате он оказался ближе к позиции С. О. Шмидта, чем к позиции Б. М. Клосса. А. А. Амосов показал, что еще в декабре 1576 г. шла работа по переписыванию середины *ЛЛС*, «впереди у книгописцев Свода оставалось не менее 40—45 % от всего объема задуманного труда» [Амосов, 1998. С. 221—222]. Завершение этой колоссальной работы по косвенным признакам может быть отнесено к середине 1580-х гг. [Амосов, 1998. С. 319—320]²³.

Б. М. Клосс в крайне жесткой форме возразил А. А. Амосову, отстаивая свою датировку создания *ЛЛС*: между 1567 и 1576 гг. Вот его «отповедь»:

У А. А. Амосова очевидно стремление «подогнать» факты под желаемый результат, что лишает его исследование объективности. Важнее обратиться к историческому контексту. Если датировать конечный этап работы над Сводом началом 1580-х годов, то становится непонятной тенденция редакционных приписок к Своду, когда в условиях хозяйственного разорения и военного поражения государства безмерно возвеличивалось «Российское царство», а «безверные языцы, Крым, Литва и Немцы» представлены боязливыми и испуганными; совершенно необъясним также выпад в отношении Нагих в приписке под 7055 г. в условиях, когда Нагие были близки к царю и находились у кормила власти; более того, дополнение текста летописи обвинительными материалами против боярского произвола и измен невероятно в обстановке начала 1580-х годов, когда жертвы опричного террора были реабилитированы, имена их написаны в синодики для поминовения, а по монастырям разосланы крупные денежные вклады на помин их души... Я приведу еще один аргумент исторического порядка, выясненный совсем недавно: изучение перечня погребенных в кремлевском Архангельском соборе членов велиокняжеской семьи показывает, что текст перечня в составе Шумиловского тома составлен между 1569 и 1573 гг. Данный факт полностью подрывает тезис А. А. Амосова о том, что летописная (русская) часть Лицевого свода могла писаться лишь во второй половине 1570-х годов [Никоновская летопись. Т. IX. С. IX].

В аргументации Б. М. Клосса видны слабые места. Во-первых, идеология далеко не всегда соответствует реальному положению дел в политике и на фронтах. Ждать от московского правительства и, в частности, от Ивана IV каких-то покаянных признаний, вставленных в официальную царскую летопись, было бы странно. Во-вторых, если учесть ситуацию на литовско-ливонском театре военных действий, то

²³ В данном случае использованы менее основательные аргументы, чем при установлении «нижней» даты работы над *ЛЛС*.

замечания Б. М. Клосса и вовсе перестанут быть понятными: до поражения под Венденом осенью 1578 г. положение складывалось скорее в пользу России. Но еще и после Вендена, до падения Полоцка год спустя, позиции Московского государства оставались в регионе прочными. Составление синодиков репрессированных и отправка больших средств в обители на помин их душ совершенно не обязательно производились с реабилитационными целями. А. А. Булычев наглядно показал, насколько иной могла быть мотивация [Булычев, 2005. С. 11—41]. А составление названного Б. М. Клоссом перечня до 1573 г. еще не дает гарантии того, что этот список не мог быть использован сводчиками на несколько лет позднее.

В итоге остается констатировать: до настоящего момента нельзя считать вполне уточненной датировку создания протографа *ЛЛ* и *АНЛ*. По всей видимости, наиболее осторожной и взвешенной надо считать «широкую» датировку с конца 1560-х гг. до первых лет царствования Федора Ивановича. «Плавание» датировки в этом диапазоне, думается, еще не дает оснований критически относиться к уровню достоверности источника.

Остается добавить следующее: Б. М. Клосс и В. В. Морозов видят единый протограф для *АНЛ* и *ЛЛ* [Клосс, 1980. С. 23; Морозов, 1983. С. 96], но это не обязательно так. *ЛЛ* и *АНЛ* имеют параллельный (общий) текст, и внутри совпадающих листов есть заметные текстуальные различия (речь идет о Полоцком походе 1563 г.). А значит, и протографы могли быть разными — в силу, быть может, не одной, а двух промежуточных редакций или же, следуя концепции Б. М. Клосса, двух параллельных черновых вариантов изложения событий, так или иначе нашедших отражение в копиях XVII в. Сравнив параллельные фрагменты, автор этих строк сделал вывод, согласно которому вариант *ЛЛ* — более ранний, а протограф *АНЛ* делался уже на основе протографа *ЛЛ*, имевшего некоторые сокращения значимой части текста [Володихин, 1995. С. 51—54].

Достоверность летописного повествования, с одной стороны, ставится под сомнение из-за наличия редакционных приписок (которые порой изменяли смысл фрагмента на прямо противоположный), а с другой — должна быть признана весьма значительной из-за сравнительно небольшой хронологической дистанции между историческими событиями и фиксацией их в летописном тексте. В пользу высокой степени достоверности говорит, во-первых, пересказ в тексте значительного количества документальных материалов, во-вторых, явное использование летописных заготовок — текстов, готовившихся загодя, по горячим следам событий, для последующего включения в летопись; так, по всей видимости, взятие Полоцка в 1563 г. было подробно описано в такой заготовке участником событий — М. А. Безнимым [Там же. С. 54—62].

Никоновская летопись [Никоновская летопись. Т. IX—XIV] — крупнейший по объему памятник русского летописания. Этот летописный свод по праву называют порой русской исторической энциклопедией XVI в. Он представляет собой обширную компиляцию различных летописных памятников, составленную на Московской митрополичьей кафедре при активном личном участии митрополита Даниила — видного книжника, сыгравшего роль составителя Никоновского свода. Первая редакция свода была доведена до 1520 г., но позднее, уже после смещения Даниила с митрополичьей кафедры, работа над летописью продолжилась. Это произошло в конце 1550-х гг. Продолжение Никоновской летописи представляет собой добавление «материалов официальной историографии», в частности, Воскресенской летописи и Летописца начала царства, а также ряда государственных документов; в списке Оболенского имеются приписки и за более позднее время, касающиеся боевых действий в Ливонии [Клосс, 1980. С. 55—133, 190—205; Никоновская летопись. Т. IX. С. V—VII]. Продолжение Никоновской летописи широко используется в настоящем исследовании, так как в нем задействованы материалы летописания официального государственного характера, которое в отношении военного дела для середины XVI в. было в очень значительной степени основано на документах, в частности на тех же разрядах. Сам летописный свод в этой части представляет собой фактически соединение двух традиций — царского и митрополичьего летописания; острых противоречий между высшей светской властью и церковной в нем не видно — в отличие от некоторых мест первой редакции свода, составленного митрополитом Даниилом, таким образом в значительной степени снимается идеологическая заостренность.

Исключительно важным является обращение к Пискаревскому летописцу. В нем обнаруживается множество оригинальных известий, связанных с военным делом и относящихся к периоду от 1550-х гг. как минимум до начала следующего столетия. Но особенное значение придается в исследовательской литературе обширному сообщению Пискаревского летописца об опричнине. Это свидетельство характеризуется весьма отрицательным отношением к опричным порядкам и самому Ивану IV; среди прочего, там сообщаются имена главных советников царя, утвердивших в нем мнение о необходимости учредить опричнину, это В. М. Захарьин-Юрьев и А. Д. Басманов-Плещеев.

Пискаревский летописец [Пискаревский летописец. Известие об опричнине. С. 190] был найден и опубликован впервые О. А. Яковлевой [Яковлева, 1955]. Содержит сведения с древнейших времен до 1615 г. Написан между 1615 и 1625 гг., по мнению Яковлевой, столичным приказным человеком, «который ведал строительным делом и металлургией», был хорошо осведомлен в кремлевских делах и, воз-

можно, был связан с домом Шуйских, во всяком случае, «отражал интересы боярской знати», негативно высказываясь об опричнине и Борисе Годунове [Там же. С. 8—12]. М. Н. Тихомиров соглашается с тем, что автор летописца — человек из круга Шуйских, высказывается в их пользу, да и в целом осведомлен об их делах; что-то в памятнике, полагает М. Н. Тихомиров, — результат свежих воспоминаний, а что-то — компиляция из слухов, рассказов современников, неизвестных источников; есть вероятность того, что автор — печатник Н. Ф. Фофанов [Тихомиров, 1957. С. 112—118]. И. Б. Греков видел автора в крупном церковном деятеле эпохи Смуты Арсении Елассонском [Греков, 1976. С. 329—358]. В. И. Буганов в целом присоединился к мнению М. Н. Тихомирова. По его словам, «многие известия за XVI—начало XVII в. являются переложением каких-то неизвестных источников, а также устных преданий, слухов, рассказов современников; наконец, часть наиболее поздних записей была сделана, вероятно, по личным наблюдениям составителя (или составителей) летописца» [Буганов, 1978. С. 4]. Я. Г. Солодкин аргументированно отвел гипотезы по поводу возможного авторства Н. Фофанова и Арсения Елассонского, а также о близости летописца кругом Шуйских [Солодкин, 1997. С. 65—67]. Вслед за О. А. Яковлевой он считает автором оригинальных известий «московского приказного человека, причастного к строительному делу», и полагает возможным описание им целого ряда исторических событий по личным впечатлениям. Не исключено, что к созданию летописного памятника, составившего основу для Пискаревского летописца «в его оригинальной части» был причастен дьяк Нечай Перфирьев, реально участвовавший в строительстве смоленской крепости. Его карьера во многом совпадает с теми событиями, отразившимися в Пискаревском летописце, которые описаны подробно и явно на основе личных воспоминаний автора. «Основным пластом» Пискаревского летописца «является текст летописца за вторую половину XVI—начало XVII в.», этот текст «дополнен по другим источникам, к примеру, краткому летописцу севернорусского происхождения» [Там же. С. 67].

Позиция Г. Я. Солодкина представляется в наибольшей степени обоснованной: текст Пискаревского летописца на протяжении периода примерно со второй половины 1550-х—начала 1560-х гг. вплоть до начала 1610-х гг. демонстрирует единый авторский стиль. Видна не компиляция, а именно сочетание базового летописного памятника с единичными вкраплениями в его ткань, взятыми из других источников. Кандидатура Н. Перфирьева весьма вероятна или, во всяком случае, это мог быть иной приказный человек высокого ранга, связанный со строительным и военным делом. Общий уровень осведомленности такой фигуры о делах общегосударственного и частного московского

значения дает основание с доверием относиться к известию о том, что у истоков опричнины стояли представители двух старинных семей московской нетитулованной аристократии: Захарыны-Юрьевы и Басмановы-Плещеевы.

Соловецкий летописец конца XVI в.²⁴ сочетает известия локальные, связанные с бытом Соловецкой обители, с известиями общерусского масштаба. На его страницах немало уникальных сведений, связанных с крупными военными событиями времен правления Ивана IV: оборонительной операцией под Москвой в 1571 г., молодинской битвой 1572 г.²⁵, походами в Ливонию 1575 и 1577 гг., осадой Колывани русскими воеводами, а также Полоцка, Великих Лук и Пскова — армией короля Стефана Батория [Корецкий, 1981. С. 237—240]. В. И. Корецкому удалось определить автора этого памятника:

...С конца 50-х годов XVI в. до конца 80-х годов XVI в. роль летописца выполнял в Соловецком монастыре келарь, а затем соборный старец Петр Ловушка (Ловушкин). Он систематически выполнял важные монастырские поручения и был принят у царя Ивана IV, относившегося к нему благосклонно. Ему неоднократно и подолгу приходилось бывать в Москве, Новгороде, Вологде... встречаться со столичными и новгородскими должностными лицами. Старцу Петру были доступны и летописные памятники, хранившиеся в большой соловецкой библиотеке. Поэтому в Соловецком летописце отразились не только местные... но и общерусские известия как по личным впечатлениям автора, так и перечерпнутые им из других письменных источников [Там же. С. 227—229].

В специальной литературе существует и другое мнение в отношении авторства: летописцем или «организатором летописных работ» в Соловецком монастыре называют игумена Иакова [Дмитриева, 1989. С. 25]²⁶. Он также бывал в Москве, пользовался благосклонностью монарха и путешествовал по городам России. Эти обстоятельства позволяют в любом из двух названных вариантов рассматривать сведения Соловецкого летописца как достоверные — по большей части.

²⁴ Впервые опубликован М. Н. Тихомировым. См.: [Тихомиров, 1951. Т. VII].

²⁵ Это известие Соловецкого летописца велико по объему, изобилует уникальными сведениями и оставляет впечатление близкого знакомства летописца с фактами — возможна фиксация устных рассказов самих участников молодинской битвы. Поэтому данное известие исключительно ценно для русской военной истории.

²⁶ В пользу авторства Иакова или кого-то из его учеников высказывались и другие исследователи, в частности, особенно жестко и убедительно отстаивал кандидатуру игумена Иакова О. Панченко, сделавший соответствующий доклад «„Летописец игумена Иакова“ и памятники Соловецкого летописания XVI—XVIII вв.» на конференции «Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря: XV—XX вв.» в сентябре 2010 г.

Записки и воспоминания иностранцев о России содержат единичные, притом весьма разрозненные сведения и о системе подбора командных кадров, и об отдельных военачальниках Московского государства. С. М. Середонин, большой знаток иностранных источников по истории России в XVI в. и публикатор некоторых английских известий, не отметил в специальной работе [Середонин, 1891] информации подобного рода, хотя вообще о русских вооруженных силах европейцы писали тогда очень много. Важным исключением служит трактат уже упоминавшегося англичанина Джильса Флетчера «О государстве русском». В нем, среди прочего, содержится обстоятельный пассаж «О военной силе, главных военачальниках и жаловании их» [Флетчер, 1906. С. 78—83]. Флетчер перечисляет пятерых крупнейших полководцев России конца 1580-х гг., дает краткую характеристику их способностей, сообщает о выборе главных военачальников полевых соединений из людей знатнейшего рода при полном игнорировании их способностей и боевого опыта, а также указывает, что вторым воеводой при родовитом, но беспаланном главнокомандующем обычно назначался человек не столь высокого происхождения, но более способный к тактической работе в боевых условиях. Кроме того, английский дипломат подробно рассматривает систему управления войсками в поле, называя основные должности русского офицерского корпуса то на европейский лад («генерал-майоры»), то на русский («воеводы», «головы», «пятидесятские»).

Отношение к этому известию исключительно важно, поскольку оно связано с оценкой целого ряда случаев, когда в роли командующего большой армией оказывался человек, в принципе лишенный какого-либо опыта воеводской деятельности.

Достоверность сведений Дж. Флетчера критически оценил С. М. Середонин, посвятивший этому известию несколько страниц в большом источниковедческом труде (магистерской диссертации) [Середонин, 1891. С. 361—365]. Этот петербургский ученый обнаружил немалое количество неточностей в труде английского дипломата, высказал идею, согласно которой главным источником Флетчера стали рассказы другого англичанина, Джерома Горсея, долго жившего в России (впрочем, его словам Середонин отказал в достоверности), более того, отметил целый ряд ошибок в той части трактата, где говорится о вооруженных силах Московского государства; вот характерное высказывание Середонина об одном из пассажей Флетчера в названной главке:

Запутанное изложение Флетчера, конечно, уничтожает ценность его показания: на основании такого изложения мы видим, что военное дело осталось для Флетчера не вполне выясненным [Там же. С. 345].

Вместе с тем именно то место сочинения Флетчера, где речь идет о порядке назначения воевод, Середонин считает «совершенно верным» [Там же. С. 364]. Далее он приводит ряд доводов в пользу правоты и достоверности данного свидетельства Флетчера. Так, Сергей Михайлович отмечает, что иностранные источники (Рейнгольд Гейденштайн) и русские литературные памятники («Повесть о прихождении литовского короля Стефана Батория на град Псков») в один голос указывают на кн. И. П. Шуйского как главного начальствующего лица при осаде Стефаном Баторием Пскова. Старшим из воевод тогда формально числился кн. В. Ф. Скопин-Шуйский, но он играл скорее номинальную роль, что и ввело в заблуждение как иностранцев, так и русского литератора. С. М. Середонин пишет:

Такую же роль не раз играл славный воевода Иван Меньшой Васильевич Шерemetев, напр., в походе на Ревель 1576 г., где первым воеводой Большого полка был кн. Фед. Ив. Мстиславский, а Ив. Вас. Шерemetев вторым, но он клялся Грозному взять во что бы то ни стало этот город [Середонин, 1891. С. 364].

К замечаниям С. М. Середонина хотелось бы добавить следующее: формально под Казанью в 1552 г. русской армией командовал молодой кн. И. Ф. Мстиславский, имевший как военачальник весьма незначительный опыт. Душой боевых действий стал его второй воевода кн. М. И. Воротынский. Михаил Иванович был несколько старше Мстиславского по возрасту, несколько ниже по местническим счетам (но незначительно) и обладал намного большим командно-тактическим опытом [Володихин, 2009. С. 161—164]. Князь И. Д. Бельский по знатности стоял на высшей ступени местнической «лестницы». Летом 1555 г. он занял пост первого дворового воеводы, т. е. возглавил государев полк в походе против крымцев; осенью того же года он уже возглавил армию пятиполкового состава [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 173, 177]. Между тем это были первые воеводские назначения в его биографии. Знатность князя Бельского просто не позволяла поставить его ниже... Его вторыми воеводами в тех двух походах были боярин кн. В. С. Серебряный-Оболенский и боярин кн. Д. И. Курлятев. Оба — высокородные служилые аристократы, лишь немного уступавшие кн. И. Д. Бельскому в «отечестве», и оба — бесконечно более опытные полководцы. Все перечисленные факты полностью подтверждают достоверность пассажа о порядке назначения русских воевод в трактате Джильса Флетчера.

Что касается возведения известий Флетчера к Джерому Горсею, то полная недостоверность Горсея нуждается в доказательствах, которые С. М. Середонин не привел. Кроме того, как уже приходилось писать автору этих строк, Флетчер мог воспользоваться архивом английской

Московской компании, накопившимся в течение нескольких десятилетий ее торговой деятельности в России [Володихин, 1994. С. 31—36]. Представители Московской компании имели возможность получать необходимые сведения даже против воли Ивана IV. Все это говорит в пользу достоверности названного места в трактате Флетчера.

Для разработки поставленных исследовательских задач важную информацию дают законодательные источники. Законодательными актами российское правительство середины XVI в. стремилось урегулировать управление войсками. Соответственно, судить о карьере того или иного военачальника, достигшего воеводских постов, невозможно без понимания того, как соотносились друг с другом эти посты в самостоятельном полевом соединении. На протяжении XVI в. существовало как минимум две системы соотношения воеводских должностей в действующей армии.

Первая из них относится к периоду до 1549 г. включительно. Ее восстановил по крупицам Ю. Н. Мельников. Для настоящего исследования она имеет относительно небольшое значение²⁷.

Вторая была введена «приговором» о полковых воеводах 1549/1550 г. и от первой отличалась незначительно. Именно на нее опирается данное исследование, поскольку документов, как-либо изменявших эту систему на протяжении второй половины XVI столетия, неизвестно. Система является действующей также и для периода опричнины (1565—1572).

Приговором 1549/1550 г. было отчасти ограничено, отчасти же упорядочено местничество полковых воевод. Вот текст документа в двух редакциях²⁸:

I. Того же лета [1550 год] месяца июля в... день царь и великий князь Иван Васильевич всея Русии приговорил с отцом своим Макарьем митрополитом, и з братом со своим Юрьевм Васильевичем, и со князем Володимером Ондреевичем и з бояры своими, где кому быти случится на службе бояром и воеводам по полком: в большом полку быти большому воеводе; а передового полку и правые руки и левые и сторожевому полку первым воеводам менши быть большого полку первого воеводы; а хто будет другой воевода в большом полку, и до того другога воеводы правые руки большому воеводе дела и счету нет, быти им без мест; а передовому полку и сторожевому первым воеводам правые

²⁷ По словам кн. Д. И. Хворостинина (1589), какое-то время «были... три полка равны: левая рука, да сторожевой, да передовой полк. А правые руки воевода и большово полку другой воевода были больши левые руки» [Мельников, 1985].

²⁸ Под литерами I и II идут разные редакции этого документа — разрядная и летописная.

руки быти не менши; а левой руке воеводам быти не менши передового полку и сторожевого первых воевод; а быти левой руке воеводам менши правые руки. А князем и дворяном большим и детем боярским быти с бояры и с воеводами большими и с легкими воеводами на цареве и великого князя службе без мест. И в Розряд государь велел записати, что боярским детем и дворяном большим случится где быть на государеве службе с воеводами не по их отечеству, и в том их отечеству порухи некоторые нет.

II. Лета 7058 [1549/1550 г.] приговорил царь государь с митрополитом и со всеми бояры. В полках быти княжатам и детем боярским с воеводами без мест, ходити на всякие дела со всеми воеводами для вмешения людем, а в том отечеству их уничижения нет. Которые будут впредь в боярех или в воеводах, и они считаются по своему отечеству. А воеводы в полках: большой полк, да правая рука, да левая рука по местом, а передовой полк да сторожевой полк менши одного в большом полку большого воеводы, а до правой руки и до левой руки, и в большом полку до другого воеводы дела нет, с теми без мест; кто с кем в одном полку послан, тот того и менши. А воевод государь прибирает, розсуждая их отечество и кто того дородитца, кто может ратный обычай содержати [Законодательные акты... 1986. С. 29—30].

Итак, основные принципы старшинства военачальников в действующем полковом соединении приняли окончательный вид:

1. Тот, кто не имеет воеводского чина, с воеводой вступать в местническую тяжбу не может.

2. Главнокомандующим является первый воевода большого полка.

3. Ему подчиняются первые воеводы всех остальных полков.

4. Второй воевода большого полка по местнической части не может быть сопоставлен с первым воеводой полка правой руки («быти им без мест»), но равен первым воеводам передового и сторожевого полков.

5. Воеводы полка левой руки стоят ниже воевод полка правой руки, но равны по рангу воеводам передового и сторожевого полков. Соответственно, первый воевода полка левой руки может быть уравнен в части со вторым воеводой большого полка, но вопрос этот ясно и однозначно не прописан, что открывает возможность для преобладания местнической части второго воеводы большого полка над первым воеводой полка левой руки.

6. В каждом полку первый воевода старше прочих, второй старше третьего и т. д.

Более ранний вариант (1549/1550) предусматривает также ограничение местнических тяжб между первыми воеводами, с одной стороны, полков правой и левой руки, с другой — полков передового и сторожевого. Но это ограничение в окончательном варианте документа не Удержаналось.

Состояние источниковой базы исследования позволяет сделать следующие выводы: сведения, которые дают разрядные источники, достаточны по объему и вполне достоверны для решения основных исследовательских задач настоящей работы; данные других источников, в первую очередь летописных, могут быть с успехом использованы, во-первых, как дополнение к данным разрядов, во-вторых, как материал для проверки свидетельств разрядов в частных случаях. Законодательные источники дают информацию справочного характера.

Глава II

ВОЕННАЯ ЭЛИТА¹ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVI ВЕКА

1. Списочный состав военной элиты Московского государства при Иване IV

Государственные и частные разряды, летописи, а также, в меньшей степени, иностранные источники и делопроизводственные материалы позволяют составить представление о командирском составе вооруженных сил Московского государства в XVI в. Современный историк располагает массовыми данными о воеводском корпусе России середины—второй половины XVI столетия от стрелецких голов до воевод высшего ранга. К последнему следует причислять первых воевод в большом полку, когда полевая армия имеет в своем составе от двух полков и выше; первых воевод или наместников в крупных крепостях (таких как Новгород Великий, Псков, Казань, Астрахань, Юрьев-Ливонский, Нарва, Полоцк); дворовых («дворцовых») воевод, т. е. персон, возглавляющих «государев полк» или «государев двор», когда он включается в полевую армию.

Если исключить из общего числа лиц, попавших в перечисленные источники, всех тех, кто никогда не занимал важнейших воеводских постов, да и на меньшие попадал лишь в единичных случаях², оста-

¹ Понятие «военно-политическая элита» прочно введено в современную историческую науку коллективным исследованием петербургских историков (см.: [Правящая элита... 2006]). В данном случае под «военной элитой» XVI в. понимается круг лиц, в течение длительного периода времени получавших высокие и высшие воеводские назначения, т. е. возглавлявших отдельные полки и целые армии.

² Например, бывал раз-другой первым, вторым или третьим воеводой полка левой руки, передового, сторожевого и т. п., возглавлял «наряд» (артиллерийский парк полевого соединения), «годовал» в небольшой крепости, был воеводой при татарских служилых царевичах или «воеводой на посыль-

нется еще очень значительный список людей, составлявших командный костяк вооруженных сил Московского государства, — приблизительно 200 человек за все годы правления Ивана IV (1533—1584). У всех этих военачальников можно проследить хотя бы основные пункты карьеры, однако для составления более развернутых биографий материала в большинстве случаев явно не хватает.

Зато его достаточно в отношении военной элиты — сравнительно небольшого круга полководцев, получавших высокие и высшие воеводские назначения постоянно, на протяжении многих лет. Этот критерий сыграл роль основного при выделении названной «элитной» группы из разрядных списков. Особо важными считались назначения на должности, которые давали право командовать полевой армией. Составление «реестра» военной элиты производилось с учетом следующих дополнительных факторов: сведения о проявлении полководческого искусства, опыт участия в боевых действиях, служба при Василии III (1505—1533), а также после смерти Ивана IV при Федоре Ивановиче (1584—1598). В качестве основополагающих источников были использованы разрядные книги³. Остальные источники использовались главным образом в качестве справочного материала.

В итоге был получен список из 35 персон:

князь Бельский Дмитрий Федорович
 князь Бельский Иван Дмитриевич
 князь Булгаков Юрий Михайлович
 князь Воротынский Владимир Иванович
 князь Воротынский Михаил Иванович
 князь Глинский Михаил Васильевич
 князь Голицын-Булгаков Василий Юрьевич
 князь Голицын-Булгаков Иван Юрьевич
 князь Горбатый Александр Борисович
 князь Курлятев-Оболенский Иван Константинович
 князь Микулинский-Пунков Василий Андреевич
 князь Микулинский-Пунков Семен Иванович
 Морозов Михаил Яковлевич
 Морозов Петр Васильевич
 князь Мстиславский Иван Федорович
 князь Мстиславский Федор Иванович

ку». Сравнительно более высокими в этом списке должностями являются посты первых воевод в полках «честию ниже» большого.

³ Разрядная книга 1475—1598 гг.; Разрядная книга 1559—1605 гг.; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1—2, вып. 1—2; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1—3; Т. 2, ч. 1—3; Т. 3, ч. 1—3; Т. 4, ч. 1—2; Баранов, 2004; Анхимюк, 2004.

князь Палецкий (Полецкой) Андрей Дмитриевич
 Плещеев-Колодка Иван Дмитриевич
 князь Пронский Турунтай Иван Иванович
 князь Пронский Семен Данилович
 князь Серебряный-Оболенский Петр Семенович
 князь Серебряный-Оболенский Василий Семенович
 князь Телятевский Андрей Петрович
 князь Трубецкой Богдан Александрович
 князь Хворостинин Дмитрий Иванович
 князь Черкасский Семен Ардасович
 Шерemetев Иван Большой Васильевич
 Шерemetев Федор Васильевич
 князь Шуйский Иван Андреевич
 князь Шуйский Иван Михайлович
 князь Шуйский Иван Петрович
 князь Шуйский Петр Иванович
 князь Щеняцев Петр Михайлович
 Юрьев-Захарын Никита Романович
 Яковлев-Захарын (Яковля) Иван Хирон Петрович

Вплотную к ним примыкает группа из 57 персон:

Басманов-Плещеев Алексей Данилович
 Бутурлин Иван Михайлович
 Бутурлин Роман Дмитриевич
 Волынский Вороной Михаил Иванович
 Воронцов Василий Федорович
 Воронцов Иван Семенович
 князь Воротынский Александр Иванович
 Головин Владимир Васильевич
 Головин Михаил Петрович
 князь Горенский Петр Иванович
 Захарын-Юрьев Даниил Романович
 Карпов Долмат Федорович
 Князь Кашин Иван Иванович
 Князь Кашин Юрий Иванович
 Колычёв-Умной Василий Иванович
 князь Куракин Андрей Петрович
 князь Куракин Григорий Андреевич
 князь Курлятев-Оболенский Дмитрий Иванович
 князь Лобанов-Ростовский Иван Александрович
 князь Лыков-Оболенский Михаил Юрьевич
 князь Микулинский Дмитрий Иванович

князь Ногтев-Сузdalский Андрей Иванович
князь Ногтев-Сузdalский Даниил Андреевич
князь Одоевский Никита Романович
князь Одоевский Роман Иванович
князь Одоевский Федор Иванович
князь Охлябинин Иван Залупа Петрович
Очин-Плещеев Захарий (Захария) Иванович
Очин-Плещеев Никита Иванович
князь Палецкий Давыд Федорович
князь Палецкий (Полецкий) Дмитрий Федорович
Плещеев Дмитрий Михайлович
князь Пронский Иван Шемяка Васильевич Нелюбов
князь Репнин-Оболенский Андрей Васильевич
князь Репнин-Оболенский Михаил Петрович
князь Репнин-Оболенский Петр Иванович
князь Серебряный-Оболенский Борис Васильевич
князь Сицкий Василий Андреевич
князь Сицкий Иван Васильевич
князь Татев Петр Иванович
князь Темкин-Ростовский Юрий Иванович
князь Токмаков Юрий Иванович
князь Троекуров Федор Иванович
князь Трубецкой Михаил Романович
князь Туренин Иван Самсонович
князь Тюфякин Михаил Васильевич
князь Хворостинин Андрей Старко Иванович
князь Хворостинин Петр Иванович
князь Хилков Василий Дмитриевич
князь Хилков Дмитрий Иванович
князь Хованский Андрей Петрович
Чепчугов-Клементьев Никифор Павлович
князь Черкасский Михаил Темрюкович
Шерemetев Иван Меньшой Васильевич
князь Шуйский Федор Иванович
князь Щербатый Меркул (Меркур) Александрович
Яковля (Яковлев) Семен Васильевич

В списки не вошли некоторые персоны, игравшие в армейской эlite того времени важные роли на протяжении первых двух десятилетий правления Ивана IV. В их числе несколько крупных военачальников из рода князей Мезецких, князья Горбатые — Борис Иванович и Михаил Васильевич, князь Александр Васильевич Кашин, князь Андрей Дмитриевич Ростовский, князь Василий Васильевич Шуйский, а

также князь Иван Васильевич Шуйский — весьма заметная фигура. Причина во всех случаях одна: эти лица большей частью своей деятельности принадлежат к предыдущему правлению, временам Василия III. Люди в основном преклонного возраста, позднее они дослуживали свой век.

Карьера таких военачальников, как князья Василий Андреевич Микулинский, Федор Иванович Одоевский, Иван Шемяка Васильевич Нелюбов Пронский, Петр Иванович Репнин-Оболенский, а также некоторые другие, сложилась также при Василии III, однако и позже они проявляли высокую активность на военном поприще, в частности, назначались на воеводские посты не менее десятка раз каждый. Поэтому в список они вошли.

Целый ряд военачальников начинали при Иване IV службу с весьма скромных постов, но затем возвысились. Это могло произойти при Федоре Ивановиче, Борисе Годунове или даже позднее. Подобных персон автор этих строк также не включил в списки военной элиты, так как до 1584 г. (кончина Ивана IV) они в ее состав не входили. Определенное «снисхождение» сделано в отношении видных фигур, наилучшим образом проявивших себя на протяжении грозненского времени и уже получивших значительный опыт на высоких воеводских должностях, но лишь в последующем царствовании достигших высших чинов и назначений. В качестве примеров можно привести Никиту Ивановича Очина-Плещеева, князя Михаила Романовича Трубецкого, Дмитрия Ивановича Хворостинина и Федора Ивановича Мстиславского⁴.

Бросается в глаза особое положение некоторых родов на военной службе: из их числа постоянно, на протяжении десятилетий, рекрутируются воеводы, занимающие высокие и высшие должности в войсках и крепостных гарнизонах.

Вот список родов, поднявшихся на военной службе особенно высоко:

Семейства боярские

Бутурлины

Волынские

Воронцовы

Головины

Карповы

⁴ Правда, в отношении последнего из них слова «проявивший себя наилучшим образом» не вполне уместны. Князь Ф. И. Мстиславский десятки раз выходил в походы на воеводских должностях, дважды при Иване IV осуществлял командование полевыми армиями, но полководческого таланта был лишен, и это не лучшим образом сказывалось на судьбах вверенных ему войск.

Колычёвы

Морозовы

Плещеевы (в том числе Очина-Плещеевы и Басмановы-Плещеевы)

Юрьевы-Захарьины, из которых вышли Романовы

Сабуровы

Салтыковы

Шеины

Шереметевы

Яковлевы-Захарьины

Семейства княжеские

Барбашины (Борбашины или Барбошины)

Бельские

Булгаковы

Воротынские

Глинские

Голицыны

Горбатые

Горенские

Засекины

Кашины

Куракины

Курлятевы-Оболенские

Лобановы-Ростовские

Лыковы-Оболенские

Микулинские

Мстиславские

Ногтевы-Сузdalьские

Одоевские

Охлябинины

Палецкие

Пронские

Репнины-Оболенские

Ржевские

Ростовские

Серебряные-Оболенские

Сицкие

Татевы

Телятевские

Токмаковы

Темкины-Ростовские

Трубецкие

Туренины

Тюфякины

Хворостинины
Хилковы
Черкасские
Шуйские
Щеняцевы
Щербатые

Очевидны две особенности в составе этих списков.

Во-первых, почти все перечисленные персоны и семейства представляют собой высший слой военно-служилой аристократии Московского государства — как титулованной, так и нетитулованной. Это представители высокородной знати. В первом списке из 35 военачальников большинство дослужились до боярского чина, некоторые занимали положение служилых князей.

А. П. Павлов по результатам кропотливого анализа источников сделал вывод:

Для конца XVI—начала XVII в. выделяется следующая группа фамилий, которые можно рассматривать как аристократические («боярские»): Басмановы-Плещеевы, князья Бахтеяровы-Ростовские, Борисовы-Бороздины, князья Буйносовы-Ростовские, Бутурлины, Вельяминовы-Зерновы, «воеводичи» Волошские, князья Глинские, Годуновы, князья Голицыны, князья Гундоровы-Стародубские, князья Долгоруковы-Оболенские, князья Засекины-Ярославские, князья Звенигородские, Карповы-Долматовы, князья Катыревы-Ростовские, князья Кашины-Оболенские, князья Ковровы-Кривоборские (Стародубские), князья Куракины, князья Курлятевы-Оболенские, князья Лобановы-Ростовские, князья Лыковы-Оболенские, князья Мезецкие, Морозовы, князья Мосальские, князья Мстиславские, Мутяньинские, князья Ноготковы-Оболенские, князья Ногтевы-Сузdalские, князья Ноздроватые-Звенигородские, князья Одоевские, князья Охлябинины-Ярославские, Плещеевы, князья Приимковы-Ростовские, князья Прозоровские-Ярославские, князья Пронские, князья Репинны-Оболенские, Романовы-Юрьевы, князья Ромодановские-Стародубские, Сабуровы, Салтыковы, Селунские, князья Сицкие-Ярославские, князья Суслешовы, князья Татевы-Стародубские, князья Телятевские, князья Темкины-Ростовские, князья Токмаковы-Звенигородские, Траханиотовы, Третьяковы-Головины, князья Троекуровы-Ярославские, князья Тростенские-Оболенские, князья Трубецкие, князья Туренины-Оболенские, князья Тюменские, князья Тюфякины-Оболенские, князья Урусовы, князья Ушатые-Ярославские, князья Хворостинины-Ярославские, князья Хилковы-Стародубские, князья Хованские, князья Черкасские, Шеины, князья Шейдяковы, Шереметевы, князья Шестуновы-Ярославские, князья Шуйские, князья Щербатые-Оболенские. Всего около 70 фамилий [Павлов, 1992. С. 17—18].⁵

⁵ Князья Булгаковы не указаны здесь, видимо, из-за технической ошибки, ведь по соседству с этим списком А. П. Павлов ясно говорит о них как об одном из самых видных аристократических родов конца XVI столетия.

Речь идет о периоде 80-е гг. XVI в.—1605 г. Но этот круг аристократических семей, контролирующих назначения на важнейшие военные и административные посты, сложился раньше, при Иване IV, и впоследствии изменялся сравнительно мало.

Основным изменением было изгнание с ключевых должностей в армии, дипломатическом ведомстве иправленческом аппарате нескольких «худородных» фаворитов предыдущего царствования. Но они фактически не имели возможности дослужиться до вершин военной карьеры даже при самом благоприятном режиме продвижения по лестнице чинов.

Роды Яковлевых-Захарьиных (Яковлей), Воронцовых, князей Бельских, Горбатых-Суздальских, Серебряных-Оболенских, Щенятевых уже пресеклись к тому времени (до второй половины 80-х гг. XVI в.). Род князей Барбашиных-Суздальских также пресекся, побывав в высоких чинах при опричнине. Ветвь Тверского дома, именовавшая себя «князьями Микулинскими», тоже извяллась. Сильно размножившиеся князья Ржевские не завоевали при дворе высокого положения, впрочем, они были аристократией «второго сорта» и в армии редко достигали значительных постов. Головины в борьбе с Борисом Годуновым попали в опалу, были удалены от двора и отправлены в ссылку; но в начале правления Федора Ивановича они еще оставались в силе. Опала, по предположению того же А. П. Павлова, постигла и Волынских [Павлов, 1992. С. 133]. Наиболее значительные представители семейства Колычевых при Федоре Ивановиче также оказались в опале, утратили влияние и надежды на карьеру. Вместо Палецких, стоявших чрезвычайно высоко в середине XVI в., поднялись другие ветви Стадорубского дома. В остальном — почти полное попадание военной элиты времен Ивана IV в «аристократический список» А. П. Павлова.

Исключение одно-единственное: Никифор Павлович Чепчугов-Клементьев⁶. Эта фигура поистине уникальна. Родился он, скорее всего, в 30-х гг. XVI в. Карьерное продвижение Никифора Павловича шло медленно. Разряды довольно долго упоминают его на младших офицерских должностях. Так, во время похода 1558 г. на Юрьев-Ливонский он числился головой в полку правой руки, под началом первого воеводы боярина князя В. С. Серебряного. Через полгода, во время зимнего похода на Ливонию, он пребывает на той же должности в сторожевом полку, со вторым воеводой Ф. И. Салтыковым. В январе 1560 г. его отправляют головой при втором воеводе полка правой руки боярине Н. В. Шереметеве в армии, идущей на Алыст (Алуксне). В том же году он ходил головой при первом воеводе передового полка

⁶ В справочной литературе иногда ошибочно именуется Никифором Клементьевичем.

князе А. М. Курбском на Феллин [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 202, 206, 216, 224]. Таким образом, первые, наиболее удачные годы Ливонской войны не принесли ему повышения по службе. В 1566/1567 г. Никифор Павлович годует головой в Себеже при воеводе В. Ю. Сабурове [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 48]. К концу царствования Ивана IV это уже опытный военачальник, послуживший немало. И в 1582 г., очевидно весной, происходит небывалый взлет в его карьере: Никифора Павловича отправляют первым воеводой большого полка (т. е. командующим) в небольшой рати двухполкового состава (большой полк и передовой) из Казани на Каму «по ногайским вестям» [Там же. С. 190]. К тому времени ему лет сорок пять, а может быть и все пятьдесят. Год спустя он был отправлен вторым воеводой казанской рати к месту сбора для большого похода. В 1583/1584, а затем и в 1584/1585 гг. Чепчугов-Клементьев годует в Казани вторым воеводой «в остроге» [Там же. С. 197, 205—206, 213]. Известно, что с декабря 1583 г. Никифор Павлович получил под команду стрельцов и литовских служилых людей Казани [Антонов, 2002. № 686]. А в 1590 г., пребывая уже в преклонном возрасте, он вновь служит головой (всего-навсего головой!) у наряда во время осады Ругодива [Станиславский, 2004. С. 131]⁷. Чепчуговы не были «новыми людьми», совершенно неизвестными, но соперничать с большой аристократией не могли. Они представляли средние слои дворянства, не имевшие влияния при дворе московского государя. В «тысячниках» числился некий Степанко или Стенька Чепчугов сын Клементьева, записанный во вторую статью псковским городовым помещиком по Опочке [ТКДТ. С. 100]⁸, а в Дворовой тетради 1550-х гг. Чепчуговы не отмечены. Сам Никифор Павлович в конце 80-х—начале 90-х гг., после стольких служб, ходил в выборных дворянах по Туле с окладом в 550 четей земли — не голь, но и ничего особенного [Станиславский, 2004. С. 236, 333, 349]. Вотчины и поместья богатых аристократов измерялись тогда тысячами четвертей. Как уже говорилось, семейство Чепчуговых-Клементьевых не было ни «новым», ни совершенно «захудальным»: судя по писцовым книгам 1580-х гг., у Никифора Павловича была вотчина в Московском уезде, на реке Клязьме, а сам род, как обнаружил дотошный исследователь родословных Д. Ф. Кобеко, вы-

⁷ Понижение по службе, возможно, стало следствием конфликта с придворной партией Годуновых (см.: [Кобеко, 1901. С. 711]). Правда, Иван IV (в 1567—1568 гг.) и Федор Иванович (в 1585 г.) жаловали ему иные, весьма серьезные источники дохода (см.: [Антонов, 2002. № 3440, 3442]).

⁸ Упомянут в Тысячной книге также некий Семейка Григорьев сын Клементьева, городовой новгородский сын боярский второй статьи, но связан ли он с Чепчуговыми, уверенно сказать нельзя [ТКДТ. С. 89].

водил себя от некоего (легендарного?) «честного мужа Облагания», выехавшего из Швеции в 1375 г. на службу к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу [Кобеко, 1901. С. 711—712]. Служебная связь Чепчуговых-Клементьевых с Московским княжеским домом, возможно, уходила корнями в давнюю старину. Однако они «высвечиваются» источниками только в середине XVI столетия, да и то положение их иначе как весьма скромным не назовешь. Только сын Никифора Павловича, Иван Никифорович, в начале XVII столетия добился службы по московскому списку [Павлов, 1992. С. 115, 116; Станиславский, 2004. С. 301]. И если отец не местничал, то сын уже вступает в местнические споры [Эскин, 1994. № 434].

Чем же тогда объясняется доверие, оказанное Никифору Павловичу в уникальном случае самостоятельного командования армией, отправленной на Каму? Очевидно, несколькими десятилетиями безупречной службы... Однако возможен и другой ответ: Чепчуговы связаны были с влиятельным дьяческим семейством Щелкаловых. Василий Яковлевич Щелкалов, по всей видимости, был женат на сестре Никифора Павловича, а Василий Петрович Морозов, представитель влиятельного старомосковского боярского рода, был двоюродным братом Евдокии Никифоровны Чепчуговой [Кобеко, 1901. С. 713]⁹. Внука Никифора Павловича, Ивана Ивановича Чепчугова, во время одного местнического разбирательства упрекали в том, что его дед занял должность «головы у татар» по протекции Щелкаловых. Но должность головы была достижима для людей уровня Чепчуговых и без особой поддержки со стороны могущественных доброжелателей; очевидно, имелось в виду то самое воеводство в походе на татар. Так что вполне вероятно и возышение Никифора Павловича при покровительстве сильной родни (что никак не умаляет долгой и нелегкой службы, о которой свидетельствуют данные разрядов).

Таким образом, исключение лишь подтверждает правило. Постепенное врастание в высший слой военной элиты неаристократических провинциальных родов было возможным, но крайне долгим и трудным процессом. Требовалось показать долгую, честную, успешную службу или... заручиться поддержкой влиятельных покровителей.

Во-вторых, в высшем командном составе вооруженных сил России времен правления Ивана IV (т. е. на протяжении полутора столетий) абсолютно доминируют «княжата», иными словами, титулованная часть аристократии. Если считать по отдельным персонам, то получится, что представителей старомосковских боярских родов в верхнем

⁹ Д. Ф. Кобеко также установил (с меньшей долей вероятности) родственные связи Чепчуговых с князьями Ромодановскими, а через них и отдаленное родство с могучими Шуйскими.

эшелоне воеводского корпуса всего лишь 20 % (по первой группе армейской элиты) или порядка 25 % (по обеим группам). Если подсчитывать не отдельных личностей, а роды, то получится то же самое — чуть менее 25 %. Столь очевидное преобладание титулованной знати приводит к необходимости более тщательно исследовать вопрос о соотношении этих двух частей русской служилой аристократии в командовании вооруженных сил России. Еще Н. П. Павлов-Сильванский, как уже говорилось, писал, что княжата оттеснили «на второй план большую часть старых боярских родов». С. В. Рождественский полагал:

Характерной чертой истории высшего служилого класса в XV и XVI вв. был наплыв многих княжеских фамилий, не только давивших простое нетитулованное боярство своюю численностью, но и оттеснявших его с первых ступеней чиновной лестницы [Рождественский, 1897. С. 217].

С. О. Шмидт высказался в том же духе:

Со второй половины XV в. при дворе московского великого князя прочно оседают в качестве служилых людей княжата, заметно потеснившие исконное московское нетитулованное боярство [Шмидт, 1973. С. 262—270].

В современном обобщающем труде по истории российской правящей элиты, в частности, сказано:

Постепенно в правление Василия III в составе бояр оказываются князья прежде независимых княжеств, тесня представителей старомосковских родов. Они подчиняются московскому государю, превращаясь в его советников.

А во времена «боярского правления» этот процесс приводит к заметным результатам:

...В Думе сосредоточились наиболее влиятельные силы служилых людей: княжата Северо-Восточной Руси, княжата присоединенных в первой половине XVI в. к Москве удельных земель и служилые князья Юго-Западной Руси. Старомосковское боярство не составляло даже половины состава Думы.

Проблема в том, чтобы понять, до какой степени в условиях армии сократилась «социальная территория» нетитулованных аристократических родов под натиском «княжат» [Правящая элита... 2006. С. 194, 197].

2. Титулованная и нетитулованная знать в командовании русской армии при Иване IV

Процент представителей старомосковских боярских родов, имеющих думные чины (бояре и окольничие) от общего количества служи-

лых аристократов, пользовавшихся таковыми в период регентства Елены Глинской и царствования Ивана IV, был неизменно выше, чем процент их представительства на верхних этажах армейской командной иерархии. Это убедительно показал А. А. Зимин в исследовании о составе Боярской думы [Зимин, 1958. С. 54—80]. Если считать одних только персон, имевших боярский чин, то превосходство титулованной знати, конечно, очевидно, но все-таки процент бояр некняжеского происхождения, как правило, не падает до значений около 20 %, он заметно выше. Если анализировать состав окольничих, то неоднократно бывало так, что представители старомосковских боярских родов в этом чине превосходили по количеству представителей титулованной знати. А. А. Зимин, в частности, пишет в отношении практики, сложившейся в 30—40-х гг. XVI столетия:

Окольничество... обычно получали представители знатных, но не княжеских, а старомосковских боярских фамилий [Там же. С. 59].

Если рассматривать список бояр в «Тысячной книге», то там 7 представителей старомосковских боярских семейств и 11 князей (а из семи окольничих — ни единого представителя титулованной аристократии). В боярском списке «Дворовой тетради» соотношение титулованной и нетитулованной знати 36:30 (в списке окольничих — абсолютное преобладание старомосковских боярских семейств) [ТКДТ. С. 54—55, 111—114]. В первые годы опричнины они получили преобладание в опричной Думе и, возможно, взлет влияния старинных семейств нетитулованной знати, издавна связанных тысячами нитей с правящей династией, подготовлен был обращенными к царю настойчивыми советами ее представителей о введении особого порядка правления. Так, Пискаревский летописец связывает возникновение опричнины с инициативой В. М. Захарьина-Юрева и А. Д. Плещеева-Басманова. В. Б. Кобрин считал, что «опричнина была детищем старомосковского боярства, стоявшего во главе этого мрачного учреждения до рубежа 60—70-х годов XVI в.» [Кобрин, 1985. С. 215]. Так не стало ли господство нетитулованной знати в первый период опричного времени своего рода реваншем за усиление позиций «княжат» в военной сфере? В любом случае, соотношение титулованной и нетитулованной знати у кормила власти в Московском государстве было в среднем гораздо более ровным: не видно такого подавляющего превосходства, которое княжеские роды получили в армейском командовании.

Возможность «боярского реванша» в период существования опричнины — один главных вопросов для настоящего исследования.

Потомки удельных князят потеснили заслуженных московских бояр в армии, предположительно, по двум причинам.

В наибольшей степени правдоподобен ответ, основанный на свидетельстве Джильса Флетчера — английского дипломата, посетившего Россию в 1588—1589 гг. Флетчер указывал на обычай ставить военачальником русской армии знатнейшего аристократа [Флетчер, 1906. С. 81—82]. Иное назначение нанесло бы обиду представителям других знатных семейств, оказавшихся в подчинении у человека, превосходства которого по части родовитости они не признавали. Так вот, у старомосковских бояр явно не хватало знатности, чтобы меряться ею с княжескими родами Мстиславских, Бельских, Шуйских, Воротынских, Микулинских и т. п. А в большинстве случаев они еще и не располагали земельными владениями, сравнимыми с колossalными вотчинаами и уделами, сохранившимися у этих семейств до середины XVI в.

Но возможна и другая версия, которая требует специального дополнительного исследования. Можно предположить, что у нетитулованных московских фамилий была своего рода специализация, в большей степени распространявшаяся на судебно-административную деятельность, чем на военную. Да и на военные посты их чаще определяли в крепости, нежели в полевую армию. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть этот тезис, нужна, как уже говорилось, отдельная монография. Здесь же хотелось бы привести лишь предварительные соображения.

Вот один из главнейших «столпов царства», боярин (с 1547 г.) [Зимин, 1958. С. 60] и конюший Иван Петрович Федоров-Челядинин, представитель старшей линии потомков боярина Акинфа Великого, один из богатейших аристократов Московского государства. В 1568 г. он после того как попал под подозрение в заговоре с целью передачи престола князю Владимиру Андреевичу Старицкому, был убит. Но прежде Иван Федорович сделал великолепную карьеру и, как видно, пользовался доверием государя. Как пишет Р. Г. Скрынников, Челядинны «издавно возглавляли Конюшенный приказ» [Скрынников, 1992. С. 296]. Так было и с И. П. Федоровым-Челядинным: он был крупным администратором, дипломатом, главой Конюшенного приказа. Но на военной службе он никогда не поднимался особенно высоко. Немногое известно об участии Ивана Петровича в походах. В 1536 г. «Иван Петров сын Федорович» упомянут как первый воевода в полку правой руки [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 98]. В 7045 (1536/1537) г. он расписан вторым воеводой в передовом полку во Владимире. А в 7048 (1539/ 1540) г. сидит воеводой в маленьком Боровске, удачно местничает с кн. И. С. Ногтевым по поводу назначения по «украинному разряду от поля», назначается первым воеводой в полку правой руки «по берегу» на Угре, а также первым воеводой сторожевого полка «от Казанской украины» (во Владимире). В 1541 г. он второй воевода в Калуге [Милюков. Древнейшая разрядная книга...]

1901. С. 102, 109, 111, 113]. На это время приходится пик его активности на воеводских службах. Затем его ожидала опала 1546 г. и ссылка в родовые владения на Белоозеро, впрочем, быстро закончившаяся [Зимин, 1964. С. 277]. В 1548 г., во время большого похода на Казань, его поставили было в разряд, но отпустили «по болезни» [Бычкова, 1986. С. 126]. В зимнем походе 1548/49 г. на Казань, а также в летних походах 1547 и 1550 гг. к Коломне Иван Петрович сопровождает царя, не имея какого-либо воинского назначения [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 123, 138, 144]. Последнее назначение Ивана Петровича в ранге полковых военачальников — пост первого воеводы в весеннем походе 1551 г. судовой рати к Казани (потолок карьеры Федорова-Челяднина в полевой армии) [Там же. С. 149]. В государственных разрядах он упоминается также первым воеводой Свияжска с весны 1556 г. (для боярина — незавидное назначение); «на берегу» в 1564 г. (но не совсем ясно, был ли он туда реально отправлен и если да, то в какой должности); в Юрьеве-Ливонском за 7070 (1561/1562) г. — но из записи опять-таки неясно, какой именно пост он там занимал (предположительно первого воеводы); а также в качестве первого воеводы в Полоцке за 7075 (1566/1567) г. [Там же. С. 184, 228, 251]¹⁰. Некоторые исследователи считают, что воеводство в Полоцке могло рассматриваться как знак опалы [Флоря, 2003. С. 220; Скрынников, 1992. С. 296], однако это сомнительно. Огромный Полоцк представлял собой богатейшее и притом стратегически важное приобретение времен первого периода Ливонской войны, сам царь гордился этой победой: ведь именно он возглавлял армию в походе на Полоцк [Володихин, Александров, 1994. С. 108—110]. Назначение на воеводство в Полоцк — это назначение на один из высших постов в военной иерархии того времени. Но на этом завершается список сведений о деятельности конюшего на военном поприще за всю грозненскую эпоху, богатую походами и войнами. По сравнению с представителями первого списка военной элиты, не вылезавшими из походов на протяжении многих лет и командовавших самостоятельными соединениями, Федоров-Челяднин выглядит довольно скромно. На военной службе ему чаще доставалась роль командующего городовыми гарнизонами, чем полкового воеводы. Это был прежде всего дипломат и администратор¹¹, о чем прямо свидетельствует, кстати, известное замечание немца-опричника Генриха Штадена:

¹⁰ А. А. Зимин отыскал упоминание еще о двух назначениях — в Псков (1554) и Смоленск (1559—1560). См.: [Зимин, 1964. С. 277—278].

¹¹ Об административных службах И. П. Федорова см., в частности: [Зимин, 1964. С. 278—279].

Иван Петрович Челяднин был первым боярином и судьей на Москве в отсутствие великого князя. Он один имел обыкновение судить праведно, поэтому простой люд был к нему расположен... [Штаден, 1925. С. 79].

Иван Дмитриевич Шеин получил думный чин окольничего в середине 40-х гг., а боярином стал в 1552 или 1553 г., видимо, уже в преклонных годах (в 1555 или 1556 г. он умрет) [Зимин, 1958. С. 59]. Иван Дмитриевич — отпрыск древнего семейства Морозовых, связанного службой с московским княжеским домом еще с XIV в. Шеины, одна из многочисленных ветвей Морозовых, на иерархической лестнице при дворе великих князей московских в первой половине—середине XVI в. стояли весьма высоко [Зимин, 1988. С. 241]. В 1553 г. Иван Дмитриевич вместе с кн. И. И. Турунтаем Пронским назначен за «криевой стол» на пиршестве после свадьбы «царя» Симеона Касаевича и М. А. Кутузовой-Клеопиной [Бычкова, 1986. С. 116]. Военную службу его можно проследить с назначения на должность первого воеводы сторожевого полка в 7048 (1539/1540) г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 110—111]. В коломенском походе апреля 1546 г. И. Д. Шеин числится вторым воеводой передового полка, год спустя во втором коломенском походе он опять первый воевода сторожевого полка; ту же самую должность он занимает в 1549 г., после того как его расписали на второй срок, т. е. «на Николин день» в разряд «от поля и по берегу»; через год в таком же разряде И. Д. Шеин показан как первый воевода полка левой руки [Там же. С. 122, 124, 132—133, 143, 147]. Неоднократно разряды показывают его как должностное лицо, оставленное для несения службы в Москве, иными словами, не расписанное ни в одну крепость, ни в один поход и выделенное для административной работы [Там же. С. 129, 140, 162]. Вот, собственно, и все. Причем в роду Шеиных, давших в середине XVI столетия несколько человек, занимавших думные чины, Иван Дмитриевич наиболее активен на военной службе.

Иван Иванович Хабаров получил боярский чин не позднее 1547 г. [Зимин, 1958. С. 60]¹². Он шел к месту в Боярской думе долго и трудно: мимо него прошло окольничество, которого добивались высокие покровители Бельские, а в 1542 г. неудачи в придворной борьбе привели к тому, что он был отправлен в ссылку [Никоновская летопись. Т. XIII. С. 126]. Иван Иванович происходил из разветвленного семейства Симских-Добрынских-Образцовых, служивших Московскому княжескому дому с XIV в. (а их предки еще раньше). Его отец, Иван Васильевич Хабар, был одним из виднейших деятелей правления

¹² Данные М. Е. Бычковой позволяют предположить, что это произошло немногого раньше — в декабре 1546 г. [Бычкова, 1986. С. 125].

Ивана III и Василия III, талантливым полководцем [Зимин, 1988. С. 220—221]. Во второй половине 40-х—начале 50-х гг. Иван Иванович становится заметной фигурой: в разряде от декабря 1546 г., составленном для свадьбы Ивана IV и А. Р. Захарьиной-Юрьевой, дворецкий И. И. Хабаров поставлен «вино нести к церкви, к венчанью в склянице» [Бычкова, 1986. С. 142]. Он считался большим книжником [Курбский, 1986. С. 346]. Так вот, и до получения боярского чина, и после этого Иван Иванович изредка назначался в полковые воеводы, но никогда сам не командовал армией и даже не бывал на высоких воеводских постах. Как видно, у него был талант к охранной и сторожевой службе: Ивана Ивановича ставили, как правило, в сторожевой полк, причем в середине 30-х гг. он числится вторым или даже третьим воеводой, и лишь в 1549—1551 гг. получает назначение первым воеводой... того же сторожевого полка [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 96, 97, 98, 100, 140, 143, 149]. В 1552 г. под Казанью его, кстати, расписали ночами «ездити круг города по полком береженья для» [Там же. С. 157]. В его военной карьере виден длительный перерыв между 1538 г. (второй воевода в Серпухове) и 1543 г. (первый воевода в Нижнем Новгороде) [Там же. С. 105—118]. Вершины его военной карьеры никак не связаны с руководством войсками в походах. Иван Иванович неоднократно назначался первым воеводой и наместником в крупные города: помимо уже упоминавшегося годования в Нижнем, он был наместником в Смоленске два года — с декабря 1547 г., а затем еще раз — с декабря 1552 г. по весну 1554 г. [Там же. С. 129, 134, 164, 168]¹³. Позднее И. И. Хабаров принял иночество и жил в Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он вызвал гнев Ивана IV своим неблагочестием и в знаменитом царском послании настоятелю этой обители удостоился слов «дурак и упырь». По сведениям Курбского, впрочем, некоторыми исследователями оспариваемым, его родовое имущество разграбили в годы опричнины или несколько позже, а сам он вместе с сыном был убит (см.: [Курбский, 1986. С. 154—155, 346]. См. также комментарий [Там же. С. 614])¹⁴.

Семен Константинович Заболоцкий — окольничий с 7058 (1549/1550) г. и боярин с 7060 (1551/1552) г. [Зимин, 1958. С. 63]. Род бояр Всеволожей-Заболоцких, когда-то могущественный, происходит от смоленских князей¹⁵. К середине XVI в. Заболоцкие стали весьма многочисленны: в середине XVI столетия Ивану IV служат более трех

¹³ Весной 1554 г. Смоленск сгорел, и Хабарова свели с наместничества, очевидно, увидев в этом его вину.

¹⁴ С. Б. Веселовский косвенно подтверждает сведения Курбского [Веселовский, 1963. С. 130, 341].

¹⁵ Служат Москве с конца XIV в.

десятков представителей этого рода! Однако до верхнего уровня придворной иерархии сумели подняться лишь немногие из них. Так, боярином в 50-х гг. был один Семен Константинович. Да и в разряды попало менее половины дворовых служильцев... Основная же часть ветвей этого семейства не имела заметного влияния и заметных служебных достижений. Сам же Семен Константинович необыкновенно беден военными назначениями. Он никогда не ходил в полковых воеводах. Во второй половине 30-х—начале 40-х гг. Семен Константинович назначается воеводой в крупные города: Нижний Новгород, Рязань, Калугу; высшая точка его службы на военном поприще — пост «наместника за городом» в Нижнем в 7048 (1539/1540) г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 101, 102, 106, 111]. Последняя командирская служба С. К. Заболоцкого — должность второго воеводы на годовании в Свияжске с апреля 1552 г. [Там же. С. 152]. В середине 50-х гг. он упоминается лишь в числе думных чинов, сопровождающих царя в походах на юг, по крымским вестям. Последний раз он расписан в разряде коломенского похода в июле 1557 г. [Там же. С. 173, 181, 188]. По данным С. Б. Веселовского, Семен Константинович упоминается в боярском звании до 1559 г. [Веселовский, 1963. С. 383]. Его сын Владимир бежал в Литву¹⁶, были и другие перебежчики из рода Заболоцких; несколько представителей этого рода подверглись казням (по словам Курбского, Заболоцкие пострадали «всеродне» в опричные годы) [Курбский, 1986. С. 352; Веселовский, 1963. С. 383]. Ни одного представителя, столь же высоко поднявшегося по службе, как С. К. Заболоцкий, этот род больше не дал.

Иван Яковлевич Чеботов (Чоботов) происходил из мощного и разветвленного семейства Остеевых-Чулковых, уходящего корнями в XIII век, когда их родоначальник Гаврила Алексич служил Александру Невскому [Зимин, 1988. С. 161—166]. Есть основания считать его одним из инициаторов учреждения опричнины. Чеботов получил окольничество в 1551 г., а боярство — в 1558-м или 1559-м [Зимин, 1958. С. 64; Веселовский, 1963. С. 236—237]. В конце 1564 г., накануне учрежде-

¹⁶ Как заметил К. Ю. Ерусалимский, перебежчиком В. С. Заболоцкий стал еще до войны и, по словам Ивана IV, он бежал не от царской опалы, а «...розбранися с своею братьею» (см.: [Ерусалимский, 2006. С. 75—76]). Впоследствии В. С. Заболоцкий добился в Речи Посполитой высокого положения, был фаворитом Стефана Батория, участвовал в военных действиях на Московском фронте и был убит в 1580 г. в вооруженной распре с К. Радзивиллом. Можно предположить, что закат карьеры С. К. Заболоцкого был связан с изменой его сына. В свою очередь, переход В. С. Заболоцкого на сторону врага мог быть связан, по мнению А. А. Зимина, с «опасной близостью» рода ко двору Владимира Андреевича Старицкого и поддержкой его во время «боярского мятежа» 1553 г. (см.: [Зимин, 1964. С. 116—117]).

ния опричнины, он попал в опалу [Зимин, 1964. С. 127—128], но впоследствии Иван Яковлевич числился опричным боярином. По сведениям С. Б. Веселовского, он еще в феврале 1570 г. упоминался в такой роли, но в том же году или, во всяком случае, не позднее 1571 г., вновь подвергся опале¹⁷. В виде особой милости он «получил разрешение постричься и ушел от мира в ростовский Борисоглебский монастырь, причем сохранил свою вотчину в Ростове». В 1573 г. он еще был жив [Веселовский, 1963. С. 237]. В годы политического расцвета Иван Яковлевич занимал место крупного деятеля и, по словам Р. Г. Скрынникова, «столпа приказного управления» [Скрынников, 1992. С. 521]. Что же представлял собой И. Я. Чеботов с точки зрения военной карьеры? В «Тысячной книге» он записан как сын боярский третьей статьи по Переяславлю Залесскому [ТКДТ. С. 67]. Затем появляется у Казани, во время победоносного похода 1552 г. Здесь он занимает скромное место: ходит в ночной дозор во время осады, а после взятия города остается там на годовании в числе целой команды воевод (при этом сам воеводой не назван, а назван просто окольничим) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 157—158]. В походе под Коломну 1555 г. Иван Яковлевич сопровождал царя, а затем «раздавал» дворы; год спустя под Серпуховом он опять сопровождает царя, не имея никакой воеводской должности [Там же. С. 173—174, 181]. Судя по разрядам, первый раз его ставят в полковые воеводы только в сентябре 1556 г., вторым по сторожевому полку на «первый срок» «на берег» — в Калугу, «для осеннего приходу от крымских людей». Но летом 1557 г. и во время зимнего похода 1562/63 г. на Погоцк он опять в царском сопровождении, без определенной должности [Там же. С. 186, 188, 234]¹⁸. Как видно, воеводские службы были не для него, и ценным военачальником Иван Яковлевич не стал.

Нагие происходили из тверского боярства. Еще при Василии III они летали невысоко: Михаил Иванович Нагой служил в небольших дворцовых чинах, в Думе никто из них не бывал. В Тысячной книге они уже отмечены. Разительная перемена в судьбе семейства произошла в результате двух браков, связавших его с Московским правящим домом. В 1549 г. Евдокия Нагая стала первой женой князя Владимира Андреевича Старицкого, а в 1581 г. на Марии Нагой женился сам Иван IV. Это вознесло Нагих в верхнюю часть аристократической пирамиды. Но уже в 1547 г. Федор Немой Михайлович Нагой упоми-

¹⁷ Предположительно, это произошло в связи с погромом Северной Руси в конце 1569—1570 гг. И. Я. Чеботов мог выразить несогласие с необходимостью подобного шага.

¹⁸ В 1559 г. Чеботов расписан в той же роли царского «сопровождающего» в поход на Юг, против крымцев, но поход не состоялся [Там же. С. 212].

нается в разрядах как окольничий, а не позднее 1559 г., по сведениям А. А. Зимина, он становится боярином [Зимин, 1958. С. 60; ТКДТ. С. 112] (в 1557 г. разряды все еще именуют его окольничим). Ни о каких крупных военных службах Федора Михайловича источники не сообщают. Он главным образом сопровождал Ивана IV в походах, не имея воеводской должности. Разряды сообщают, что роль такого сопровождающего Ф. М. Нагой исполнял летом 1547 г. (Коломна), зимой 1547/48 г. (Владимир и Нижний Новгород, затем возвращение в Москву от речки Роботки), летом 1550 г. (Коломна), летом 1553 г. (Коломна) и летом 1557 г. (Коломна) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 123, 126, 128, 145, 161, 188]. В марте 1549 г. его приставили к Щигалею при сборе рати в Нижнем Новгороде, когда стало ясно, что «Сафа-кирея, царя крымского, не стало». Но ратью, отправленной из Москвы в Нижний, командовал не Нагой. Полковым воеводой за всю жизнь он побывал всего один раз, да и то на весьма скромном посту: третьим воеводой «у наряда» в ноябрьском походе на Казань 1549 г. С весны 1555 г. Федор Михайлович годовал вторым воеводой в Чебоксарах. Вот, собственно, и все его военные службы, о которых известно точно [Там же. С. 132, 136, 176]. В 1565—1567 гг. некий Федор Нагой сидит воеводой сначала в Мценске, а затем в Чернигове, но это, весьма возможно, Федор Федорович, а не Федор Михайлович, которому поздновато в боярском чине сидеть вторым воеводой в Мценске — небольшой порубежной крепости [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 28, 32—33, 40—41, 47]. В 7079 (1570—1571) г. в Почепе годует один Федор Нагой, а в Чернигове одновременно сидит воеводой и наместником другой. Не исключено, что наместничает именно Федор Михайлович, хотя и подтвердить это совершенно точно не представляется возможным [Там же. С. 70]. Но в любом случае — даже если засчитать за Федором Михайловичем все мценские и черниговские воеводские службы (что, скорее всего, будет ошибкой) — его военная карьера выходит скучной на главные роли и совершенно их лишена в отношении служб в полевой армии.

Лев Андреевич Салтыков унаследовал дворцовый чин оружничего от отца, Андрея Михайловича Салтыкова, принадлежавшего к роду Морозовых-Салтыковых, который служил Москве с середины XIV столетия [Зимин, 1988. С. 238]. До чина окольничего (совмещавшегося с чином оружничего) Лев Андреевич дослужился не позднее 1553 г., а возможно, и в 1552 г. Чин боярина он получил, предположительно, в 1561 г., а в 1562 г. точно был боярином, о чем свидетельствует запись в разрядной книге [Зимин, 1958. С. 66]. Он долгое время пользовался большим доверием царя, поскольку активно поддержал его во время «боярского мятежа» 1553 г. Р. Г. Скрынников считает, что это положение продлилось до 1563—1564 гг. [Скрынников, 1992. С. 29], а с

учетом того, что Салтыков готов был идти за Иваном IV в Александровскую слободу (хотя и был впоследствии выслан обратно), можно считать весьма вероятным царское благорасположение к нему как минимум до последних месяцев 1564 г. А. А. Зимин видит в нем опытнейшего московского администратора, расцвет деятельности которого пришелся на конец 50-х—начало 60-х гг. XVI в. [Зимин, 1964. С. 149—150]. В 1565 г. Салтыков подвергся аресту. По мнению П. А. Садикова, Лев Андреевич попал в опалу в связи с неудачами на воеводстве:

Некоторые из бояр, вяло и бесполезно руководившие военными операциями против крымцев и Литвы, осенью 1564 г., как, например, И. П. Яковлев, Л. А. Салтыков и кн. В. С. Серебряный-Оболенский, были арестованы и выпущены только после новой присяги на верность и денежного поручительства на огромные суммы со стороны ряда служилых людей [Садиков, 1950. С. 22—23].

Возможно, это так. Но тогда Салтыков занимал незначительный пост «прибавочного» воеводы, и вряд ли его тактические ошибки могли стать причиной для неудач 1564 г. Так что есть основания усомниться в выводе П. А. Садикова: возможно, причина опалы была другой. В 1567 г. Лев Андреевич уже участвует в подготовке несостоявшегося похода на Литву. В 1568—1569 гг. Салтыков попадает в опричную думу боярином, опять становится «ближайшим советником» царя и занимает пост опричного дворецкого. Он принял участие и в опричном разгроме Северной Руси (1569—1570). Но в 1571 г. он вновь оказался в опале, был по распоряжению царя пострижен в монахи и отправился в Троице-Сергиев монастырь, а позднее его казнили [Скрынников, 1992. С. 227, 513; Таубе и Крузе, 1922. № 10. С. 54].

Казалось бы, Л. А. Салтыков — человек известный, и прославлен он именно военной службой. В большом походе русской рати против крымцев летом 1555 г. Лев Андреевич был вторым воеводой большого полка при первом воеводе боярине И. В. Шереметеве Большом. Поход оказался несчастливым для нашей армии: столкновение с двадцатитысячным войском хана у Судьбищ вылилось в кровавую битву, которая с перерывами продлилась трое суток и закончилась поражением московских воевод [Никоновская летопись. Т. XIII. С. 256—257]. Вдвое меньшее число русских бойцов в первых двух столкновениях имело успех. Но затем получил тяжелое ранение И. В. Шереметев. Это деморализовало войско, быстро утратившее порядок. В результате оно подверглось разгрому. Боеспособность сохранила лишь небольшая часть его — отряд в 2000 человек. Этому отряду удалось закрепиться в овраге и отбить три атаки крымцев. Хан ушел, не став упорствовать, добивая остатки русской армии, и они благополучно отступили. Так вот, после того как вышел из строя Шереметев, команду по старшин-

ству должен был принять Салтыков. Но не он организовал стойкую оборону последнего боеспособного отряда русских. Лев Андреевич не сумел сохранить способность основных сил к сопротивлению, так что роль его в сражении у Судьбищ неоднозначна [Курбский, 1986. С. 275—279]. Краткий период командования ратью при ранении Шереметева стал «звездным часом» Льва Андреевича. Во всяком случае — пиком его достижений на военном поприще. Но... для самой рати это был далеко не лучший вариант. Ведь Салтыков не имел достаточного опыта в командовании крупными соединениями. Возможно, это сказалось и на результате Судьбищенской битвы. Разряды сообщают со всей определенностью: Салтыков был главным образом администратором — должность оружничего предполагала управление дворцовым Бронным приказом. На протяжении десятилетия с конца 40-х по конец 50-х гг. Лев Андреевич шесть раз сопровождает Ивана IV в походах именно как оружничий, а не как человек, занимающий какую бы то ни было воеводскую должность [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 138, 145, 161, 180, 188, 212]¹⁹. И совершенно напрасно С. Б. Веселовский то и дело называет его воеводой [Веселовский, 1963. С. 441]: оружничество само по себе не делало человека военачальником, он был всего лишь сопровождающим лицом в свите государя, имея набор обязанностей, не предполагавший командования полками. Позднее Салтыков опять играет роль сопровождающего лица, но только в чине боярина: знаменитый поход на Погоцк зимой 1562/63 г. и поход из Александровской слободы к Серпухову по крымским вестям в 1570 г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 234—235; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 66]. А где же собственно воеводские службы Льва Андреевича? Их немногого. В полевой армии он до 1555 г. был воеводой дважды: в июне 1549 г. Салтыков идет вторым воеводой в маленькой рати (не разбитой на полки), отряженной к Нижнему Новгороду и, далее, на «казанские места», очевидно, в качестве поддержки для большого войска, ушедшего ранее из Москвы к Нижнему. В декабре 1553 г. он числится вторым воеводой передового полка в походе к Казани, а оттуда «на луговую сторону и на Арские места... которые государю не прямят». А потом — Судьбищи [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 132, 165, 172]. Для столь важного похода И. В. Шеремету Большому дали, прямо скажем, не самого бывалого помощника... А позднее,

¹⁹ Запись лета 1556 г. о походе царя к Серпухову имеет несколько необычный формуляр, и потому непонятно: то ли Салтыков был там третьим из дворовых воевод, то ли, что скорее, остался все в том же положении «окольничего и оружничего», сопровождающего царя. Второе более верно, т. к. он выделен особой строкой не в числе дворовых воевод, а отдельно.

кстати, Салтыкова полковым воеводой не назначали ни разу, что косвенно свидетельствует о низкой оценке его полководческих способностей. В 1560-х гг. на долю Льва Андреевича выпали две скромные воеводские службы. Его отправляли «в прибавку» воеводам, сидящим в Полоцке в 7073 (1564/1565) г., а затем смоленским воеводам в 7075 (1566/1567) г. Это выглядит как ссылка, лишенная всяких признаков почета. И вряд ли за полоцкую службу «на подхвате» его могла постигнуть опала. Скорее, сама отправка на такую должность может интерпретироваться как результат опалы. Вот, собственно, и все. Как военный деятель Л. А. Салтыков выглядит человеком не первого и даже не второго ряда.

Отпрыском того же рода, только другой ветви является Григорий Васильевич Морозов. Окольничим он стал, видимо, в 1547 г. (точнее, не позднее декабря 1547 г.), а боярином — уже в 1548 г. А. А. Зимин считает, что смерть Григория Васильевича следует отнести примерно к 1552 г., а С. Б. Веселовский называет 1556 г. [Зимин, 1958. С. 60—61; Веселовский, 1963. С. 131]. Начинал Г. В. Морозов с низших чинов: в 1538 и 1539 гг. он служит в головах во время походов русской армии на юг, «от берега» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 104, 106]. В зимнем походе 1547/48 г. «для казанского дела» он находится среди сопровождающих царя с чином окольничего [Там же. С. 126, 128]. И лишь в краткий период между 1548 и 1551 гг. осуществляется высокая военная карьера Григория Васильевича, связанная, как видно, с получением боярского чина: он идет вторым воеводой в большом полку к Коломне «по казанским вестям»; затем возглавляет (!) передовой полк осенью 1549 г. на Коломне «от крымских Украины»; переходит на службу в Нижний Новгород и там становится первым (!) воеводой «за городом»; наконец, командует полком левой руки в судовой рати 1551 г., отправленной к Казани прикрывать строительство Свияжска [Там же. С. 131, 140, 141, 149]. Г. В. Морозов никогда не назначался старшим военачальником в полевой армии. Но как знать, если бы жизнь его продлилась подольше, стал ли бы он воеводой из обоймы постоянно действующих, т. е. военной элиты, или разделил судьбу большинства представителей старомосковской нетитулованной знати, не ставших на армейской службе птицами высокого полета...

Василий Михайлович Юрьев²⁰ принадлежал к роду Захарьиных-Юрьевых, столь широко известному и до такой степени изученному

²⁰ Как уже говорилось, по всей вероятности, один из приближенных Ивана IV, стоявших у истоков опричнины. Это сообщение Пискаревского летописца, правда, пытался оспаривать Р. Г. Скрынников, но не привел достаточных оснований, см.: [Скрынников, 1992. С. 225].

отечественными исследователями, что в особом представлении он не нуждается. Со времен свадьбы Ивана IV и Анастасии Захарьиной-Юрьевой в 1547 г. это семейство оказалось ближайшим к трону и встало исключительно высоко в аристократической пирамиде Московского государства, а сам Василий Михайлович оказался государевым шурином. К тому же В. М. Юрьев был женат на сестре князя И. Д. Бельского Анастасии, а дочь его вышла замуж за князя М. Т. Черкасского (брата второй жены Ивана IV). Какие возможности для карьеры! В 1549 г. — окольничий, а несколько месяцев спустя — уже боярин [Зимин, 1958. С. 61, 63]. Но на военном поприще Василий Михайлович был малозаметной фигурой. Как тверской дворецкий, он сопровождает Ивана IV летом 1547 г. под Коломну, а зимой — к уже упомянутой Роботке; оттуда он отправляется в качестве сопровождающего Щигалея под Казань, не имея никакого командного поста; летом 1553 г. он — в числе бояр в царской свите во время похода к Коломне [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 123, 126, 127, 161]. В 7066 (1557/1558) г. Василия Михайловича ставят на годование в Казани, но должность его там неясна и, похоже, она не из числа воеводских. Возможно, он был там гражданским администратором [Там же. С. 200]. В 1559 г., когда большая рать во главе с царем уходит на юг, против крымцев, В. М. Юрьев остается в Москве, в составе комиссии бояр, оставленных при брате Ивана IV, Юрии, неспособном к делам правления [Там же. С. 213]. В такой же боярской комиссии остался «ведать Москву» В. М. Юрьев и во время царского похода 1562 г. на Литву [Никоновская летопись. Т. XIII. С. 341]. Что же остается на его долю из воеводских поручений? Да почти ничего: Василий Михайлович был первым воеводой «ку наряда» в зимнем походе на Казань 1548/49 г. да вторым воеводой передового полка летом 1551 г. в Рязани «по берегу» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 136, 151]. С середины 50-х гг. В. М. Юрьев, судя по данным разрядов, воинских постов не получает. Но дожил он, как минимум, до середины 60-х гг. (видимо до 1567 г.) и, возможно, на закате жизни побывал в опричной службе. Куда же обращены были его честолюбивые помыслы? В основном к мирной административной карьере. Как уже говорилось, он возглавлял Тверской дворец, в начале опричнины наместничал во Ржеве. Сохранились многочисленные известия о его обширной дипломатической работе [Граля, 1994. С. 116, 119, 153, 193, 240, 285, 293, 299]. К командованию крупными соединениями он то ли не был допущен, то ли, скорее, имея на то полное право, сам не пожелал прикоснуться.

Часто ли назначали представителей нетитулованной знати, получивших думные чины, командовать полевыми армиями? Нет, это происходило почти в виде исключения. А уж крупную рать, пятиполково-

го состава, за все время правления Ивана IV доверили видному представителю старомосковского боярства только один раз — в январе 1584 г. Ф. В. Шереметеву²¹. Как часто бывал нетитулованный аристократ во главе армии или крепостного гарнизона, когда были совершены крупнейшие победы грозненской эпохи? Разгромом татар на Оке в 1541 г. руководили князья Д. Ф. Бельский, И. И. Турунтай Пронский. В 1552 г. армиями, шедшими на Казань, штурмовавшими ее и громившими неприятеля в окрестностях города, командовали князья И. Ф. Мстиславский и А. Б. Горбатый. Главным военачальником в рати, бравшей в 1554 г. Астрахань, был князь Ю. И. Пронский. В 1556 г. в войске, отправленном против шведов на Карельский перешеек, командовал князь П. М. Щеняев. Отличились в битве под Выборгом Семен Васильевич и Иван Меньшой Васильевич Шереметевы, но по данным разрядов они были в этой армии второстепенными военачальниками (первый воевода передового полка и второй воевода полка правой руки, соответственно), и только личная инициатива и отвага дали им возможность выдвинуться во время боевых действий. К Юрьеву-Ливонскому, павшему в 1558 г., ходили с армией князья П. И. Шуйский и В. С. Серебряный. Операцией, в результате которой был взят Феллин (Вильян), руководили князья И. Ф. Мстиславский и В. И. Барбашин (1560). Старшим воеводой под Полоцком в 1563 г. числился князь И. Д. Бельский²². Девлет-Гирея у деревни Молоди разбили в 1572 г. князья М. И. Воротынский и Д. И. Хворостинин. В победоносном походе зимой 1572/73 г., в результате которого московская армия захватила Пайду, старшими воеводами были расписаны ногайский мурза князь П. Т. Шейдяков и князь В. Ю. Голицын. В 1577 г. большое московское войско и отряды государя ливонского Магнуса завоевали 26 городов и замков в Прибалтике²³. Помимо основных сил там действовали еще два отдельных корпуса. Так вот, первым воеводой большого полка основных сил был князь И. П. Шуйский, а корпусами командовали князья Тимофей Романович и Андрей Васильевич Трубецкие. Псков от Стефана Батория в 1581—1582 гг. обороняли князья В. Ф. Скопин-Шуйский и знаменитый И. П. Шуйский.

На долю нетитулованной аристократии досталось только два по-настоящему крупных успеха, где ее представители сыграли роль главных военачальников. Во-первых, взятие Нарвы в 1558 г. А. Д. Бас-

²¹ В январе 1575 г. в Ливонию отправилась пятиполковая рать, где в большом полку номинально числился старшим военачальником ногайский мурза «Афанасий Шейдякович», а реально командовал русский воевода Н. Р. Юрьев.

²² Правда, первым «дворовым воеводой» был расписан И. П. Захарьин-Яковлев (Яковля).

²³ По другим данным — 24 или 25.

манов-Плещеев прибыл в Иван-город с небольшим отрядом. Воспользовавшись пожаром в Нарве, он стремительным приступом взял ее мощные укрепления [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 200, 201; Никоновская летопись. Т. XIII. С. 295—296]. Во-вторых, разгром литовской 9-тысячной рати под Смоленском в 1580 г. воеводой И. М. Бутурлиным [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 183]²⁴.

Таким образом, можно сделать вывод: старомосковским и провинциальным боярским родам редко доверяли крупные соединения. У них было относительно немного шансов проявить полководческое дарование большого масштаба.

Когда кто-то из нетитулованной знати все-таки становился во главе армии, это могло привести к большим неприятностям. Об угрозе местнической аварии все знали и старались не доводить до этого. Ведь если в Москве или в гарнизоне одной из крепостей местническая скора хотя и могла нанести урон, но не стала бы гибельной, то в условиях постоянно меняющейся обстановки во время похода полевой армии вспышка вражды между воеводами была способна привести к катастрофе. И такие «местнические катастрофы» вооруженные силы России в XVI столетии зневали. Примеров подобного рода неприятностей летописи и разряды знают немало, они хорошо известны исследователям. Но все-таки стоит привести один из них, связанный с переломным событием в ходе Ливонской войны. Тяжелое поражение русских войск под Кесью (Венденом) в 1578 г. произошло в значительной степени из-за промедления с выходом в поход. А это промедление вызвано было грандиозным местническим скандалом. Частью конфликта стало челобитье князей В. А. Сицкого и П. И. Татева, что им «невместно» быть ниже по назначению, нежели первый воевода передового полка Ф. В. Шерemetев. Разгром московский армии открыл целую серию неудач на ливонском фронте, завершившуюся только в 1582 г. Война к тому времени была безнадежно проиграна.

Поэтому в тех редких случаях, когда «командармами» становились представители нетитулованной знати, воеводами в полках назначались опять-таки нетитулованные аристократы или же лица княжеского происхождения, но второстепенных родов.

В 50-х—начале 60-х гг. два представителя стариинного московского боярства возглавляли полевые армии в крупных походах. Это Иван Хирон Петрович Захарьин-Яковлев (Яковля), а также Иван Большой Васильевич Шерemetев. Так вот, офицерский корпус тех соединений, которые они возглавляли, почти лишен лиц княжеского происхождения. В осеннем походе 1554 г. из Галича на «казанские места» воево-

²⁴ Можно было бы, наверное, добавить сюда успех В. А. Бутурлина под Смилтином зимой 1564/65 г., однако масштаб его победы неясен.

дой сторожевого полка у И. П. Яковлева стоит князь В. И. Токмаков-Ноздроватый, а в передовом полку — И. В. (Меньшой) Шереметев [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 169]²⁵. У Шереметева (Большого) в знаменитом походе против крымцев 1555 г. из шести подчиненных воевод только один — князь, да и тот удельный воевода Владимира Андреевича Старицкого (кн. В. Ю. Лыков) [Там же. С. 172], а такая служба считалась рангом ниже государевой. Поход 1559 г. под Юрьев-Ливонский, когда во главе армии стоял И. П. Яковлев, воевод-князей не знает [Там же. С. 214]. В разрядах указан под 7070 (1561/1562) г. поход из Смоленска в «литовскую землю». Во главе русской рати вновь поставлен И. В. (Большой) Шереметев. У него под командой — 4 воеводы, и только один из них, малозаметный князь И. Д. Дашков, относится к титулованной знати [Там же. С. 231—232].

В опричную эпоху этот порядок сохраняется, хотя и несколько ужесточается в отношении военной службы титулованной аристократии. Под началом опричного воеводы И. Д. Плещеева-Колодки оказывались князья М. Ф. Гвоздев-Приимков, И. П. Залупа Охлябинин и А. Морткин [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55, 58]. Никто из них не принадлежал к выдающимся, особо знатным княжеским родам. Гвоздевы-Приимковы были одной из младших ветвей Ростовских князей, служили в опричнице и сохранили родовые вотчины, но в служебном отношении высоко подняться не сумели. Разряды за 7076 (1567/1568) г. содержат известие о том, что на князя И. Ф. Гвоздева был челом «о mestех» Р. В. Алферьев, опричный выдвиженец из захудальных Нащокиных, и добился того, что пошел в поход «без mest»! Охлябинины и Морткины являлись отраслями сильно размножившегося семейства ярославских князей; кн. А. Морткину, вероятно, мешало высоко подняться то обстоятельство, что родня его перебегала в Литву и на военной службе его почти не было видно. Охлябинины давно утратили родовые вотчины и не вышли в думные чины; по родовитости они стояли несколько ниже Морткиных; кн. И. П. Залупа Охлябинин служил много, повысил свое положение, попав в опричнину, но до высоких воеводских постов дослужиться не смог... Что же касается земских военачальников, то для них никакого изменения не произошло. Михаил Яковлевич Морозов в 1569 г. идет под Изборск со смешанным земско-опричным корпусом. Из восьми воевод, попавших ему под команду, князей лишь двое — это невысоко стоящие в служебном и родовом отношении князья Н. Гундоров и Ю. И. Токмаков [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58.]²⁶. Под 7077 (1568/1569) г. в разрядах

²⁵ О Токмаковых см. сноску № 26.

²⁶ Гундоровы — одна из младших ветвей семейства князей Стародубских; Токмаковы-Ноздроватые — одна из младших ветвей семейства

упоминается об отправке того же И. П. Яковлева во главе армии на крымское направление «за реку». Вторым воеводой в большом полку идет князь Ф. И. Татев, а воеводами передового и сторожевого полков, соответственно, Н. Р. Юрьев и И. В. (Меньшой) Шереметев [Там же. С. 57]. Федор Иванович Татев происходил от одной из младших ветвей князей Стародубских-Ряполовских. Что его отец, что он сам были вечными «рабочими лошадками» в вооруженных силах России XVI столетия, но никогда не поднимались высоко, не были на высших воеводских должностях.

В 1584 г. Ф. В. Шереметев, как уже говорилось, ведет большую рать на луговую черемису. В его подчинении 9 воевод, но из них только трое относятся к числу титулованной аристократии [Там же. С. 201]. Это князья Д. И. Хворостинин (еще одна «рабочая лошадка» с трудной судьбой и триумфальным будущим, род его не отличался особой знатностью — чуть ниже Охлябининых), И. М. Барятинский (род из верхнего слоя провинциального дворянства²⁷) и М. А. Щербатый (проиграл местническое дело 1586 г. худородному опричному выдвиженцу М. А. Безнину!) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 218].

Таким образом, при назначении нетитулованных аристократов на воеводские посты, особенно на посты старших военачальников в полевых армиях, московское правительство проявляло большую осторожность.

Но даже такая осторожность не спасала от столкновений. Так, в 1575 г., во время победоносного похода на Пернов, воеводой большого полка был Н. Р. Юрьев (номинально подчиненный царю Семиону Бекбулатовичу), царский родственник, человек древнего рода, стоящий весьма высоко в аристократической иерархии. И то «не взял списков» и не признал его старшинства воевода полка правой руки князь А. В. Репнин! Случай показался Ивану IV не настолько однозначным, как другой местнический спор, произошедший тогда же и разрешенный с помощью прямого приказа: списки взять. А. В. Репнину пришло иное повеление, намного мягче:

...Государь писал ко князю Ондрею, велел ему быти на той службе без мест; а как служба минетца, и государь тогда дела их послушает [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 116—117].

Можно сделать следующие выводы: карьерный рост представителей нетитулованной знати в вооруженных силах был затруднен. Выс-

ва князей Звенигородских. Кн. Ю. И. Токмакова ожидает краткий, но блистательный взлет карьеры в 1570-х гг., но в 1569 г. заметной фигурой князь еще не является.

²⁷ А. П. Павлов считает эту ветвь черниговских князей захудалой, хотя и несколько возвысившейся по службе в опричнине, см.: [Павлов, 1992. С. 133].

шие посты в полевых армиях доставались им редко, в виде исключения. Главной причиной, по всей видимости, был недостаток знатности, что несло в себе потенциальную угрозу местнических конфликтов, которые могли привести к тяжелым последствиям во время боевых действий. Возможно, второй причиной была также большая склонность старомосковского боярства к административной службе; но об этом можно говорить пока лишь предположительно — для подтверждения данного тезиса необходимо большое самостоятельное исследование, выходящее за рамки собственно армейской тематики.

Утрата старомосковским боярством влияния в армии могла принимать разные масштабы и происходить в разные сроки. Относительно медленный процесс отступления боярских родов мог и не создать острых противоречий в составе военно-служилого класса России. Но если допустить быструю, на протяжении жизни всего лишь одного поколения, уступку прочных позиций нетитулованной знати в пользу титулованной знати, то обнаружится почва для серьезного социального конфликта. Скорость изменений, происходивших в системе управления русской армией, является в данном случае решающим вопросом. Накопившееся раздражение могло привести представителей наиболее влиятельных старомосковских родов к идею о несправедливом понижении их социального статуса в общегосударственном масштабе. Эта оценка, в свою очередь, вела бы к планам «реставрации» старины, нового приближения боярства к государю, восстановления его высокого положения в вооруженных силах. Подобный настрой теоретически может рассматриваться как важный и даже, быть может, решающий фактор при учреждении опричнины. Однако наличие оснований для подобного рода столкновения прежде следует доказать. Прежде всего необходимо определить скорость, с которой в российской армии XVI в. шло завоевание титулованной аристократией господства.

3. Процесс утраты старомосковским боярством влияния в армии Московского государства

Для того чтобы определить скорость, с какой понижался статус нетитулованной знати в армейском командовании, необходимо воспользоваться данными разрядов.

Наиболее статусные назначения в действующей армии — посты первого воеводы большого полка в самостоятельном полевом соединении, а следом за ним — первых воевод в других полках²⁸. Таким образом, ухудшение позиций старомосковских боярских родов долж-

²⁸ Иерархия полковых воевод анализировалась в подразделе «Источники».

но быть видно по уменьшению процента воеводских должностей указанных рангов, которые могут занять представители этой социальной среды. Остается проанализировать состав военного командования в реально состоявшихся кампаниях и боевых выходах со времен Ивана III до начала 1560-х гг., когда у нетитулованной знати могло, по логике (см. предыдущий подраздел), сложиться устойчивое представление о необходимости обновить военно-политический уклад Московского государства.

Разряды предоставляют весьма значительный материал о сотнях походов, совершенных при Иване III, Василии III и Иване IV — трех государях, при которых и происходили социальные процессы, попавшие в фокус исследования. Во всех сомнительных случаях — источниковоедчески недостоверных, информационно неполных, представленных в разряде не вполне ясными выражениями — данные не использовались, поскольку материала для получения адекватных выводов хватает и без них. В тех случаях, когда разряд одного и того же похода приводился в разрядных книгах дважды, причем с указанием самого составителя, что это один поход, а не два разных, данные использовались однократно. В ряде случаев составитель разрядной книги не указывал на идентичность двух походов, записанных под разными годами, но эта идентичность была совершенно очевидной; данные подобного рода разрядных записей также учитывались только один раз. Назначения разного рода татарских «царей» и «царевичей» не учитывались. Точно так же не учитывались и назначения удельных князей, детей и внуков великого князя, располагавшихся в социальной иерархии Московского государства на порядок выше «государевых воевод». Датировка походов и иного рода военных операций приводится во всех случаях та, которая присутствует в источнике.

Из периода правления Ивана III взяты сведения о 42 кратких боевых выходах и значительных кампаниях.

Октябрь 1478 г., поход на Новгород Великий. Первый воевода большого полка — кн. И. Ю. Патрикеев. Первые воеводы других полков — кн. Д. Д. Холмский, кн. М. Ф. Микулинский, кн. В. М. Верейский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 21—22].

6995 (1487/1488) г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. Д. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Ряполовский, кн. А. В. Оболенский, кн. С. Р. Ярославский [Там же. С. 27—28].

6997 (1489/1490) г., поход на Вятку. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — Г. В. Морозов, кн. В. А. Микулинский, С. В. Бокеев [Там же. С. 29].

Март 1492 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков — кн. Ф. В. Телепень Обо-

ленский, кн. И. М. Репня Оболенский, кн. П. С. Одоевский [Там же. С. 30—31].

1492 г., поход на «Северу». Первый воевода большого полка — кн. Д. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Ростовский, кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. В. В. Шуйский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский [Там же. С. 31].

Январь 1493 г., поход на Литву. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Колышко Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Оболенский, кн. А. Ноготь, кн. И. В. Лыко Оболенский, кн. Б. М. Туреня [Там же. С. 33].

7001 (1492/1493) г., поход на Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. Первые воеводы других полков — кн. С. Р. Ярославский, Д. И. Киндырев, А. Колычёв [Там же. С. 34].

7001 (1492/1493) г., Тверь. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. П. М. Оболенский, кн. И. А. Дорогобужский, кн. В. А. Микулинский [Там же. С. 34—35].

7001 (1492/1493) г., Тверь—Можайск. Первый воевода большого полка — кн. В. И. Косой. Первые воеводы других полков — кн. П. Н. Хрипун, кн. И. А. Дорогобужский, кн. В. А. Микулинский [Там же. С. 36—37].

7001 (1492/1493) г., поход на Вязьму. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Репня Оболенский, кн. М. Д. Щеняев, кн. А. И. Курака Булгаков, А. В. Сабуров [Там же. С. 37].

Август 1495 г., поход на Выборг. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. П. Н. Оболенский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский, П. Б. Бороздин, Ф. К. Беззубцев (в другом разряде — В. Б. Бороздин) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 38].

7002 (1493/1494) г., сражение под Оршой. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. А. И. Булгаков, кн. А. М. Оболенский, кн. И. М. Воротынский, кн. Т. А. Тростенский [Там же. С. 39—40].

Август 1495 г., поход на Выборг. Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков — И. А. Лобан Колычёв, Ф. К. Беззубцев, кн. Т. А. Тростенский [Там же. С. 43].

Зима 1495/96 г., Новгород Великий. Первый воевода большого полка — кн. В. И. Косой. Первые воеводы других полков — Д. В. Шеин, кн. А. В. Ростовский, кн. И. А. Лобанов-Ростовский, Семен Карпович [Там же. С. 49].

Август 1496 г., поход на шведов. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Дорогобужский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский, И. Б. Бороздин [Там же. С. 49].

Осень 1496 г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Ряполовский. Первые воеводы других полков — А. И. Коробов, П. Б. Бороздин, В. Б. Бороздин [Там же. С. 51].

Осень 1496 г., поход на Казань судовой рати. Первый воевода большого полка — кн. В. И. Косой. Первые воеводы других полков — кн. Ф. В. Телепень Оболенский, кн. М. Ф. Телятевский, Семен Карпович [Там же. С. 51].

Лето 1497 или 1498 г., река Нарова. Первый воевода большого полка — кн. С. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — П. М. Плещеев, П. Б. Бороздин, В. Б. Бороздин [Там же. С. 53].

7005 (1496/1497) г. поход на «свейскую землю». Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков — кн. Ф. С. Ряполовский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский, И. Б. Бороздин [Там же. С. 53].

Осень 1498 г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Ряполовский. Первые воеводы других полков — кн. В. В. Романовский, Семен Карпович, А. И. Коробов [Там же. С. 53—54].

1499 г., Рославль. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Одеевский. Первые воеводы других полков — кн. Д. Бахтеяров, кн. С. Д. Курбский, И. А. Лобан Колычёв [Там же. С. 54—55].

Август 1499 (1498?) г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Ряполовский, Юрий Захарьич, Д. В. Шеин [Там же. С. 56].

7007 (1498/1499) г., поход на Выборг. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. С. Р. Ярославский, Юрий Захарьич [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 57].

Лето 1500 г., поход к Путинию. Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Репня Оболенский, кн. Т. А. Тростенский, кн. В. С. Мних Ряполовский, П. М. Плещеев [Там же. С. 57].

7008 (1499/1500) г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. В. И. Тучка (Губка?) Ростовский. Первые воеводы других полков — Г. С. Вельяминов-Зернов, Б. А. Хлызень Колычёв, Ф. М. Меньшой Плещеев, А. Г. Заболоцкий [Там же. С. 57—58].

7008 (1499/1500) г., поход к Казани. Первый воевода большого полка — кн. Д. А. Пенков. Первые воеводы других полков — И. Б. Захарьин-Бороздин, кн. Иван Тулупов, П. Б. Поплевин, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 59].

7008 (1499/1500) г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — Юрий Захарьич. Первые воеводы других полков — И. В. Вельяминов, кн. Ф. И. Стригин-Оболенский, П. И. Житов [Там же. С. 60].

Июнь 1500 г., битва на Ведроше. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. Ф. Телятевский, кн. И. А. Дорогобужский, кн. В. А. Микулинский, Юрий Захарьич [Там же. С. 60—61].

7008 (1499/1500) г., Кострома. Первый воевода большого полка — кн. А. Ф. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Стригин-Оболенский, Федор Давыдович [Там же. С. 62].

Сентябрь 1500 г., поход к Мстиславлю. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. П. С. Лобан Ряполовский, Г. Ф. Давыдов-Челядин, И. В. Жук Колычёв, кн. В. В. Ромодановский [Там же. С. 63—64].

Апрель 1501 г., поход на Литву. Первый воевода большого полка — кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. Первые воеводы других полков — кн. В. В. Немой Шуйский, И. Б. Бороздин, П. Б. Бороздин [Там же. С. 64—65].

Май 1501 г., Новгород Великий. Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Тулупьев. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Буйнос Ростовский, И. Г. Морозов, И. Б. Образец [Там же. С. 65—66].

Май 1501 г., Новгород Великий. Первый воевода большого полка — И. А. Лобан Колычёв. Первый воевода другого полка — кн. И. И. Темкин-Ростовский [Там же. С. 66].

7009 (1500/1501) г., Остров. Первый воевода большого полка — кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. Первые воеводы других полков — И. Б. Бороздин, кн. И. Д. Тулупьев, П. Б. Бороздин, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 67—68].

7010 (1501/1502) г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. Ф. И. Бельский, кн. А. В. Ростовский, кн. М. Ф. Телятевский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 69—70].

7010 (1501/1502) г., Новгород Великий, поход на ливонских немцев. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Дорогобужский, кн. В. В. Шуйский, кн. В. А. Микулинский, С. К. Колычёв [Там же. С. 70—71].

Декабрь 1501 г., Новгород Великий, поход на Литву. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. П. С. Лобан Ряполовский, П. И. Житов, кн. Ф. Ю. Прозоровский, М. А. Колычёв [Там же. С. 71—72].

7010 (1501/1502) г., Ржев. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Уша-

тый, кн. В. И. Шиха Оболенский, кн. М. И. Засекин, кн. Ф. И. Палецкий [Там же. С. 72].

7010 (1501/1502) г., поход против ливонских немцев. Первый воевода большого полка — кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Оболенский, кн. М. Ф. Телятевский, кн. М. Ф. Карамыш Курбский, И. А. Лобан Колычёв [Там же. С. 74].

7010 (1501/1502) г., поход против шведов. Первый воевода большого полка — кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. Первые воеводы других полков — И. Б. Захарьин-Бороздин, кн. И. Тулупьев, П. Б. Захарьин-Бороздин, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 74—75].

Декабрь 1502 г., Севера. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Стадорубский. Первые воеводы других полков — кн. И. С. Одоевский, кн. В. С. Швих Одоевский, кн. И. М. Репня Оболенский, кн. В. В. Ромдановский [Там же. С. 79].

Июнь 1505 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Горбатый, С. И. Воронцов [Там же. С. 87].

Итак, в качестве материала для выводов о социальном составе воевод в правление Ивана III Великого от конца 1470-х гг. до 1505 г. использована естественная выборка, близкая по составу к генеральной совокупности и объединяющая сведения о 42 кратких боевых выходах и значительных кампаниях русской армии.

Первыми воеводами большого полка, т. е. главнокомандующими крупным самостоятельным полевым соединением, представители нетитулованной знати за все это время назначались 6 раз из сорока двух, что составляет чуть более 14 % от числа всех назначений.

Первыми воеводами не большого, а других полков представители нетитулованной знати за всё это время назначались 52 раза. За этот же период представители титулованной аристократии побывали на аналогичных воеводских постах 88 раз. Иными словами, «княжатам» досталось несколько менее 63 % подобного рода назначений, а представителям боярских родов — чуть более 37 %.

Можно сделать вывод: имея право на занятие высоких постов в армейской иерархии при подобном соотношении с «княжатами» нетитулованная знать должна была чувствовать себя уверенно.

Из периода правления Василия III взяты сведения о 111 кратких боевых выходах и значительных кампаниях.

7014 (1505/1506) г., поход на Казань. Первый воевода большого полка при кн. Дмитрии Ивановиче Жилке — кн. Ф. И. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. Ф. Карамыш Курбский, кн. М. Ф. Телятевский, кн. И. М. Репня Оболенский, кн. И. И. Щетина Стригин-Оболенский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 88—89].

7014 (1505/1506) г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. П. С. Лобан Ряполовский, кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. Ф. С. Стрига Ряполовский, кн. Ф. С. Стригин-Оболенский [Там же. С. 89—90].

Осень 1505 (1506?) г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Горбатый, С. И. Воронцов [Там же. С. 90—91].

1507 г., поход «на литовские места». Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Ростовский, кн. В. В. Шуйский, кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский [Там же. С. 93].

1507 (1508?) г., Смоленск. Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Репня Оболенский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский, И. В. Щадра (или Шадра) Вельяминов, кн. П. С. Одоевский [Там же. С. 94].

1507 г., Вязьма. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Репня Оболенский, кн. С. И. Курака Булгаков [Там же. С. 94].

Июль 1507 г., Севера. Первый воевода большого полка — кн. Ф. П. Сицкий. Первые воеводы других полков — кн. В. Ф. Охлябинин, кн. М. А. Прозоровский [Там же. С. 94].

1507 (1508?) г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Телятевский. Первые воеводы других полков — А. М. Салтыков, кн. И. А. Микулинский, Ф. С. Еропкин [Там же. С. 95].

1507 (1508?) г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — И. В. Щедра (Шадра) Вельяминов. Первые воеводы других полков — А. М. Салтыков, кн. И. Палецкий, Ф. С. Еропкин [Там же. С. 95].

Октябрь 1506 г., Муром. Первый воевода большого полка — С. И. Воронцов. Первые воеводы других полков — кн. П. С. Лобан Ряполовский, кн. В. И. Шиха Стригин-Оболенский, М. Ю. Захарын [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 95].

1507 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Репня Оболенский. Первые воеводы других полков — А. В. Сабуров, кн. И. А. Микулинский, М. А. Плещеев, кн. П. С. Ярославский [Там же. С. 96].

7015 (1506/1507) г., поход «для казанского дела». Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — С. И. Воронцов, кн. М. И. Булгаков, кн. И. И. Стригин-Оболенский, Ю. К. Сабуров [Там же. С. 96—97].

7016 (1507/1508) г., Мещера. Первый воевода большого полка — кн. П. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Троекуров, кн. И. В. Глухой Кашин, И. А. Шереметев, кн. В. В. Чулок Ушатый [Там же. С. 98].

Сентябрь 1507 г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — Г. Ф. Давыдов-Челяднин. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Курбский, кн. И. А. Буйнос Ростовский, И. А. Колычёв, кн. И. И. Щетина Оболенский [Там же. С. 98—99].

Апрель 1508 г., Вязьма. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Немой Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. К. Ф. Ушатый, П. Ф. Давыдов, И. В. Хабар Симский, кн. А. Д. Курбский [Там же. С. 99].

1508 г., Севера. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Ростовский, кн. В. В. Шуйский, кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский [Там же. С. 99—100].

Май 1508 г., поход «в литовскую землю». Первый воевода большого полка — кн. И. С. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. А. Ф. Оленка Ярославский, кн. А. И. Стригин-Оболенский, А. В. Сабуров [Там же. С. 100].

1508 г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Курбский, кн. И. И. Брюхо Пужбольский-Ростовский, кн. И. А. Буйнос Ростовский, М. К. Беззубцев [Там же. С. 100—101].

Сентябрь 1507 (1508?) г., поход на Литву. Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Ростовский, кн. В. В. Шуйский, кн. В. С. Мних Ряполовский, кн. Ф. В. Телепень Оболенский [Там же. С. 104].

1508 г., Вязьма. Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. В. В. Шуйский, кн. П. С. Одоевский, кн. И. М. Телятевский, кн. В. И. Губка Ростовский [Там же. С. 107].

Осень 1508 г., поход против литовцев. Первый воевода большого полка — Яков Захарьич. Первые воеводы других полков не указаны [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 108].

7019 (1510/1511) г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Репнин, кн. И. Ф. Овчина, кн. И. В. Шемяка Пронский, В. П. Борисов [Там же. С. 114—115].

Май 1512 г., Севера. Первый воевода большого полка — кн. М. Д. Щенятев. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Ушатый, кн. И. С. Стригин-Оболенский, кн. А. В. Кашин, кн. В. Д. Мещерский [Там же. С. 115—116].

Май 1512 г., на Угре. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. И. Голица Булгаков, кн. Б. И. Горбатый, кн. А. М. Оболенский, кн. Т. А. Тростенский [Там же. С. 116—117].

7020 (1511/1512) г., «на Осетре». Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — Г. Ф. Давыдов, кн. А. Ф. Оленка Ярославский, А. Н. Бутурлин, И. Н. Бутурлин [Там же. С. 120].

7020 (1511/1512) г., «с Угры». Первый воевода большого полка — кн. М. И. Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. А. Д. Курбский, кн. И. Ф. Ляпун Ушатый, кн. Ф. Д. Пронский [Там же. С. 120—121].

7020 (1511/1512) г., Себеж. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Телепень Оболенский, кн. А. Д. Ростовский, кн. И. Д. Пенков [Там же. С. 121].

7020 (1511/1512) г., «на Угре». Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Телепнев Оболенский, кн. К. Ф. Ушатый, кн. И. Ф. Ушатый, кн. С. Р. Мезецкий [Там же. С. 121—122].

7020 (1511/1512) г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Лугвица Микулинский, кн. Н. В. Хромой Оболенский, Н. А. Плещеев, Ф. Н. Бутурлин [Там же. С. 122].

7020 (1511/1512) г., Козельск и Калуга. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. Ф. И. Одоевский, кн. И. Ф. Овчина, кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. И. В. Белевский [Там же. С. 122—123].

Февраль 1512 (1514?) г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. А. Д. Курбский, кн. И. Д. Микулинский, кн. И. Семейка Романович (Ярославский?) [Там же. С. 123].

7021 (1512/1513) г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Репня Оболенский. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Белевский, кн. И. А. Лугвица Микулинский, кн. Н. В. Оболенский, М. Ю. Захарин [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 124].

7021 (1512/1513) г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Швих Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Курбский, кн. Д. Бахтеяров, кн. П. И. Елецкий, И. А. Колычёв [Там же. С. 124—125].

7021 (1512/1513) г., «Холмский город». Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. Б. Тебет Уланов, И. Г. Морозов, В. Г. Морозов, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 125].

Декабрь 1512 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — В. А. Челяднин, кн. В. В. Шуй-

ский, кн. А. В. Ростовский, Г. Ф. Челяднин-Давыдов, кн. М. И. Голица Булгаков [Там же. С. 126—127].

7021 (1512/1513) г., Тула (Орша?). Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. И. Д. Пронский, кн. Ф. Д. Пронский, кн. А. Д. Курбский [Там же. С. 127, 132].

1513 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Белевский, кн. И. Д. Пронский, кн. Ф. Д. Пронский, Ф. Ю. Щука Кутузов [Там же. С. 128].

1513 г., «на Угре» («на Суре»?). Первый воевода большого полка — кн. М. И. Голица Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Немой Телепнев, кн. К. Ф. Ушатый, кн. И. Ф. Ляпун Ушатый, кн. С. Р. Мезецкий [Там же. С. 128—129, 131].

1513 г. «на Угре». Первый воевода большого полка — кн. М. И. Голица Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. И. Д. Золотой Щепин-Оболенский, кн. К. Ф. Ушатый, кн. А. М. Пенинский-Оболенский, кн. С. Р. Мезецкий [Там же. С. 129].

1513 г., Вязьма. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Репня Оболенский, кн. М. Д. Щеняцев, кн. А. И. Курака Булгаков, А. В. Сабуров [Там же. С. 129—130].

1513 г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Лугвица Микулинский, кн. Н. В. Хромой Оболенский, М. А. Плещеев, Ф. Н. Бутурлин [Там же. С. 130—131].

1513 г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. Ф. Д. Курбский, кн. Н. В. Хромой Оболенский, кн. С. Р. Мезецкий, Ф. Н. Бутурлин [Там же. С. 131].

Сентябрь 1513 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Репня Оболенский. Первые воеводы других полков — А. В. Сабуров, кн. И. А. Лугвица Микулинский, М. А. Плещеев, кн. И. Семейка Романовича (Ярославский) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 133—134].

Лето-осень 1513 г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Кислый Горбатый. Первые воеводы других полков — Д. В. Китаев-Новосильцев, кн. С. Ф. Курбский, кн. П. И. Елецкий, И. С. Колычёв [Там же. С. 134].

Август 1513 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. Л. Глинский, кн. М. Д. Щеняцев, кн. А. И. Курака Булгаков, кн. Б. И. Горбатый [Там же. С. 135].

Август 1513 г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. Б. Тебет

Уланов, И. Г. Морозов, И. А. Колычёв, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 135—136].

Август-сентябрь 1513 г., Погост. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Горбатый, кн. С. Ф. Курбский, И. А. Колычёв, кн. И. А. Буйнос Ростовский [Там же. С. 136].

Февраль 1514 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. Л. Глинский, кн. М. Д. Щеняев, кн. А. И. Курака Булгаков, кн. Б. И. Горбатый [Там же. С. 137—138].

Лето 1514 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Белевский, кн. А. Д. Курбский, кн. И. В. Немой Телепнев, кн. И. А. Лугвица Микулинский [Там же. С. 139].

7022 (1513/1514) г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Темка Янов Ростовский, кн. П. И. Елецкий, кн. З. К. Сабуров, И. С. Пупок Колычёв [Там же. С. 139—140].

Июнь 1514 г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. Б. Тебет Уланов, И. С. Пупок Колычёв, З. К. Сабуров [Там же. С. 140].

Лето 1514 г., Великие Луки. Первые воеводы большого полка — И. Г. Морозов. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Елецкий, В. Овца Владимиров [Там же. С. 140].

1514 г. Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Темка Янов Ростовский, кн. П. И. Елецкий, кн. И. Засекин, И. А. Колычёв [Там же. С. 141].

1514 г., Орша. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. И. Темка Ростовский, кн. А. И. Булгаков, кн. А. Оболенский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 142].

1514 г., Мстиславль. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Курбский, кн. С. Д. Серебряный, кн. А. В. Кашин, кн. И. А. Микулинский [Там же. С. 143].

1514 г. (?), Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. Д. Щеняев, кн. М. В. Горбатый, кн. А. И. Курака Булгаков, кн. В. С. Швих Одоевский [Там же. С. 143].

7023 (1514/1515) г., Долгий мост. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — Яков Захарьич, кн. В. С. Швих Одоевский, М. С. Воронцов, Я. Г. Морозов [Там же. С. 144—145].

Зима 1514/15 г. (или, по другим сведениям, июль 1519 г.), поход на литовскую землю. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. В. А. Микulinский, кн. Ф. В. Телепнев, кн. С. Ф. Курбский [Там же. С. 145].

7023 (1514/1515) г., «на Вошане». Первый воевода большого полка — кн. В. С. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Репнин (может быть заменен кн. И. М. Воротынским после его прибытия в армию), кн. Ю. А. Хохолков-Ростовский, кн. И. Д. Золотой Щепин-Оболенский, кн. И. И. Щетина Оболенский [Там же. С. 147].

7023 (1514/1515) г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Швих Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Стригин, кн. Ю. А. Хохолков-Ростовский, И. А. Шерemetев, кн. В. А. Ноготок Оболенский [Там же. С. 147—148].

7023 (1514/1515) г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. А. Д. Ростовский, кн. Борис Тебет Уланов (Уланович), И. А. Колычёв, В. Г. Годунов Большой [Там же. С. 148].

7023 (1514/1515) г., Великие Луки, поход на Полоцк. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. Ф. В. Телепнев Оболенский, В. Г. Годунов, кн. И. И. Засекин, И. А. Колычёв [Там же. С. 149].

7023 (1514/1515) г., поход на Мстиславль. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Кащин, кн. С. Ф. Курбский, кн. С. Д. Серебряный, кн. И. А. Микulinский [Там же. С. 149—150].

7023 (1514/1515) г., Дорогобуж. Первый воевода большого полка — кн. Д. В. Щеня. Первые воеводы других полков — кн. М. Д. Щеняев, кн. Б. И. Горбатый, кн. В. Шиха Оболенский, кн. А. И. Курака Булгаков [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 150].

7024 (1515/1516) г., «на Вошане». Первый воевода большого полка — кн. В. С. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. В. Д. Пенков, кн. С. Д. Серебряный Щепин-Оболенский, кн. А. В. Белевский [Там же. С. 151].

7024 (1515/1516) г., Белая, поход на Витебск. Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Бучен Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Ушатый, кн. И. В. Большой Кащин, кн. С. Ф. Алабышев, А. Н. Бутурлин [Там же. С. 152—153].

7024 (1515/1516) г., Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — И. Г. Поплевин Морозов, кн. В. А. Микulinский, И. А. Колычёв, кн. И. А. Буйнос (Буйносов?) Ростовский [Там же. С. 153].

7024 (1515/1516) г., Рославль, поход «в Северу». Первый воевода большого полка — кн. И. Горбатый. Первый воевода другого полка — кн. Ю. Хохолков [Там же. С. 154].

Июль 1517 г. (по другим сведениям, июнь 1519 г.), Великие Луки. Первый воевода большого полка — кн. А. В. Ростовский. Первые воеводы других полков — Ф. Ю. Щука Кутузов, кн. Борис Тебет Уланов (Уланович), кн. И. А. Буйнос (Буйносов?) Ростовский, кн. И. А. Микулинский [Там же. С. 155].

Июль 1517 г., «на Вошане». Первый воевода большого полка — кн. В. С. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. В. Д. Пенков, кн. И. М. Воротынский, И. В. Ляцкий, кн. С. Д. Серебряный Щепин-Оболенский [Там же. С. 155].

7025 (1516/1517) г., «в Мещере». Первый воевода большого полка — кн. В. Д. Микулинский. Первые воеводы других полков — М. С. Воронцов, кн. И. В. Большой Кашин, Г. А. Меньшой Колычёв, кн. В. В. Чулок Ушатый [Там же. С. 156].

7025 (1516/1517), по другим сведениям, 7027 (1518/1519) г., Вязьма. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. А. Б. Бучен Горбатый, кн. А. Д. Курбский, И. В. Ляцкий, И. В. Хабар Симский [Там же. С. 157].

7026 (1517/1518) г., «на берегу». Первый воевода большого полка — кн. М. Д. Щеняцев. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. А. И. Курака Булгаков, кн. И. В. Немой Телепнев, Ф. Н. Бутурлин [Там же. С. 158].

7026 (1517/1518) г., скорее всего не ранее весны 1518 г., Вязьма—Могилев. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. В. А. Микулинский, кн. Ф. В. Лопата Телепнев-Оболенский, кн. С. Ф. Курбский [Там же. С. 159—160].

1518 г., не ранее апреля, поход из Дорогобужа на Литву. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Горбатый. Первые воеводы других полков — Ф. Ю. Щука Кутузов, кн. М. И. Кубенский, Г. А. Меньшой Колычёв, М. А. Плещеев [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 160].

Февраль 1519 г., Белая—Витебск. Первый воевода большого полка — В. Д. Годунов. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Чулок Засекин, Игнатий Михайлович Салтыков, Иван Михайлович Салтыков, В. П. Борисов-Бороздин [Там же. С. 160—161].

7027 (1518/1519) г., Белая—Витебск. Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Бучен Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. В. И. Шиха Стигин-Оболенский, кн. И. А. Тростенский, кн. А. Ф. Пестрый, А. Д. Годунов [Там же. С. 162].

7027 (1518/1519) г., «на берегу». Первый воевода большого полка — кн. М. Д. Щеняцев. Первые воеводы других полков — кн. А. И. Курака Булгаков, кн. И. М. Воротынский, Ф. Н. Бутурлин, кн. И. В. Немой Телепнев-Оболенский [Там же. С. 163].

7027 (1518/1519) г., поход на Молодечно. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Воротынский, кн. В. А. Микулинский, кн. Ф. В. Лопата Телепнев-Оболенский, кн. С. Ф. Курбский [Там же. С. 164].

7027 (1518/1519) г., «на Толстике». Первый воевода большого полка — кн. В. Микулинский. Первые воеводы других полков — Г. А. Меньшой Колычёв, кн. Чулок Ушатый [Там же. С. 165].

7027 (1518/1519) г. (по другим сведениям, 1519/1520 г.), «на Толстике в Мещере». Первый воевода большого полка — кн. П. Д. Хохлов-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Троекуров, кн. И. В. Кашин, И. А. Шереметев, кн. В. Чулок Ушатый [Там же. С. 166].

7027 (1518/1519) г., поход из Великих Лук на Полоцк. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Шуйский, кн. Борис Тебет Уланов, кн. И. А. Буйнос Ростовский, кн. В. А. Микулинский [Там же. С. 166—167].

Июль 1519 г. (по другим сведениям, 1514/1515 г.), поход из Ржева на Литву. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Кислый Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. Д. Д. Бохтеяр Татарин, кн. А. В. Кашин, кн. А. Кропоткин, кн. А. И. Стригин [Там же. С. 169—170].

7028 (1519/1520) г., поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. А. И. Курака Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Алабышев, кн. К. С. «Романовича Сисей Ярославского», кн. А. П. Великого, кн. И. П. Збарецкий (Взбаражский) [Там же. С. 170—171].

Май 1522 г., Коломна и далее, по городам Окского рубежа. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Кислый Горбатый, кн. А. Б. Бучен Горбатый, И. В. Хабар Симский, А. В. Сабуров [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1. С. 174—175].

7030 (1521/1522) г. (по другим сведениям, 1522/1523 г.), «на пристани за Опочкой». Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. М. И. Кубенский, Д. С. Воронцов, кн. П. С. Одоевский, И. В. Вельяминов-Шадрин [Там же. С. 186].

7030 (1521/1522) г., Угра. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. Д. И. Курбский, кн. И. М. Воротынский, кн. Ф. Д. Пронский, кн. Ю. Ф. Ушатый [Там же. С. 186—187].

7031 (1522/1523) г., Нижний Новгород, строительство Васильсурска. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первый воевода другого полка — кн. С. Ф. Курбский [Там же. С. 187].

7031 (1522/1523) г., Нижний Новгород, строительство Васильсурска. Первый воевода большого полка — кн. И. Ю. (И. И.?) Горбатый. Первые воеводы других полков — Ф. Ю. Щука Кутузов, кн. А. И. Стригин-Оболенский, кн. П. И. Репнин, В. А. Шереметев [Там же. С. 187—188].

7032 (1523/1524) г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Курбский, кн. С. Д. Серебряный, кн. Ю. В. Большой Ушатый, кн. М. И. Кубенский [Там же. Т. 1, ч. 2. С. 189].

7032 (1523/1524) г., Казань. Первый воевода большого полка — И. В. Хабар Симский. Первые воеводы других полков — В. А. Шереметев, кн. П. И. Репнин, кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, И. В. Лопатакольчёв [Там же. Т. 1, ч. 2. С. 190].

7034 (1525/1526) г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — Ф. Ю. Щука Кутузов, кн. Ф. В. Лопата Оболенский, И. Н. Бутурлин, кн. И. И. Барбашин-Суздальский [Там же. Т. 1, ч. 2. С. 196—197].

7034 (1525/1526) г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. М. Л. Глинский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Оболенский, кн. Ф. В. Овчина Телепнев-Оболенский, Д. С. Воронцов, кн. В. И. Репнин [Там же. Т. 1, ч. 2. С. 197—198].

7034 (1525/1526) г., Казань. Первый воевода большого полка — И. В. Хабар Симский. Первые воеводы других полков — В. А. Шереметев, кн. П. И. Репнин, кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, И. В. Ляцкий [Там же. С. 198].

7036 (1527/1528) г., Новгород Северский. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский (по другим сведениям, кн. И. А. Ка тырь Ростовский). Первые воеводы других полков — кн. П. И. Репнин, И. Н. Бутурлин [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 204—205].

7037 (1528/1529) г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Барбашин. Первые воеводы других полков — кн. Ю. Ушатый, кн. И. Лугвица Микулинский, кн. С. Сицкий, кн. В. Чулок Ушатый [Там же. С. 209—210].

Май 1530 г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ф. В. Лопата Оболенский, Ф. Ю. Щука Кутузов, И. Н. Бутурлин, кн. И. И. Барбашин-Суздальский [Там же. С. 213].

Май 1530 г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. М. Л. Глинский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. П. И. Репнин, кн. Ф. В. Овчина Телепнев-Оболенский, Д. С. Воронцов [Там же. С. 215].

7039 (1530/1531) г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — Ф. Ю. Щука Кутузов

тузов, кн. Ф. В. Лопата Оболенский, кн. И. И. Барбашин, И. Н. Бутурлин [Там же. С. 218].

Январь-февраль 1531 г., Козельск. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. Ф. И. Одоевский, кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. И. И. Белевский [Там же. С. 218—219].

Февраль-март 1531 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. П. И. Репнин, В. П. Борисов-Бороздин, кн. И. В. Шемяка Нелюбов Пронский [Там же. С. 219].

Февраль-март 1531 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. В. А. Микулинский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. П. И. Репнин, В. П. Борисов-Бороздин, кн. Ф. Т. Тростенский [Там же. С. 220].

Март 1531 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. В. Шемяка Пронский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Троекуров, И. М. Салтыков, кн. С. И. Гундоров, Г. Г. Лошаков Колычёв [Там же. С. 220—221].

7039 (1530/1531) г., Галич. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. В. Елецкий, кн. Ю. Стародубский-Сорокин, кн. Д. Бурмак [Там же. С. 221].

Июнь 1531 г., Рязань. Первый воевода большого полка — кн. Ф. Б. Турунин. Первые воеводы других полков — Т. Б. Слизнев, Л. Б. Слизнев, кн. Ф. С. Мезецкий [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 221—222].

Июль 1531 г., Одоев. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Тать Хрипунов, кн. Р. И. Одоевский, кн. И. М. Троекуров, кн. И. И. Белевский [Там же. С. 222—223].

Август-сентябрь 1531 г., Одоев—Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. А. В. Кащин, кн. Р. И. Одоевский, кн. И. М. Троекуров, кн. И. И. Белевский [Там же. С. 227—228].

Октябрь 1531 г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. Н. В. Хромой Оболенский, кн. А. М. Шуйский, Я. Г. Морозов, кн. И. И. Турунтай-Пронский [Там же. С. 228].

7040 (1531/1532) г., Чухлома. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. А. Сицкий (по другим сведениям, кн. Ю. Стародубский-Сорокин), кн. В. Палецкий, В. Ф. Меньшой Полев, кн. Д. Бурмак [Там же. С. 229—230].

Май–июнь 1533 г., «на Севере». Первый воевода большого полка — кн. И. М. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Репнин, И. Н. Бутурлин [Там же. С. 238].

Май 1533 г., Тула. Первый воевода большого полка — кн. С. В. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. Ф. И. Одоевский, кн. С. И. Пунка Микулинский, кн. Д. Ю. Друцкий, кн. И. Ф. Тать Хрипунов [Там же. С. 239].

Итак, в качестве материала для выводов о социальном составе воевод в правление Василия III (1505—1533) использована естественная выборка, близкая по составу к генеральной совокупности и объединяющая сведения о 111 кратких боевых выходах и значительных кампаниях русской армии.

Первыми воеводами большого полка, т. е. главнокомандующими крупным самостоятельным полевым соединением представители нетитулованной знати за всё это время назначались 9 раз из 111. А это составляет чуть более 8 % от числа всех назначений. Падение, по сравнению с временами Ивана III, очевидное. Особенно заметным оно становится после 1508 г. С этого момента представители нетитулованной знати ставились главнокомандующими в самостоятельных полевых соединениях примерно 1 раз в пять–шесть лет.

Первыми воеводами не большого, а других полков представители нетитулованной знати за всё это время назначались 105 раз. За этот же период представители титулованной аристократии побывали на аналогичных воеводских постах 307 раз. Иными словами, «княжатам» досталось несколько менее 75 % подобного рода назначений, а представителям боярских родов — чуть более 25 %. Причем резкое ухудшение служилого статуса нетитулованных аристократических родов произошло в 1520-х гг.

Можно сделать вывод: и по этому параметру положение нетитулованной знати в российской армейской иерархии заметно ухудшилось²⁹.

²⁹ В то же время назначение на второстепенные должности в иерархии полковых воевод (вторые и третьи воеводы) представители нетитулованной аристократии получали значительно чаще. Этот вывод можно сделать по данным С. Б. Веселовского: «Всего при великом князе Василии в полковых воеводах пребывали 304 человека, — пишет историк, — получившие в связи с разными походами 1197 назначений. Из княжеских родов вышло 187 воевод, получивших 800 назначений — 61,5 %... На долю нетитулованных боярских родов приходилось 117 лиц». Это в основном представители древних семейств, служивших московским князьям как минимум с XIV в. (около трех четвертей от всех назначений нетитулованных аристократов воеводами). Такие высокие цифры представительства родов нетитулованной знати в армейском командовании получаются из-за того, что С. Б. Веселовский считал всех полковых воевод, а не только первостепенных [Веселовский, 1969. С. 36].

Из периода правления Ивана IV взяты сведения о 124 кратких боевых выходах и значительных кампаниях русской армии.

Июль 1534 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Горбатый Кислый, кн. С. Ф. Бельский, кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. Р. И. Одоевский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 244—245].

7042 (1533/1534) г., Галич. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский [Там же. С. 246].

Август 1534 г., Стародуб. Первый воевода большого полка — кн. Ф. В. Телепнев-Оболенский. Первые воеводы других полков — кн. К. И. Курлятев, кн. Д. И. Курлятев [Там же. С. 246].

Зима 1534/35 г., Можайск. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Горбатый Кислый. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. П. И. Репнин, кн. В. И. Репнин, кн. В. И. Белевский [Там же. С. 250].

Зима 1534/35 г., Новгород Великий и Псков. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. М. М. Курбский, кн. М. И. Кубенский, Д. С. Воронцов, кн. Ф. М. Курбский [Там же. С. 249—250].

Зима 1534/35 г., Стародуб. Первый воевода большого полка — кн. Ф. В. Овчина Телепнев-Оболенский. Первые воеводы других полков — кн. К. И. Курлятев, кн. Д. И. Курлятев [Там же. С. 251].

Лето 1535 г., Смоленск. Первый воевода большого полка — кн. В. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. А. Д. Ростовский, кн. В. И. Репнин, кн. И. Д. Пенков Хомяк [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 252—253].

Июль 1535 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. В. А. Микулинский, кн. С. И. Трубецкой, кн. Ф. И. Одоевский, кн. Ю. М. Голицын [Там же. С. 254—255].

1535 г. (весна-лето?), Брянск—Почеп. Первый воевода большого полка — кн. А. И. Холмский. Первые воеводы других полков — кн. А. И. Трубецкой, кн. Ф. И. Одоевский (заменен князем М. М. Курбским), кн. И. Ф. Тать Ряполовский-Хрипунов, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский [Там же. С. 255].

Июль-август 1535 г., Брянск. Первый воевода большого полка — В. А. Шереметев. Первые воеводы других полков — кн. А. И. Холмский (вариант: кн. А. И. Хованский), кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, кн. М. М. Курбский, кн. А. И. Трубецкой [Там же. С. 257].

Март 1536 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. Ф. М. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Темкин-Ростов-

ский, И. П. Федоров-Челяднин, И. С. Воронцов, Г. Ю. Захарьин-Юрьев [Там же. С. 260].

1536 г. (весна?), Новгород Великий. Первый воевода большого полка — кн. Б. И. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. М. И. Кубенский, Д. С. Воронцов, кн. М. М. Курбский, кн. Ф. М. Курбский [Там же. С. 261].

Июль 1536 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. В. А. Микулинский, кн. Ф. М. Мстиславский, кн. Р. И. Одоевский, кн. Ю. М. Булгаков [Там же. С. 263].

7045 (1536/1537) гг., Владимир—Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. А. Микулинский. Первые воеводы других полков — кн. Р. И. Одоевский, кн. И. И. Барбашин, В. А. Шереметев, кн. Ю. М. Булгаков [Там же. С. 264].

7045 (1536/1537) гг., Мещера. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. М. М. Курбский, кн. М. И. Кубенский, кн. Ф. М. Мезецкий, кн. Ф. А. Прозоровский [Там же. С. 265].

Июль 1537 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Н. В. Хромой Оболенский. Первые воеводы других полков — кн. В. А. Микулинский, кн. И. Д. Пенков Хомяк, кн. И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский, кн. Ф. И. Шуйский [Там же. С. 266].

7046 (1537/1538) г., «берег». Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. В. А. Микулинский, кн. Ф. М. Мстиславский, кн. Р. И. Одоевский, кн. А. Б. Горбатый [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 273—274].

7046 (1537/1538) г., Угра. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — Ф. С. Воронцов, кн. И. И. Хованский, кн. Ф. А. Прозоровский, кн. П. Ф. Охлябинин [Там же. С. 274—275].

Июнь 1539 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. В. А. Микулинский. Первые воеводы других полков — кн. М. И. Кубенский, кн. Ф. М. Мстиславский, кн. Ф. А. Булгаков, кн. Ф. И. Одоевский (заменен на кн. Д. Курлятева) [Там же. С. 277—278].

7047 (1538/1539) г., Угра. Первый воевода большого полка — кн. И. А. Катырь Ростовский. Первые воеводы других полков — И. С. Воронцов, кн. И. С. Ногтев-Сузdalский, кн. И. Т. Тростенский [Там же. С. 279].

7047 (1538/1539) г., Угра. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Одоевский. Первые воеводы других полков — С. С. Беззубцев, И. П. Федоров-Челяднин, кн. И. В. Горенский, кн. М. У. Мавкин [Там же. С. 280].

Ноябрь 1539 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. А. Б. Горбатый, кн. Ю. М. Булгаков, И. С. Воронцов, И. П. Федоров-Челяднин [Там же. С. 281].

Февраль—март 1540 г., Шуя—Плес. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Шуйский. Первые воеводы других полков — Ф. С. Воронцов, кн. В. Ф. Охлябинин, кн. Д. М. Несвицкий, кн. Ю. И. Гундоров [Там же. С. 283].

Апрель 1540 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. В. А. Микулинский (заменен князем Ю. М. Булгаковым). Первые воеводы других полков — кн. Ф. А. Булгаков-Куракин (заменен князем Д. И. Пуњковым-Микулинским), кн. Ю. М. Булгаков (заменен князем Ф. А. Булгаковым-Куракиным), кн. И. И. Меньшой Лыков, И. Д. Шеин [Там же. С. 284—285].

Июль 1540 г., «берег». Первый воевода большого полка — кн. А. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. К. И. Курлятев, кн. Ф. И. Скопин-Шуйский [Там же. С. 287].

1540 г. (лето?), Угра. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Одесский. Первые воеводы других полков — С. С. Епанча Беззубцев, И. П. Федоров-Челяднин, кн. И. В. Горенский, кн. М. У. Мавкин [Там же. С. 289—290].

7048 (1539/1540) г., Рязань. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуњков-Микулинский, С. И. Жулебин, кн. И. М. Хворостинин [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 290].

Декабрь 1540 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. М. Булгаков, кн. А. Б. Горбатый, И. С. Воронцов, И. П. Федоров-Челяднин [Там же. С. 290—291].

Июнь 1541 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. И. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. С. Ф. Алабышев, кн. И. Ф. Стригин-Ряполовский [Там же. С. 294].

Июнь 1541 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. И. М. Троекуров, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский [Там же. С. 295—296].

Июль 1541 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. И. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. А. Куракин-Булгаков, кн. И. Ю. Хохолков-Ростовский, кн. С. Ф. Алабышев, кн. И. Ф. Стригин-Ряполовский [Там же. С. 298].

Декабрь 1541 г., Владимир—Муром. Первый воевода большого полка — кн. И. В. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. Ю. А. Большой Пенинский, кн. Д. А. Куракин-Булгаков [Там же. С. 299].

1542 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. А. М. Шуйский (заменен князем П. И. Репниным). Первые воеводы других полков — И. С. Воронцов, кн. И. А. Куракин-Булгаков, кн. С. Ф. Алабышев [Там же. С. 299—300].

1542 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — И. С. Воронцов, кн. И. А. Куракин-Булгаков [Там же. С. 300].

7050 (1541/1542) г., Алексин. Первый воевода большого полка — кн. И. Ю. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. В. В. Чулок Ушатый, кн. К. И. Курлятев, кн. И. Т. Тростенский, И. И. Колычёв-Умной.

Июнь 1542 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Пуньков-Микулинский, кн. И. И. Тростенский, кн. И. И. Хованский [Там же. С. 302].

Лето 1542 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. И. А. Ка тырь Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. К. И. Курлятев, С. К. Заболоцкий, кн. Д. И. Курлятев [Там же. С. 303].

Ноябрь 1542 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. А. Б. Горбатый, кн. Ю. В. Глинский (заменен князем И. С. Ногтевым-Сузdalским), кн. И. А. Прозоровский, А. В. Елизаров [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 304—305].

Июнь 1543 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. А. Большой Пенинский-Оболенский, кн. И. В. Шемяка Пронский, В. М. Тучков, кн. С. Ф. Алабышев [Там же. С. 307].

Июль 1543 г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. И. И. Кубенский. Первые воеводы других полков — И. В. Большой Шереметев, кн. И. М. Троекуров, кн. И. П. Сисеев, кн. И. В. Горенский [Там же. С. 310].

7052 (1543/1544) г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. А. Большой Пенинский-Оболенский, кн. С. Ф. Алабышев, В. М. Тучков, кн. К. И. Курлятев [Там же. С. 311].

Январь 1544 г., Владимир—Сузdal—Шуя. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — И. С. Воронцов, С. С. Беззубцев, кн. И. Т. Тростенский, кн. И. С. Ногтев-Сузdalский [Там же. С. 313].

Июль 1544 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский,

кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. П. Д. Пронский, кн. М. А. Трубецкой [Там же. С. 314—315].

1544 г. (лето?), Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Одоевский. Первые воеводы других полков — кн. И. П. Сисеев, кн. Ф. А. Аленкин (Оленкин), Н. И. Борисов-Бороздин.

Апрель 1545 (1546?) г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуньков-Микулинский. Первые воеводы других полков — И. В. Большой Шерemetев, кн. Д. Ф. Палецкий [Там же. С. 316].

7053 (1544/1545) г., Муром. Первый воевода большого полка — Ф. С. Воронцов. Первые воеводы других полков — А. Ю. Сабуров [Там же. С. 317].

Апрель 1546 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. В. М. Щеняев, кн. И. М. Плетень Шуйский, И. С. Воронцов, кн. Ю. М. Голицын-Булгаков [Там же. С. 317—318].

Декабрь 1546 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — В. П. Борисов, кн. И. А. Булгаков, Н. И. Облезов-Вельяминов, кн. М. У. Мавкин [Там же. С. 321].

7055 (1546/1547) г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — В. Д. Шеин, кн. Ф. И. Одоевский, кн. Д. И. Немого Оболенский, И. Д. Шеин [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 328—329].

Февраль 1547 г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Шуйский, кн. И. В. Пенков, Я. И. Сабуров, кн. В. Ф. Оболенский-Лопатин [Там же. С. 330—331].

Май 1547 (1548?) г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Ю. М. Голицын-Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. Д. И. Курлятев, кн. Ф. А. Булгаков, И. И. Колычёв-Умной, кн. Д. И. Булгаков [Там же. С. 331—332].

7055 (1546/1547) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Б. А. Трубецкой. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Горенский, кн. И. Т. Тростенский, В. М. Борисов-Машуткин, кн. И. И. Лыков [Там же. С. 332].

Лето 1547 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Микулинский, кн. А. И. Ногтев-Сузdalский, кн. Ф. А. Гундоров, кн. И. А. Прозоровский [Там же. С. 332—333].

Июль 1547 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — В. Д. Шеин, кн. И. М. Шуйский, кн. Д. И. Немого Оболенский, И. Д. Шеин [Там же. С. 334—335].

Декабрь 1547 г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. А. Б. Горбатый, кн. И. М. Шуйский, кн. И. В. Шемяка Пронский, И. П. Федоров-Челяднин (заменен князем С. В. Ростовским) [Там же. С. 342—343].

Декабрь 1547 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. А. Д. Ростовский. Первые воеводы других полков — В. П. Борисов-Бороздин, кн. И. А. Куракин-Булгаков, Н. И. Облез Вельяминов, кн. М. У. Мавкин [Там же. С. 350].

Зима 1547/48 г., Мещера. Первый воевода большого полка — кн. В. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Оболенский-Кашин, кн. М. И. Воротынский, кн. В. И. Стародубский-Осповский, Б. И. Салтыков [Там же. С. 344—345].

Первые месяцы 1548 г., Работка—Цивиль. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Пуньков-Микулинский, кн. А. Б. Горбатый, кн. И. В. Шемяка Пронский, кн. П. И. Шуйский [Там же. С. 348—349].

Май 1548 г., Коломна—Кашира. Первый воевода большого полка — кн. Ю. М. Голицын-Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. Д. И. Курлятев, кн. Ф. А. Куракин-Булгаков, И. И. Колычёв-Умной, кн. Д. А. Куракин-Булгаков [Там же. С. 351].

7056 (1547/1548) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Б. А. Трубецкой. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Горенский, кн. И. Т. Тростенский, В. М. Борисов-Машуткин, кн. И. И. Меньшой Лыков [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 353].

Июль 1548 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. Ф. И. Скопин-Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Телятевский, кн. А. И. Ногтев-Сузdalский, кн. П. С. Серебряный, кн. И. А. Лугвица Прозоровский [Там же. С. 354].

7057 (1548/1549) г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Д. Пронский. Первые воеводы других полков — В. П. Борисов, кн. И. А. Куракин-Булгаков, Н. И. Облезов-Вельяминов, кн. М. У. Мавкин [Там же. С. 356].

Ноябрь 1548 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. В. С. Серебряный, кн. С. И. Пуньков-Микулинский, кн. Д. П. Охлябинин, кн. Ю. И. Кашин-Оболенский [Там же. С. 356—357].

Март 1549 г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Горбатый. Первые воеводы других полков — И. И. Колычёв-Умной, кн. Д. И. Курлятев, кн. Д. Ф. Палецкий, С. Д. Пешков-Сабуров [Там же. С. 358—359].

Весна (?) 1549 г., Коломна—Кашира. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Тем-

кин-Ростовский, кн. Ю. И. Кашин-Оболенский, кн. Д. И. Немого Оболенский, И. Д. Шеин [Там же. С. 360—361].

7057 (1548/1549) г. Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Б. А. Трубецкой. Первые воеводы других полков — кн. В. А. Гага Великого, кн. И. А. Куракин-Булгаков, кн. И. (Иван) Т. Тростенский, кн. И. (Иосиф) Т. Тростенский [Там же. С. 361].

Июль 1549 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. Ф. А. Куракин-Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. Д. А. Куракин-Булгаков, кн. Ф. Б. Ромодановский, кн. А. В. Ногаев-Ромодановский, кн. Ф. А. Гундоров [Там же. С. 362—363].

Зима 1549/50 г., Сузdal—Шуя—Муром—Кострома—Ярославль—Юрьев—Ростов—Владимир—Переяславль-Залесский. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. П. И. Шуйский, кн. В. Ф. Лопатин-Оболенский, кн. А. Б. Горбатый, кн. М. И. Воротынский, кн. Ю. М. Голицын-Булгаков, кн. Ю. И. Кашин-Оболенский, кн. Д. И. Пуньков-Микулинский, кн. Д. А. Куракин-Булгаков, кн. И. Ф. Мстиславский [Там же. С. 365—366, 373, 375—376].

7058 (1549/1550) г., Владимир. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — Г. В. Морозов, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, С. Д. Сабуров-Пешков, И. И. Хабаров [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 382—383].

Апрель 1550 г., Коломна—Кашира. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — З. П. Яковлев, кн. Ю. М. Голицын-Булгаков, И. Д. Шеин, И. И. Хабаров [Там же. С. 385].

Май 1550 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Б. А. Трубецкой. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Гундоров, кн. В. А. Трубецкой, кн. И. Т. Тростенский, кн. М. М. Троекуров [Там же. С. 387—388].

Август 1550 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуньков-Микулинский. Первые воеводы других полков — кн. Д. И. Пуньков-Микулинский, кн. В. С. Серебряный-Оболенский, М. Я. Вороной-Волынский, М. И. Морозов [Там же. С. 392].

Август 1550 г., Рязань. Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Горбатый. Первые воеводы других полков — М. И. Морозов, М. Я. Вороной-Волынский [Там же. С. 393].

Август 1550 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. Д. Ф. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. М. Голицын-Булгаков, П. В. Морозов, И. Д. Шеин, И. С. Воронцов [Там же. С. 395].

Август 1551 г., Свияга. Первый воевода большого полка — кн. Ю. М. Голицын-Булгаков. Первые воеводы других полков — кн. П. А. Булга-

ков, И. П. Федоров-Челяднин, Г. В. Морозов, И. И. Хабаров [Там же. С. 398].

Весна 1551 г., Коломна—Кашира—«у Николы Зарайского»—Рязань. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. П. М. Щеняев, И. С. Воронцов, кн. Ф. И. Скопин-Шуйский [Там же. С. 402—403].

7059 (1550/1551) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Д. И. Пуньков-Микулинский. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, кн. И. В. Горенский, кн. И. И. Сухой, кн. И. Т. Глухой Тростенский [Там же. С. 404].

7060 (1551/1552) г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Серебряный. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, кн. Д. Ф. Палецкий [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 410].

Май 1552 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Серебряный. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, кн. Ф. И. Троекуров [Там же].

Июнь 1552 г., Москва. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. П. М. Щеняев, кн. Д. И. Пуньков-Микулинский, кн. Д. И. Немого Оболенский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 412—413].

7060 (1551/1552) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Троекуров, кн. И. В. Горенский [Там же. С. 413].

7060 (1551/1552) г., поход на «горную черемису». Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуньков-Микулинский, Первые воеводы других полков — Д. Р. Захарьин-Юрьев, кн. П. С. Серебряный [Там же. С. 418].

7060 (1551/1552) г., еще поход «в черемису». Первый воевода большого полка — кн. П. И. Шуйский. Первые воеводы других полков — Д. Р. Захарьин-Юрьев, кн. П. С. Серебряный [Там же. С. 418].

Лето 1552 г., большой поход на Казань. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. В. И. Воротынский, кн. П. М. Щеняев, кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. Д. И. Пуньков-Микулинский, кн. В. С. Серебряный, кн. Ю. И. Шемякин-Пронский [Там же. С. 418—419].

Сентябрь 1552 г., Казань—«карские места». Первый воевода большого полка — кн. А. Б. Горбатый. Первые воеводы других полков — кн. С. И. Пуньков-Микулинский, кн. П. А. Куракин-Булгаков [Там же. С. 426].

Осень 1552 г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Глинский. Первые воеводы других полков — кн. П. С. Серебряный, М. М. Тучков [Там же. С. 441—442].

Осень 1552 г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, кн. И. И. Сущ Кашин [Там же. С. 443].

Весна 1553 г., Муром. Первый воевода большого полка — кн. В. С. Серебряный. Первые воеводы других полков — В. С. Шереметев, кн. Д. Ф. Палецкий [Там же. С. 444].

Весна 1553 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — кн. И. М. Троекуров, кн. И. В. Горенский [Там же. С. 444].

Май 1553 г., Нижний Новгород—Свияжск. Первый воевода большого полка — кн. Ю. М. Голицын-Булгаков, кн. А. И. Воротынский, кн. Ю. И. Кашин [Там же. С. 448].

Май 1553 г., Нижний Новгород—Свияжск. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Троекуров. Первые воеводы других полков — кн. П. Д. Щепин-Оболенский, кн. В. С. Мезецкий [Там же. С. 448].

Июнь 1553 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. В. И. Воротынский, кн. П. М. Щенятов, кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. Д. И. Немого Оболенский, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 452].

Июнь 1553 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. П. А. Курakin-Булгаков, кн. И. В. Горенский [Там же. С. 453].

Август 1553 г., Одоев. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. М. П. Репнин, кн. И. В. Горенский [Там же. С. 454].

Зима 1553/54 г., Казань. Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуньков-Микулинский. Первые воеводы других полков — И. В. Большой Шереметев, кн. А. М. Курбский [Там же. С. 461].

Зима 1553/54 г. (?), Казань — «луговая сторона». Первый воевода большого полка — кн. И. И. Сухой Кашин. Первые воеводы других полков — И. В. Меньшой Шереметев, кн. Ф. И. Глазатый-Оболенский.

Зима 1553/54 г. (?), «на реку на Тешу». Первый воевода большого полка — кн. И. М. Хворостинин. Первые воеводы других полков — кн. Ф. М. Троекуров, И. И. Плещеев-Очин [Там же. С. 463].

Апрель 1554 г., Нижний Новгород. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Шемякин-Пронский. Первые воеводы других полков — И. М. Вешняков, С. Г. Сидоров [Там же. С. 467—468].

Май 1554 г., Коломна. Первый воевода большого полка — кн. И. М. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский.

ский, кн. И. И. Турутай Пронский, кн. Д. И. Немого Оболенский, кн. П. А. Куракин-Булгаков [Там же. С. 475].

Май 1554 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. М. А. Трубецкой. Первые воеводы других полков — кн. И. В. Горенский, кн. В. А. Трубецкой [Там же. С. 475].

Осень 1554 г., Владимир—Кокшага. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — З. П. Яковлев, М. Я. Морозов [Там же. С. 475—476].

Осень 1554 г., Галич—«черемиса». Первый воевода большого полка — И. П. Хирон Яковлев. Первые воеводы других полков — И. В. Меньшой Шереметев, кн. В. И. Токмаков-Ноздроватый [Там же. С. 476].

Май-июль 1555 г., Белев. Первый воевода большого полка — И. В. Большой Шереметев. Первые воеводы других полков — А. Д. Басманов-Плещеев, Д. М. Плещеев [Там же. С. 491].

Июнь—июль 1555 г., Коломна—Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. И. Д. Бельский, кн. А. И. Воротынский, кн. И. И. Турутай Пронский, кн. Д. И. Немого Оболенский, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, И. П. Яковлев [Там же. С. 495—496].

Октябрь 1555 г., Калуга—Серпухов. Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Глинский, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, кн. И. И. Турутай Пронский [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 501—502].

Зима 1555/56 г., Новгород Великий. Первый воевода большого полка — кн. П. М. Щеняцев. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, кн. А. И. Ногтев-Сузdalский, З. И. Плещеев-Очин, кн. Д. С. Шестунов, кн. Н. Б. Приимков-Ростовский [Там же. С. 504].

7064 (1555/1556) г., Орешек. Первый воевода большого полка — кн. А. И. Ногтев-Сузdalский. Первые воеводы других полков — С. В. Шереметев, З. И. Плещеев-Очин [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 506].

Весна 1556 г., Коломна—Кашира. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Кашин-Оболенский, кн. И. И. Турутай Пронский, кн. Ю. И. Темкин-Ростовский, кн. Д. И. Немого Оболенский [Там же. С. 508].

Сентябрь 1556 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. И. Ф. Мстиславский. Первые воеводы других полков — кн. М. И. Воротынский, кн. П. М. Щеняцев, кн. А. М. Курбский, М. Я. Морозов [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 4].

7065 (1556/1557) г., Коломна—Тула. Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. И. Ф. Мстиславский.

славский, кн. П. М. Щеняцев, кн. Ю. И. Кашин, кн. И. И. Турунтай Пронский [Там же. С. 6—7].

Январь 1558 г., Псков. Первый воевода большого полка — кн. М. В. Глинский. Первые воеводы других полков — кн. В. С. Серебряный, И. В. Большой Шереметев, кн. А. М. Курбский, кн. П. С. Серебряный [Там же. С. 17—19].

Март 1558 г., «по берегу». Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. Ю. И. Кашин, кн. П. М. Щеняцев [Там же. С. 24—25].

Май 1558 г., поход на Сыренск. Первый воевода большого полка — кн. П. И. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. А. М. Курбский, кн. П. Д. Щепин [Там же. С. 26—27].

1558 г., поход на «ливонскую землю». Первый воевода большого полка — кн. П. И. Шуйский. Первые воеводы других полков — кн. А. М. Курбский, кн. В. С. Серебряный, кн. П. Д. Щепин-Оболенский, кн. Г. И. Темкин-Ростовский [Там же. С. 28].

1558 г., «ку Рынгола против магистра». Первый воевода большого полка — кн. М. П. Репнин. Первые воеводы других полков — Ф. В. Шереметев, Ф. И. Третьяков [Там же. С. 32—33].

Лето 1558 г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. Д. С. Шестунов, кн. Д. С. Одоевский, Д. М. Плещеев, В. В. Морозов [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 34].

Лето 1558 г. (?), «берег». Первый воевода большого полка — кн. М. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Кашин, кн. Ф. В. Сисеев [Там же. С. 38].

1559 г., поход на Ригу и под Ругодив (Нарву). Первый воевода большого полка — кн. С. И. Пуньков-Микулинский. Первые воеводы других полков — кн. Ю. И. Кашин, кн. В. С. Серебряный, М. Я. Морозов, кн. П. С. Серебряный [Там же. С. 39—40].

Март 1559 г., «берег». Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Глинский, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. П. А. Куракин-Булгаков, кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. В. М. Глинский [Там же. Е. 45—46].

Февраль 1559 г., днепровский поход. Первый воевода большого полка — Д. Ф. Адашев. Первые воеводы других полков — И. Ушаков-Заболоцкий, Т. Ф. Игнатьев [Там же. С. 47].

Лето 1559 г., Бронницы—Дедилов. Первый воевода большого полка — кн. И. Д. Бельский. Первые воеводы других полков — кн. М. В. Глинский, кн. И. Ф. Мстиславский, кн. П. А. Булгаков, кн. И. И. Турунтай Пронский, кн. И. М. Глинский [Там же. С. 56—57].

7067 (1558/1559) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. Д. С. Шестунов, кн. Д. С. Одоевский, Д. М. Плещеев, В. В. Морозов [Там же. С. 59].

7067 (1558/1559) г., Калуга. Первый воевода большого полка — кн. М. И. Воротынский. Первые воеводы других полков — кн. И. И. Кашин, кн. Ф. В. Сисеев [Там же. С. 60].

Октябрь 1559 г., Юрьев-Ливонский. Первый воевода большого полка — кн. Ю. И. Темкин-Ростовский. Первые воеводы других полков — А. Д. Басманов-Плещеев, З. И. Плещеев-Очин [Там же. С. 61].

Итак, в качестве материала для выводов о социальном составе воевод в правление Ивана IV до начала 1560-х гг. использована естественная выборка, близкая по составу к генеральной совокупности и объединяющая сведения о 124 кратких боевых выходах и значительных кампаниях русской армии.

Первыми воеводами большого полка, т. е. главнокомандующими крупным самостоятельным полевым соединением, представители нетитулованной знати за всё это время назначались только 5 раз. А это составляет всего лишь 4 % от числа всех назначений — ничтожная цифра и серьезный показатель падения служилого статуса нетитулованной знати.

Первыми воеводами не большого, а других полков представители нетитулованной знати за всё это время назначались 104 раза. За этот же период представители титулованной аристократии побывали на аналогичных воеводских постах 315 раз — в 3 раза больше. Иначе говоря, «княжатам» досталось несколько более 75 % подобного рода назначений, а представителям боярских родов — чуть менее 25 %. По сравнению с периодом правления Василия III произошло едва заметное изменение. Однако если взглянуть на период с 1534 г. по 1546 г., то соотношение будет другим: 33 назначения к 136. Иначе говоря, 19 % и 81 %. М. М. Кром приводит пожалования в боярский чин в период с конца правления Василия III до кончины Елены Глинской в 1538 г.: преобладание титулованной знати в списке пожалований неизменно, почти незаметно [Кром, 2010. С. 163—164]. В армии сложилась принципиально иная ситуация.

Можно предположить, что положение нетитулованной знати в армии несколько улучшилось с 1547 г., вероятно, в связи с браком Ивана IV с Анастасией Захарьиной-Юревой, происходившей из старомосковского боярского рода. М. М. Кром считает, что к концу 1548 г. «в Думе установился своего рода баланс между старинной ростовско-суздальской знатью... потомками литовских князят... и старомосковским боярством... Так создавалась основа для консолидации придворной элиты» [Там же. С. 352]. Но в армии положение старомосковского

боярства улучшилось лишь незначительно; вряд ли социальные амбиции его представителей были удовлетворены. Возврата к временам Ивана III не произошло.

К началу 1560-х гг., таким образом, положение представителей боярских родов в военной иерархии оставалось стесненным. И поколение выходцев из этой среды, которые начали делать карьеру в 1520—1540-х гг., условно говоря, «поколение Алексея Басманова», видело, сколь резко ухудшился их служилый статус по сравнению с временами Ивана III и Василия III. Быстрое и весьма болезненное сокращение возможностей выйти на главные командные посты в армии должно было вызвать недовольство; по всей видимости, оно стало источником серьезной социальной напряженности внутри военно-служилого класса.

Глава III

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОПРИЧНЫХ ВОЕВОД

1. Список опричных воевод

К настоящему времени вопрос о персональном составе опричного двора, опричных административных учреждений и опричной думы усилиями целого ряда отечественных историков изучен весьма подробно и основательно¹. В меньшей степени исследован состав опричного воеводского корпуса. В летописях, разрядах, делопроизводственной документации, а также записках иностранцев содержатся сведения о деятельности более чем пятидесяти воевод-опричников; особенно богат в этом смысле материал разрядных книг. Однако принципы комплектования командного состава опричной армии в разные периоды опричнины 1565—1572 гг. остаются на периферии интересов академических историков. Более того, даже список лиц, занимавших в опричнине крупные посты военачальников, еще не составлен, хотя опричные боевые соединения сыграли видную роль в военной истории России при Иване IV.

Отчасти этому препятствует нерешенность ряда вопросов чисто источниковедческого характера.

Один из таких вопросов возникает из-за неясности происхождения записи, помещенной в государственных разрядах под 7073 (1564/1565) г. и содержащей известие о воеводах полков, отправленных к Калуге. Она расположена в самом конце годового комплекса разрядных записей, что косвенно указывает на датировку в пределах весны—лета 1565 г. Однако в любом случае, если запись размещена под верным годом, она относится к первым месяцам существования опричнины или к периоду, непосредственно precedingющему ее введению.

¹ Сухотин, 1940а; Бибиков, 1941; Садиков, 1950; Бахрушин, 1954; Шевяков, 1956; Кобрин, 1960; Скрынников, 1961; Кобрин, 1963 (полное издание статей и материалов В. Б. Кобрина по истории опричнины было осуществлено в авторском сборнике «Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды» (М., 2008)); Веселовский, 1963; Зимин, 1964. С. 341—359; Скрынников, 1992.

Имеет смысл воспроизвести ее полностью:

Тово же году были воеводы в Колуге по полком:

В большом полку воеводы князь Федор Михайлович Трубецкой да князь Иван Васильевич Темкин Ростовской.

В правой руке воеводы князь Василий Иванович Телятевской да князь Роман Васильевич Охлябинин.

В передовом полку воеводы князь Иван Таутукович Черкасской да Григорий Микитич Борисов-Бороздин.

В сторожевом полку воеводы князь Володимер Тоутукович Черкасской да Дмитрий Борисович Салтыков.

А в левой руке воевода князь Иван Залупа Петрович Охлябинин да Игнатий Борисович сын Блудов [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 191]².

По мнению В. Б. Кобрина, калужский разряд 7073 г. должен иметь иную, по всей видимости, более позднюю дату, но при этом, по его мнению, «опричное происхождение этой разрядной записи несомненно» [Кобрин, 1960. С. 17]. Однако ничего несомненного тут нет. В качестве аргументов В. Б. Кобрин выдвигает следующие факты:

Из десяти воевод, упомянутых в разряде, семь известны как опричники по другим источникам, а трое (В. Т. Черкасский, Р. В. Охлябинин, Г. Н. Бороздин) являются родственниками опричников. Это заставляет считать разряд опричным. Но дата... под которой он помещен, не может быть принята: в это время В. И. Темкин еще находился в литовском плену, а Ф. М. Трубецкой был земским воеводой. Они не могли, таким образом, возглавлять тогда опричные войска. Итак... датировать ее точно нельзя [Там же].

Но уже А. А. Зимин обратил внимание на то, что в разряде упомянут не кн. В. И. Темкин, а его сын, кн. И. В. Темкин [Зимин, 1964. С. 155]. И, остается добавить, если по летописным данным тот же В. И. Темкин был возвращен из литовского плена в июле 1567 г. [Никоновская летопись (Продолжение). Т. XIII. С. 408], то когда он туда попал — неизвестно. Возможно, его пленение было весьма кратковременным.

Что касается прочих воевод, упомянутых в калужской записи 7073 г., то их служебное положение в конце 60-х—начале 70-х гг. может пролить свет на данную проблему.

Итак, князь И. В. Темкин (из ростовских князей) до попадания в калужский разряд 7073 г. на воеводских службах источниками не упоминается. Когда он начал служить по опричине — неизвестно: в оприч-

² В краткой редакции князь Р. В. Охлябинин отсутствует, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 39—40].

ных разрядах его имя не встречается ранее 1570 г., когда его отправят вторым воеводой большого полка «из опришниной» сначала под Калугу, а затем в Тарусу [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 68].

Далее запись содержит сведения о князьях И. П. Охлябинине и Р. В. Охлябинине (из ярославских князей). И. П. Охлябинин был одним из виднейших опричных воевод. Он долго и трудно проходит военную карьеру, начав с низких степеней, приобретает большой опыт, в 60-х гг. (до опричниной) уже добивается первых воеводских назначений; в опричных разрядных записях он появится как первый воевода передового полка в Калуге под 7076 (1567/1568) г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55]. Далее до отмены опричниной он еще несколько раз выступит как крупный опричный полководец. Князь Р. В. Охлябинин (относительно которого нет уверенности, участвовал ли он вообще в походе к Калуге) в опричных разрядах и иных документах не упоминается. До опричниной он неоднократно побывал на высоких воеводских должностях. Но нет прямых и твердых сведений, удостоверяющих его службу в опричнине.

Князья Черкасские — оба — родня очень значительного деятеля грозненской эпохи, Михаила Темрюковича Черкасского, брата царицы Марии Темрюковны. Но в русской истории они остались крайне незначительный след. За Владимиром Таатуковичем никаких служб, помимо присутствия в разрядной записи 7073 г., не числится, а Иван Таатукович назван еще раз в опричном разряде 7079 г. первым воеводой полка левой руки в опричном корпусе в Тарусе [Там же. С. 69].

Князь Василий Иванович Телятевский впервые появляется в калужском опричном разряде под 7077 г. как первый воевода передового полка и с этого момента служит в опричной армии на воеводских постах [Там же. С. 60]. Впрочем, для него это не карьера. Он и до опричниной занимал крупные должности. В 7073 г. он сидел в Брянске наместником (до мая 1565 г., когда туда прислали других воевод) [Там же. С. 28, 30].

Григорий Никитич Борисов-Бороздин происходил из знатного и влиятельного рода, уходящего корнями в тверское боярство. До опричниной он успел получить опыт на нескольких воеводских должностях. Действительно, он был двоюродным дядей большого опричного деятеля Н. В. Бороздина. Вот только В. Б. Кобрин торопится вписать и его самого в опричнину [Кобрин, 1960. С. 27] — на том основании, что Григорий Никитич назван в анализируемой разрядной записи, а ее опричное происхождение надо еще доказать.

Дмитрий Борисович Салтыков — сомнительный опричник. Он ни разу не упоминается в опричных военных соединениях как военачальник — хотя бы и самого скромного ранга. В. Б. Кобрин считает его

опричником фактически по одной причине: Дмитрий Борисович был в октябре 1572 г. (видимо опечатка, на самом деле имелся в виду 1571 г., поскольку в разрядной записи его отправка в Кострому отнесена к 7080 (1571/1572) г.) в опричной Костроме «для поветрия моровова на заставе» [Кобрин, 1960. С. 72]³. Если Д. Б. Салтыков и вошел в опричнину, то, по всей видимости, ненадолго, на завершающем этапе ее деятельности. А вот родственником одного из наиболее влиятельных опричных деятелей — Л. А. Салтыкова из древнего московского боярского семейства — он действительно был.

Игнатий Борисович Блудов (из худородных провинциальных дворян) — представитель «опричной гвардии», упоминается в опричных разрядах с 7076 (1567/1568) г., где назван вторым воеводой сторожевого полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55], впоследствии постоянно используется как командир «второго ряда» в опричных соединениях. До опричнины он уже бывал в воеводах — с 50-х гг. XVI в.: в марте 1555 г. назван в разряде «почапским наместником», в 7067 (1558/1559) г. он годовал вторым воеводой в Мценске, а в 7068 (1559/1560) г. сидел воеводой в Карабче [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 172, 207, 209, 217]. Отмена опричнины дурно сказывается на его карьере.

Интереснее всего фигура князя Федора Михайловича Трубецкого. А. А. Зимин, оценивая гипотезу В. Б. Кобриной о ложной датировке разрядной записи 7073 г., замечает, в частности:

Гораздо более серьезным обстоятельством (чем мифическое присутствие в записи князя В. И. Темкина. — Д. В.) служит то, что Ф. М. Трубецкой, до октября 1570 г. земский воевода, в октябре также «возглавляет опричные войска в Калуге, как и в записи 1565 г.» [Зимин, 1964. С. 155].

Обстоятельство и в самом деле серьезное. На первый взгляд, оно служит полным доказательством правоты В. Б. Кобриной.

Но пребывание князя Ф. М. Трубецкого с войском у Калуги объясняется без привлечения каких бы то ни было соображений о составе опричнини. Федор Михайлович сидит первым воеводой в Дедилове с 7072 г. по сентябрь 1565 г., когда его заменили новым воеводой. А в мае 1565 г. князя Трубецкого отправили «с людьми» из Дедилова в качестве подкрепления в большую армию князя И. Д. Бельского, собранную для отпора «по крымским вестям». Ее авангард (передовой полк) под командованием князя И. И. Турунтая Пронского и И. В. Меньшого Шереметева тогда же, в мае, был выдвинут как раз к Калуге. Ф. М. Трубецкой со своими людьми стоял тогда в районе Каширы в

³ Данные разрядов [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 283].

составе полка правой руки. Но с 26 июня основные силы стали передвигать к брынскому лесу для операций на литовском рубеже [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 245; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 29—35]. В Калуге некоторое время оставался с частью людей И. В. Меньшой Шереметев, но и его планировали перебросить оттуда на другой театр военных действий (неясно, был ли он на самом деле переброшен, так как в сентябре 1565 г. он опять сидит на воеводстве в Калуге) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 36, 42]. Таким образом, с конца июня 1565 г. больших сил русской армии на южном оборонительном рубеже нет, они ушли. И в этот момент туда могли выдвинуть из Каширы дедиловскую рать князя Ф. М. Трубецкого, которая в такой ситуации стала ядром корпуса, закрывавшего от крымцев это направление. А в сентябре (или, может быть, раньше) Трубецкой возвращается в Дедилов.

Допустим, в разрядах нет ошибки и поход под Калугу состоялся, тогда его можно датировать июлем—августом 1565 г. Ничто не мешает собраться под Калугой десяти воеводам, перечисленным в разряде 7073 г. Как уже говорилось, князь Трубецкой именно тогда возглавлял отряд дедиловцев на юге, а И. Б. Блудов, Г. Н. Борисов-Бороздин, князья И. П. и Р. В. Охлябинины, В. И. Телятовский имели к тому времени опыт пребывания на воеводских должностях. Иными словами, сложился командный костяк, который никого бы в тот момент своим составом не удивил. Остальные же участники похода были достаточно знатны, чтобы их назначение на посты полковых военачальников также ни для кого не стало сюрпризом.

Семь будущих опричников из десяти воевод — это, конечно, сильный аргумент в пользу точки зрения В. Б. Кобриня. Но один из них, «опричник» Д. Б. Салтыков, — под сомнением. Кроме того, резонно предположить, что в первой половине—середине 1565 г. еще не существует разделения вооруженных сил на опричные и земские, а будущие опричные воеводы поставлены Иваном IV в большую рать на должности полковых начальников, чтобы можно было к ним присмотреться, оценить их способности. Людей просто «пробовали в деле». Количество «родственников опричников» ничего к позиции Кобриня не добавляет, поскольку весь военно-служилый класс был пронизан сетью брачно-родственных связей, и пребывание в одном семействе с опричником никого механически в опричнину не вводило.

Опричнина была учреждена в Александровской слободе в январе 1565 г., а в Москву Иван IV вернулся уже в феврале. Однако создание особой опричной армии требует времени. Нет ничего странного в том, что она еще не была создана к лету 1565 г. и появилась на полях сражений только осенью. Указ о введении опричнины свидетельствует, в частности, о формировании новой служилой корпорации:

А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов... [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 344].

Формирование опричного государева двора и опричных вооруженных сил стоило больших усилий. «1565 год был заполнен строительством опричного аппарата, персональным отбором „людишек“, испомещением „верных слуг“, переселениями лиц, внушавших опасение...» — пишет А. А. Зимин [Зимин, 1964. С. 152]. Р. Г. Скрынников на основе Послания Таубе и Крузе, сверенного по изданию Г. Хоффа, реконструировал процесс отбора служилых людей по отечеству в опричнию следующим образом:

После утверждения указа об опричнине правительство вызвало в Москву дворян трех опричных уездов — Сузdalского, Можайского и Вяземского и произвело генеральный смотр. Им руководила специальная опричная комиссия в составе первого боярина А. Д. Басманова, князя А. Вяземского и П. Зайцева. Во время смотра четверо «старших» дворян из каждого уезда должны были после особого допроса и под присягой показать перед комиссией происхождение рода уездных служилых людей, рода их жен, указать также, с какими князьями и боярами они вели дружбу... [Скрынников, 1992. С. 219].

Ясно, что этот процесс не мог идти быстро. П. А. Садиков считал также, что была произведена чистка командного состава в действующих войсках: ряд полковых воевод, стоящих по городам, близким к Дикому полю, а также по городам, граничным с Литвой, были отозваны и вместо них назначены новые [Садиков, 1950. С. 25]⁴.

Впервые опричный корпус как самостоятельное полевое соединение появится на страницах разрядов только в октябре 1565 г. — у Болхова, при отражении набега крымцев [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45]. Судя по всему, он еще совсем невелик: два не разбитых на полки отряда с пятью воеводами во главе. Серьезной боевой силой он станет лишь в 1567—1568 гг. Но именно осенью 1565 г. в разрядах возникает пояснение: «воеводы из опришнины». В калужском разряде, о котором пишет В. Б. Кобрин, ничего подобного еще нет. Отсутствие в изучаемой разрядной записи слов «из опричнины», которые будут проставляться в разрядах на протяжении всего опричного периода в подавляющем большинстве случаев, говорит против гипотезы В. Б. Кобриной. Как уже говорилось, опричного корпуса к тому времени могло еще не существовать. Следовательно, «опричные воеводы» станут таковыми лишь в будущем и сейчас ими вполне может командовать «земский воевода» кн. Ф. М. Трубецкой.

⁴ Впрочем, эти перемещения могут объясняться не только «чисткой», но и простыми тактическими или же административными соображениями.

Остается добавить еще один контраргумент более общего характера.

Насколько типична хронологическая путаница для разрядов того времени? В. И. Буганов, наиболее крупный знаток этого вида источников, пишет о том, что в разрядных книгах второй половины XVI в. в основном выдерживается хронологический принцип, они близки «к разрядным первоисточникам». С «Государева разряда» 1556 г. начинается определенный этап, своего рода реформа разрядного делопроизводства:

Именно с середины XVI в. в разрядных книгах начинаются *подробные регулярные* записи (курсив мой. — Д. В.) за каждый год [Буганов, 1962. С. 121, 131, 150].

А это вряд ли совместимо с произвольной перестановкой в разрядных записях более чем на пять лет.

Таким образом, можно сделать вывод: нет достаточных оснований приписывать калужской разрядной записи 7073 г. опричное происхождение. Соответственно, при составлении списка опричных воевод в настоящей работе она не учитывалась.

Ряд вопросов ставит также разрядная запись выхода опричного корпуса под Тарусу. Эта запись относится к 7080 (1571/1572) г. Она свидетельствует о хронологически самой поздней крупной самостоятельной операции опричного воинства. С зимы 1571/72 г. нет ни единого значительного похода, о котором можно было бы твердо сказать, что командный состав набирался исключительно из опричников, без участия земских воевод. Общие действия опричных ратей и земских встречаются как минимум с 1569 г., когда З. И. Плещеева-Очина отправляют с опричным отрядом на поддержку земской армии воеводы М. Я. Морозова, отправленной отбивать Изборск. Но до середины 1571 г. разряды четко отделяли участвующие в крупной операции соединения опричников от соединений земцев. А с зимы 1571/72 г. начинается расписывание опричных и земских воевод в один и тот же полк большого полевого соединения без обозначения их принадлежности к опричнине и земщине. В большом походе Ивана IV к Новгороду и оттуда на шведов к Выборгу зимой 1571/72 г. высокородный служилый аристократ из земчины Иван Васильевич Меньшой Шереметев назван вторым дворовым воеводой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 292]. В том же зимнем походе к Новгороду «ветераны» опричного корпуса князья П. Т. Шейдяков, Н. Р. Одоевский, Д. И. Хворостинин соседствовали с крупнейшими военачальниками земчины в одних и тех же полках [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 292—293]. Поэтому возникает два предположения: либо к этому времени в опричнину переписали добрую половину земчины (что выглядит фантастично), либо большие «смешанные» походы оприч-

ных и земских войск без разделения командного состава озnamеновали закат опричной военной организации. Второе предположение следует считать более обоснованным. После этого на протяжении 1572 г. проходит еще несколько больших «смешанных» походов: во-первых, весной — поход на Новгород Великий для дальнейшего наступления против шведов, во-вторых, выход большой армии «на берег», царский смотр в Коломне и новая отправка полков «на берег» [Там же. С. 302—306, 307—309]. Фактически, у исследователя нет документальных доказательств того, что опричную военную иерархию все еще объединяет наличие самостоятельного командования, отдельного от земского⁵. В этих условиях названная разрядная запись похода под Тарусу обретает особую важность.

Итак, текст тарусской разрядной записи 7080 г.:

Того же году в Торусе из опришнины воеводы были по полком:

В большом полку воеводы князь Михайло Темрюкович Черкасский да князь Иван Васильевич Темкин.

В правой руке воеводы князь Микита Романович Одоевский да князь Ондрей Петрович Хованской.

В передовом полку воеводы князь Василий Иванович Борбашин да окольничий Микита Васильевич Борисов.

В сторожевом полку воеводы князь Василий Иванович Телятевский да князь Иван Охлябинин.

В левой руке князь Иван да князь Дмитрий Щербатые [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 86—87].

⁵ Правда, Московский летописец как будто упоминает «опричные полки», участвующие в оборонительной операции у деревни Молоди летом 1572 г. И ссылка на это место в летописном тексте получила хождение в специальной исторической литературе. Конечно, Московский летописец, составленный в 30—40-х гг. XVII столетия, насыщенный информацией, взятой из разрядных документов, патриаршего или даже митрополичьего летописания, — серьезный источник по событиям 1572 г. [Буганов, 1978. С. 5—6]. Однако формулировка данного известия позволяет толковать его двояко: «...а государевых людей было во всех полках земских и опришниных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50 000, Литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимских 5000, стрельцов 12 000, поморских городов ратных людей, пермич, вятchan, коряковцев и иных 5000» [Московский летописец. С. 224]. С одной стороны, можно говорить о «полках земских и опричных», с другой — о полках, набранных из земских и опричных дворян и детей боярских. Думается, второе толкование вернее, поскольку в разрядах боевого выхода русской армии летом 1572 г. ни о каких опричных полках ничего не говорится и в составе отдельных полков опять смешаны как опричные, так и земские воеводы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 309—310]. А вот отмена опричных служебных списков (на основе которых уже не собирались самостоятельные полки и соединения) могла произойти и позднее.

Текст этой записи присутствует только в сокращенной редакции разрядной книги. Информация, содержащаяся в ней, использовалась исследователями. В частности, В. Б. Кобрин учел ее при составлении списка опричников.

Однако очень сомнительно, что этот выход опричного корпуса в действительности состоялся. Во всяком случае, он не мог пройти при том составе воевод, который приведен в разрядной книге.

Прежде всего, кн. М. Т. Черкасский был казнен после прорыва хана Девлет-Гирея к Москве. Казнь состоялась в конце мая—начале июня 1571 г.⁶

Возможно, его имя попало в заготовку разряда, предназначенного для выхода полков осенью 1571 г. Когда эта заготовка составлялась, приказные люди еще не знали о смерти Черкасского. В этом случае возможны два варианта: либо поход к Тарусе все-таки состоялся, но без участия покойного князя (это могло произойти только осенью 1571 г., поскольку названные в записи воеводы — князья Д. Щербатый, Н. Одоевский, И. Охлябинин и А. Хованский — участвовали зимой, весной и летом 1572 г. в других походах: к Новгороду Великому, «на берег», а также в оборонительной операции против очередного набега Девлет-Гирея), либо похода не было, хотя заготовка и вошла в состав разрядной книги.

За второй вариант говорит почти полная идентичность этой записи и записи, составленной годом ранее, для похода опричного корпуса туда же, к Тарусе. На всех воеводских постах стоят те же персоны, лишь последняя строка звучит иначе: «В левой руке князь Иван Черкасской да князь Дмитрий Щербатой» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69]. Но и эта разница может объясняться одной только оплошностью писца: случайно пропустив слово «Черкасской», он мог создать ошибочное впечатление, что в состав разряда введен князь Иван Щербатый.

Необыкновенное сходство двух разрядов носит уникальный характер: небывалое дело, чтобы две разные разрядные записи, составленные с хронологической дистанцией в год, при совершенно несхожих обстоятельствах, тем не менее во всем или почти во всем повторяли одна другую. Вероятнее всего, переписчик дважды ввел в состав разрядной книги одну и ту же запись. Но тогда сама возможность похода опричной армии к Тарусе выглядит крайне сомнительно. Пользоваться данными тарусского разряда 7080 г. для определения состава опричной военной элиты означает делать источникovedчески неоправдан-

⁶ Р. Г. Скрынников придерживается мнения, согласно которому кн. М. Т. Черкасский «между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом» [Скрынников, 1992. С. 434].

ный шаг. Ибо это разрядная запись похода, скорее всего, не состоявшегося.

В этом случае дата последней крупной операции опричного корпуса как самостоятельного соединения должна быть перенесена на значительно более раннее время. Осенью 1570 г. его основные силы вывели к Тарусе, плюс еще два значительных отряда опричников были развернуты под Калугой и у Сенькина перевоза [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 271—272]. Большая часть этих сил была сконцентрирована в мае 1571 г. для крупной оборонительной операции. Во всяком случае, когда против Девлет-Гирея, рвущегося к Москве, стали собирать полки, то полковые воеводы были назначены в основном из числа тех, кто были выставлены охранять южный рубеж еще осенью [Там же. С. 277—278]. Против крымцев опричники и армия земщины действовали в условиях раздельного командования и притом крайне неудачно. Большая часть опричного корпуса покинула поле боя вместе с царем, а оставшаяся часть жестоко пострадала, пытаясь отстоять столицу. Результатом же стал общий разгром вооруженных сил Московского государства и сожжение татарами Москвы⁷. Видные опричные военачальники, участвовавшие в походе как полковые воеводы, подверглись смертной казни: кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, В. П. Яковлев.

Если учесть, что тарусский разряд 7080 г. недостоверен, а больше никаких боевых выходов у опричных отрядов не было, то остается сделать вывод: с мая-июня 1571 г. опричный корпус как самостоятельная боевая сила не собирался. Видимо, летом 1571 г. военная организация опричнины рухнула.

Итак, у историка есть достоверные данные о существовании военной организации опричнины за период неполных шести лет с октября 1565 по май 1571 г.

Д. Н. Альшиц не согласился с мнением, согласно которому опричный уклад существовал в России до осени 1572 г. По его мнению, опричнина под именем «Двор» продолжала существовать и в дальнейшем. С его точки зрения, термин «опричнина» изживался по мере усиления царской власти, и, таким образом, произошло всего-навсего исчезновение термина при сохранении социальной сути явления, которое было не разделением власти, «а, напротив, ее небывалой концентрацией в руках царя» [Альшиц, 2009. С. 316]. Автору этих строк уже приходилось высказывать критическое отношение к данной концепции Д. Н. Альшица [Володихин, 2006. С. 173—174]. Петербургский исследователь приписал, в соответствии со своими взглядами, значение

⁷ О результатах московского разгрома 1571 г., см.: [Володихин, 2006. С. 92—97].

«списка опричников» реестру на выдачу «жалования по окладу» дворовым служилым людям в 1573 г. [Альшиц, 1949. С. 3—71; 2009. С. 301—308, 327—346]. Однако включение «нового источника» в сферу именно опричной истории носит произвольный характер и было основательно оспорено О. А. Яковлевой, а затем В. Б. Кобрином; контраргументы Д. Н. Альшица нельзя признать основательными [Яковлева, 1951; Кобрин, 2008. С. 15—16; Альшиц, 2009. С. 327—328], потому и материал этого документа к составлению списка опричных воевод привлечен быть не может.

Реконструируя кадровый состав опричной военной машины, необходимо учитывать два важных источниковедческих замечания А. А. Зимина. В сущности, одно из них является естественным продолжением другого, поэтому и рассматривать их удобнее в совокупности.

Вот первое высказывание:

Основная сложность при размежевании опричной и земской служб дворянства в 1565—1566 гг. коренится в состоянии источниковедческой базы. Наиболее полные сведения о принадлежности к опричнине, как установил В. Б. Кобрин в своей превосходной реконструкции состава опричного двора, дают разрядные записи. Однако только с сентября 1567 г. до начала 70-х гг. XVI в. в разрядных книгах есть более или менее точное размежевание опричных и земских полков. До этого лишь осенью 1565 г. при рассказе о походе к Болхову указывается, что «из опришнины» в Москву были посланы князья А. П. Телятовский, Д. И. и А. И. Хворостинины, а из Белева (опричный город) — князь Д. И. Вяземский и Михаил Белкин⁸. Перед исследователем совершенно естественно встает вопрос, было ли вообще четкое размежевание опричных и земских полков до осени 1567 г., т. е. не является ли запись 1565 г. исключением. Если же это размежевание было, то делались ли всегда в разрядах указания на службу воевод «из опричнины», или эти заметки носят случайный характер. Допустим, что опричные воеводы уже в 1565—1566 гг. не могли возглавлять земские полки и участвовать в совместных походах с земскими военачальниками. Но тогда получается, что основная масса воевод попала в опричнину только к 1567 г., ибо ранее об их опричной принадлежности нет никаких упоминаний [Зимин, 1964. С. 195].

Еще более четко проблему о недостатке информации, касающейся опричного корпуса, А. А. Зимин обрисовывает в другом месте:

Обращает на себя внимание отсутствие разрядов на вторую половину 1566 и первые три месяца 1567 г. Осенних назначений на «годова-

⁸ На самом деле не Белкин, а Михаил Андреевич Безнин, один из виднейших опричников. Его имя восстанавливается в этом месте по краткой редакции разрядной книги, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45].

ние» воевод и наместников не было. Не исключено, что правительство, напуганное выступлениями участников земского собора [1566 г.] из среды дворовых детей боярских, решило повременить с военно-административными назначениями до произведения тщательной проверки причастности к этому выступлению лиц из состава государева двора, откуда черпались кандидаты на высшие военные должности.

Здесь же делается уточнение:

Последний разряд за 1566 г. датирован концом июня, а первый за 1567 г. — апрелем [Зимин, 1964. С. 208].

Безусловно, «брешь» в разрядных записях 1566 г. бросается в глаза, А. А. Зимин совершенно прав. Опричный корпус собирается как самостоятельная сила осенью 1565 г., затем источники не указывают никаких служб — походов, строительства крепостей и т. п., — для которых его вновь собрали бы до осени 1567 г. Почему образовался этот перерыв?

Можно предположить, что какая-то часть разрядных записей утрачена, причем утрата эта произошла тогда же, во второй половине 60-х гг. XVI в., поскольку в противном случае хотя бы одна редакция, хотя бы один список разрядных книг, известных во множестве вариантов, сохранили бы утерянную информацию. Нелегко назвать причину, по которой из всех разрядных книг мог быть извлечен значительный отрывок. Однако в пользу этой версии говорит следующее: никто из пяти воевод, указанных в Болховской разрядной записи 1565 г., не получал более никаких служебных назначений в течение названного двухлетнего периода, что выглядит странно: кроме кн. Д. И. Вяземского все прочие постоянно получают посты в полевых соединениях и гарнизонах на протяжении 60-х гг., а тут в их карьере вырисовывается странная лакуна. Так что версия об утрате информации в разрядных книгах не лишена оснований.

На протяжении всего указанного периода (до осени 1567 г.) персоны, известные как заведомые опричные воеводы более позднего периода, участвуют в походах вместе с военачальниками, которые никогда не упоминались в опричнине. Напротив, нет ни единого случая, когда в командовании полевого соединения собирались одни только явные опричники конца 60-х—начала 70-х гг. XVI в. В разрядах 1567—1571 гг. изредка делались записи, где о гарнизоне или полевом соединении, составленном из опричных подразделений, не говорится, что они «из опричнины» (правда, это очень редкие случаи, и чаще всего данная ремарка присутствует в предыдущих записях — составитель разрядной книги мог счесть, что одной подобной ремарки на несколько последовательно стоящих записей достаточно), но между осенью

1565 г. и осенью 1567 г. не обнаруживается ни одной записи, в которой целое соединение приписывалось бы опричной военной организации.

Остается два варианта: либо четкого размежевания между опричными и земскими подразделениями в походах того времени действительно не производилось, либо опричный боевой корпус почему-то не выдвигался для «береговой» службы или службы на западных рубежах. Первое весьма сомнительно: к осени 1565 г. боевое соединение опричников уже сформировано и, видимо, участвует в боевых действиях, затем оно по неясным причинам исчезает, и опричников смешивают с земскими полками, чтобы потом опять выделить в самостоятельную военную силу во второй половине 1567 г. Логические обоснования для подобного кульбита отыскать крайне трудно. Остается последнее: опричные военачальники не несли в указанный период боевой службы, их работа ограничивалась службой охранного характера. Какие тут могут быть выдвинуты объяснения?

Можно, конечно, предположить, что опричный боевой корпус находился на грани расформирования, поскольку Иван IV какое-то время прислушивался к советам об отмене опричнины и у него возникло колебание: не ликвидировать ли это нововведение? Но подобный оборот представляется маловероятным: если использовать его как рабочую гипотезу, остается неясным, по какой причине опричная военная организация все-таки была сохранена и нашла новое применение в осеннем походе 1567 г.

Более вероятно второе: обстоятельства земского собора лета 1566 г. и особенно послесоборного выступления оппозиции вынудили царя постоянно держать всю военную силу опричного корпуса под руками, не распускать ее и не отправлять на театры военных действий.

Отсутствие опричников на фронтах войны с Польско-Литовским государством и Крымским ханством действительно имеет смысл связывать с московскими событиями 1566 г.: земским собором и антиопричным выступлением. Но прежде следует сделать оговорку: В. И. Корецкий сделал аргументированное предположение о двух антиопричных выступлениях в столице России — одно из них было совершено «дворянской фронтой» в 1566 г., а второе приняло форму волнений посадского люда в июле 1568 г. [Корецкий, 1986. С. 14, 26—32]. До настоящего времени гипотеза Корецкого не получила обоснованного опровержения. Однако она никак не отвергает того факта, что год 1566-й создал для Ивана IV тревожную ситуацию. Со всей определенностью к 1566 г. можно приурочить два свидетельства источников. Во-первых, А. Шлихтинг сообщает:

В 1566 году сошлись многие знатные лица, даже придворные самого тирана, число которых превышало 300 человек, для переговоров с

ним и держали такую речь: «Пресветлейший царь, господин наш! Зачем велиши ты убивать наших невинных братьев? Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздашь нам теперь такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим телохранителям, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших...» [Шлихтинг, 1934. С. 19] и т. п.

Во-вторых, претендент на занятие вакантной митрополичьей кафедры настоятель Соловецкой обители Филипп (Колычёв) летом 1566 г. также потребовал от царя отменить опричнину [СГГД. С. 557]. Выступление произошло на соборе 1566 г. или вскоре после него, поскольку известно о казни как минимум трех вождей земской оппозиции, участвовавших в соборных заседаниях: кн. В. Ф. Пронского-Рыбина, И. М. Карамышева и К. С. Бундова [Антонов, 2004а. С. 175, 176; Сборник РИО, 1892. С. 465; Таубе и Крузе, 1922. С. 43]. Некоторые исследователи связывают с событиями 1566 г. известие Пискаревского летописца:

...А сам царь живя за Неглинною на Петровке. А ходиша и ездиша в черном все люди опришнины, а в саадацах помяла. И бысть в людех ненависть на царя от всех людей. И биша ему челом и даша челобитную за руками о опришнине, что не достоит сему бытии. И присташа ту лихия люди ненавистники добру сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя по грехом словесы своими погибоша [Пискаревский летописец. С. 190]⁹.

По всей вероятности, у царя были основания опасаться вооруженного выступления оппозиции, ведь за тремя сотнями челобитчиков могло стоять значительно большее количество недовольных, не пожелавших открывать свои имена. И тогда присутствие в Москве значительного контингента боевых опричных отрядов объясняется самым естественным образом: 500—800 человек собственной охраны Ивана IV [Таубе и Крузе, 1922. С. 36; Шлихтинг, 1934. С. 61; Штаден, 2002. С. 43] могло не хватить для подавления чаемого восстания. Потребовалось сосредоточить в столице весь корпус.

Приходится либо признать эту версию, либо остановиться на гипотезе о лакуне в самом источнике — разрядах. Все прочие варианты менее обоснованы.

Как уже говорилось, изучение опричной военной элиты — особенностей ее формирования, главных кадровых ресурсов, боевого опыта и происхождения ключевых фигур — невозможно без предва-

⁹ Однако это свидетельство Пискаревского летописца не имеет точной датировки и может быть отнесено к другому периоду в истории опричнины, например к выступлению 1568 г.

рительного составления списка. Ниже приводится этот список, составленный в основном по материалам разрядов¹⁰, а также летописей и, в меньшей степени, сообщений иностранных авторов.

В названный список входят только те, кто получал в опричнине воеводские должности. Лишь «именная» строка в разрядной книге может со всей определенностью свидетельствовать о том, что тот или иной «служилый человек по отечеству» удостоился воеводского положения¹¹. Все прочие материалы играют в данном случае второстепенную, уточняющую роль.

В списке не учтены деятели опричнины, игравшие активную роль в карательных операциях, т. е. походах на «внутреннего врага» и расправах с ним¹². Не вводились в этот реестр и опричники, входившие в состав государева двора и участвовавшие в походах, но ни разу не получившие воеводских назначений, как, например, те, кто входили в свиту Ивана IV, несли службу в рындах, поддатнях, не поднимались выше должности голов и т. п. В список включены только те, кто побывали в воеводах при несении боевой службы против внешнего неприятеля, поэтому он в пять раз короче, нежели реестр опричного государева двора у В. Б. Кобриня, и не включает целый ряд добавлений, сделанных к Кобринскому списку А. А. Зиминым.

Итак, в список вошли: Роман Васильевич Алферьев, князь Василий Иванович Барбашин (Борбашин, Барбошин), Федор Алексеевич Басманов-Плещеев, Михаил Андреевич Безнин, Григорий Малюта Лукьянович Бельский-Скуратов, Игнатий Борисович Блудов, Михаил

¹⁰ Использовались, в частности, следующие разрядные памятники: Разрядная книга 1475—1598 гг.; Разрядная книга 1559—1605 гг.; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 1—3; Т. 2, ч. 1—2; Т. 3, ч. 1—3, 2; Баранов, 2004; Анхимюк, 2004.

¹¹ Если не считать, конечно, материалов делопроизводства, где можно отыскать имена воевод в действующих войсках и крепостях (см., например, архив небольшого корпуса, которым командовал кн. В. Д. Хилков [Документы... 1998]). Однако для военной истории XVI в. русское делопроизводство предоставляет в основном случайный, разрозненный материал, не дающий сведений о воеводских назначениях сверх того, что есть в разрядных списках.

¹² По поводу большого похода 1569—1570 гг. против земли в разрядах есть лишь краткая и весьма откровенная запись: «...ходил государь в Великий Новгород и Новгород велел грабить» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 265]. Конечно, имена некоторых воевод, участвовавших в опричном карательном походе, восстанавливаются по другим источникам. Однако в данном случае причина отказа учитывать эти службы в картине формирования и функционирования русской военной элиты не источниковедческая, а содержательная: это была не военная работа, а род операций, которые возлагаются на внутренние войска. Вопрос же об элите карательных органов остается за пределами данного исследования.

Борисович Блудов, Григорий Никитич Борисов, Никита Васильевич Борисов, Иван Боушев, Дмитрий Андреевич Бутурлин, Иван Иванович Бухарин-Наумов, Яков Федорович Волынский-Попадейкин, князь Афанасий Иванович Вяземский, князь Василий Иванович Волк Вяземский, князь Дмитрий Иванович Вяземский, князь Александр Иванович Вяземский-Глухой, князь Иосиф Федорович Гвоздев-Приимков-Ростовский, князь Михаил Федорович Гвоздев-Приимков-Ростовский, князь Василий Иванович Горбатый-Мосальский (?), Петр Васильевич Зайцев, Василий Иванович Колычёв-Умной, князь Андрей Иванович Морткин, Иван Иванович Мятлев-Слизнев, князь Никита Романович Одоевский, князь Иван (Залупа) Петрович Охлябинин, Иван (Колодка) Дмитриевич Плещеев, Андрей Иванович Плещеев-Очин, Захарий Иванович Плещеев-Очин, Иван Иванович Плещеев-Очин, Никита Иванович Плещеев-Очин, Григорий Осипович (Иосифович) Полев, Константин Дмитриевич Поливанов, Петр Поярков (?)¹³, князь Семен Данилович Пронский, Игнатий Борисович Салтыков (?), князь Василий Андреевич Сицкий, князь Андрей Петрович Телятевский, князь Василий Иванович Телятевский, князь Иван (Зубан) Петрович Телятевский (?), князь Василий Иванович Темкин-Ростовский, князь Иван Васильевич Темкин-Ростовский, князь Федор Михайлович Трубецкой, князь Андрей Иванович Хворостинин, князь Дмитрий Иванович Хворостинин, князь Петр Иванович Хворостинин, князь Федор Иванович Хворостинин, князь Андрей Петрович Хованский, князь Иван Таатукович Черкасский, князь Михаил Темрюкович Черкасский, князь Петр Тутаевич Шейдяков (из «выезжей» знати)¹⁴, князь Дмитрий Михайлович Щербатов, князь Иван Щербатов (?), Василий Петрович Яковлев. Итого 54 человека.

Почти все эти лица попали в список опричников, опубликованный В. Б. Кобриным. По неопределенным причинам он не учел лишь князя В. И. Горбатого-Мосальского, ходившего, по всей вероятности, первым воеводой в передовом полку во время одного из выходов опричного корпуса под Калугу, а также Игнатия Борисовича Салтыкова, назначенного в том же походе вторым воеводой полка левой руки [Раз-

¹³ Расписан вторым воеводой сторожевого полка в опричном корпусе под Мценском (7076), но текст разрядной записи допускает и иное толкование, а именно, что Поярков был не воеводой, а только головой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237].

¹⁴ Расписан первым воеводой полка левой руки в разрядной записи 7080 (1571/1572) г., однако этот разряд мог быть вставлен в книгу ошибочно (см. выше), так что, возможно, этот военачальник и не был в опричнине [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 87; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 307].

рядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261, 262]¹⁵. Кроме того, Кобрин ошибочно сообщает о назначении князя Семена Ардасовича Черкасского на пост первого воеводы полка левой руки в тарусском походе опричного корпуса осенью 1570 г.: по данным разрядов, эту должность тогда занимал князь Иван Таатукович Черкасский [Кобрин, 1960. С. 88; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69].

По всей видимости, сюда можно добавить еще несколько персон, Кобрином в опричный двор не включенных. Это прежде всего Дмитрий Шафериков-Пушкин и Афанасий Новокшонов (Новокщенов). Оба они участвовали в строительстве города Толшебора на Колыванской дороге в 7078 (по всей видимости, 1570) г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 65]. В разрядной записи не сказано, что они «из опричнины», однако старшим воеводой при строительстве города был назначен видный опричник Р. В. Алферьев, и подчиненных ему также, скорее всего, подобрали из опричнины. В калужском походе 7077 (1568/1569) г. в одном варианте разрядной записи вторым воеводой передового полка указан Константин Дмитриевич Поливанов, а в другом — его брат Иван Дмитриевич [Там же. С. 60], что может быть и писцовой ошибкой, и заменой одного военачальника другим, произведенной по неясной причине. В мае 1570 г. было получено донесение из-под Зарайска: опричный воевода кн. Д. И. Хворостинин сообщал о разгроме крымцев, совершенном им вместе с Федором Львовым [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 256]; но кто этот Федор Львов — воевода или голова при князе Хворостинине, непонятно: сама форма высказывания в источнике не позволяет сделать четкий вывод.

Напротив, кн. И. П. Телятевский упомянут в опричном разряде воеводой, вероятно ошибочно, и не поднялся выше поста головы (об этом речь пойдет ниже). Некий «Омеля [Емельян?] Унковский» был отправлен весной 1568 г. вместе с опальным Г. И. Полевым в Мценск, однако текст разрядной записи, так же как и в случае с Ф. Львовым, не позволяет сказать со всей определенностью: был он там в статусе воеводы или же только головы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 323]. Позднее в Мценске вторым воеводой передового полка под командованием того же Г. И. Полева был Иван Баушев, или Баушев [Там же. С. 237]. Поскольку в роду Унковских был некий Бауш (редкое для того времени прозвище, фактически уникальное), служивший в 60—90-х гг. XVI в. [Разрядная книга 1559—1605 гг.; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 315, 236], возможно, «Омеля Унковский» либо и был Иваном Баушевым, либо подменял его как близкий

¹⁵ Впрочем, разрядная запись, как это будет показано ниже, могла содержать ошибку: И. Б. Салтыков мог быть назван вместо крупного опричного полководца И. Б. Блудова.

родственник, например брат. Князя Юрия Ивановича Токмакова — одного из виднейших воевод грозненского времени — П. А. Садиков назвал опричником, но для такого вывода есть лишь косвенные подтверждения [Садиков, 1950. С. 48]. Еще одного крупного военачальника, Замятню Ивановича Кривого Сабурова, С. Б. Веселовский считал опричником, но аргументов никаких не привел [Веселовский, 1963. С. 231—232]¹⁶. А. А. Зимин привел список добавлений к реестру В. Б. Кобрина, никак, однако, не влияющий на исчисление опричных воевод: среди персон, названных Зиминым, нет ни одного человека, занимавшего воеводскую должность [Зимин, 1964. С. 347—353].

Состав опричного военного командования на протяжении последнего года существования опричнины (вторая половина 1571—вторая половина 1572 г.) — это большой дискуссионный вопрос. Источники нигде в тот период не называют прежних опричных командиров воеводами «из опричнины», как было в 1565—мае 1571 г. Во время зимнего похода к Выборгу и весеннего к Новгороду (7080) разряд называет «бояр из опришнины»¹⁷, но ни о каких «воеводах из опришнины» нет ни слова [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 292, 302]¹⁸. Как уже говорилось выше, есть серьезные основания полагать, что летом 1571 г. военная машина опричнины распалась и более не возродилась. Таким образом, позднее военачальники-опричники ставятся вместе с военачальниками-земцами в одни и те же полки, притом полки эти уже никто не считает собственно опричными. Такова наиболее вероятная картина.

Но возможен и другой вариант, который также необходимо учесть, поскольку оценка «наиболее вероятный» еще не равна оценке «совершенно определенный». Гипотетически, в последние месяцы 1571 г. опричное командование могли расширить за счет назначения туда нескольких видных земцев. Тогда, конечно, несколько первых «смешанных» походов ничем не отличаются от предыдущих общих походов, когда земские полки отправлялись вместе с опричными для решения какой-то одной военной задачи. Исходя из этого, на завершающем этапе опричнины к ее военному ведомству мог принадлежать Иван Михайлович Большой Морозов. Он ходил в декабре 1571 г. на шведов

¹⁶ А. А. Зимин присоединился к этому мнению, см.: [Зимин, 1964. С. 350].

¹⁷ В первом случае — кн. Петр Данилович и кн. Семен Данилович Пронские, кн. Василий Андреевич Сицкий, во втором случае — кн. Иван Андреевич Шуйский и те же трое.

¹⁸ И это последние упоминания в разрядах о каком-либо самостоятельном присутствии опричной организации в действующих войсках (зима—весна 1572 г.). В составе «дворовой» свиты царя — множество опричных «ветеранов». Но нет оснований говорить о том, что отдельные части этих армий (на уровне полков) комплектовались из опричников.

из Орешка в село Лебяжье как воевода большого полка вместе с явным видным опричником князем Д. М. Щербатым, который был тогда воеводой передового полка, и другим опричным военачальником — Я. Ф. Волынским-Попадейкиным, возглавившим сторожевой полк [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 291]. Это дает повод предполагать, что Иван Михайлович был опричником, пусть и недолгое время. Весной 1572 г. вместе с одним из главных опричных воевод И. Д. Колодкой Плещеевым в Орешек «для береженья... от Каролуса, короля свийского» отправили Василия Васильевича Разладина-Квашнина (вторым воеводой) и князя Григория Путятину (наместником вместо сидевшего там Замятни Сабурова) [Там же. С. 305]; это позволяет предположить принадлежность опричной военной организации обоих (особенно Разладина). В 1572 г. князь Никита Борисович Приимков-Ростовский был назначен в Юрьев-Ливонский вторым воеводой при первом — князе Семене Даниловиче Пронском [Там же. С. 305], очевидном опричнике; возможно, и он был записан в опричнину под занавес. В Ругодиве (Нарве) как минимум с осени 1570 г. сидел одним из воевод князь Григорий Неклюд Давыдович Путятин; осенью 1571 г. его опять расписали туда четвертым воеводой; разряды сохранили имена остальных трех: первым был тогда Михаил Андреевич Безнин — опричник видный, высоко стоявший в военно-административной иерархии корпуса, вторым — Яков Федорович Попадейкин-Волынский, о котором как об опричнике уже шла речь выше, третьим же — князь Дмитрий Иванович Кропоткин [Там же. С. 307]¹⁹. Относительно этих двух персон, князей Путятина и Кропоткина, может быть высказано то же предположение: они попали в опричнину в последние месяцы ее существования.

Но, надо подчеркнуть, соображения о принадлежности всех этих военачальников к опричному воеводскому корпусу (хотя бы на протяжении очень незначительного срока) носят гипотетический характер и должны считаться сомнительными.

Позднее, в первые месяцы 1572 г.²⁰, «смешанные походы» продолжались. Однако в них участвует такое количество воевод, хорошо известных по «земщине», и притом такого уровня, что предположение об их общем единомоментном переходе в земщину оказывается за пределами здравого смысла. Операции под Орешком и сидение на во-

¹⁹ Любопытно, что сокращенная редакция разрядной книги назначения в Ругодив М. А. Безнина и кн. Д. И. Кропоткина не упоминает, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 82].

²⁰ Если быть точным, то имеются в виду зимний поход к Новгороду и Выборгу, затем поход к Новгороду, под Коломну, а также оборонительная операция против Девлет-Гирея, окончившаяся битвой у деревни Молоди.

еводстве в отдельных крепостях — армейские мероприятия второго плана, они не столь масштабны и могут вызывать, в силу этого, разные толкования. Совсем другое дело — боевой выход основных сил русской армии во главе с Иваном IV или государевыми «большими воеводами».

Вывод: разрядный материал по наиболее значительным операциям русской армии в первой половине — середине 1572 г. не может быть применен для составления списка опричных воевод.

Итак, к реестру из 54 персон, с большой долей вероятности являвшихся опричными воеводами, можно добавить еще один короткий реестр с именами тех, кто могли быть таковыми, но остаются под сомнением:

Князь Д. И. Кропоткин

Федор Львов

Иван Михайлович Большой Морозов

Афанасий Новокшенов

Иван Дмитриевич Поливанов

Князь Никита Борисович Приимков-Ростовский

Князь Григорий Неклюд Давыдович Путятин

Василий Васильевич Разладин-Квашнин

Замятня Иванович Кривой Сабуров

Князь Юрий Иванович Токмаков

«Омеля» [Емельян?] Унковский

Дмитрий Шафериков-Пушкин

Итак, в опричных воеводах за семь лет побывало всего около пятидесяти десятков «служилых людей по отечеству». Таким образом, опричнина захватила сравнительно небольшой процент русского воеводского корпуса того времени. Разряды 1565—1572 гг. называют ощутимо большее количество земских воевод, опричный сегмент буквально тонет в разрядных списках земцев.

Из этих пяти десятков сколько-нибудь значительного положения в опричных войсках²¹ — хотелось бы подчеркнуть: именно в войсках, а не в администрации, иерархии «Слободского ордена» или, скажем, на дипломатическом поприще — добились Р. В. Алферьев, кн. В. И. Барбашин, Ф. А. Басманов, М. А. Безнин, И. Б. Блудов, Я. Ф. Волынский-Попадейкин, кн. Д. И. Вяземский, кн. А. И. Вяземский-Глухой, кн. В. И. Горбатый-Мосальский, В. И. Колычёв-Умной, кн. Н. Р. Одоевский, кн. И. П. Охлябинин, И. Д. Плещеев, А. И., З. И. и И. И. Плещеевы-Очины, Г. И. Полев, К. Д. Поливанов, кн. С. Д. Пронский, кн. А. П., В. И. и И. П. Телятевские, кн. В. И. Темкин-Ростовский, кн. Ю. И. Токмаков (если

²¹ Иными словами, командовали армиями, гарнизонами, строительством крепостей или хотя бы отдельными полками в полевых соединениях.

причислять его к опричнине), кн. Ф. М. Трубецкой, кн. Д. И. Хворостинин, кн. Ф. И. Хворостинин, кн. А. П. Хованский, кн. В. Т., И. Т. и М. Т. Черкасские, кн. П. Т. Шейдяков, кн. И. (?) и Д. М. Щербатовы. Они назначались либо командующими самостоятельных полевых соединений, либо первыми воеводами полков в этих соединениях. Всего 32 (34?) персоны. Прочие же два-три десятка оставались на уровне сравнительно незначительных постов второго, третьего и четвертого воевод в полках, при строительстве городов или при «наряде».

2. Высшие военачальники опричного корпуса

Анализ социального состава опричного двора проводился неоднократно, в частности, с особой тщательностью он отработан в главе III диссертационного исследования В. Б. Кобриня (опубликована только в 2008 г.). Однако В. Б. Кобрин, при всех выдающихся достоинствах его исследования, допустил несколько упрощенный подход: исследуя социальные, служебные и генеалогические характеристики, он объединил 99 служилых людей по отечеству в одну общую группу «Опричные руководители». По собственным словам исследователя, туда вошли все те, кто занимал должности, получившие отражение в разрядах, т. е. воеводы и головы, члены Боярской думы, послы и посланники, дворяне «в стану у государя», сокольничьи, ловчие, стряпчие и т. п. Исключены лишь рынды с поддатнями, да «мелкие служилые люди с неизвестными... служебными функциями», да приказные [Кобрин, 2008. С. 117—128]. Таким образом, в состав «Опричных руководителей» попали представители очень разных по служебному статусу, знатности и влиянию слоев военно-служилого класса. Для того времени, когда В. Б. Кобрин писал диссертационное исследование, подобного рода методика была не только уместной, но и просто новаторской. Она позволила увидеть много нового в социальной структуре опричнини. Но, думается, в настоящее время более перспективен иной подход, при котором анализ социального положения опричников будет вестись дробно, вне столь масштабного обобщения: из общего их числа должны быть выделены фигуры сравнимого служебного статуса, притом по дипломатической, дворовой и военной сферам деятельности — отдельно.

Для того чтобы определить, каковы характерные особенности социального состава и квалификации опричного воеводского корпуса, следует обратиться к служебной деятельности опричных военачальников, к их карьере и, разумеется, изучить вопрос об их положении в иерархии служилой аристократии Московского государства.

Однако изучение более чем полусотни военных деятелей опричнини как единой массы выглядит малоперспективно. Во-первых, меж-

ду постом командующего самостоятельным полевым соединением (первый воевода большого полка или первый дворовый воевода) и вторым или третьим воеводой полка левой руки в том же соединении — служебная пропасть. Эти должности несопоставимы. В подразделе, посвященном источникам, специально разрабатывался вопрос о старшинстве воевод в русской полевой армии, установленном с 1549/1550 г. В частности, было показано, что даже первые воеводы других полков, не говоря о вторых и третьих, уступают главнокомандующему; притом и сами они не равны между собой, поскольку полки неравноценны «по чести». В традиционной военной иерархии Московского государства на разных ступенях воеводского старшинства должны были стоять фигуры разного социального статуса. Во-вторых, подобный подход лишает исследователя возможности проанализировать социально-генеалогическое наполнение каждого служебного «яруса» в опричной военной системе. А оно может быть как гомогенным, так и разнородным. Таким образом, более правильной методикой следует считать изучение каждого служебного «яруса» в отдельности с последующим сопоставлением полученных результатов. В рамках данного исследования проводится анализ трех подобного рода «ярусов»:

1. Командующие самостоятельными опричными полевыми соединениями.
2. Командиры самостоятельных отрядов и отдельных полков в составе полевых соединений.
3. Вторые, третьи и четвертые воеводы в полках и отдельных отрядах.

Наибольший интерес представляет высший «ярус». По нему же источники дают самый обширный объем информации.

Итак, из кого выбирались командующие опричными полевыми армиями и гарнизонами, строительством крепостей? Кому доверяли самостоятельное командование опричными соединениями? В сущности, речь идет о той верхушке опричного боевого корпуса, которую составляли главные его распорядители. В нее должны были входить лица, облеченные особым доверием царя, поскольку на них возлагалось решение самых масштабных военных задач и, кроме того, именно они располагали наибольшей самостоятельностью в принятии решений.

Для того чтобы определиться с верхним эшелоном опричного армейского командования, из списка 32 (34?) опричных военачальников следует вывести всех, кто не поднялся выше должности первого полкового воеводы в большом полевом соединении. Эти люди не обладали ни той самостоятельностью в действиях, какой располагали командующие, ни, соответственно, тем уровнем монаршего доверия.

Без первых полковых воевод список сокращается на треть:
Р. В. Алферьев

Князь В. И. Барбашин
Ф. А. Басманов
М. А. Безнин
Князь А. И. Глухой Вяземский
Князь Д. И. Вяземский
В. И. Колычёв-Умной
И. Д. Колодка Плещеев
А. И. Плещеев-Очин
З. И. Плещеев-Очин
И. И. Плещеев-Очин
К. Д. Поливанов
Князь С. Д. Пронский
Князь А. П. Телятевский
Князь И. П. Зубан Телятевский (то ли В. И. Телятевский)
Князь В. И. Темкин-Ростовский
Князь Ф. М. Трубецкой
Князь Д. И. Хворостинин
Князь Ф. И. Хворостинин
Князь М. Т. Черкасский
(?) Князь И. Щербатов (Щербатый)

Этот и без того недлинный реестр следует дополнительно урезать за счет учтенных в нем командиров незначительных отрядов, которым поручались локальные самостоятельные операции. Так, Р. В. Алферьев указан в разряде всего-навсего первым воеводой при городовом строительстве на Колыванской дороге, притом воинским контингентом, охранявшим строительство, командовал не он, а И. П. Яковлев (из земщины) и В. И. Колычёв-Умной (из опричнины, с малым отрядом, не разбитым на полки) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 65]. Князья В. И. Барбашин и В. И. Темкин-Ростовский возглавляли два маленьких, не разбитых на полки отряда, отправленных в мае или июне 1570 г., соответственно, к Хотуни на роль резерва «по вестям» и из Москвы «на берег» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 63]²². Князья А. П. Телятевский и Д. И. Вяземский командовали такими же маленькими, не разбитыми на полки отрядами, выдвинутыми под Болхов в октябре 1565 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45]. То же назначение получали А. И. Очин-Плещеев и К. Д. Поливанов — в Одоеве и Миценске в 7076 (1567/1568, скорее всего, весна 1568) г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 54—55; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237], князья А. И. Вяземский-Глухой и Д. И. Хворостинин — в

²² Тот же кн. В. И. Темкин-Ростовский командовал опричным соединением при обороне Москвы от Девлет-Гирея в 1571 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 281].

Дорогобуже и Великих Луках зимой 1568/69 гг. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 242], а И. И. Очин-Плещеев — там же, в Великих Луках, после Хворостинина [Там же. С. 252]. Князь Д. И. Хворостинин назначался «на Рязани» летом 1570 г. воеводой «по вестям» [Там же. С. 265]. Сначала В. И. Колычёв-Умной, а затем И. Д. Колодка Плещеев — у Великих Лук зимой 1568/69 г., а потом весной-летом 1569 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 233, 242; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58] командовали опять-таки небольшими отрядами опричников. Точно так же и князья Ф. М. Трубецкой и С. Д. Пронский — в Калуге и на Сенькином перевозе, соответственно, в мае и осенью 1570 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 256, 272], а И. Д. Колодка Плещеев — в 1570 г., «у Онтона Великого» [Там же. С. 255]. Князь Ф. И. Хворостинин оставлялся, видимо для охранной службы, воеводой «в Слободе» в 1572 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 83]. Князь И. Щербатый был наместником и воеводой в Новгороде-Северском в 7080 (1571/1572) г., а М. А. Безнин, как уже говорилось, — в Нарве (Ругодиве) с осени 1571 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 307]²³

Дело в том, что опричный корпус относительно редко концентрировался для больших походов против внешнего неприятеля. Разряды знают всего восемь или девять таких операций — об их масштабе свидетельствует прежде всего то, что опричное войско делилось тогда на полки. Подобными крупными боевыми операциями можно считать четыре похода под Калугу в 1567—1570 гг., выход на позиции у Вязьмы весной 1568 г., поход к Мценску 7076 (1567/1568, скорее всего весна-лето 1568) г.²⁴, поход под Тарусу осенью 1570 г.²⁵ и стояние под Тулой в августе 1569 г. «после отпуска больших опришниковских воевод». В калужских походах опричниками командовали князь А. П. Телятовский, И. Д. Колодка Плещеев, Ф. А. Басманов и князь Ф. М. Трубецкой, в вяземском — князь М. Т. Черкасский, в мценском — А. И. Плещеев-Очин, в тарусских — дважды расписан князь М. Т. Черкасский²⁶, а во время «стояния» под Тулой — князь В. И. Телятовский (то ли, по другой разрядной записи, князь И. П. Зубан Телятовский). К этому можно прибавить выход значительной части опричного корпуса

²³ Относительно И. Щербатова вероятна путаница: возможно, имелся в виду кн. И. Черкасский.

²⁴ Не вполне понятно, был ли поход или только составлялась разрядная распись, где сказано: «во Мценску были воеводы по полком» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237].

²⁵ Как уже говорилось выше, вероятнее всего, состоялся один выход опричного корпуса под Тарусу, ошибочно записанный в разрядной книге дважды.

²⁶ Во втором случае поход мог не состояться, а кн. М. Т. Черкасский мог быть заведомо расписан ошибочно (см. выше).

в качестве государева двора в походы, где участвовал сам государь. В осеннем походе 1567 г. дворовым воеводой числился князь М. Т. Черкасский; в сентябрьском 1570 г. — разряд дворовых воевод не упоминает, а первым среди сопровождающих царя назван тот же Черкасский; в майском походе против Девлет-Гирея 1571 г. первым дворовым воеводой ходил кн. Ф. М. Трубецкой, который в 1572 г., во время двух походов к Новгороду и оттуда «на свитских немцев», опять окажется на этой должности. Кроме того, значительные силы опричников были отправлены в 1569 г. отбивать вместе с земской ратью Изборск. Тогда командовал З. И. Плещеев-Очин [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58]²⁷.

Таким образом, на верхушке опричной военной иерархии стояло всего восемь человек: И. Д. Колодка Плещеев, А. И. Плещеев-Очин, З. И. Плещеев-Очин, Ф. А. Басманов, князья М. Т. Черкасский, Ф. М. Трубецкой, А. П. Телятовский и В. И. Телятовский (или И. П. Зубан Телятовский). Все они принадлежали к родовитым семействам служилой знати. Ни один не может ассоциироваться с «худородным», «провинциальным», «городовым» дворянством.

Первые четыре принадлежали к старинному роду бояр Плещеевых, служивших Московскому княжескому дому как минимум с начала XIV в., и имели в XV—XVI столетиях первостепенное значение при дворе. Плещеевых нередко назначали на воеводские и наместнические должности, некоторые добились думных чинов, хотя карьерное продвижение семейства затруднялось его близостью ко двору удельного князя Юрия Дмитровского [Зимин, 1988. С. 195—201]. При Иване IV большой вес набрала ветвь Басмановых, происходящая от Данилы Андреевича Басмана Плещеева. Его сын, Алексей Данилович, был удачливым полководцем. Первое его служебное назначение, замеченное разрядами, — воеводство в Елатыме, относится к 1544 г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 120]. Он отличился под Казанью в 1552 г. Его отправили с отрядом на усиление передовых частей. Вместе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским, душой всего дела казанской осады, он принял участие в штурме, который закончился захватом башни и большого участка городской стены. Там они и сидели два дня со своими воинами, отбиваясь от татар, поскольку общий штурм задерживался. А когда приступ начался, Басманов оказался на самом опасном участке и сумел добиться успеха. Во всяком случае его «заметили». После того как наша армия отправилась домой, он

²⁷ Вывод о крупных силах опричного корпуса, брошенных на Изборск, сделан по количеству воевод: во главе опричного отряда их стояло четверо. Обычно небольшим самостоятельным отрядом опричников командовали один или двое воевод.

был оставлен в качестве одного из воевод в завоеванном городе [Летописец начала царства... С. 103—105; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 158]. До конца 1550-х гг. судьба этого военачальника была накрепко связана с южным, степным «фронтом» Московского государства, обращенным против крымцев. В 1555 г. под Тулой, против подступающих войск крымского хана, отправилась небольшая русская армия под командованием Ивана Васильевича Шереметева-Большого. Для этой рискованной операции — как будто специальному! — были отобраны исключительно командиры, происходившие из нетитулованных фамилий. Благодаря этому стечению обстоятельств Алексей Данилович, пребывавший тогда в ореоле славы, добытой под Казанью, занял весьма высокую должность. Его поставили во главе передового полка, фактически сделав вторым лицом в полевом соединении [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 172]. Армия Шереметева столкнулась с превосходящими силами крымцев, выдержала отчаянную рубку, на начальном этапе даже потеснила врага, однако была разбита после того, как Шереметев получил тяжелое ранение. Отступавшие русские части могли превратиться в легкую добычу врага. Наступил критический момент: нашим полкам грозило уничтожение. Именно тогда Басманов впервые сыграл на поле боя выдающуюся роль. И, главное, самостоятельную. Вместе со своим помощником Степаном Сидоровым он собрал разрозненные толпы русских и приказал создать из полковых обозных телег укрепленную позицию. Воевода с бойцами «отсиделись», положив на месте множество атакующих. Степан Сидоров получил в том бою смертельную рану, от которой впоследствии скончался. Однако боевое ядро армии все-таки уцелело и дождалось отступления крымцев, так и не сумевших взять обозную «крепость» [Никоновская летопись (Продолжение). Т. XIII. С. 257—258]. Видимо, за этот тактический успех Алексей Данилович получил высший думный чин, став к осени 1555 г. боярином [Зимин, 1958. С. 65].

В первые же месяцы Ливонской войны этот военачальник добился неожиданного, почти фантастического успеха. Во главе небольшого отряда (около 1,5 тысячи бойцов) его отправили к русской крепости Ивангород. Напротив, через реку Нарову, стояла Нарва — богатый торговый город, многолюдный и хорошо укрепленный. 11 мая 1558 г. жители Нарвы допустили оплошность: занявшись тушением пожара, они пропустили стремительный удар московских войск. Басманов, используя замешательство неприятеля, лодками и плотами переправил отряд на вражеский берег, а потом захватил город в коротком решительном штурме [Лебедевская летопись. С. 263—265; Псковская 3-я летопись. С. 235]. Для Ордена это была ошеломительная потеря. Для России — приобретение крупного портового центра на Балтике.

В 1564 г. Алексей Данилович отстоял Рязань, оказавшуюся под ударом крымцев. О последнем эпизоде летопись сообщает следующие подробности:

В то же время на Рязани были во государьском жалованье в поместье боярин Олексей Данилович Басманов Плещеев да сын его Феодор, и слыша многие крымские люди приход на Рязанскую Украину, они же со своими людьми да с тутошними не со многими людьми... крымских людей побили и языки поимали не дошед города. Те языки сказали, что пришел царь Девлет-Кирей, а с ним дети его калга Магмет-Кирей царевич да Алды-Гирей со своими крымскими людьми: то первая весть про царя, безвестно убо бяше пришел. Тех же языков прислал Алексей Данилович Басманов да сын его Феодор ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, а сам Олексей и сын его Феодор сели в городе на Рязани со владыкою Филофеем и ту сущих во граде людей обнадежили, не сущу бо тогда служилым людем никому, кроме городских людей ту живущих и селян, которые успели во град прибежати... У града же тогда крепости нужные... едва поделаша и града покрешиша и бои по стенам изставиша и из града выезжая с татарами бишася, из града стрельбою по царевым полком из наряду стреляти. Татары же ночным временем с приметом и с огнем многажды приходжаху и хотяху взятии град, Божиим же заступлением и Пречистые Богородицы и великих чудотворцов русских молением граду ничто успела и от града отступиша в своя страны [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 339].

За рязанскую службу Иван IV наградил А. Д. Басманова-Плещеева и его сына золотыми монетами [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 22].

В победоносном походе на Полоцк в 1562—1563 гг. он участвовал как третий воевода передового полка [Баранов, 2004. С. 121]. Но еще за три года до взятия Нарвы, как уже говорилось, Алексей Данилович получил боярский чин ²⁸. В думной иерархии расти ему было некуда, хотя в армейской он продолжал занимать относительно скромные должности, о чем свидетельствует, например, назначение в походе на Полоцк — довольно низкое для столь опытного и прославленного победами полководца, к тому же боярина. В 60-х гг. он был, видимо, одним из тех, кто пользовался большим доверием у государя. Само учреждение опричнины в источниках связывается с его именем, и в опричной элите он был первое время чуть ли не самым влиятельным человеком [Пискаревский летописец. С. 190; Таубе и Крузе, 1922. С. 35; Штаден, 2002. С. 45]. Можно предполагать, что содействие, оказанное Алексеем Даниловичем царю при учреждении опричнины и

²⁸ С. Б. Веселовский считал, что это произошло в 1556 г., но принципиально важной роли это не играет, см.: [Веселовский, 1963. С. 225—226].

формировании опричного двора, связано с тем разочарованием, которое он испытывал в связи со стесненным положением нетитулованной аристократии в армии Московского государства — по сравнению с гораздо более высоким статусом титулованной знати, «княжат» [Володихин, 2009. С. 208—209]. Сам он, несмотря на яркие военные достижения, за всю жизнь ни разу не был допущен командовать самостоятельным полевым соединением. Ему в большинстве случаев приходилось уступать это место представителям высшей титулованной аристократии, что могло сделать его принципиальным противником «княжат» в армейской иерархии. С другой стороны, в воеводах он после рязанской осады 1564 г. не бывал, по всей видимости, из-за преклонного возраста или болезни (увечья?) — в конце концов он прослужил в воеводских должностях два десятилетия, участвовал в кровопролитных сражениях! Именно так объясняется тот факт, что сам Алексей Данилович никогда не возглавлял опричный военный корпус, несмотря на выдающиеся способности военачальника и большой опыт. В 1569—1570 гг. в связи с подозрением в измене по «новгородскому делу» карьера А. Д. Басманова-Плещеева рухнула, потащив за собой в пропасть карьеры его многочисленных родственников. Глава большого клана Плещеевых-Басмановых был казнен. По мнению Р. Г. Скрынникова, первые признаки опалы по отношению к Плещеевым видны еще зимой 1568/69 г. [Скрынников, 1992. С. 376—377, 404]²⁹. По всей видимости, возвышение и падение А. Д. Басманова-Плещеева прямо повлияли на служебное положение его родственников.

Только так можно объяснить неожиданный взлет И. Д. Колодки Плещеева. В семействе Плещеевых он был старшим представителем. Его отец, Дмитрий Михайлович, добился когда-то окольничества, но сам Иван Дмитриевич никакими заслугами и высокими чинами до опричнине отмечен не был. В «Дворовой тетради» он числился заурядным дворовым сыном боярским по Переяславлю-Залесскому [ТКДТ. С. 138]. Разрядами до опричнине он просто не замечен (!) и, быть может, совершенно не обладал командным опытом. И вдруг — высшее и несколько просто высоких назначений в опричном корпусе. Судя по разрядной росписи опричного выхода под Калугу весной 1568 г., Иван Дмитриевич был назначен опричным «главнокомандующим» — первым воеводой большого полка. Одновременно с этим войском в районе Одоева и Мценска разворачивалась вторая опричная армия — под командой А. И. Плещеева-Очина. По свидетельству росписи совместного похода одоевских и калужских полков, который так и не был со-

²⁹ Скрынников также высказал предположение, что крах Плещеевых связан с интригами «руководителей сыскного ведомства опричнине В. Г. Грязного и М. Л. Скуратова-Бельского».

вершен, Иван Дмитриевич стоял выше А. И. Плещеева-Очина: в случае схода тот должен был подчиниться [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55]. В 7076 г. (весна 1568) г. И. Д. Колодка Плещеев возглавлял небольшой отряд опричников в той же Калуге [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 231—233]. В конце 1568—начале 1569 г. Иван Дмитриевич стоял с крупными силами опричнины (отряды еще трех военачальников) в Ржеве Владимиrowой как первый воевода [Там же. С. 242]. В 1569 г., видимо на весенние и летние месяцы до августа включительно, его назначили первым воеводой полка правой руки вместо умершего А. П. Телятевского в большой опричной армии, стоявшей под Калугой, а затем передвинутой к Туле. И. Д. Плещеев оказался в подчинении у своего родственника Ф. А. Басманова, который на этот раз был поставлен главнокомандующим. В мае 1570 г. Ивана Дмитриевича расписали первым воеводой в отряде, стоявшем «у Онтоя Великого» по вестям [Там же. С. 250—251, 256]. Возможно, тогда часть подчиненных ему сил участвовала в разгроме крымских татар 21 мая под Зарайском: воевода кн. Д. И. Хворостинин доложил царю, что ему удалось разбить неприятеля; но в этом году он не был расписан в какой-либо отряд, оборонявший южные рубежи; в то же время его брат, кн. А. И. Хворостинин, стоял вторым воеводой у И. Д. Плещеева. Возможно, произошла ошибка и на самом деле Ивану Дмитриевичу тогда был подчинен не Андрей, а именно Дмитрий Хворостинин.

С. Б. Веселовский ошибочно писал о нем, что он «на службе в опричнине ничем не отличился» [Веселовский, 1963. С. 225]. Между тем одно время в опричной военной иерархии Иван Дмитриевич стоял на первом месте! Более справедливо, думается, мнение Р. Г. Скрынникова, считавшего Ивана Дмитриевича «высокопоставленным опричником» [Скрынников, 1992. С. 235]. После падения А. Д. Басманова Плещеева в службах его родича виден перерыв на полтора года. После этого он получает скромное назначение третьим воеводой сторожевого полка (1572); вскоре идет в маленький Орешек «по ореховским вестям» для «береженья» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 81]³⁰. Очевидно, этот человек на деле доказал, что силен не одними лишь родственными связями, но и воинским умением, поэтому он не только уцелел в период опалы на Плещеевых, но и смог через некоторое время возобновить подъем по карьерной лестнице. После нескольких низких должностей он вновь «идет в гору». Ивана Дмитриевича постоянно отправляют на передний край «ливонского фронта». В 1573 г. он уже назначается воеводой в Юрьев-Ливонский. Правда, позднее его

³⁰ А. П. Павлов заметил, что в начале 1570-х гг. многие его вотчины пошли в раздачу «дворянам и детем боярским» [Павлов, 1992. С. 194].

будут ставить в основном вторым или третьим воеводой в Юрьеве, но и это — весьма высокая должность. В 7083 (1574/1575) г. Иван Дмитриевич участвовал в одном из ливонских походов, а в 1582 г. возглавил передовой полк в одном из последних больших походов Ливонской войны. В 1575—1576 гг. он сидел первым воеводой в Пайде. В 1584 г., в первый же месяц правления царя Федора Ивановича, И. Д. Плещеева поставят вторым воеводой в полевую армию, отправленную под Серпухов «для приходу крымского царя и ногайских мурз» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 100, 113, 132, 187, 209]. Вскоре этот военачальник был отставлен от службы, вероятно по ветхости лет. В 1577 г. он еще фигурирует в «боярском списке» в статье «дворяне», в аналогичном документе 1585—1587 гг. против его имени уже стоит пометка: «Нет. В деревне» [Станиславский, 2004. С. 194, 203]. Что ж, на сей раз опричнина и родственная поддержка выдвинули в ряды видных московских военачальников дельного человека. Не видно, чтобы он блистал полководческим талантом, во всяком случае, это никак не проявилось в боевой обстановке. Но его, скорее всего, считали толковым, надежным командиром, иначе не ставили бы на протяжении шестнадцати лет на воеводские должности.

Совсем другая история — с сыном А. Д. Басманова-Плещеева, Федором Алексеевичем Басмановым-Плещеевым. К началу опричнины у него были всего две «кименные» службы: во-первых, в полоцком походе зимой 1562/63 г. Федор Алексеевич занимал очень скромную должность поддатни у рынды с третьим саадаком, а затем просто присутствовал в царской свите [Сапунов, 1885. С. 39; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 236]. Во-вторых, после взятия города 15 февраля 1563 г. его отправили из-под Полоцка с реляцией о победе ко двору Старицких [Лебедевская летопись. С. 316]. Когда в 1564 г. Алексей Данилович заперся от крымских татар в Рязани и отстоял город, сын был вместе с ним. Вот, собственно, и все. После учреждения опричнины Ф. А. Басманов получил дворовый чин кравчего, но в первые годы на военной службе оставался малозаметной персоной. Он был «воеводой для посылок» в походе осенью 1567 г., прерванном на полпути, и лишь затем получил пост первого воеводы передового полка, развернутого весной 1568 г. в составе трехполковой опричной рати против литовцев в Вязьме [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 52; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 229]. И вот в 7077 (видимо весна-лето 1569) г. его ставят первым воеводой большой пятиполковой опричной рати под Калугой и даже подчиняют ему «лучших людей» из земского войска [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 249]. Триумф! Отец Федора Алексеевича, на протяжении всей жизни тяжело продвигавшийся в чинах военной иерархии и так и не удостоившийся статуса коман-

дующего полевой армией, обеспечил эту должность сыну. Притом триумфу Федора Алексеевича предшествовал на редкость краткий служебный маршрут.

Вместе с тем это было последнее его воинское назначение перед опалой... Р. Г. Скрынников сообщает о службах Федора Алексеевича некоторые данные, способные, на первый взгляд, изменить представление о его боевом опыте в сторону его увеличения; однако данные эти не отличаются достоверностью и могут лишь ввести в заблуждение. Так, Р. Г. Скрынников пишет:

Во время выступления опричной армии к литовской границе в 1568 г. он возглавлял опричный передовой полк. Около того же времени Федор Басманов был назначен первым наместником Старицы... [Скрынников, 1992. С. 227].

Р. Г. Скрынников ссылается на записки Г. Штадена. Но передача Штаденом фразы Ф. А. Басманова-Плещеева «Этот уезд (Старицкий. — Д. В.)... отдан теперь мне» [Штаден, 2002. С. 111] еще не свидетельствует, что тот был именно наместником старицким. Иными словами, Федор Алексеевич был ненамного опытнее И. Д. Плещеева в военных делах, когда поднялся на высшую ступень командирской иерархии. На военной службе он не проявил себя ни самостоятельными победами над неприятелем, ни долгой честной работой на переднем крае и в этом смысле по заслугам перед отечеством стоит ниже Ивана Дмитриевича.

Еще С. Б. Веселовский собрал ряд крайне негативных высказываний о нем: князь Андрей Курбский, немцы-опричники И. Таубе и Э. Крузе, а также долго живший в Москве А. Шлихтинг пишут о нем одинаково неприязненно [Веселовский, 1963. С. 226]. По их свидетельствам, Басманов-младший делал себе карьеру «содомским блудотворением» с царем, к тому же он жестокими интригами вызывал гнев государя против других вельмож. Г. Штаден также считает, что с Федором Алексеевичем «великий князь предавался разврату» [Штаден, 2002. С. 55]. Допустим, показание Курбского, ненавидевшего новое окружение Ивана IV, заведомо должно быть подвергнуто сомнению, допустим, Таубе и Крузе собирали злые сплетни и порочили всю опричнину от вершков ее до корешков, но слова Шлихтинга и Штадена, у которых не было явных причин питать предубеждение против Басманова, должны быть приняты во внимание. Более того, Штаден сам пользовался благоволением со стороны Федора Алексеевича [Там же. С. 111—112] и, тем не менее пишет о нем неодобрительно. По всей вероятности, у современников он оставил впечатление человека скверного и порочного. Что же касается движения по карьерной лестнице, то для этого Федору Алексеевичу — был он содомитским фаво-

ритом Ивана IV или нет — хватало влияния боярина-отца и женитьбы на княгине В. В. Сицкой, племяннице царицы Анастасии Захариной-Юрьевой. Курбский считал также, что Федор Алексеевич «зарезал рукою своею отца своего Алексея» [Курбский, 1986. С. 352], — надо полагать, отводя от себя обвинения в измене и показывая верность Ивану IV. Однако это известие вызвало сомнения по части достоверности у целого ряда исследователей. Во всяком случае, Басманов-младший не был казнен в результате общей большой опалы на Плещеевых, но и постов при дворе и в армии больше не занимал. Точная дата и обстоятельства его смерти неизвестны, но отца он пережил ненадолго. С. Б. Веселовский указывает на одну довольно странную деталь:

Во вкладной книге Троицкого монастыря в 1570/71 (7079) г. записано: «По Федоре Алексеевиче Басманове пожаловал государь царь... 100 рублей». Из этого можно заключить, что у царя были какие-то особые мотивыувековечить память Федора [Веселовский, 1963. С. 227]³¹.

Захарий Иванович Плещеев-Очин был родней А. Д. Басманову, хотя и не столь близкой: семейства Очиных и Басмановых восходили к единому предку — боярину Даниле Борисовичу Плещееву, большому вельможе времен Василия II и Ивана III Великого [Зимин, 1988. С. 198—199]. Захарий Иванович имел самый богатый опыт и самый солидный послужной список среди всех главных воевод опричнини. Он отстаивал честь русского оружия во многих битвах, проявил себя как энергичный, инициативный и храбрый командир. Однако его карьера показывает: самостоятельно командуя крупными полевыми соединениями, Захарий Иванович нередко приводил их к поражению; особого полководческого таланта у него, таким образом, не видно.

В «Тысячной книге» он числился сыном боярским второй статьи по Бежецкому Верху, а в «Дворовой тетради» — дворовым сыном боярским (тот же Бежецкий Верх, затем Дорогобуж) [ТКДТ. С. 60, 191, 201]. Как военачальник он дебютировал вторым воеводой в Козельске, под командованием отца, И. Г. Плещеева-Очина, в 1549 г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 134]. Судя по этой дате, родился Захарий Иванович около 1530 г. или чуть раньше — в 1520-х гг. В 1550 г. он наместничает в Мценске, в 1553-м назначен годовать четвертым воеводой в Казани (расписан для действий на вылазках), оттуда в мае того же года идет к Свияжску вторым воеводой передового полка [Там же. С. 141, 159—160].

Осенью 1554 г. на Захария Ивановича свалилась очень странная радость. Летопись сообщает о том, что в Москву доставлены были пленный хан астраханский Емгурчи с семьей. Их встретили с почетом.

³¹ Обращает на себя внимание колоссальный размер вклада.

Среди «цариц астраханских» была «меншица» (младшая?) Ельякши, родившая по дороге в Москву царевича Ярашты.

И приехав к Москве, царь и великий князь государь велел царевича крестити и с матерью; и наречено царевичю имя Петр, а матери его Ульянея. И царь великий государь пожаловал царицу, велел ее дати замуж за Захария Ивановича Плещеева, а царевича велел кормити матери его, доколе возмужает [Лебедевская летопись. С. 236].

Таким образом, с одной стороны, семейство старомосковской не-титулованной знати получило прибавку «царской крови», хоть и татарской, а с другой, З. И. Плещееву-Очину достались чужая жена и чужой ребенок. Впрочем, как знать, не влюбился ли Захарий Иванович в Ельякши-Ульянию и не добивался ли сам такой необычной почести? С. Б. Веселовский считал, что «этот политический брак обеспечил Захарию Ивановичу милостивое отношение царя» [Веселовский, 1963. С. 227]. Но это не подтверждается фактами: два или три раза на воеводу обрушивались опалы, и последнюю он не пережил. Очевидно, царская милость не заходила слишком далеко.

В 1555 г. Захария Ивановича отправляли вместе с князем А. И. Ногтевым-Сузdalским и П. П. Головиным расследовать причины вооруженного конфликта на шведско-новгородской границе в Карелии (и заодно поставили командовать сторожевым полком в формирующейся для отпора шведам рати). После того как стало ясно, что война неизбежна, военачальник остался в полосе конфликта и действовал удачно, в частности, вместе с князем Ногтевым разбил шведский осадный корпус у Орешка [Лебедевская летопись. С. 241]. Затем он пошел первым воеводой полка левой руки в составе большой русской армии, на голову разгромившей шведов в районе Выборга [Там же. С. 242—243]. Осенью 1557 г. его отправили в Путинль, по всей видимости, для землеописания (сказано: «в Путинле пишет») [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 192]. Служба Захария Ивановича на ливонском театре военных действий складывалась не столь успешно, как на Карельском. Его назначили командовать сторожевым полком в армии, вставшей под Юрьевом-Ливонским [Там же. С. 214]. В октябре-ноябре 1559 г. он совершил ряд удачных набегов на земли Ордена, однако позже два раза потерпел поражение; во второй раз его разбили всерьез: воевода потерял обоз и более 1000 человек одними убитыми. По свидетельству летописи, в столь тяжком разгроме виновата несогласованность в действиях наших воевод и беспечность самого Плещеева-Очина — он не наладил караульную службу. К тому же военачальник вступил в жестокий местнический конфликт с Замятней Сабуровым, что ощутимо помешало служебной деятельности [Лебедевская летопись. С. 281—282; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901.

С. 176, 179]. В течение нескольких лет его имя не всплывает в разрядных списках: высока вероятность того, что государь наложил на него опалу. В октябре 1562 г. ему «сказано» окольничество, и он вместе с Д. Г. Плещеевым на Можайске раздает дворы; в большом зимнем походе к Полоцку Захарий Иванович участвовал вместе со всем цветом русских командных кадров. Воевода нигде в боевых действиях не отличился, но 17 февраля 1563 г. ему доверена была ответственная служба — вместе с тремя иными командинрами охранять полоцкого воеводу С. Довойну и других знатных пленников; 18 февраля его перевели на должность первого воеводы в острог «за городом», где он, видимо, и остался после возвращения русской армии [Баранов, 2004. С. 124, 143]. За поражение большого русского войска под Улой в январе 1564 г. Захарий Иванович и князь И. П. Охлябинин, бывшие в ней воеводами, подверглись опале. Тогда они оба попали к литовцам в плен, а помимо двух этих «имянных людей» пленниками стали многие русские дворяне, неприятель захватил и обоз [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 329]³². Главный виновник поражения князь П. И. Шуйский, старший из воевод, бежал с поля боя и погиб от рук литовских «мужиков» [Пискаревский летописец. С. 190]. Это было не просто поражение, а еще и позор, и утрата стратегической инициативы. В 7074 (1565/1566) г. 26 «князей и детей боярских» подписали поручную запись на боярина З. И. Плещеева-Очина «в том, что ему... в Литву не бежати и ни х которому государеву недругу нигде в удел не отъехать и не постричись... А побежит он... в Литву или х которому ко государеву недругу в удел отъедет, или постриженца, или безвестно где денетца, ино... на порутчикех четыре тысячи рублей денег и... порутчиковы головы в его голову место» [Антонов, 2004]. Иными словами, воеводе перестали доверять. Вернувшись из недолгого плена, Захарий Иванович долго не мог восстановить прежнее доверие Ивана IV и свое высокое положение. Его должность в большом осеннем походе русской армии 1567 г., свернутом на полпути, показывает, как много он потерял в карьерном смысле: его поставили всегонавсего вторым воеводой «на посылку» — ничтожный пост! Очевидно, в 1567 г. он и попал в опричнину, где удостоился боярского чина³³. По разрядным записям опричного похода под Вязьму (весна

³² К весне 1566 г. З. И. Плещеев-Очин уже вернулся из плена [Сборник РИО. Т. 71. С. 398—399].

³³ К 1567 г. относится первое твердое упоминание его в качестве опричника — в названном осеннем походе. В. Б. Кобрин считал, что Захарий Иванович стал опричником в 1566 г. (по поручной записи, см.: [Кобрин, 1960. С. 61]), но в этом документе не сказано, что он опричник, а считать взятие поручной записи признаком обязательного последующего перехода в опричнину — довольно сомнительно.

1568 г.) видно: положение Плещеева-Очина начало понемногу восстанавливаться — он уже первый воевода сторожевого полка, а затем и воевода в Вязьме [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225, 229, 233]. По всей видимости, за очередной взлет по службе Захарию Ивановичу следовало благодарить родню — Басмановых. И они, в конечном итоге, вывели воеводу на высоту, которой до опричнины у него не было. В 1569 г. его отправили во главе отряда опричников отбивать Изборск вместе с земской ратью М. Я. Морозова; эта непростая воинская задача была выполнена. Но и тут все у Захария Ивановича вышло не лучшим образом: земских воевод и татарских мурз за изборскую победу наградили от имени царя золотыми монетами, а опричным военачальникам их не дали. По всей видимости, Иван IV был недоволен местническим столкновением среди них [Там же. С. 240—241]. В том же году, во время калужского похода опричного корпуса, З. И. Плещеева-Очина расписали первым воеводой передового полка, но затем перевели на должность второго воеводы большого полка — он совершенно проиграл местническое столкновение с кн. Д. И. Хворостининым [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59—60; Мельников, 1985. С. 127—128].

Родня же и подвела Захария Ивановича: очевидно, его коснулась общая опала 1570 г., в которой оказались Плещеевы: имя опричного боярина попало в синодик казненных [Скрынников, 1991. С. 543].

Брат Захария Ивановича, Андрей Иванович Плещеев-Очин, не располагал ни сравнимым опытом, ни такой же энергией, однако добился высокого положения в опричной военной иерархии за счет тех же родственных связей. До опричнины разряды почти не знают его имени. Он числится сыном боярским 3-й статьи по Бежецкому Верху в «Тысячной книге» и дворовым сыном боярским по «Дворовой тетради» [ТКДТ. С. 81, 201]. В феврале 1560 г., после взятия Алыста, его посадили там вторым воеводой [Лебедевская летопись. С. 285]. Это сравнительно незначительный укрепленный пункт, и честь, оказанная Андрею Ивановичу, невелика. Во время большого осеннего похода 1567 г., окончившегося у Ршанского яма, он — «дворянин в стану» у государя [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 51]. Для серьезных воеводских назначений это, конечно, негусто. Тем не менее Андрей Иванович их получает!

В 7076 (не ранее зимы 1567/68) г. его поставили возглавлять отряд «из опришнины» в Одоеве; при «сходе» с армией И. Д. Колодки Плещеева он должен был подчиниться последнему и «ходить за людьми по вестям» в большом полку. Позднее, в 1568 г., он расписан воеводой большого полка, т. е. главным начальствующим лицом в корпусе трехполкового состава под Мценском (туда перешел, по всей вероятности, и его одоевский отряд) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 54—

55; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237]. Любопытно, что В. Б. Кобрин, имея все эти данные, все-таки сделал вывод: «Четвертый из братьев (сыновей И. Г. Плещеева-Очина. — Д. В.), Андрей, большой роли не играл» [Кобрин, 1960. С. 62]. Но ведь Андрей Иванович сыграл роль одного из опричных «главнокомандующих»! Может быть, он не добился получения думного чина, но в войсках он достиг наивысшего положения — был назначен старшим воеводой в самостоятельном полевом соединении. С. Б. Веселовский сообщает, что А. И. Плещеев-Очин «пережил царя Ивана», — не выдавая источника, откуда он взял эту информацию [Веселовский, 1963. С. 228]. В синодике казненных его имени нет, но и в разрядах после 1568 г. оно также не встречается: опала на Плещеевых, по всей видимости, выбила его из воеводской «обоймы». Отличиться на поле боя и проявить полководческие способности этот воевода не успел — в отличие от того же И. Д. Колодки Плещеева.

Любопытно, что господство Плещеевых в опричной военной организации установилось не сразу. Это произошло лишь в самом конце 1567 г. или в первые месяцы 1568 г. До того на первых ролях в опричном корпусе было другое семейство, а именно князей Телятевских. Они происходили из Тверского княжеского дома и служили Москве со времен Ивана III. Это была весьма родовитая ветвь служилой аристократии, временно оказавшаяся на вторых ролях. С 1509 г. по 1544 г. она находилась, по всей видимости, в опале, лишилась вотчин, исчезла из разрядов, но потом принялась восстанавливать высокое положение при дворе и в армии. Незадолго до учреждения опричнины кн. Петр Иванович Телятевский получил боярский чин, но в 1565 г. умер [Зимин, 1988. С. 108—111; Флоря, 1975. С. 288]. А. П. Павлов собрал обширный материал о больших земельных приобретениях, сделанных Телятевскими (в частности Андреем Петровичем), в значительной степени — благодаря опричной карьере [Павлов, 1992. С. 180]. В доопричные времена Телятевские, как видно, не были богатыми землевладельцами и не располагали вотчинами: в «Дворовой тетради» все они, и Андрей Петрович в их числе, фигурируют как ярославские помещики [ТКДТ. С. 123].

Центральная фигура среди них в опричные годы — уже названный князь Андрей Петрович Телятевский, сын боярина кн. П. И. Телятевского. Это воевода, боевой опыт которого сравним с опытом З. И. Плещеева-Очина. К опричнине он пришел с солидным «послужным списком»: рында с копьем в Коломенском походе Ивана IV летом 1557 г.; сопровождает двор Щигалея в зимнем 1558/59 г. походе против ливонцев; через несколько месяцев — опять расписан в рынды с копьем в походе Ивана IV под Тулу, но поход этот не состоялся; первый воевода ертоула в зимнем походе на Полоцк 1562/63 г. (у него под коман-

дой — 628 детей боярских плюс еще 384 у второго воеводы, А. И. Бутурлина, плюс ногайские и астраханские татары) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 189, 204, 212—213, 234; Лебедевская летопись. С. 304—305; Баранов, 2004. С. 129]. После «пороцкого взятия» Андрей Петрович получает крупные назначения: в 7072 (1563/1564) г. его ставят первым воеводой передового полка под Вязьмой, «по литовским вестям», и в сентябре 1564 г. он участвует в отражении неприятеля, появившегося у Великих Лук [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 18—20]. С. Б. Веселовский сообщает, что в 1564 г. его пожаловали чином думного дворянина. «Для сына боярина это было небольшой честью, — пишет С. Б. Веселовский, — но следует иметь в виду, что в это время царь Иван был очень скончан на пожалования в думу» [Веселовский, 1963. С. 234]. Летом 1565 г. он опять на литовском рубеже, в составе оборонительной армии — на той же должности [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 35]. Осенью 1565 г. Андрей Петрович уже в опричнине. Первое время именно он является «главнокомандующим» опричного полевого корпуса.

Причины выбора, сделанного Иваном IV в пользу этого человека, неясны. Откуда такое доверие к нему? Известно, что Андрей Петрович выполнил службу, требовавшую большой осмотрительности: он провел расследование о смерти Алексея Адашева в Юрьеве-Ливонском и изъял оставшиеся после покойного заготовки для «летописца новых» (1561) [Описи... 1960. С. 43]. В. Б. Кобрин проводит логическую связь между успешным выполнением щекотливой миссии, возложенной на Телятевского, и обретением статуса доверенной персоны при Иване IV. Р. Г. Скрынников полагает, что сам выбор А. П. Телятевского для этого ответственного поручения диктовался простым обстоятельством: он был «человеком молодым» и при Адашеве не занимал видных постов, а потому, следовательно, и не был ничем скомпрометирован [Кобрин, 1960. С. 76; Скрынников, 1992. С. 143]. Составляя новую духовную грамоту (около 1562 г.), Иван IV включил кн. А. П. Телятевского в регентский совет при его сыне Иване, а значит, уже тогда князь был доверенным лицом государя [СГГД. № 174]. Но, думается, существует более прозаическая причина возвышания князя, нежели относительная «молодость»: у него была влиятельная родня, составившая протекцию. В частности, близким родственником Андрея Петровича был боярин кн. С. И. Пунков-Микулинский, блистательный полководец и обладатель богатого удела в Микулине, умерший в 1559 г. или, быть может, в начале 1560-го; более того, за Микулинского стояла и его могучая родня по жене — семейство старинных московских бояр Морозовых. Князь А. П. Телятевский как раз весной 1559 г. вернулся из победоносного похода в Ливонию, где войсками командовал его знаменитый родич, кн. С. И. Пунков-Микулинский.

После разгрома немецкой армии под Чествином он имел возможность наилучшим образом подать заслуги представителя своего семейства [Лебедевская летопись. С. 278]³⁴. Тем более что князь Микулинский «мужественнее воевав на ливонских немцы, и смертную язву оттуду на выи своей принесе, и скончаясь на Москве, в пятидесятое лето века своего» [История о Казанском царстве. С. 137]. Просьба умирающего победителя облагодетельствовать младшего родственника могла прозвучать вдвойне весомо...

Незадолго до опричнины у Андрея Петровича появилась еще одна отличная возможность выдвинуться, которой он, по всей вероятности, воспользовался: будучи в момент «погоцкого взятия» 1563 г. первым воеводой ертоула, он зарекомендовал себя дальенным человеком в глазах царя. А Иван IV исключительное значение придавал полоцкой победе: успех был значительный, резонанс от него пошел по всей Европе и, главное, триумф был достигнут под личным руководством государя [Володихин, Александров, 1994. С. 108—110; Хорошкович, 2003. С. 334—337]. В сущности, это величайшая победа самого царя в роли полководца. Очевидно, тогда Андрей Петрович и запомнился ему как толковый и исполнительный военачальник.

Итак, князю А. П. Телятевскому поручают возглавить опричный отряд на первой боевой операции — под Болховом в октябре 1565 г. По сообщению летописи, боевые действия у Болхова (в них участвовали и земские войска) увенчались успехом. Основные силы крымцев, устроивших набег, вынуждены были спешно отойти, а небольшие их отряды подверглись разгрому [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45; Лебедевская летопись. С. 348]. Осенью 1567 г. князь Телятевский выходит под Калугу как первый воевода большого полка, т. е. как командующий всем корпусом [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221]. В его военной карьере это пик, и выглядит он как вполне заслуженное возвышение. И хотя это возвышение было довольно быстрым, но, тем не менее, Андрей Петрович успел пройти несколько более низких ступеней воеводской иерархии и получить необходимый командный опыт. В дальнейшем Плещеевы оттесняют Телятевских от управления военной машиной опричнины. В большом осеннем походе 1567 г. кн. А. П. Телятевский назначен одним из воевод «на посылку». Это несравненно с его недавними постами. В весеннем походе 1568 г.

³⁴ А. Л. Хорошкович считает, что поход кн. Микулинского, «внешне вполне удачный... главной цели не достиг. Рига не была взята» [Хорошкович, 2003. С. 238]. Однако в Москве его оценили однозначно положительно — летописный текст содержит ремарку: в ответ на доклад кн. Микулинского о завершении похода «государь к воеводам послал з жалованием». Неизвестно, ставилась ли изначально русскими войсками задача непременно взять Ригу.

под Вязму он всего лишь второй воевода большого полка при первом — кн. М. Т. Черкасском; позднее (в том же году) он возглавляет небольшой отряд опричников, оставшийся для охраны Вязьмы [Там же. С. 225, 229, 237]. Допустим, пребывание на первом месте кабардинского царевича Черкасского еще никак не роняет чести Андрея Петровича — прежде всего по той причине, что Черкасские породнились с Иваном IV³⁵. Однако в 1568 г. высшими должностями в опричной армии завладевают И. Д. Колодка Плещеев и А. И. Плещеев-Очин. В 7077 (видимо зима 1568/69) г. Телятевский получает самостоятельное назначение в Брянск «с украинными воеводами», а «по вестям сходиться» он должен с рязанскими воеводами. Но уже во время выхода всего опричного корпуса к Калуге в 1569 г. он расписан всего лишь первым воеводой полка правой руки. Его подчинили фавориту Ивана IV Ф. А. Плещееву-Басманову, который был поставлен командующим [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225, 229, 239, 249—250]. Это вызвало конфликт: Андрей Петрович был целом «в отечестве о счете» на Ф. А. Басманова, но «вскоре разболелся и умер». Что же, быть может, болезнь рассудила два семейства, соперничавших за первенство в опричной военной иерархии. Вероятна и насильственная смерть — судя по крайне негативным отзывам современников о Ф. А. Басманове, он был способен организовать тихую расправу над своим недругом, особенно когда речь шла о статусе всего огромного клана Плещеевых. А обстоятельства похода позволили это убийство (если, конечно, произошло убийство) скрыть. Царь, благоволивший Басмановым, не был заинтересован в серьезном расследовании. Смерть кн. А. П. Телятевского стала серьезной потерей для командного состава вооруженных сил России. Факты его биографии свидетельствуют о том, что он был способным, как минимум опытным командром и мог в дальнейшем сослужить отечеству добрую службу.

Другой крупный опричный военачальник — дядя кн. А. П. Телятевского, князь Василий Иванович Телятевский. По справедливому замечанию В. Б. Кобриня, они были примерно одного возраста — «судя по времени начала службы» [Кобрин, 1960. С. 76]. Однако по служебным достижениям племянник превзошел дядю. Василий Иванович попал на «именную службу» в Полоцком походе 1562—1563 гг.: он определен был «спати в стану у государя», а затем расписан в есаулы [Баранов, 2004. С. 130, 131]. В 7072—7074 (1563/1564 — 1565/1566) гг. с перерывом на несколько месяцев с мая 1565 г. Василий Иванович сидел в Брянске наместником; кроме того, как уже говорилось выше, он выходил летом 1565 г. под Калугу в должности первого воеводы

³⁵ Второй супругой Ивана IV стала Мария-Кученей Темрюковна Черкасская.

передового полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 28, 30, 39, 40; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 246, 256, 265]. В 1569 г. вместо З. И. Очина-Плещеева его вновь расписали первым воеводой передового полка из опричнины под Калугой [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59—60].

Следующее служебное назначение Василия Ивановича ставит перед исследователями проблему: записи разрядных книг краткой редакции сообщают, что в августе 1569 г. «после отпуска больших воевод» первым воеводой большого полка в оставшемся на позициях опричном корпусе был назначен брат кн. А. П. Телятевского Иван Зубан Петрович Телятевский; в записях пространной редакции на той же должности — кн. В. И. Телятевский [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 57—58; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 251—252]. Князь И. П. Телятевский фигурирует с названной должностью в списке опричников, составленном В. Б. Кобриным [Кобрин, 1960. С. 76]. И даже не то странно, что Иван Петрович, занимавший прежде весьма скромные должности³⁶, неожиданно оказался выше своей родни в служебном отношении, — опричнина знает и более диковинные случаи возвышения (например, тот же И. Д. Колодка Плещеев). Гораздо показательнее другое. В записях краткой редакции говорится, что Иван Петрович получил пост старшего воеводы «после отпуска больших воевод» в Калуге. А пространная редакция уточняет:

Тово же лета велел государь князь великий тем же воеводам Федору Басманову с товарищи быть по той же росписи из Колуги на Тулу по полком... И князь Василий Телятевский шол в передовом полку ис Колуги на Тулу с Федором Басмановым. Тово же лета августа в... день после отпуска опришнинских больших воевод Федора Басманова с товарищи велел государь быть воеводам на Туле по полком: в большом полку воеводы князь Василий Иванович Телятевский да Михайло Ондреевич Безнин... [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 251].

Выходит, под Калугой корпусом все еще командовал Басманов, и князь И. П. Телятевский вряд ли мог его замещать. Что же касается

³⁶ В опричнине он известен только на посту второго головы в осеннем походе 1567 г., да и то В. Б. Кобрин, сообщивший об этом его назначении в своем списке, мог ошибиться: в разрядных книгах краткой редакции список голов опущен, а пространная редакция в этом месте говорит о некоем князе Иване то ли Тивекелеве, то ли Тивкове [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 226], из чего можно, при желании, слепить антропоним «Телятевский», но такое преобразование выйдет довольно сомнительным. Так что, в конечном счете, непонятно: а был ли кн. И. П. Зубан Телятевский в опричнине? До опричнины он известен разрядам только как стольник во время зимнего похода на Полоцк 1562/63 г. [Баранов, 2004. С. 132]. После опричнины его вообще нет в разрядах.

разряда, составленного несколькими месяцами ранее для выхода большой опричной армии под Калугу, то там, как уже говорилось, значится именно Василий Иванович — в качестве первого воеводы передового полка. В краткой редакции стоит он же, только сама запись ошибочно смешена и поставлена перед записью о выходе к Калуге большой опричной армии под командой Ф. А. Басманова. Следовательно, пребывание кн. И. П. Телятевского в тульском разряде, скорее всего, следует считать ошибкой. Опричный корпус тогда возглавил все-таки Василий Иванович³⁷. В дальнейшем его воеводская карьера в опричнине хотя и пошла под гору, но все же продолжилась — несмотря на смерть племянника, сильнейшего в роду человека. В мае 1570 г. Василий Иванович был вторым воеводой у Калуги «по вестям», а осенью возглавил сторожевой полк во время общего выхода опричного корпуса к Тарусе [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 256; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69]³⁸. С отменой опричнины он остался в «обойме» командного состава вооруженных сил.

В походе 1572—1573 гг., когда была взята Пайда, Телятевский нес сторожевую службу в стане у государя; осенью 1574 г. его поставили вторым воеводой в Серпухов; весной 1575 г. им заменили кн. И. К. Курлятева на посту первого воеводы в сторожевом полку, во время общего выхода войск на юг для отражения крымцев; с ним Телятевский простоял на позиции у Коломны до осени [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 90, 109, 113, 118]. В 7087 (видимо осень 1578) г. князь Телятевский вновь ходил в той же должности против татар Дивей мурзы.

Крупное назначение Василий Иванович получил в декабре 1578 г. — он возглавил гарнизон Полоцка. Однако это назначение принесло ему только горе. Летом 1579 г. польский король Стефан Баторий осадил город и вошел в него 1 сентября. В русских разрядах появились записи, сообщающие о лихорадочных попытках собрать сильные отряды на подмогу Полоцку³⁹. Постфактум туда вписаны крайне негативные оценки поведения полоцких воевод. Они-де «худы и глупы и людей в городе мало» и, далее, совсем нехорошо:

...Король стоял под Полоцким 4 недели и Полотеск взял изменою, потому что воеводы были в Полоцке глупы и худы; и как голов и сотников побили, и воеводы королю город здали, з детьми, и с людьми, и

³⁷ Материалы местнической тяжбы кн. Д. И. Хворостинина с кн. Ф. Д. Шестуновым фактически не оставляют сомнений в том, что в воеводах был все-таки кн. Василий Иванович Телятевский [Мельников, 1985. С. 128].

³⁸ Кн. В. И. Телятевский был расписан также в тарусский разряд 1571 г., однако, как уже говорилось выше, вряд ли имеет смысл учитывать его.

³⁹ В ходе Ливонской войны город отбить так и не удалось. В итоге пришлось уступить его Польско-Литовскому государству.

стрельцами [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 1. С. 66—67, 80—81, 86].

Правительство Ивана IV пытались оправдать падение города то ли изменой, то ли неспособностью полоцких воевод, ничуть не думая о том, как объяснить, почему великие московские стратеги поставили в Полоцк столь слабых воевод и столь слабый гарнизон. Впрочем, о «худости» и «глупости» воевод, в том числе и кн. В. И. Телятевского, судить по одним разрядным записям не стоит, поскольку их информация в данном случае опровергается другими свидетельствами. Иностранные источники, освещавшие осаду Полоцка, говорят о прямо противоположном положении вещей. Полоцк оказал серьезное сопротивление и доставил неприятелю немало хлопот. Подробная картина героической борьбы за Полоцк дана в исследовании В. В. Новодворского. Он, в частности, привел мнение самого Батория:

Москвитяне доказали тогда своею энергией и усердием, что в деле защиты крепостей они превосходят все прочие народы [Новодворский, 1997. С. 12] ⁴⁰.

Так или иначе, осенью 1579 г. Василий Иванович оказался в плену. Дата и обстоятельства смерти князя дикussionны. С. Б. Веселовский сообщает, что воевода умер в Литве, не вернувшись из плена. Но А. П. Павлов обнаружил упоминание кн. В. И. Телятевского в ярославской писцовой книге 1620-х гг., следовательно, князь мог вернуться в Россию после смерти Ивана IV, но вряд ли служил далее: в разрядах и летописях имя Василия Ивановича больше не фигурирует [Веселовский, 1963. С. 234; Павлов, 1992. С. 180]. Сохранился также рассказ польского шляхтича С. Немоевского о последних годах жизни Ивана Грозного. Так вот, Немоевский сообщает, что кн. В. И. Телятевский возвратился в Россию после заключения мира с поляками; царь, гневаясь на воеводу, велел его утопить.

По всей видимости, это был военачальник средних способностей, честный, надежный, но звезд с неба не хватавший. Он имел сравнительно немного командного опыта, когда взошел на высшую ступень в опричной иерархии, став во главе самостоятельного полевого соединения; с годами опыт к Василию Ивановичу пришел; но не избавил его от катастрофы 1579 г.

Князь Михаил-Салнук Темрюкович Черкасский, крещеный кабардинский «царевич», приходился Ивану IV ближайшей родней: он был братом второй жены Марии-Кученей Темрюковны Черкасской.

⁴⁰ Это издание — отрывок из дореволюционного, ставшего библиографической редкостью, см.: [Новодворский, 1904].

Свадьба состоялась в августе 1561 г. Но Салнук прибыл в Москву с просьбой о помощи в борьбе против наседающих соседей гораздо раньше — осенью 1558 г., тогда же и крестился, приняв имя Михаила⁴¹. Служебная карьера Михаила Темрюковича первое время не приносila ему высоких должностей. В полоцком походе 1562—1563 гг. князь Черкасский расписан всего лишь рындой «с большим саадаком» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 15]. Зато после взятия города он получает от царя весьма почетное задание. Его отправляют в Москву в качестве главного из вестников победы. Царь велел кн. М. Т. Черкасскому доставить грамоты «ко отцу своему и богомольцу к Макарию митрополиту всея Руси и ко царице и великой княгине Марие и к детем своим ко царевичу Ивану и ко царевичу Федору и к брату своему ко князю Юрью Васильевичю». Для каждого из адресатов он везет особый наказ. Кроме того, по дороге к Москве князь Черкасский должен сообщать монаршее распоряжение священникам:

Пети молебны со звоном, что Бог милосердие свое показал царю и великому князю, вотчину его город Полтеск со всем в руки ему дал... [Лебедевская летопись. С. 314; Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 315—316].

Такая служба — знак большого доверия со стороны царя. Недаром два других гонца, отправленные с добрыми вестями к иным адресатам, — Ф. А. Басманов и М. А. Безнин впоследствии займут высокое положение в опричнине. Известно также, что Михаил Темрюкович имел в Москве собственный двор, сгоревший во время апрельского пожара 1564 г.; помимо этого, ему достался в удел Горюховец (1568) [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 333—334; Зимин, 1964. С. 363]. В опричнине кн. М. Т. Черкасский поднялся до необычайных высот. Более того, Генрих Штаден связывает сам факт учреждения опричнины с советами, поданными Ивану IV сестрой Михаила Темрюковича царицей Марией [Штаден, 2002. С. 43]. Это согласуется со свидетельством Пискаревского летописца об аналогичных советах, поданных царю В. М. Захарьиным-Юрьевым и А. Д. Басмановым: Михаил Темрюкович был женат на дочери В. М. Захарьина-Юрева и мог выступать «одним фронтом» с сестрой и новой русской родней. С такими родственными связями совсем не удивительно, что карьера Михаила Темрюковича в опричнине вышла просто головокружительной.

Во время осеннего похода 1567 г. его поставили первым дворовым воеводой (!); в весеннем походе под Вязьму 1568 г. он расписан пер-

⁴¹ Россия помогла кабардинским князьям: осенью 1565 г. князь Мамстрюк Темрюкович Черкасский получил от царя большую армию и с нею отбыл на родину.

вым воеводой большого полка, да и в Тарусском разряде осени 1570 г. числится в той же должности [Разрядная книга 1559—1605 гг.; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 68, 225, 229]. Иными словами, князь Черкасский трижды побывал в опричных «главнокомандующих» и оставался на пике карьеры как минимум с осени 1567 по конец 1570 г. В опричных воеводах ходили и другие представители рода Черкасских: Иван и Борис Таатуковичи [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 262]. Их возвышение было связано с возвышением Марии Темрюковны и ее брата. Между тем, имея (предположительно) опыт боевых действий с татарами, который мог быть получен им еще на родине, Михаил Темрюкович вряд ли когда-либо возглавлял крупные самостоятельные полевые соединения. Иными словами, в роли крупного военачальника вновь оказался человек, не получивший должной подготовки. С З. И. Плещеевым-Очиным и кн. А. П. Телятевским он в этом смысле даже сравниваться не может.

Осенью 1569 г. царица М. Т. Черкасская умерла. По разным версиям, это произошло то ли в результате какого-то бесчестия или опалы со стороны царя, то ли в результате отравления. В данном случае причина ее смерти неважна. Гораздо важнее другое: после ухода царицы Марии из жизни ее брат еще долгое время сохраняет высокий статус в опричнице. Как минимум год — судя по уже названной Тарусской разрядной записи 1570 г. Позже начинается разлад между ним и Иваном IV. В частности, по приказу царя казнят вместе с сыном супругу князя, урожденную Захарьину-Юрьеву [Таубе и Крузе, 1922. С. 40—41]. В. Б. Кобрин объясняет эту казнь тем, что, возможно, Захарьины-Юрьевы, будучи связаны с Плещеевыми-Басмановыми, которые подверглись репрессиям по новгородскому «изменному делу», также попали в опалу, а Р. Г. Скрынников приводит и прямую связь семейства Захарьиных-Юрьевых с обвинениями по данному делу [Кобрин, 1960. С. 87; Скрынников, 1992. С. 432]. Но самого Михаила Темрюковича казнили (или же просто тайно убили) только в мае-июне 1571 г. Свидетельством очевидной государевой немилости к князю является низведение его с прежнего высшего поста в опричной военной иерархии на должность первого воеводы передового полка. Пребывая именно на такой должности, он отправился в составе большой рати отражать набег Девлет-Гирея. Тогда же, в самом походе либо сразу после него, Михаил Темрюкович и расстался с жизнью [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74; Таубе и Крузе, 1922. С. 54; Штаден, 2002. С. 55; Скрынников, 1992. С. 543 (синодик)]. Различные исследователи — С. Б. Веселовский, Е. Н. Кушева, В. Б. Кобрин, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников, Б. Н. Флоря — связывают казнь кн. М. Т. Черкасского с изменой его кабардинской родни Ивану IV, как минимум — с подозрением в измене, либо,

по другой версии, с опасением их ухода со службы [Веселовский, 1963. С. 467; Кушева, 1950. С. 284—285; Кобрин, 1960. С. 87; Скрынников, 1992. С. 425; Зимин, 1964. С. 460; Флоря, 2003. С. 265—266]. Но действительная причина смерти Михаила Темрюковича может быть проще и прозаичнее. После катастрофического прорыва Девлет-Гирея к Москве в мае 1571 г. Иван IV жаловался, что одной из причин поражения было отсутствие разведки и худо налаженная сторожевая служба. В частности, он говорил: «...Передо мной прошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском царе знать не дали» [Беседа... 1848. Кн. 9, отд. IV. С. 296]. Очевидно, подобная претензия должна быть отнесена к служебным обязанностям воевод передового и сторожевого полков. Кто был тогда их командирами? Кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, кн. Д. И. Хворостинин, кн. П. Т. Шейдяков, боярин В. П. Яковлев и кн. В. А. Сицкий. Троє из них — В. П. Яковлев, князья Черкасский и Темкин-Ростовский — подверглись тогда казни, причем Яковлев и Черкасский стоят в синодике казненных рядом [Скрынников, 1992. С. 543 (синодик)]. Из числа прочих кн. Д. И. Хворостинин временно потерял в служебном росте: если в этом походе он расписан третьим воеводой передового полка, то в следующем (1572) — третьим воеводой менее значительного сторожевого полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74, 77]. Вероятнее всего, речь идет об одном деле, и очень похоже на то, что всех названных воевод наказали за майский разгром. В таком случае смерть царского шурина оказалась расплатой за командирскую некомпетентность. Этот инцидент вскрыл брешь в самой системе комплектования командного состава опричнины: слишком многое зависело от интересов наиболее влиятельных придворных кланов и личного доверия Ивана IV. Соответственно, воеводский опыт и полководческий талант оказывались на втором плане. И вот — расплата.

Наконец, князь Федор Михайлович Трубецкой — приход его в опричный корпус является одним из главных свидетельств изменений в кадровой политике Ивана IV.

До 1570 г. в опричную военную организацию не брали представителей наиболее богатых и влиятельных княжеских родов. В опричных воеводах ходили тогда князья Вяземские, Телятевские, Хворостинины, Охлябинины, Гвоздевы, князь Морткин и т. п. Все они представляли ветви семейств либо младшие, либо просто захудальные, т. е. небогатые и долгое время ничем значительным себя не проявлявшие на службе, а также трудно проходившие в думные чины. Притом далеко не всех из них пустили на высокие должности. В опричном военном руководстве (список из 21 человека) примерно 50 % составляет нетитулованная знать, в том числе три персоны, не входившие в число высокородного московского боярства, — Р. В. Алферьев и М. А. Безнин (оба из На-

шокиных — «родословная», но захудалая фамилия), а также К. Д. Поливанов. Примерно такое же соотношение складывается, если подсчитать *всех* опричных воевод. Но это, подчеркиваю, — лишь при учете *полного списка* за весь период с 1565 г. по 1572 г.

Если же проанализировать кадровый состав опричнины до весны 1570 г., то картина будет совершенно другая. Из 7 высших опричных военачальников указанного периода 4 принадлежат к боярскому семейству Плещеевых, 2 — к русской титулованной знати (князья Телятевские) и 1 (кн. М. Т. Черкасский) — к выезжей титулованной аристократии. При подсчете всех лиц, которым до 1570 г. в опричнине доверяли командование самостоятельными полевыми соединениями, небольшими отрядами, гарнизонами городов или же строительством крепостей, получается не менее показательный результат — к нетитулованным родам относятся 7 человек: К. Д. Поливанов, В. И. Колычёв-Умной и 5 представителей Плещеевых; к титулованным русским родам — только 5 человек: двое князей Телятевских, двое князей Вяземских, а также князь Д. И. Хворостинин; к выезжей аристократии — все тот же кн. М. Т. Черкасский. Таким образом, в 1565—начале 1570 г. нетитулованные «служилые люди по отечеству» преобладают в командовании опричной армии.

Назначения 1570 г. переворачивают ситуацию⁴². В опричную военную организацию на первые позиции приходят князья Ф. М. Трубецкой, С. Д. Пронский, В. И. Темкин-Ростовский, В. И. Барбашин, достигает в ней высокого статуса Ф. И. Хворостинин (кроме того, переходят на положение опричных военачальников Н. Р. Одоевский, В. И. Горбатый-Мосальский, И. В. Темкин-Ростовский, Д. М. Щербатый и А. П. Хованский, но им самостоятельных соединений не доверяли) — многие из них принадлежали к высшим аристократическим родам. В то же время большинство крупных опричных воевод из нетитулованной знати либо подвергаются казни, либо теряют высокое положение, которым обладали раньше. В 1570 г. из нетитулованной знати значительные посты в опричном боевом корпусе получали только И. Д. Колодка Плещеев, В. И. Колычёв-Умной да Р. В. Алферьев, а в 1571—1572 гг. — один М. А. Безнин. Таким образом, всего за несколько месяцев 1570 г. титулованная знать получила *такое же преобладание* в опричнине, как это было в целом по вооруженным силам России на протяжении всего царствования Ивана IV. Нетитулованная аристократия весьма быстро утратила господствующие позиции.

В сущности, произошло если не полное восстановление традиционных иерархических порядков в среде военно-служилого класса Рос-

⁴² В отношении всего опричного двора это резкое изменение первым подметил Л. М. Сухотин [Сухотин, 1931. Вып. 1. С. 11; 1940. Вып. 7—8. С. 166—171].

ции, то очень значительная корректировка кадровой политики в этом направлении.

Приходится вспомнить свидетельство Пискаревского летописца о начале опричнины под 1565 г.:

В том же году попущением Божиим за грехи наши возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на все православное християнство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину разделение земли и градом [Пискаревский летописец, 1978. С. 190].

«Злые люди», принадлежавшие к семействам старомосковской боярской знати, как видно, после больших военных неудач 1564 г. и предательства князя А. Курбского, будучи возмущены поведением титулованной знати, теснившей старинных слуг Московского правящего дома в Думе и абсолютно преобладавшей в армейском командовании, решили взять реванш. Особенно привлекательным подобный план мог казаться в изложении А. Д. Басманова, ведь он одержал под Рязанью убедительную победу в том же 1564 г., — когда предательство и поражения титулованной знати вызывали всеобщее негодование. Теперь можно со всей определенностью сказать: да, на протяжении пяти лет продолжался этот реванш в опричнине, во всяком случае, в опричной военной организации⁴³; с весны 1570 г. он сходит на нет.

После большого похода против северных русских земель, находившихся в земщине (1569—1570)⁴⁴, а также расследования «новгородского изменного дела» и произошел перелом. Для этого было как минимум две причины. Прежде всего, подвергся разгрому стержнеобразующий для опричнины клан Плещеевых, которые до того успели оттеснить от власти в опричном корпусе Телятевских. Плещеевы ставили своих людей не только на высшем, но и просто на всех уровнях командного состава опричнины. Помимо четырех перечисленных воевод из их семейства, к числу видных опричных военачальников относились И. И. Плещеев-Очин и Н. И. Плещеев-Очин, а также кое-кто из родни Плещеевых. Тогда же пал род князей Вяземских, а это еще четверо опричных воевод, в том числе двое крупных: князя А. И. Вя-

⁴³ Данные А. А. Зимины подтверждают эту тенденцию и в отношении Думы, см.: [Зимин, 1958. С. 72—75].

⁴⁴ В специальной исторической литературе, посвященной опричнине, этот поход иногда именуют «новгородским», однако подобное название не вполне корректно. Опричные отряды вели бои, а также карательные операции на широкой территории, охватившей города и области далеко за пределами Новгородчины: Тверь, Псков, в какой-то степени — Торжок и, возможно, Клин, хотя последнее дискуссионно.

земский-Глухой и Д. И. Вяземский. Более того, сам поход мог вызвать серьезное разочарование царя в опричнине: во время грабительского похода на Северную Русь в 1569—1570 гг. опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Старице смотр опричному войску, желая знать, «кто остается при нем и крепко его держится» [Штаден, 2002. С. 108]. Следовательно, Иван IV увидел в рядах опричного войска заметное число людей отставших, ушедших по своим надобностям. И «мемуары» Штадена, и записи других иностранцев об опричном времени изобилуют свидетельствами многочисленных злоупотреблений опричных должностных лиц, не меньше заботившихся о собственном обогащении, чем старая аристократическая администрация, но более «голодных», а значит, менее сдержанных в методах и масштабах вымогательства, взяточничества, открытого грабежа. При этом они осмеливались оставлять Ивана IV в его походах.

Поэтому, во-первых, опричный корпус нуждался в укреплении новыми командными кадрами, поскольку старые оказались выбиты или попали под подозрение. И во-вторых, потускнела идея, согласно которой опора на стариные московские боярские роды и устранение представителей сильнейшей титулованной аристократии от рычагов управления опричниной придадут опричному военному механизму особый градус верности, управляемости, инициативности.

В результате весной-осенью 1570 г. происходит вливание целого ряда способных военачальников из числа титулованной знати, притом ее «сливок», в командный состав опричнины. Среди них виднейшей персоной был именно кн. Ф. М. Трубецкой.

Федор Михайлович — выходец из весьма знатного рода, идущего от Гедимина и Ольгерда. Трубецкие служили государям московским со времен Ивана III. Они сохраняли на протяжении всего XVI столетия права на родовые вотчины в Трубчевске и даже остатки удельного суверенитета, хотя удел и был ликвидирован не позднее 1531 г. В Думе из князей Трубецких до опричнины был лишь кн. С. И. Трубецкой-Персидский, попавший туда в годы правления Елены Глинской. Крупных служебных достижений в воеводских чинах за их родом числилось немного [Зимин, 1988. С. 125, 127; Веселовский, 1963. С. 234—235; Павлов, 1992. С. 161—162]. До первой половины 60-х гг. XVI в. Федора Михайловича в разрядах не видно. Он известен лишь по «Дворовой тетради» как служилый князь [ТКДТ. С. 117]. В разрядных записях его имя появляется незадолго до опричнины. Князь Трубецкой упомянут в числе есаулов, ходивших с Иваном IV под Пороцк зимой 1562/63 г. [Баранов, 2004. С. 131]. С 7072 (1563/1564) г. на протяжении нескольких лет он сидит первым воеводой в Дедилове, то есть на пе-

реднем крае обороны южных рубежей России. Отпускают его с воеводства лишь в сентябре 1565 г. Летом 1565 г. он, как уже говорилось выше, ненадолго выходил сначала к Кашире, а затем к Калуге во главе защитной рати. На протяжении пятилетия (1565—1570) карьера Федора Михайловича складывалась в рамках земщины. Известно, например, что осенью 1567 г. он стоял первым воеводой в передовом полку «на Великих Луках», а позднее под Вязьмой расписан был «для литовских людей» первым в сторожевом полку; позднее он занимает пост первого воеводы в Туле [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 53—54; Кобрин, 1960. С. 78]. А Тула — не маленький Дедилов. Это крупный город с мощным каменным кремлем, настоящая русская цитадель и главнейший столп обороны целого региона. Оказаться на тульском воеводстве — большая честь, не сравнить с незначительным Дедиловом. Выходит, военная карьера князя Трубецкого шла быстрыми темпами. Он рос в чинах со скоростью, подобающей его происхождению. И вот летом 1568 г. князь опять оказывается во главе армии на южных рубежах. На этот раз армия состояла из трех полков [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 236]. Осенью полки Трубецкого отбивают нападение крымцев Шифира-murзы «на Одоевские места и на чернские и на белевские» [Там же. С. 238]. 1568 г. принес Федору Михайловичу и боярский чин — в земщине [Зимин, 1958. С. 74]⁴⁵.

В опричнине Федор Михайлович оказался не позднее мая 1570 г. С момента попадания в опричнину Трубецкой становится одной из крупнейших величин в вооруженных силах России. Его высочайший статус сохранится на протяжении всего царствования Ивана IV и не будет утрачен при его сыне Федоре Ивановиче (1584—1598). Фактически князь оказался одним из «столпов царства».

Итак, князь Трубецкой с самого начала занял среди опричных военачальников ведущее место. Почему именно он был избран царем для этой высокой службы, понять нетрудно. Трубецкой не располагал прочными связями со старым воеводским корпусом опричнины, а значит, был избавлен от подозрений в доброжелательстве к «новгородским изменникам». Он владел обширным военным опытом, хотя и не имел яких боевых достижений. Главное же достоинство князя — чрезвычайная знатность рода. Опричные воеводы не вылезали из местнических споров друг с другом, что заметно вредило службе, а против Федора Михайловича ни один из них не посмел бы инициировать подобного разбирательства: слишком велико было превосходство прямо-

⁴⁵ Впрочем, эта дата вызывает сомнения. По мнению других историков, боярский чин мог быть пожалован кн. Ф. М. Трубецкому и несколькими годами позднее.

го потомка Ольгерда⁴⁶. Тот факт, что кн. Ф. Трубецкой и Н. Одоевский оказались опричными воеводами, Н. П. Павлов-Сильванский связывал с возможностью установления над ними «строгого непосредственного надзора» со стороны Ивана IV [Павлов-Сильванский, 1909. С. 62]. Но это соображение осталось ничем не подкрепленным — как минимум в отношении Трубецкого.

В мае 1570 г. Трубецкой возглавляет опричный отряд, поставленный у Калуги «по вестям». Летом того же года он уже поставлен первым воеводой большого полка, т. е. «главнокомандующим» основных сил опричного корпуса, дислоцировавшихся там же. Осенью Федор Михайлович вновь под Калугой командует опричным отрядом. В походах Ивана IV 1571 и 1572 гг. князь назначается первым дворовым воеводой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 256, 261, 292; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69, 74, 81]. На исходе опричнины, не позднее октября 1571 г., князь Трубецкой получил боярский чин: об этом сообщает разряд государевой свадьбы с Марфой Собакиной: здесь, среди прочих доверенных людей, присутствует с семьей и боярин Федор Михайлович [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 286]. Падение опричнины, в противоположность судьбам многих других опричников, не разрушило его карьеру. Князь Трубецкой не перестал получать высшие армейские посты. В победоносном походе зимой 1572/73 г., когда была взята Пайда, Федор Михайлович участвовал как первый дворовый воевода. В другой победоносный поход — на ливонские города и замки, захваченные тогда во множестве, — князь вновь отправился первым дворовым воеводой (лето 1577 г.) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 89, 142]. Занимая столь высокие посты, он автоматически входил в состав высшего командования полевой армии, пребывал в составе ее штаба. И значит, делил с царем и воеводами большого полка славу этих побед. Смерть Ивана IV никак не сказалась на статусе полководца: уже в мае 1584 г. он возглавляет армию, вышедшую «на берег... для прихода крымского царя»; в январе 1586 г. Федор Михайлович отправляется первым воеводой в Новгород Великий. Он еще успел поучаствовать в Тявзинской войне — как первый воевода полка правой руки во время успешного похода на новгородские земли, отданные ранее шведам; тогда были взяты Ям и Ивангород (зима 1589/90 г.). В зимнем походе 1591/92 г. на Выборг

⁴⁶ С. О. Шмидт обратил внимание на то, что местнические дела времен опричнины после ее ликвидации оспаривались как своего рода исключение из сложившейся системы (см.: [Шмидт, 1996. С. 362]). По всей видимости, возышение кн. Ф. М. Трубецкого было одним из шагов, возвращавших систему местничества к прежнему состоянию, потревоженному в первые годы опричнины.

его расписали на аналогичный пост [Там же. С. 202, 217, 256, 288]. Последний поход князя Трубецкого состоялся весной 1593 г. — его отправили «на берег» все в той же должности первого воеводы полка правой руки. В серпуховской поход царя Бориса Федоровича (1598—1605) его не взяли, видимо по возрасту, и дали скорее почетную, нежели боевую задачу — отвечать за готовность к осаде «старого каменного города» в Москве (1598) [Там же. С. 296, 314]. Мы находим имя воеводы на первом месте в боярских списках 1588—1589 и 7098 (1589/1590) гг., он судит местнические суды, участвует в дипломатических приемах [Станиславский, 2004. С. 203, 304 (Боярские списки 1577—1607 гг.); Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 234, 235, 330]. Князь Ф. М. Трубецкой при государях Федоре Ивановиче и Борисе Федоровиче пользуется почетом, уважением и немалым влиянием. Он был придворным сторонником партии Годуновых (несмотря на некоторые размолвки с ними), и, скорее всего, этим объясняется победа рода князей Трубецких в крупном местническом деле над «кровней» — князьями Булгаковыми-Голицыными. Умер Федор Михайлович, по всей видимости, уже в преклонном возрасте, в январе или феврале 1602 г. По сведениям В. Б. Кобриня, он похоронен «в своем родовом гнезде Трубчевске» [Павлов, 1992. С. 40—41, 56, 62, 80; Кобрин, 1960. С. 78—79]. Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший в Московском государстве в конце 80-х гг. XVI столетия, перечислил главных воевод русской армии того времени; среди них и кн. Ф. М. Трубецкой. К нему относится и оценка, данная Флетчером всей четверке: «Все они знатны родом, но не отличаются никакими особенностями качествами...» [Флетчер, 1906. С. 82]. Оценка эта, думается, объективна: в данном случае Флетчер выполнял роль сборщика важных сведений, а не публициста-хулигана России. Несколько строчками ниже английский дипломат отмечает выдающиеся способности другого русского полководца — кн. Д. И. Хворостинина. Да и в самой ремарке о четырех главнейших военачальниках России он делает некоторое исключение, говоря о дарованиях кн. И. М. Глинского. Судя по фактам военной карьеры кн. Трубецкого, Флетчер был недалек от истины: за Федором Михайловичем как руководителем самостоятельных полевых соединений не числится никаких серьезных боевых успехов, как, впрочем, и поражений. Одно можно сказать точно: за несколько десятилетий честной службы этот человек побывал в качестве одного из главных воевод в трех больших успешных походах, руководил гарнизонами значительных крепостей, ни от какого неприятеля не бегал с позором. Он просто сделал на своем веку много добротной военной работы.

Изучив кадровый состав высших военачальников опричного корпуса, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, во главе опричного корпуса во всех крупных его операциях ставились представители родовитой служилой знати. К подобной службе не было допущено ни единого представителя провинциального «городового» дворянства или даже дворянства московского, но не принадлежащего к старинным боярским родам. Ни о каких «каликах», как выражался князь Андрей Курбский в отношении опричных полководцев, речи быть не может. С «каликами» тут сравнивать некого.

Во-вторых, на начальном периоде опричнины видно преобладание нетитулованной аристократии — как в высшем эшелоне опричного командования, так и уровнем ниже, среди командиров небольших самостоятельных отрядов. В значительной степени данный факт можно объяснить личным влиянием А. Д. Басманова-Плещеева, который спас Рязань от прорыва крымцев в крайне неудачном для России 1564 г. и стал ближайшим советчиком Ивана IV при формировании опричного аппарата. Это преобладание давало ему возможность продвигать близких людей на высокие должности в военной иерархии опричнины, однако весной-осенью 1570 г. — всего за несколько месяцев — оно сходит на нет. На смену опричным полководцам «первого призыва» приходит высшая титулованная знать. Она-то и составляет костяк командных кадров вплоть до расформирования опричного боевого корпуса.

В-третьих, по всей видимости, участие в триумфальном походе на Польск зимой 1562/63 г. было существенным положительным фактором для назначения на высшую командную должность в опричнине. Вероятно, это повышало степень доверия со стороны Ивана IV, который имел возможность видеть человека «в деле». Во всяком случае, среди 8 главных опричных военачальников 6 (т. е. 75 %) были расписаны в этом походе на «именные службы».

В-четвертых, наличие боевого и руководящего опыта для претендентов на высший командный пост в опричнине отступало на второй план перед иными критериями: принадлежностью к «правильному» семейственно-родственному клану и доверием государя. Из 8 названных военачальников четверо располагали явно недостаточным опытом для столь высоких и ответственных должностей: Ф. А. Басманов-Плещеев, И. Д. Колодка Плещеев, А. И. Плещеев-Очин и кн. М. Т. Черкасский. Ненамного больше опыта было у князя В. И. Телятевского. А старый боевой воевода З. И. Плещеев-Очин пришел в опричнию с репутацией человека, неоднократнобитого неприятелем. Таким образом, общая боеспособность высшего командного состава опричного корпуса оставляла желать лучшего. Мнение Р. Ю. Виппера о «талантливых выдвиженцах» Ивана Грозного не находит подтверждения на материале верхнего яруса опричной военной машины. Государь действительно,

пользуясь терминологией А. А. Зимина, «смело выдвигал новых людей», но на данном уровне выбор Ивана IV обеспечил армию военачальниками сомнительного качества.

В-пятых, большинство воевод, достигших высшего уровня служебных назначений в боевом корпусе опричнины, использовались на «военной работе» часто. И. Д. Колодка Плещеев и кн. А. П. Телятовский получали воеводские должности в опричнине по 7 раз каждый, кн. Ф. М. Трубецкой — 5 раз. Лишь З. И. и А. И. Плещеевы-Очины выступали в этой роли всего по 2—3 раза. Таким образом, «текучки кадров» на данном уровне нет, случайных людей нет.

3. Командиры самостоятельных отрядов и отдельных полков в полевых соединениях опричного корпуса

После изучения проблемы на уровне высших военачальников опричного корпуса логично спуститься уровнем ниже и проанализировать ситуацию на материале всех заметных опричных воевод — а именно тех, кто попал в список, состоящий из трех десятков персон (см. II.1), но не вышел в командующие полевым соединением. В эту группу, как уже говорилось, входят те, кто хотя бы раз занимал пост первого воеводы в полку, крепости, небольшом самостоятельном отряде или при строительстве города.

Помимо кн. М. Т. Черкасского в списке присутствуют фамилии еще трех представителей знати инородческой — это его родня князья Борис и Иван Черкасские, а также кн. Петр Тутаевич Шейдяков (из выезжей ногайской знати), крестившийся по собственному желанию [Кобрин, 1960. С. 88]. Для князей Черкасских опричнина была мимолетным эпизодом, когда высоко поднявшийся родственник смог вытащить их на воеводские посты. Не стало его — ушли из разрядов и они. Оба по одному разу появлялись в армии на излете опричнины, в 1570 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 262, 291; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69], и не сыграли, видимо, сколько-нибудь крупной роли. Петр Тутаевич вошел в опричную военную иерархию еще позже — в 1571 г. (был первым воеводой передового полка во время весеннего выступления против крымцев), участвовал как воевода также в новгородских походах 1572 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74, 77, 81], однако и он — кадр, брошенный на укрепление воеводского состава опричнины в самом конце ее существования, — очевидно, не был в ней одним из ключевых фигурантов.

Что остается?

Группа представителей родовитого старомосковского боярства. В том числе еще один человек из огромного семейства Плещеевых — Иван Иванович Плещеев-Очин, а также Василий Иванович Колычёв-Умной и Яков Федорович Волынский-Попадейкин.

Последний в опричнине не достиг больших чинов (возглавлял «кош» — обоз в 1567 г.), а в 1571 г. и вовсе неудачно действовал против крымцев. Карьера его вышла на пик к тому моменту, когда военная машина опричнины в основном была расформирована, а остатки ее стремительно рушились (конец 1571—1573 г.). В декабре 1571 г. он идет во главе сторожевого полка из Орешка к селу Лебяжьему, через несколько месяцев в новгородском походе ему вновь доверяют командовать сторожевым полком, а под 7081 (1572/1573) г. Яков Федорович расписан в разряде первым воеводой на годование в Нарву (Ругодив) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 77, 98]. В походе на Полоцк 1562—1563 гг. этот человек, кстати, участвовал — он был поставлен «от государя... на посылки» [Баранов, 2004. С. 132].

Иван — младший брат З. И. Плещеева-Очина, «ветерана» грозненских войн, — отличался не меньшим военным опытом, чем Захарий Иванович. Разряды отмечают «именные» его службы с первой половины 1550-х гг. Он добился высоких назначений задолго до опричнины: сидел наместником в Чернигове и Почапе, с начала 60-х гг. вышел на воеводские посты в крепостях и полевых соединениях. Ему пришлось неоднократно участвовать в боевых действиях — на казанском направлении и, более всего, на литовско-ливонском фронте [Веселовский, 1963. С. 227, 429; Кобрин, 1960. С. 61]. Логично было бы предположить, что для опричного боевого корпуса это был весьма ценный подарок — военачальник и администратор, неоднократно проверенный в деле. Но... логика опричного военного строительства ставила командный опыт на второй-третий план. В этом можно было убедиться на многочисленных примерах, представленных выше. С Иваном Ивановичем эта логика сыграла злую шутку: в опричнине он не обрел служебного возвышения, скорее можно говорить о... понижении статуса. В опричнине он первое время ходил в головах — несмотря на то что давно миновал этот уровень армейской иерархии. И только один-единственный раз его поставили первым воеводой небольшого отряда опричников «на Великих Луках» — в 7077 (вероятно 1569) г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 252]. Синодики казненных отмечают его гибель вместе с Захарием Ивановичем. По реконструкции Р. Г. Скрынникова, казнь Ивана Ивановича произошла в декабре 1569—январе 1570 г. [Скрынников, 1992. С. 536]. Очевидно, его «потянули» за собой более высокопоставленные опричники его же семейства — Алексей Данилович Басманов-Плещеев, обвиненный по «новгородскому делу», а также брат, Захарий Иванович Плещеев-Очин.

А вот Василий Иванович Колычёв-Умной — один из ведущих воевод опричнины. Возможно, в этом ему способствовало отдаленное родство Колычёвых с влиятельными Захарыными-Юрьевыми [Веселовский, 1963. С. 217; Зимин, 1988. С. 177—179]. Он и до опричнины уже был «в чинах» — ему «сказали окольничество», назначали воеводствовать в Михайлов, Мценск, Коломну и Торопец, доверяли посты на уровне полковых воевод [Зимин, 1958; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 73; С. 192, 197, 217; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 11, 29, 33, 37, 38]. В опричнину он попал с тем же чином окольничего, да и военные должности занимал примерно те же, что и в доопричное время. Как второй воевода сторожевого полка он появился в анналах опричного корпуса весной 1568 г. под Вязьмой, затем возглавил опричный отряд в Ржеве Владимиrowой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 229, 233]. Его командный опыт находил применение часто. Так, вторым воеводой опричного отряда он ходил в 1569 г. вместе с земским корпусом М. Я. Морозова отбивать Изборск [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58]. Однако Василий Иванович в большинстве случаев оказывался на вторых ролях. К нему как представителю семейства мятежного, когда-то поддержавшего вооруженное выступление удельного князя А. И. Старицкого, семейства, породившего изменника Б. Н. Хлызнева-Колычёва, а затем прославившегося антиопричными обличиями митрополита Филиппа (Колычёва), видимо, относились неровно: то доверяли, то лишали доверия⁴⁷. Василий Иванович в опричнине большой карьеры не сделал: кем был, тем и остался; высокие чины пошли ему уже после отмены опричных порядков — с конца 1572 г.⁴⁸ Но и в опричные годы судьба подарила Василию Ивановичу шанс на возвышение. В 1570 г. ему подчинили опричный отряд, охранявший строительство города Толшебора на Колыванской дороге вместе с земцами И. П. Яковлева. Затем этот отряд был переброшен под Ревель (Таллин) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 258; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59]. Армия, осаждавшая Таллин, располагала очень значительными силами и мощным артиллерийским арсеналом. Там собирались, помимо земцев Яковлева и опричников Умного-Колычёва, силы союзного Ивану IV ливонского короля Магнуса. Однако взять город не удалось, осаждающие вынуж-

⁴⁷ Возможно, с этим связан один странный эпизод в его жизни: в 1569 г. его расписали на высокий пост второго воеводы в большом полку опричной армии под Калугой, но затем отзвали в Александрову слободу [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59].

⁴⁸ Так, в походе Ивана IV с большой армией под Пайду (последние месяцы 1572—январь 1573 г.) Василий Иванович занимал пост второго дворового воеводы [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 89].

дены были отступить. Хотя разнужданные подчиненные Василия Ивановича несут значительную часть вины за неудачу, он избежал серьезного наказания и лишь скатился до прежнего положения второго воеводы в сторожевом полку (1572) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 308; Чумakov, 1891. С. 29; Володихин, 2006, С. 88—89]⁴⁹. Отчасти, видимо, карьерный рост Василия Ивановича поддерживался за счет протекции, которую ему мог оказать старший брат, Федор Иванович. Этот последний был крупным политическим деятелем грозненского царствования. С конца 50-х гг. XVI в. окольничий, с 1562 г. боярин [Зимин, 1958. С. 68], он обладал высоким доверием царя — вел по его поручению важнейшие переговоры, перешел с боярским чином в опричнину. Но, видимо, это доверие было утрачено в конце 60-х гг. А. Шлихтинг сообщает, что на Ф. И. Колычёва-Умного однажды обрушилась тяжелая опала: после пира в Александровской слободе его со всей свитой ограбили и раздели догола опричники, пустив по морозу в таком виде добираться до Москвы; кроме того, в 1571/1572 гг. Федор Иванович проиграл местническое дело В. Б. Сабурову и был выдан ему головой [Шлихтинг, 1934; Кобрин, 1960. С. 43—45]. Очевидно, его влияние при дворе испарилось. Дальше Василий Иванович продвигался сам, притом довольно успешно — до того, как подвергся казни в 1575 г.

Почти вся высокородная титулованная аристократия попала в опричную военную иерархию во время или после большой кадровой перестановки весны-осени 1570 г. Об этом уже говорилось выше. Князь Ф. М. Трубецкой был самым заметным в целой группе весьма знатных военачальников, переведенных в опричнину. Возвращаясь к вопросу о причинах оного «вливания» в командный состав опричного корпуса, хотелось бы подчеркнуть: в 1569—1570 гг. из числа опричных воевод ушло несколько очень значительных фигур: кн. А. П. Телятовский, как уже говорилось, странным образом «разболелся и умер», Плещеевы подверглись казням и ссылкам, князья Вяземские попали в опалу. Требовалось пополнение. А разочарование Ивана IV в организаторах ранней опричнины из старомосковских боярских родов не способствовало рекрутированию этого пополнения из их среды.

Так, например, в опричную военную иерархию пришел князь Семен Данилович Пронский. В 7079 (осень 1570) г. «на Сенькине перевозе» он возглавлял самостоятельный отряд из состава опричного корпуса, а весной 1572 г. удостоился назначения в Юрьев-Ливонский — первым воеводой, иными словами, начальником гарнизона [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 272, 305]. Эти назначения свидетель-

⁴⁹ Кстати, земского воеводу И. П. Яковлева за поражение под Ревелем казнили.

ствуют о доверии, которое оказывал Семену Даниловичу царь. Более того, с конца 1571—января 1572 г. князь фигурирует в разрядах как опричный боярин и даже рассуживает местнические конфликты с участием видных опричников [Там же. С. 292, 295, 302].

Казалось бы, менее пригодную фигуру для усиления опричных кадров отыскать трудно. Семен Данилович происходил из высокородных Рюриковичей Рязанского княжеского дома, хотя и вышел из младшей ветви. Когда-то Пронское княжество даже именовалось «великим», хотя и подчинялось Рязани. Князья Пронские служили Москве, очевидно, со времен Ивана III Великого (С. Б. Веселовский, правда, считал, что их переход к московским государям произошел не ранее правления Василия III), и это семейство традиционно получало боярские чины, воеводские и наместнические должности. Отдельные его представители связаны были службой и брачными отношениями с князьями Старицкими, репрессированными во времена опричнины, мало того, двое родственников Семена Даниловича — кн. И. И. Пронский и В. Ф. Рыбин-Пронский — также лишились жизни в опричное время [Зимин, 1988. С. 116—117; Кобрин, 1960. С. 67; Веселовский, 1963. С. 229]⁵⁰. А опричнина изначально была в кадровом смысле отдалена от «княжат», не забывших еще порядков «благословенной» удельной старины.

Но все эти соображения имеют силу лишь для периода ранней опричнины, теперь же ситуация резко изменилась.

В. Б. Кобрин считал, что князья Пронские предали Старицких. В частности, по его мнению, «мотивы привлечения в состав опричного корпуса кн. П. Д. Пронского⁵¹ сомнений не вызывают. Царь, назначая его наместником в Новгород, должен был иметь какие-то неопровергимые доказательства того, что он, хотя и родственник и бывший боярин Владимира Андреевича [Старицкого], но не только не сообщник, а враг его. Этим доказательством могло быть активное участие в расправе над Владимиром Андреевичем» [Кобрин, 1960. С. 67]. Р. Г. Скрынников высказался по поводу этой гипотезы с оправданным скепсисом: «Предположение В. Б. Кобрина насчет предательства старицкими службами бывшего сюзерена не подкреплено фактами» [Скрынников, 1992. С. 436]. Правда, сам Руслан Григорьевич предложил хотя и остроумную, но спорную интерпретацию тех событий. С его точки зрения, «появление родственников удельного князя и его виднейших вассалов

⁵⁰ Точка зрения С. Б. Веселовского потому вызывает сомнения, что уже при Василии III Пронские (например князья Федор и Юрий Дмитриевичи) получали боярские чины, а для первого поколения служильцев-княжат это весьма редкий случай, обычно в Думу проходили сыновья или даже внуки тех, кто когда-то перешел на службу к великим князьям московским.

⁵¹ Кн. П. Д. Пронский — брат кн. С. Д. Пронского.

на опричной службе было связано с... падением старого опричного руководства и приближением ко двору тех, кто более всего пострадал от рук опричнины. Казнив Басманова, Вяземского и многих других учредителей опричного режима, Грозный пытался убедить страну, что именно эти люди, а не он сам повинны в кровавом терроре» [Там же. С. 436—437].

Причины включения князей Пронских (и — в то же время — бывшего старицкого дворецкого кн. А. П. Хованского) в состав опричного двора могут быть гораздо более прозаичными. Какие-то романтические истории о великом предательстве «сюзерена» «вассалами» или масштабные «идеологические кампании» государя Ивана Васильевича тут, по всей видимости, ни при чем. Опричный корпус требовал пополнения хорошими, опытными командирами. Дом Старицких пал. Близкие когда-то к семейству Старицких люди перестали представлять реальную угрозу, поскольку потеряли потенциального вождя. Они обладали необходимым опытом. Возможно, их просто привлекли к службе на том участке, где это требовалось в наибольшей мере.

Как военачальник Семен Данилович обладал определенной ценностью. Он впервые получил пост воеводы «для посылок» в большом походе русской армии, когда был взят Феллин (1560), а во время зимнего похода 1562/63 г. на Полоцк числился в есаулах [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 223; Баранов, 2004. С. 131]. При начале опричнины, в 7072—7073 (1563/1564—1564/1565) гг. князь занимал пост воеводы в Торопце, оставаясь, как видно, в земщине [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 24]. И до 1570 г. его на опричных службах не видно. Позднее же он пригодился.

Семен Данилович благополучно пережил опричнину и скончался лишь в 1584 г. В промежутке от расформирования опричнины до 1580 г. он был одним из самых «востребованных» военачальников Московского государства. Его постоянно, из года в год, ставили на воеводские должности. Семен Данилович участвовал в ряде победоносных походов. Он возглавлял полки, гарнизоны крупных крепостей (до Полоцка включительно) и даже самостоятельные полевые соединения [Там же. С. 89, 94—96, 101, 108, 109, 116, 121, 125, 127, 146, 156, 163, 169, 172—174]. Собственно, он занял одно из главных мест в высшем эшелоне российской военной элиты постопричного периода. Иными словами, за ним, очевидно, признавали большие способности к военному командованию. Каковые, впрочем, могли проявиться еще до опричного периода.

Как уже говорилось, Старицким служил когда-то [Кобрин, 1960. С. 82—83] и другой опричный воевода — князь Андрей Петрович Хованский.

Службу в опричнине Андрей Петрович начинал очень скромно — для своего социального уровня. В 7079 (осень 1570) г. князь был вторым воеводой в полку правой руки на «береговой службе» опричного корпуса под Тарусой [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69]. В 1572 г. при первом выходе общерусской опрично-земской армии «на берег», а затем при отражении Девлет-Гирея у деревни Молоди князь возглавлял передовой полк [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 85; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 308, 315]. Это свидетельствовало бы о высокой оценке его командирских способностей — ведь речь шла ни много ни мало о судьбе Московского государства... Однако Хованского подстраховывал столь блистательный военачальник, как Дмитрий Иванович Хворостинин⁵²; источники рисуют его роль в битве намного более значимой, нежели роль его прямого начальника Хованского. В подробном отчете о битве, помещенном в государственном разряде, Андрей Петрович еще назван. Там, в частности, сказано:

...Передовова полку воеводы князь Ондрей Хованской да князь Дмитрий Хворостинин пришли на крымской сторожевой полк, а в сторожевом полку было два царевича. И учали дело делати у Воскресенья на Молодех и домчали крымских людей до царева⁵³ полку. И царевичи прибежали и учали царю говорити, что к Москве идти не по што: московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же. И царь крымской послал ногайских и крымских татар двенадцать тысяч, и царевичи с татарами передовой государев полк мчали до большово полку до гуляя города. А как пробежали гуляй город вправо, и в те поры боярин князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи велели стрелять по татарским полком изо всего наряду; и на том бою многих татар побили. И крымской царь от того убоялся, к Москве не пошол... [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 312].

Но после этой сшибки передовых отрядов князь Хованский не упоминается как участник сражения. Дальше видны действия лишь его подчиненного — Хворостинина, наряду с Воротынским решавшего основные боевые задачи [Там же. С. 314]. Лишь после того как завершились главные эпизоды молодинской оборонительной операции, Андрей Петрович вновь появляется — в качестве командующего русским заслоном, оставленным у Оки на тот случай, если крымцы вздумают вернуться [Там же. С. 316]. Что произошло? Почему после начального этапа битвы Андрей Петрович исчез из разрядного отчета? Почему его заменил Хворостинин? Можно предполагать одно из двух. Либо князь Хованский получил ранение, — но уж очень быстро он вернулся в строй. Либо, что более вероятно, главнокомандующий,

⁵² О кн. Д. И. Хворостинине подробнее см. ниже.

⁵³ В данном случае царем назван крымский хан Девлет-Гирей.

князь М. И. Воротынский, в большей степени доверял способностям исключительно опытного и ярко одаренного полководца — Хворости-нина, а за Хованским подобных способностей не признавал, вот после первого боя и оставил для Андрея Петровича роль статиста. Ко второму варианту подталкивает исключительно интересная трактовка событий у деревни Молоди, содержащаяся в небольшом Соловецком летописце. Летописное повествование весьма сходно с разрядным, но отличается от него рядом живых деталей; автор Летописца, старец Петр Ловушка (Ловушкин), был тогда в Новгороде у Ивана IV вместе с соловецким настоятелем Варлаамом и мог черпать самые свежие новости из известий, приходивших тогда в Новгород с южного фронта [Корецкий, 1981. С. 226—228]⁵⁴. По его сведениям, Хованский вообще незамечен на поле боя, включая и первый эпизод сражения. Вместо него везде действует младший воевода передового полка Хворости-нин... [Корецкий, 1981. С. 238]. Все это, конечно, характеризует Андрея Петровича как военачальника не лучшим образом. И его военная деятельность в рамках опричнины выглядит скромной и малозаметной.

Почему это произошло?

Андрей Петрович — отпрыск весьма знатного рода, восходящего к Патрикию Наримонтовичу, князю Гедиминовичу, выехавшему из Литвы на службу Василию I в 1408 г. Во второй половине XV—первой половине XVI в. князья Хованские в основном служили при удельных дворах, поэтому, несмотря на столь высокий уровень знатности, при дворе великокняжеском на высшие должности претендовать не могли. Дочь кн. А. Ф. Хованского Ефросинья вышла замуж за удельного князя Андрея Ивановича Старицкого [Зимин, 1988. С. 29—30; Веселовский, 1963. С. 166]. Но посты и чины, которые являлись пределом мечтаний для простого провинциального дворянства и оставались труднодостижимыми даже для средней массы московских родовитых служилых людей по отечеству, Хованским все-таки доставались — по праву крови.

Андрей Петрович, пребывая на службе у Старицких, был незамечен для московских разрядов. В них зафиксированы лишь те его назначения, которые относились к общегосударственным, а не удельным делам. Впервые он отмечен, таким образом, лишь под 1560 г. — в списке большой русской армии, наступавшей на Феллин. Тут он фигури-

⁵⁴ Версия об авторстве Петра Ловушки в отношении Соловецкого летописца не является единственной и общепринятой. Существует мнение, согласно которому «одним из организаторов летописного дела в монастыре» и даже, возможно, создателем соловецкого летописания мог быть игумен Иаков [Дмитриева, 1989. С. 25]. Однако версия В. И. Корецкого представляется более обоснованной.

рут как «княж Володимеров Ондреевича дворецкой и воевода», очевидно, возглавлявший небольшой отряд, добавленный к полку правой руки [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 222]. Должность эта — малозаметная и не дававшая, к тому же, простора для самостоятельных действий. В 1563 г. Иван IV постриг в опале и послал на Белоозеро кн. Ефросинью, а служилую знать двора Старицких взял на московскую службу [Веселовский, 1963. С. 236]. Тогда от Старицких перешли и князья Пронские, и князья Хованские — задолго, надо подчеркнуть, до истребления семейства Старицких в опричнице. Московские разряды показывают: в апреле 1564 г. Андрей Петрович был расписан первым воеводой в Брянск, откуда вскоре был передвинут под Калугу, в сторожевой полк армии, поставленной там на «береговую службу»; позднее в той же рати он перешел с отрядом в передовой полк — с положения первого воеводы на положение второго, т. е. с понижением; октябрь того же года застал его вторым воеводой в составе небольшого разведывательного отряда, отправленного за Оку; позднее Андрей Петрович воеводствовал в маленьком Дорогобуже, а затем, летом 1565 г., вновь вышел на «береговую службу» во главе сторожевого полка, чтобы немного позднее перейти на ту же должность в другой большой армии [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 246—248, 251, 262—263].

Итак, боевой опыт Андрея Петровича невелик, но все же более значителен, чем у кн. С. Д. Пронского. Его карьерный потолок в армии — командование сторожевым полком. Формально назначения Хованского в опричнице несколько выше доопричных: командование передовым полком (в иерархии воеводских чинов глава этого полка был незначительно «честию выше» командующего сторожевым полком), а затем пребывание во главе смешанного земско-опричного соединения, пусть и недолгое время, да и после того, как основная боевая задача была уже решена. Но служебного взлета не получилось. Об этом можно судить по более поздним назначениям князя. Через несколько месяцев после битвы у деревни Молоди Иван IV отправил большую рать «в Казань на изменников на казанских людей на луговую черемису». В ней кн. А. П. Хованский был первым воеводой полка левой руки [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 87—88], т. е. ниже, чем в ходе молодинских событий. Весной 1573 г. Хованский оказывается в той же должности в Кашире, и лишь из-за того, что несколько более значительных воевод оказались в монаршей опале, он в конце концов передвигается на место первого воеводы передового полка, но осенью, в другом соединении, стоявшем в Муроме, князь опять скатывается в первые воеводы полка левой руки, да еще и подвергается оскорбительному местническому обвинению [Там же. С. 95—96, 102—103]. Эта же должность достается Андрею Петровичу в 1574 и

1575 гг., причем в последнем случае он пытался передвинуться повыше за счет местнического конфликта, но Иван IV решил, что «в левой руке ему бытии пригоже» [Там же. С. 108, 112—113]. На протяжении нескольких последующих лет князь оставался примерно на том же уровне и подняться выше так и не смог⁵⁵. Финал военной карьеры князя Хованского печален: она завершилась почти унизительным назначением первым воеводой в маленькую крепость Куконос (1577/1578 г.) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 153]. Совершенно ясно, что Хованского невысоко ценили как полководца.

Не связано ли должностное понижение и «застревание» с общей судьбой прежних опричных воевод? Подобная гипотеза не имеет под собой достаточных оснований. Худородным опричникам действительно после отмены опричных порядков стало трудно конкурировать со знатью, особенно при военных назначениях: в этой сфере местнические счеты рассматривались с особым тщанием. Но Андрей Петрович Хованский, титулованный Гедиминовичем, сам мог успешно тягаться в родовитости с высшими аристократическими семействами Московского государства.

Больше оснований предполагать, что действия Андрея Петровича в ходе молодинской битвы были оценены негативно: вероятно, он не проявил столько энергии и искусства, как его подчиненный кн. Д. И. Хворостинин. В дальнейшем ему не удалось показать способностей, которые исправили бы это впечатление. Средний военачальник на ролях второго плана, он не сыграл видной роли в опричнине и претерпел понижение в чинах после нее.

Князь Василий Иванович Барбашин (в других написаниях Борбашин или Барбошин) в 1570 г. ходил «в прибавку по вестям» из опричнины воеводой самостоятельного отряда на Хотуну. Осенью того же года он возглавлял передовой полк опричного корпуса во время его боевого выхода на «береговую службу» к Тарусе [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 63, 69].

Барбашины принадлежали к числу знатнейших родов Московского государства, происходя от древних суздальских князей. Шуйские были близкой родней Барбашинам, — и то и другое семейства восходили к одному корню. Правда, Барбашины относились к одной из младших ветвей, но в разрядах они регулярно присутствуют с конца XV в. С. Б. Веселовский охарактеризовал их положение нелестным образом. По его мнению, «Барбошины были самой слабой линией рода суздаль-

⁵⁵ Лишь раз, в 1575 г., ему доверили передовой полк, но только «после отпуска больших воевод», т. е. в ситуации относительной безопасности — как после молодинской битвы его ставили в таких же обстоятельствах во главе целого соединения [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 118].

ских князей — ни один из потомков Ивана Барбоши (барбоша — бесполковый болтун) не был в думных чинах» [Веселовский, 1963. С. 161; Зимин, 1988. С. 68—69, 72—73]. Однако в военной иерархии положение Василия Ивановича было ничуть не ниже, чем у тех же С. Д. Пронского и А. П. Хованского. «Именные» назначения князь получает с 1554 г. (поход под Астрахань) [Лебедевская летопись. С. 229; *Милюков*. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 166]. Впоследствии он обретает репутацию искусного и смелого полководца на ливонском театре военных действий. Летопись рассказывает о двух успешных боевых эпизодах с его участием. В январе 1558 г. от «царя Щигалея» и прочих «начальных людей» российской армии, действовавшей в Ливонии, Ивану IV пришло донесение о рейде по территории западного соседа. В ходе этого рейда от основных сил был отделен отряд во главе с кн. В. И. Барбашином, кн. Ю. П. Репниным и Д. Ф. Адашевым, усиленный группировкой из служилых татар и «пятигорских черкас». Люди Барбашина «воевали десять ден, а пришли на сидячие люди»⁵⁶. А у Нового городка и у Керекепи города и у городка Ялыста да у городка у Курслова да у Бабия городка посады пожгли и людей побили многих и полону бесчисленно множество поимали. А война их была подле Литовской рубеж, вдоль на полтораста верст, а поперег на сто верст. А сошлися с царем и с воеводами под Юрьевом дал Бог здоровово» [Лебедевская летопись. С. 261]. 17 августа 1560 г. кн. И. Ф. Мстиславский, главнокомандующий русской армией в Ливонии, сообщал Ивану IV среди прочего следующее: из Юрьева к Феллину был отправлен «в головах» кн. В. И. Барбашин, и «князя Василия встретили не дошед Вилияна (Феллина. — Д. В.) маистровы воеводы ламмакшалка (ландмаршала. — Д. В.) с товарыщи, а с ним же все собрание немецких людей Ливонские земли. И князь Василий тех людей всех побил и воевод немецких ламмакшалка с товарыщи пять человек... живых взяли и к ним прислали больших людей, да побив тех людей, шед, в городе Велиане маистра старого Велимъ Ферштенбериха со всеми людьми в осаде осадили». Таким образом, князь Барбашин с малыми силами добился серьезного тактического успеха [Лебедевская летопись. С. 289]⁵⁷. В 1558 г. Василий Иванович все еще ходил в головах, но уже в 1560-м он — «воевода... для посылок» в большой армии кн. И. Ф. Мстиславского, действовавшей под Феллином, и даже возглавляет небольшое

⁵⁶ То есть нагрянули на неприятеля неожиданно, не дав снарядиться для боя и сесть на коней.

⁵⁷ См. также об этом сражении: [Форстен, 1893. С. 110]. Сумбурное описание битвы на подступах к Феллину оставил также князь А. М. Курбский, правда, так и не упомянувший вождя победителей, кн. В. И. Барбашина [Курбский, 1986. С. 302—303].

передовое соединение, прибывшее к городу прежде основных сил [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 198, 223—224]. В 1562 г. Барбашин воеводствует в Пронске, а в 7071 (очевидно 1563) г. возглавляет сторожевой полк в рати «на берегу» под Тулой, в 1564 г. отправляется воеводой в Астрахань [Там же. С. 239—241, 254]. Князь принимал участие в зимнем 1562/63 г. походе на Полоцк в качестве есаула и головы, поставленного во главе отряда из 200 служилых людей по отечеству и осуществлявшего охранную службу; он же в этом походе разбирал обозные заторы, а позднее был выставлен со своими бойцами на передовые позиции; когда город был взят, Барбашин получил распоряжение охранять пленников [Баранов, 2004. С. 131, 133, 135, 136, 138—143]. Его ставили на места, требовавшие храброго, распорядительного и ответственного человека. И высокие воеводские назначения, последовавшие за «Полоцким взятием» (например, воеводство в богатой Астрахани), показывают: Василий Иванович со сложными задачами справился успешно, он завоевал расположение царя. Тем не менее после учреждения опричнины Василий Иванович оказывается среди воевод земчины, во всяком случае, до весны 1567 г., когда он командует полком левой руки в земской армии, развернутой под Коломной «для приходу крымского царя» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 47]. Очевидно, переходу в опричнину при самом ее начале помешало происхождение Барбашина: первые годы в иерархию опричного боевого корпуса старались не допускать высокородных «княжат»; вот и для него не стали делать исключения. Когда стала возможной и даже необходимой обширная «ротация кадров», в том числе привлечение опытных воевод из высшей титулованной знати, о нем вспомнили.

Из перечня служебных назначений Василия Ивановича видно: его переход в опричнину не дал ему каких-либо карьерных перспектив, разве что крайне незначительное повышение в должностном статусе⁵⁸. По неизвестным причинам в дальнейшем (после 1570 г.) кн. В. И. Барбашин исчезает из разрядных списков. Более никаких служб за ним не числится, неизвестно также о малейших намеках на монаршую опалу. В синодиках репрессированных его имени нет. Возможно, Василий Иванович скончался от естественных причин или погиб на поле боя.

Князь Никита Романович Одоевский принадлежал к одной из старших ветвей Черниговского княжеского дома, восходящего к Михаилу Всеvolодовичу. Это очень крупная фигура в русской политической и военной истории XVI в. — значительно более заметная, нежели кн. С. Д. Пронский, кн. В. И. Барбашин и кн. А. П. Хованский. Из ари-

⁵⁸ Воевода передового полка в опричнине вместо воеводы полка левой руки в земщине.

стократического «подкрепления», пришедшего в опричнину в 1570 г., его можно сравнивать лишь с кн. Ф. М. Трубецким. Князья Одоевские служили московским государям со времен Ивана III Великого и традиционно стояли в военной иерархии весьма высоко. Более того, они сохраняли некоторые права на старинную родовую вотчину, оставшуюся за ними еще с удельных времен, — часть Одоева. И Никита Романович до самой смерти своей прав этих не утратил. Положение князей Одоевских осложнялось в середине XVI в. тем, что удельный князь Владимир Андреевич Старицкий был женат на сестре кн. Н. Р. Одоевского [Веселовский, 1963. С. 222; Зимин, 1988. С. 130, 133—135].

Карьера Н. Р. Одоевского в опричнине была короткой. Появился он в опричной военной иерархии тогда же, когда и прочие служилые аристократы, связанные прежде с князьями Старицкими. Первый раз разряды упоминают его на опричной службе в Тарусе осенью 1570 г., в качестве первого воеводы полка правой руки. В зимние месяцы 1571/72 г. он упомянут как участник похода Ивана IV к Новгороду. Никита Романович занимал несуразно низкую должность второго воеводы в сторожевом полку. Правда, возглавлял полк сам кн. И. Ф. Мстиславский, прежний «столп царства», попавший в опалу после разгрома Москвы Девлет-Гиреем в 1571 г. А третьим воеводой в том же полку был поставлен кн. Д. И. Хворостинин, выдающийся полководец, также претерпевший понижение в чинах после московской катастрофы. Пребывание на значительно более низком посту, чем раньше, к тому же между двумя «штрафниками», заставляет предположить монаршую опалу в отношении Одоевского. Однако это предположение пока должно оставаться на правах гипотезы, поскольку подтвердить его нечем [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69, 77]. Удачно действовал Никита Романович в ходе оборонительной операции у деревни Молоди летом 1572 г. Его вновь поставили первым воеводой полка правой руки, т. е. с очевидным служебным повышением. Князь отражал один из первых ударов Девлет-Гирея, рвавшегося к Москве. Удар этот был столь силен, что второй воевода, Ф. В. Шерemetев, бежал с поля боя, бросив саадак. Разряд подчеркивает тот факт, что князь Одоевский остался и сражался с крымцами без помощника: «...а дело было Миките одному» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 308, 315; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 85—86].

Как и для других титулованных аристократов из родов высшей знати, направленных на укрепление военной машины опричнины в 1570 г., пребывание на воеводских должностях в опричном корпусе не было для Никиты Романовича служебным приобретением. В доопричные времена никакие «именные» службы князя Одоевского неизвестны. Разряды фиксируют его появление в вооруженных силах России

лишь с сентября 1565 г., в земщине. Он получил тогда назначение первым воеводой в Дедилов [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 264—265]. В 7075 (1566/1567) г. его перебросили воеводой в Почеп, а на следующий год — в Донков [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 48—56]. Ничто не говорит о переходе Никиты Романовича из земщины в опричнину до 1570 г. О его боевом опыте на основе трех доопричных воеводских назначений решительно нельзя сказать ничего определенного. Никиту Романовича ставили во главе крепостных гарнизонов на опасном (угроза исходила от крымского хана) направлении. Это не Вятка, не Кострома, не Торжок и не Холмогоры, где в ту пору можно было воеводствовать десятилетиями, не зная военной грозы. Следовательно, князю доверяли, несмотря на его близкородственные отношения с домом Старицких. Но сколь удачно он проявил себя в деле — неизвестно. Очевидно, как минимум ничего не провалил, иначе не возглавлял бы впоследствии полков в опричнине. Что же касается опыта чисто управленческого, то им Никита Романович должен был располагать по определению, как удельный князь, а следовательно, администратор обширной территории.

Как уже отмечалось, князь Одоевский удачно проявил себя в молодинской битве в 1572 г. О царском благоволении в отношении Никиты Романовича говорит назначение, которое он получил через несколько месяцев после молодинской баталии. Его поставили первым воеводой в крупной (пятиполкового состава) армии, отправленной на усмирение черемисских бунтов в казанской земле. Разряды впервые упоминают его с боярским титулом, полученным в опричнине [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 87]. Таким образом, после молодинских событий князь Одоевский поднялся на более высокий служебный уровень — его воеводскую «работу» оценили по достоинству.

Но уже весной 1573 г. Никита Романович был отзван из действующей армии, с «береговой службы», подвергся пыткам и скончался⁵⁹. Загадочными и страшными обстоятельствами первого постопричного года являются пытки и казнь героев молодинской битвы: кн. Никиты Романовича Одоевского, а также кн. Михаила Ивановича Воротынского и видного воеводы Михаила Яковлевича Морозова, ушедших из жизни в одно время. С. Б. Веселовский полагал, что они пострадали за какую-то «служебную провинность» [Веселовский,

⁵⁹ Кн. Одоевский возглавлял тогда полк правой руки, стоявший под Тарусой. О том, что с ним произошло, разряд сообщает весьма кратко: «И царь и великий князь положил опалу на бояр своих и на воевод на князя Михаила Ивановича Воротынского, да на князь Микиту Романовича Одоевского, да на Михаила Яковлевича Морозова, велел их казнить смертною казнью» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 95, 96].

1963. С. 370, 422]. Р. Г. Скрынников считает, что царь хотел показать тремя казнями «самых авторитетных вождей думы»: возврата к доопричным временам не будет, т. е. неограниченная личная власть, полученная им в опричные годы, впредь сохранится [Скрынников, 2002. С. 340—342]. Высказывались также иные версии, например, Ивана IV подозревали в желании заполучить в свое распоряжение крупные земельные владения трех пострадавших воевод, что как будто подкрепляется сомнительным свидетельством из «Истории о великом князе Московском» кн. А. М. Курбского:

...Тогда еще князья эти (Воротынский и Одоевский. — Д. В.) сидели на своих уделах и имели под собой большие вотчины, а с них, почитай, по несколько тысяч воинов были их слугами, а он (Иван IV. — Д. В.) им, князьям, завидовал и потому их губил [Курбский, 1986. С. 338—339]⁶⁰.

Но эта гипотеза никак не объясняет, для чего тогда потребовалось царю пытать и казнить этих людей? Неужели нельзя было отобрать землю, а с нею служилых людей, наложив опалу? Прежде Иван Васильевич уже проделывал такие вещи, в том числе и с тем же кн. М. И. Воротынским, которому впоследствии вернули часть его владений. В специальной исследовательской, а более того в научно-популярной и публицистической литературе неоднократно высказывалось предположение, согласно которому Иван IV опасался растущего авторитета Воротынского. Тогда при чем здесь Одоевский и Морозов, не имевшие славы великих полководцев? Вероятно, опалы и казни не связаны друг с другом: воеводы были наказаны за разные провинности, даже, возможно, совершенные в разных походах (против восставших казанцев — «lugовой черемисы» — ходил, как уже говорилось, первым воеводой Одоевский, Морозов был под Пайдой, а Воротынский — на юге); просто в указе о наложении опалы эти три человека были поставлены рядом. А может быть, Иван Васильевич хотел самым жестоким образом показать, что крымцев и черемисы ему нет оснований опасаться и с ними он справится без прежних героев? Источники, к сожалению, в данном случае не позволяют дать однозначный и твердый ответ.

Князь Василий Иванович Темкин — выходец из огромного и весьма разветвленного дома князей ростовских — Рюриковичей, сильно пострадавшего в годы опричнины; подробные сведения о потерях, по-

⁶⁰ Курбский к 1573 г. уже девять лет пребывал в Литве, и соображения его о причинах опалы на Воротынского, Одоевского и Морозова либо могли иметь чисто гипотетический характер, либо — в лучшем случае! — основывались на слухах.

несенных различными ветвями князей ростовских, собрал С. Б. Веселовский [Веселовский, 1963. С. 433—435]. Тем не менее его личная судьба дает яркий образец опричника-кардинала, строящего карьеру на выполнении наиболее жестоких поручений монарха. В опричнике он был одной из центральных фигур и оставил заметный, хотя и негативный след в ее военной истории, поэтому его судьба заслуживает самого пристального внимания.

Род князей Темкиных идет от Ивана Ивановича Темки, видного военного деятеля и администратора в первые годы правления Василия III⁶¹. Он погиб под Оршей в 1514 г. Ростовские князья занимали в Боярской думе середины XVI в. выдающееся положение, им доставались богатейшие наместничества — Псковское, Новгородское, Смоленское и др. Старший брат Василия Ивановича Темкина, князь Юрий Иванович, имел чин боярина. По словам А. А. Зимина, «отстраняя князят от участия в центральном управлении (особенно в первый период княжения), Василий III вынужден был в связи со слабостью центрального государственного аппарата передать в их руки распоряжение армией и властью на местах. Так постепенно ростовские и сузdalьские князя укрепили свои политические позиции в стране с благословения самого правительства... Шуйские, Горбатые и Ростовские были не тенями прошлого, а обладателями значительной власти в крупнейших русских городах и районах страны» [Зимин, 1988. С. 78, 81—83; Веселовский, 1963. С. 435]. К этому необходимо добавить еще одно соображение, подтверждающее и усиливающее выводы А. А. Зимина: представители этих семейств, наряду со служилыми князьями Гедиминовичами в середине XVI столетия занимали исключительно высокое положение в армейской иерархии.

Итак, кн. В. И. Темкин по рождению своему принадлежал к числу высших аристократов Московского государства и мог претендовать на высшие посты в командном составе вооруженных сил.

Соответственно, разряды показывают, что первые его «именные» назначения уже обеспечили князя весьма высоким уровнем служебного положения. Впервые он появляется в разрядах как воевода «на Рязани... за городом» весной 1540 г., затем уже как рязанский наместник — в июне 1543 г., а в июле 1544 г. — опять как «воевода за городом» у той же Рязани [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 284; Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 117, 120]. Между 1544 и 1555 гг. князь В. И. Темкин-Ростовский перешел из службы московскому государю на службу в Старицкий удел. В апреле 1555 г. Василий Иванович участвует в торжествах по поводу свадьбы

⁶¹ В старшинстве многочисленных ветвей Ростовского княжеского дома Темкины занимают среднее положение.

кн. Владимира Андреевича Старицкого и кн. Авдотьи Романовны Одоевской; свадебный разряд называет его боярином в Старицком уделе [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 8]. Соответственно, из московских разрядов имя его надолго ушло, а разряды удельные не сохранились, поэтому неизвестно, что именно поручал князю Владимир Андреевич Старицкий. Известно лишь, что весной летом 1559 г. Василия Ивановича возможно (!) посыпали из Старицкого удела на «береговую службу» под Каширу [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 48]. Нет сведений об участии кн. В. И. Темкина-Ростовского в боевых действиях; командный опыт у него, несомненно, был, но имелся ли опыт службы в полевых соединениях, т. е. в действующих армиях, сказать трудно. Вся информация о присутствии Василия Ивановича в зоне боевых действий ограничивается тем, что он где-то между второй половиной 1559 и началом 1567 г. попал к литовцам в плен. Об этом можно со всей определенностью судить по летописному известию от 5 июля 1567 г.:

Отпустил царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии в Литву Полоцково воеводу Станислава Станиславовича Довоина на обмену на князя Василья на Темкина, да ко князю Василью принять по государеву приказу на Довоине 10 000 угорских золотых. А на розъмену государь посыпал от себя князя Ивана Тевекелевича да дьяка Осифа Ильина, а для береженья посыпаны на рубеж на Смоленскони Василеи Колычёв да Михаило Кумбулов со многими людьми» [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 355].

Особого внимания заслуживает тот факт, что для осуществления процедуры обмена пленниками были отряжены крупные, хорошо известные исследователям служильцы опричного двора Ивана IV. Следовательно, либо Василий Иванович уже пребывал в опричнине до плена, либо сразу же после возвращения из Литвы его планировалось определить на службу в составе опричного двора. За какие заслуги — неизвестно. Если бы он участвовал в зимнем походе 1562/63 г. на Полоцк, можно было бы предполагать, что князь, как и многие другие будущие видные военачальники опричнины, хорошо зарекомендовал себя перед Иваном IV в деле. Но подробнейшая разрядная документация похода и обширная летописная повесть о «Полоцком взятии» не упоминают его в числе участников боевых действий той кампании. А для ранней опричнины это «кадр» сомнительной ценности: из родовитых княжат, да еще из семейства, попавшего под удар опричных репрессий, т. е. подозрительного в смысле лояльности к Ивану IV⁶². Одно из двух: либо Василий Иванович оказал царю какие-

⁶² Впрочем, время казней большинства князей Ростовских, пострадавших в опричнину, либо неизвестно, либо дискуссионно. Существует предположе-

то выдающиеся услуги, суть которых до наших дней не донесли источники, либо, как предположил В. Б. Кобрин, будучи выкуплен государем, князь терял всякую связь с домом Старицких и за «полонное терпение» был принят в опричнину [Кобрин, 1960. С. 77]. Впрочем, двор Старицких был распущен намного раньше, и какая у кн. В. И. Темкина-Ростовского могла к 1567 г. остаться «связь» с несуществующим удельным двором, остается неясным. Иными словами, пока наиболее рациональным объяснением прихода Василия Ивановича в опричнину остается «компенсация» за «полонное терпение».

Опричная карьера Василия Ивановича содержит один факт исключительной важности: между попаданием князя в состав опричного двора и первым его воеводским назначением в опричном боевом корпусе виден большой хронологический зазор. Вернулся в Россию и поступил на опричную службу он летом 1567 г. А когда князь Темкин проявился с «именным назначением» в опричных войсках? Лишь через три года. В мае-июне 1570 г. перед выходом большой армии «на берег» из Москвы был отправлен небольшой передовой отряд из опричнин — «дожидатись... государева походу». Первым воеводой этой авангардной группы был поставлен Василий Иванович [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 63]. Фактически, Темкин должен был играть роль глаз и ушей Ивана IV перед боевым выходом основных сил России на юг, в условиях, когда реальной стала угроза масштабного нападения крымцев. Эта угроза реализуется в 1571 и 1572 гг. Предметом особых опасений царя могла стать преданность собственных войск: только что закончился большой опричный поход в северные русские земли, и сопровождавшие его массовые репрессии способны были вызвать недовольство в армии. Только что пострадали земельные владения тех, кто отправлялся в поход, а возможно, и их семьи. Иными сло-

ние С. Б. Веселовского, согласно которому кн. А. И. Катырев-Ростовский «погиб... по-видимому, в начале опричнины» [Веселовский, 1963. С. 434]. Но ни летопись, ни расположение имен казненных в синодике репрессированных не позволяет подтвердить эту гипотезу. Напротив, Р. Г. Скрынников датировал гибель кн. А. И. Катырева-Ростовского ноябрем 1568 г., а гибель некоторых представителей ветви Хохолковых-Ростовских — несколькими месяцами ранее, но тем же годом [Скрынников, 1992. С. 532]. Таким образом, роду князей Ростовских в 1567 г. могли вменять в худшем случае прежние вины, связанные с их деятельностью задолго до опричнины. А значит, принятие Василия Ивановича в опричнину не осложнялась связями с родственниками, недавно попавшими в опалу. Другое дело, что кн. В. И. Темкин-Ростовский подвергся казни не ранее мая 1571 г., а скорее некоторыми месяцами позже. Следовательно, его родню казнили в тот период, когда он уже был опричным служильцем. И ему требовалось с удвоенным старанием доказывать собственную лояльность Ивану IV, когда близкая родня оказывалась среди «изменников».

вами, перед Василием Ивановичем поставили весьма ответственную задачу, притом не только военного свойства.

Через год весной Василий Иванович удостоился примерно того же задания, что и в 1570-м: он пошел вторым воеводой опричного передового полка [Там же. С. 74], когда к Оке для большой оборонительной операции против крымцев выдвигались основные силы земской армии, а с ними опричный корпус. Во главе передового полка поставили тогда князя М. Т. Черкасского, но он, считаясь достаточно знатным для высокого командного поста человеком, не вызывал особого доверия. К тому же, быть может, он не вполне понимал русские реалии. Выше уже была рассмотрена ситуация, связанная со смертью⁶³ князя Черкасского в этом походе (май-июнь 1571 г.), а также с провалом сторожевой службы. Что касается последнего, то это служебное упущение нескольких воевод из опричнины и земщины, в том числе и второго воеводы опричного передового полка, т. е. Василия Ивановича.

Когда русская армия откатилась к Москве, опричный двор с Иваном IV, пройдя столицу, отступил дальше. Но с земцами, принявшими бой на подступах к городу, осталась часть сил опричного боевого корпуса — «опричный разряд». А разрядная книга сообщает о том, что он состоял тогда из двух полков — передового (при нем остались кн. В. И. Темкин и кн. Д. И. Хворостинин) и сторожевого (им командовали кн. П. Т. Шейдяков, боярин В. П. Яковлев и кн. В. А. Сицкий) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74]. Таким образом, Василий Иванович, военачальник со сравнительно скромным боевым опытом, оказался во главе самостоятельного соединения. Его поставили оборонять от крымцев район Занеглименья [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 281], где располагался Опричный двор — одна из официальных резиденций Ивана IV⁶⁴. Оборона столицы закончилась неудачно: город, подожженный отрядами хана Девлет-Гирея, сгорел, крымцы увезли огромный «полон», армия, не выполнив стоявшую перед ней задачу, понесла огромные потери. Среди прочего пострадала и зона ответственности князя В. И. Темкина: в огне большого пожара исчез и Опричный двор. Очевидно, именно эта военная неудача стала причиной, по которой Василий Иванович подвергся казни вместе с сыном Иваном, также ходившим в опричных воеводах. Синодик репрессированных содержит их имена [Скрынников, 1992. С. 544], по сведениям Курбского, их разруbили на части [Курбский, 1986. С. 332—333], а

⁶³ Возможно, правильнее было бы говорить «казнью», но для этого нет прямых и очевидных показаний источников.

⁶⁴ Точное местонахождение Опричного двора (или, иначе, Опричного дворца) определено еще дореволюционным историком И. Е. Забелиным, см.: [Забелин, 2004. С. 345—354].

Генрих Штаден сообщает об утоплении Темкина [Штаден, 2002. С. 55]. Очевидно, свидетельство Штадена, находившегося тогда в опричнице, более достоверно, нежели рассказ Курбского, пользовавшегося слухами, которые неведомыми путями приходили из-за русско-литовского рубежа.

Складывается парадоксальная картина: летом 1567 г. кн. В. И. Темкин возвращается в Россию из плена и попадает на службу в опричницу, но на протяжении длительного периода малозамечен там и совершенно не заметен в опричной военной иерархии. Очевидно, его социальный статус, его связь с родом опальных «князят» и, видимо не в последнюю очередь, прежняя служба Старицким лишают его доверия Ивана IV и начальных людей опричнины. Но к концу 1569—началу 1570 г. всё меняется: уже в октябре 1569 г. Василий Иванович участвует в заседании Боярской думы как боярин из опричнины [Сборник РИО, 1892. С. 665—666], а через полгода назначается на ответственный воеводский пост. Теперь это доверенный человек. Каковы причины столь разительной перемены?

В. Б. Кобрин собрал обширные сведения о прямом и непосредственном участии кн. В. И. Темкина в опричных репрессиях [Кобрин, 1960. С. 77]. Однако факты, сконцентрированные В. Б. Кобриным, относятся к периоду, когда Василий Иванович уже был опричным боярином и воеводой. Очевидно, получение им боярского чина следует связывать с другим делом, в котором был весьма заинтересован лично Иван IV. Речь идет об осуждении митрополита Филиппа, выступившего с обличениями опричнины в конце 1567—первых месяцах 1568 г. Материалы для суда над митрополитом Филиппом готовила большая следственная комиссия, работавшая на Соловках в мае—июне 1568 г. От церковных властей в ее состав вошел епископ Сузdalский Пафнутий, а работой представителей светской власти, т. е. собственно следователей, руководил кн. В. И. Темкин-Ростовский [Корецкий, 1981. С. 236]. Судя по данным Жития святителя Филиппа, Василий Иванович не стеснялся применять радикальные методы «расследования»: обещание мзды за «правильные» показания сочеталось с пытками [Колобков, 2004. С. 582—583]. Поскольку суд над опальным митрополитом завершился смещением его с кафедры (ноябрь 1568 г.) и ссылкой в тверской Отрок монастырь, очевидно, материалы, добытые Василием Ивановичем, были использованы и сыграли свою роль. После этого князь Темкин мог получить думный чин в опричнице, а его исключительная знатность (в этом смысле он стоял, вероятно, выше всех членов опричной Боярской думы⁶⁵) позволила ему сразу же получить боярство, минуя окольничество.

⁶⁵ При перечислении опричников во время заседания Боярской думы в октябре 1569 г., на котором князь Темкин впервые упомянут с боярским чином,

Однако воеводское звание ему все еще не доверяли — даже после того, как дали место в Думе. В октябре 1569 г. была уничтожена семья Старицких: сам удельный князь Владимир Андреевич, его мать, жена, дочь, а также их слуги. Только после этого, несколько месяцев спустя, кн. В. И. Темкин-Ростовский появляется в опричных воеводских разрядах. А вместе с ним и другие военачальники, служившие раньше князьям Старицким или связанные с ними родством: князья Н. Р. Одоевский, А. П. Хованский, С. Д. Пронский⁶⁶. Это косвенным образом подтверждает предположение автора этих строк, высказанное выше, — аристократами, так или иначе связанными с домом удельных князей Старицких, разом, почти единовременно пополнили командование опричного боевого корпуса после того, как сами Старицкие подверглись уничтожению. Вряд ли подобный «залп» назначений в опричные воеводы людей, близко стоявших к Старицким, может рассматриваться как простое совпадение. Столь же маловероятно, что все они оказали Ивану IV какие-то тайные услуги, способствовавшие окончательной расправе над Старицкими. Вероятнее другое: после гибели кн. Владимира Андреевича у многих людей, бывших его служильцем и родни, было отнято потенциальное « знамя », вокруг которого могла сплотиться группа аристократов в борьбе за смену монарха. Теперь они были разобщены. Теперь их можно было ставить во главе самостоятельных полевых соединений и полков на ответственных местах. Но остается еще один вопрос: почему их единовременно бросили на важные посты в опричной армии, а не в земской? Конечно же, опричному боевому корпусу срочно требовалось крупные военачальники, на которых не падало бы подозрение в «новгородской измене», стоявшее жизни многим представителям старой опричной элиты. Тогда почему взяли именно этих, когда-то связанных со Старицкими?

Предлагается рассмотреть три версии ответа на данный вопрос.

Во-первых, возможно, в них видели людей, недостаточно обросших служебно-родственными связями с земщиной, поскольку значительную часть своей служилой биографии они провели в уделе. Теоре-

он поставлен вторым. Но первым стоит кн. Михаил Темрюкович Черкасский, родня самого царя и человек, по представлениям того времени, с «царской кровью». Из числа русских аристократов именно кн. Василий Иванович Темкин-Ростовский поставлен на первое место.

⁶⁶ Тогда же в опричной армии оказался еще один военачальник, прежде служивший кн. Владимиру Андреевичу Старицкому и даже приходившийся ему дальним родственником, — Григорий Никитич Борисов-Бороздин из старинного рода тверских бояр. Но ему досталась скромная должность второго воеводы в полку правой руки из состава опричного корпуса, развернутого в 7078 (видимо лето 1570) г. под Калугой. Поэтому здесь его биография не анализируется [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261].

тически, на них можно было рассчитывать как на персон, недостаточно «своих» и в опричнине, и в земщине. Во-вторых, именно эти военачальники считались особенно искусными, храбрыми, энергичными, обладали обширным командным опытом в обстановке боевых действий. В-третьих, после уничтожения Старицких огромное количество людей могли быть объявлены причастными к их «делу», а оно основывалось на страшном обвинении: будто бы кн. Владимир Андреевич покушался на жизнь Ивана IV. Таким образом, те, кого не тронули — не арестовали, не сослали, не казнили по «делу» Старицких, должны были с удвоенной силой «отрабатывать» монаршую «милость».

Версию, изложенную второй, придется отбросить сразу. Все служилые аристократы, рекрутированные в опричную армию в 1570 г., были, что называется «середняками» среди русских воевод. Выше в подробностях перечислены их назначения до перехода в опричнину. У каждого имелся опыт армейского командования, но никто не имел его столь много, чтобы считаться крупным полководцем, искусственным тактиком, как минимум ветераном боевых действий. Впоследствии они показали себя как военачальники разных способностей: кн. С. Д. Пронский и кн. Н. Р. Одоевский проявили себя удачно, кн. А. П. Хованский скорее напротив, а кн. В. И. Темкин-Ростовский оказался одним из главных виновников сожжения Москвы в 1571 г. Не видно ни малейшего признака того, что этих воевод отбирали для перевода в опричнину по критерию выдающихся талантов или хотя бы выдающегося по объему боевого опыта. Они, остается повторить, до 1570 г. должны были считаться «середняками».

Версия первая при ближайшем рассмотрении также должна быть отброшена. В опричнине кн. В. И. Темкин-Ростовский к 1570 г. пробыл уже три года, вероятно, успев войти в среду ее руководства; а его многочисленная родня служила в земщине на высоких воеводских постах, что показывают соответствующие разрядные записи. Что касается прочих, то они те же три года провели в земщине и так же обладали обширными родственными связями. Если бы хронологическая дистанция между ликвидацией двора Старицких и принятием всех этих персон в опричнину была ничтожной, тогда эта версия могла бы считаться основательной. Но сейчас нет причин опираться на нее.

По-видимому, третья версия наиболее правдоподобна. Страх отложенного наказания за существующие или несуществующие вины перед Иваном IV мог представляться действенным стимулятором в делах службы. Такую «стимуляцию» рассчитывали использовать в отношении всех «старицких воевод», включая кн. В. И. Темкина-Ростовского, который до того пытался завоевать доверие монарха иными способами. Ведь до 1570 г. ему не давали воеводские посты в опричнине.

Другое дело, что подобный способ подбора кадров — исходя из возможности лишний раз надавить на военачальника, а не из уровня его опыта и способностей — дал опричному боевому корпусу как минимум двух воевод не лучшего качества, а именно кн. А. П. Хованского и кн. В. И. Темкина-Ростовского.

Здесь уместно рассмотреть судьбу старшего сына Василия Ивановича, князя Ивана Темкина-Ростовского: хотя он никогда не возглавлял в опричнине армий, полков в их составе или самостоятельных отрядов, тем не менее судьба его тесно связана с биографией родителя. Кн. И. В. Темкин-Ростовский появился в опричных разрядах в 1570 г., когда отец его мог надеяться на карьерное возвышение для себя и, соответственно, на хорошую служебную перспективу для отпрыска. Примерно весной-летом 1570 г. он был отряжен вторым воеводой большого полка в опричном корпусе, развернутом под Калугой, осенью 1570 г. находился в той же должности, только уже в районе Тарусы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 68]⁶⁷. А уже в 1571 г. все надежды Василия Ивановича рухнули, и сын его был казнен вместе с ним [Скрынников, 1992. С. 544, 545].

Князь Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский (или Токмаков-Ноздроватый) вышел из рода, служившего великим князьям московским со временем Василия I⁶⁸. Он причислен к опричнице столь серьезным исследователем, как П. А. Садиков [Садиков, 1950. С. 48]. Одно это является достаточным основанием для проведения тщательного исследования на предмет принадлежности князя к земщине или опричнице. Тем более что другие крупные исследователи опричнины, В. Б. Кобрин и Р. Г. Скрынников, однозначно зачисляли Юрия Ивановича в «земские руководители», «земские градоначальники» [Кобрин, 2008. С. 125; Скрынников, 1992. С. 374], в то время как А. А. Зимин согласился с аргументацией П. А. Садикова и назвал князя опричником [Зимин, 1964. С. 373, 476]. С точки зрения целей данного исследования, дискуссия о принадлежности кн. Ю. И. Токмакова-Звенигородского к опричнице или земщине имеет первостепенное значение. В 60—70-х гг. XVI столетия Юрий Иванович занимал крупные посты в

⁶⁷ До того князь Иван Васильевич Темкин-Ростовский упоминался в разрядах только один раз — в калужской разрядной записи 1565 г., которая подробно анализировалась выше, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 39].

⁶⁸ Князья Звенигородские восходят к кн. Александру Федоровичу Звенигородскому, попавшему на московскую службу в 1408 г. Уже в середине XV в. князья Звенигородские закрепились в Боярской думе, они постоянно получали высокие воеводские чины, ответственные поручения [Зимин, 1988. С. 56—57].

армейской иерархии, в частности, командовал целыми армиями. Будь он опричником, это многое изменило бы в устоявшихся представлениях об устройстве вооруженных сил России того времени, особенно в случае, если Юрий Иванович оказался в опричнине на ранней стадии ее существования, а не под занавес.

Аргументы П. А. Садикова таковы: он считает кн. Ю. И. Токмакова-Звенигородского опричным дворецким, поскольку Юрий Иванович «в 1572 г. ... разбирает дело по челобитью игумены сузdalского Покровского монастыря Василисы о свозе монастырских крестьян приказчиком сузdalских царских „накладных и посопных“ сел; в 1574 г. осенью он вместе с... дьяком П. Григорьевым по приказу Грозного зачитывает Строгановым, выдавшимся в опричнине уже с 1566 г., купленные ими для царя товары в „ширинки“ в число тех денег, которые следовало бы „имать“ на них, т. е. ведает личное имущество царя. В 1575 г. кн. Токмаков, видимо, был близок к Грозному: польский шляхтич Кр. Граевский, описывая свою аудиенцию в Александровской слободе, рассказывает, что „великий князь“ пришел на заседание Боярской думы в сопровождении Токмакова — его одного он называет по имени» [Садиков, 1950. С. 82]. П. А. Садиков придерживался мнения, согласно которому опричнина не завершилась в 1572 г. и впоследствии, между 1572 и 1584 гг. [Там же. С. 44], продолжила свое существование в виде «двора», претерпев ряд серьезных модификаций. В настоящее время подавляющее большинство исследователей придерживаются иной точки зрения, ограничивая существование опричнины 1572 г.; «государев двор» более поздних лет правления Ивана IV отделен от понятия «опричнина»; того же мнения твердо придерживается и автор этих строк. Поэтому для существа вопроса в настоящее время по-настоящему важным является лишь сообщение о разборе кн. Ю. И. Токмаковым-Звенигородским сузdalского «дела» в 1572 г. Грамота, на которую ссылается П. А. Садиков, четко датируется 20 апреля 1572 г., и это, несомненно, период, когда опричнина еще существовала. Более того, в документе содержатся сведения, позволяющие предположить, что кн. Ю. И. Токмаков-Звенигородский участвовал в разборе дела о насильственном «свозе» крестьян сузdalского Покровского монастыря и раньше — в 7079 (1570/1571) или даже 7078 (1569/1570) г. [Катаев, Кабанов, 1905. С. 50]. Сузdal был взят в опричнину еще в 1565 г. [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 344]. Это позволяет предположить, что под занавес опричнины Юрий Иванович вошел в ее состав и был поставлен на высокий административный пост. Однако в последних строках грамоты содержится требование, согласно которому «обыскной список» о розыске по делу сvezенных крестьян следует отправить «к Москве в приказ Большого Дворца ко князю Юрью Ивановичу Токмакову» [Катаев, Кабанов,

1905. С. 54]. Если отчет о расследовании идет в Москву, а не в Слободу, значит, остается возможность того, что дело разбирается земскими инстанциями, ведь опричная резиденция в Москве сгорела еще в 1571 г., и опричные органы управления оказались в Слободе. Вместе с тем можно со всей определенностью сказать, что в опричную Думу кн. Токмаков-Звенигородский на всем протяжении периода 1565—1572 гг. не входил. Иными словами, принадлежность Юрия Ивановича к опричнице опять ставится под вопрос.

В русле настоящего исследования логично было бы прояснить наиболее важный вопрос, возникающий на этой почве. Получал ли кн. Токмаков-Звенигородский воеводские назначения в составе опричного боевого корпуса?

Ответ на него дают летописные и разрядные записи. Ни разу кн. Ю. И. Токмаков-Звенигородский не упомянут в разрядах как опричный воевода или вообще с каким-либо армейским чином «из опричницы». Летом 1567 г. он по распоряжению Ивана IV ставил за Западной Двиной на озере Суше крепость Копие, охрана которой была поручена известному земскому деятелю боярину князю П. С. Серебряному [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 355]. Это заставляет предположить, что и само строительство производилось силами земщины. В 1569 г. литовцы захватили Изборск. Отбивать его вскоре отправилась армия, состоявшая из двух корпусов: земского и опричного. Так вот, «наряд», т. е. артиллерию земского корпуса, возглавлял Юрий Иванович, получивший за успешное выполнение своих обязанностей «золотой московский большой» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 241]. В первой половине 1569 г. он все еще «земский» воевода. Во время зимнего 1571/72 г. похода к Новгороду Великому князь вновь командует «нарядом», но поскольку этот поход уже, как говорилось, «смешанный», невозможно определить, был ли тогда Юрий Иванович в опричнице или в земщине [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 77]. Во время оборонительной операции у деревни Молоди кн. Ю. И. Токмаков-Звенигородский был оставлен «на Москве для осады», и опять разряды не дают понять — как опричник или как земский воевода [Там же. С. 83]. В середине 1570-х гг. Юрий Иванович много участвовал в походах на воеводских чинах, заслужил чин окольничего, присутствовал на свадьбе короля ливонского Магнуса и кн. Марии Владимировны Старицкой, ушел из жизни во время успешного зимнего 1575/76 г. похода русских войск в Ливонию [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 319, 321, 326, 330, 373, 380, 394]. В армейской иерархии первых постопричных лет кн. Ю. И. Токмаков-Звенигородский — крупная фигура, кроме того, это человек, по всей видимости, находившийся у царя «в приближении». Но все же на подобном основании еще нельзя сделать однозначный вывод о пребывании его в опричной военной службе.

Иногда отсутствие данных в источнике не менее показательно, чем их наличие. Между началом 1569 г. и распадом опричной военной системы опричный корпус участвовал в следующих боевых операциях против внешнего врага:

— зима 1568/69 г.: «по вестям» выход отрядов опричников к Дорогобужу и Великим Лукам;

— весенне-летние месяцы 1569 г.: выход основных сил на «береговую службу» к Калуге и Туле; выход самостоятельного отряда к Великим Лукам;

— весна-лето 1570 г.: выход основных сил на «береговую службу» к Калуге и значительного отряда «на Хотунь»; выход значительных отрядов «по вестям» к Калуге и «Онтонью Великому», бой с крымцами в районе Зарайска; выход крупного отряда из Москвы на юг — в качестве авангарда большой армии;

— лето 1570 г.: боевые действия и строительство на колыванском направлении; видимо, тогда же — выход опричного отряда «по вестям» к Рязани;

— сентябрь 1570 г.: выход опричного двора во главе с царем «по вестям» против крымцев к Серпухову;

— осень 1570 г.: выход основных сил на «береговую службу» к Тарусе и двух значительных отрядов к Калуге и Сенъкину перевозу;

— май 1571 г.: оборонительная операция под Москвой и в самой Москве.

Таким образом, опричный боевой корпус интенсивно «работал» в этот период. Основные его силы и отдельные отряды часто оказывались в полосе боевых действий. Но кн. Юрий Иванович Токмаков-Звенигородский ни разу не упоминается в разрядах как участник этих воинских операций. Князь должен был считаться опытнейшим военачальником, он пребывал на командных постах с середины 1550-х гг. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 175, 193], неоднократно участвовал в столкновениях с неприятелем, полжизни провел в походах. Если бы он был переведен в опричнину, естественно было бы ожидать постоянного использования его способностей и опыта в военных целях, но ничего подобного не видно. Следовательно, его пребывание в опричнине в промежутке от первых месяцев 1569 г. до лета 1571 г. крайне сомнительно⁶⁹. Если же Юрия Ивановича ввели в со-

⁶⁹ То же самое можно сказать и о другом видном военном деятеле, запятнанном, правда, поражением в Ливонии в 1560 г., — Тимофеем Ивановичем Сабурове Кривом по прозвищу Замятня. С. Б. Веселовский твердо высказался в пользу того, что Замятню Иван IV «взял к себе» при учреждении опричнины, но при этом он не привел никаких доказательств [Веселовский, 1963. С. 231—232]. Летом 1571 г. Тимофей Иванович, по данным того же С. Б. Веселовского

став опричного двора позже, в последний год существования опричнине, то он должен был застать опричную военную организацию в стадии расформирования⁷⁰. Сыграть сколько-нибудь значительную роль в ней было уже просто невозможно.

Еще одна группа состоит из нескольких княжеских семейств, не принадлежавших верхнему слою боярско-княжеской аристократии. Помимо Телятевых туда входили кн. И. П. Охлябинин, Д. И., А. И., П. И., Ф. И. Хворостинины, Ал. И., Д. И. Вяземские, В. И. Горбатый-Мосальский, а также Д. М. Щербатов (Щербатый)⁷¹. Примыкает к этой группе Г. И. Полев.

Князь Иван Петрович Залупа Охлябинин, происходивший из ярославских князей, был в опричном войске одним из ставленников клана Плещеевых, поскольку женат был на двоюродной племяннице боярина А. Д. Плещеева-Басманова. В походе на Полоцк 1562—1563 гг. он был есаулом и действовал весьма активно [Баранов, 2004. С. 132, 134, 136, 138, 139]⁷². По всей видимости, у князя Охлябинина было военное дарование: его назначали на видные воеводские должности весьма часто. Он оказался одним из тех, кто составил костяк опричного командного состава. Трижды его направляли в составе опричных армий на «береговую службу» под Калугу — один раз во главе передового полка, два раза — во главе полка левой руки [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55, 59; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 262]. Зимой 1568/69 г. он числился вторым воеводой в опричном отряде, поставленном у Великих Лук «по вестям»; был также вторым воеводой в опричном отряде у Ржевы Владимиrowой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 242]. Падение родни, семейства Плещеевых-Басмановых, дурно сказалось на карьере Ивана Петровича. Во

го, подвергся казни. Ни в одном опричном разряде с 1565 по 1571 г. его нет. Ни в одном опричном боевом выходе он не участвовал. Между тем в феврале 1569 г. он числился воеводой в земском городе Брянске, более того, получил из Москвы грамоту с распоряжением делать корабли для похода судовой рати под командой кн. П. С. Серебряного — явного земца [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 60]. Остается сделать вывод: либо Тимофей Иванович вообще не был в опричнине, либо был там недолго, не более двух лет, и не сыграл никакой роли в ее военной организации.

⁷⁰ Об этом сказано выше, при обсуждении достоверности тарусской разрядной записи 7080 г.

⁷¹ О высшей служилой знати, влившейся в опричнину в 1570 г. и позднее, говорилось выше.

⁷² До полоцкого взятия Иван Петрович участвовал в походах как голова, и только после него (и прежде начала опричнины) князя начали расписывать на второстепенные воеводские посты [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 202, 223, 225, 242, 243].

время выхода опричного корпуса под Тарусу осенью 1570 г. Охлябинин числится в нем всего лишь вторым воеводой сторожевого полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69], т. е. на значительно менее высокой должности, чем прежде. А молодинская битва застает его в роли «письменного головы» — даже не воеводы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 316]... Впрочем, позднее, после полного расформирования опричнины, честь получения воеводских назначений в крепостях и полках будет ему возвращена.

Князья Хворостинины — своего рода загадка опричнины. Не вполне ясно, почему именно их привлекли на военную службу в опричный корпус, мало того, ввели в воеводский костяк опричного корпуса. Хворостинины были представлены в думе еще до опричнины: думный чин получил кн. Иван Михайлович, отец четырех братьев, вошедших впоследствии в число опричников, видный военачальник. Они не были худородным или захудальным семейством, но с высшей титулованной знатью тягаться в «отечестве» не могли и, видимо, значительными земельными богатствами к 60-м гг. XVI в. не располагали. По сравнению с князьями Бельскими, Мстиславскими, Голицыными, Шуйскими, Трубецкими и т. п. Хворостинины стояли заметно ниже в местническом отношении. Князь П. И. Хворостинин возил наградные золотые Басмановы, отстоявшим Рязань в 1564 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 22], да и отдаленные родственные связи у Хворостининых и Басмановых-Плещеевых были — через тех же Охлябининых (Хворостинины составили соседнюю с ними ветвь ярославских князей)... Но какая-либо протекция со стороны семейства Плещеевых вызывает большие сомнения: в 1567 г. кн. Д. И. Хворостинин жестко местничал с И. Д. Колодкой Плещеевым⁷³. Скорее всего, Хворостинины поднялись благодаря личному военному таланту Дмитрия Ивановича, отличившегося при взятии Полоцка в 1563 г.⁷⁴, да еще благодаря тому, что он «оправдал доверие» Ивана IV, когда тот приказал ему охранять

⁷³ На этот факт обратил внимание еще В. Б. Кобрин, см.: [Кобрин, 1960. С. 79].

⁷⁴ Летопись рассказывает о действиях Дмитрия Ивановича 9 февраля 1563 г. следующее: «Стрельцы царевы и великого князя и боярские люди и казаки в острог вошли... и с ляхи начали биться», стремясь отбить посадское имущество. Тогда «царь и великий князь для того дела послал из своего полку голов, а велел тех людей... поберечи... из острогу выслати». Острогом летопись называет посадские стены. Головы из государева двора и были князья Дмитрий Иванович Хворостинин и Дмитрий Федорович Овчинин. Они действовали в высшей степени удачно: «...ляхов в остроге потоптали и в город вбили, а государьских людей отвели здорово. А которые люди Полоцкого повета сельские сидели в остроге, и те в город не пошли, а вышли в государский полк и воеводские полки...» [Лебедевская летопись. С. 310].

опального вельможу кн. Д. Курлятева — через несколько месяцев после полоцкой победы [Духовные и договорные грамоты... 1950. С. 480]. В опричнице были кн. Андрей, Дмитрий, Петр Иванович и Федор Иванович Хворостинины, все они достигли воеводских чинов, Дмитрий и Федор вышли в крупные военачальники⁷⁵. Дмитрий Иванович — единственный из всех опричных выдвиженцев — проявил яркий талант полководца. Показательно одно иностранное известие. В 1588—1589 гг. Московское государство посетил уже упоминавшийся Джильс Флетчер, посол английской королевы Елизаветы I. Впоследст-

⁷⁵ Вот сведения о службе в опричнице трех братьев Дмитрия Ивановича — князей Андрея, Дмитрия и Федора Хворостининых:

Первый из них, Андрей Иванович, начал получать «именные» службы лишь в опричнице, прежде разряды его «военную работу» не улавливают. Впрочем, среди опричных воевод он появился очень рано, еще в 1565 г., под Болховом (как третий воевода); под Калугой осенью 1567 г. он фигурирует как второй воевода в сторожевом полку, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221]. Андрей Иванович попал в состав опричных воевод, очевидно, молодым человеком, особой роли в армейской организации опричнины он не сыграл, карьеру же сделал намного позднее, в следующее царствование. По словам Рейнгольда Гейденштейна, относящимся, правда, к 1581 г., у Андрея Ивановича была репутация человека, пользовавшегося уважением государя «по телесной и нравственной силе» [Гейденштайн, 1889. С. 200].

Петр Иванович также попал в опричничу относительно молодым, не имея командного опыта. Ходил в рындах, воеводствовал в Юрьеве (это уже заметное назначение), а в полковых воеводах был лишь раз, под занавес опричнины, — в 1572 г. при отражении крымского наступления его поставили вторым воеводой полка левой руки, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 66, 73, 85].

Федор Иванович более заметен. Он, очевидно, был старше Андрея и Петра, в разрядах он появляется на исходе 1550-х гг. В опричнице Федор Иванович изначально занимал малозначительные должности, но в поздний период ее истории прорвался к воеводским постам. Во время царского похода «на берег» в мае 1571 г. он числился вторым дворовым воеводой, а через год, когда царь с большой армией и опричной свитой отправился против шведов, князя Ф. И. Хворостинина оставили старшим военачальником в Слободе, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74, 83]. Очевидно, царь доверял ему.

Похоже, князей Андрея, Петра и Федора «втащил» в опричнину их старший брат, Дмитрий. Их положение, надо полагать, зависело от его статуса. И лишь Федор Иванович в последние два года опричнины мог играть серьезную самостоятельную роль. Все братья Хворостинины продолжили делать карьеру после опричнины, главным их поприщем стала военная служба, и они добились положения видных военачальников. В частности, князь Андрей Старко Хворостинин участвовал в героической обороне Пскова от войск польского короля Стефана Батория. Правда, никто из братьев не превзошел Дмитрия Ивановича в полководческом таланте.

вии он написал трактат «О государстве Русском», где подробно описал состояние России тех времен. Флетчер встретил холодный прием и был настроен по отношению к «Московии» отрицательно, почти враждебно. Кроме того, известно, что английский посол собирал информацию о стране разными способами, в том числе и конфиденциальными. Особенно его интересовала русская армия: ее численность, вооружение, полководцы... В той части трактата, где речь идет о вооруженных силах государей московских, Флетчер деловит, сух, точен, беспощаден к недостаткам военного дела в России и внимателен к его достоинствам. Англичанин перечисляет аристократические роды, из которых обыкновенно назначают главных воевод, но лишь один человек удостаивается пристального внимания: «...теперь у них первый муж, наиболее пригодный для военных дел, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, воин старый и опытный. Он оказал большие услуги в войнах с татарами и поляками...» [Флетчер, 1906. С. 82]. Помимо успеха при осаде Полоцка в 1563 г., победы над крымцами в 1570 г., Дмитрий Иванович был одним из главных творцов разгрома татарской армии у деревни Молоди в 1572 г.⁷⁶, участвовал как второй

⁷⁶ В исторической литературе не раз высказывалось мнение, согласно которому победа в молодинской битве была достигнута в основном усилиями Хворостинина, что вызвало полемику. Так, Р. Г. Скрынников выразил это мнение в наиболее четкой форме: «Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому. Подобное мнение кажется неверным. Назначение Воротынского главнокомандующим объясняется отнюдь не особыми военными дарованиями или заслугами удельного князя, а в первую очередь его знатностью. Подлинным героем сражения при деревне Молоди был не он, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин...» [Скрынников, 1992. С. 450]. Другой специалист по военной истории, В. В. Каргалов, осторожно поддержал эту точку зрения: «...Даже если это преувеличение, важная роль опричного воеводы Хворостинина... несомненна. Военный авторитет его необычайно высок. Он выдвигается в первый ряд русских полководцев...» [Каргалов, 1989. С. 314]. Трудно определить, насколько верно подобное мнение. С одной стороны, князь Михаил Иванович Воротынский — опытный военачальник. Помимо молодинской битвы на его счету несколько других значительных заслуг. Он удачно действовал во время осады и штурма Казани в 1552 г.; на протяжении нескольких лет возглавлял всю оборону юга России; в 1571 г. разработал «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который считается первым воинским уставом в нашей стране. По свидетельству современника, князь Воротынский был «муж крепкий и мужественный, в полкоустройствах зело искусный». С другой стороны, в ходе молодинской битвы на Дмитрия Хворостинина действительно были возложены самые сложные задачи; их отличное исполнение в конечном счете и привело к победе над Девлет-Гиреем. Видимо, правильным было бы считать обоих военачальников в равной степени творцами победы.

воевода большого полка в большом успешном походе на Литву в 1581 г., он же разбил шведов под Лялицами в 1582 г. и в районе Ивангорода в 1589-м [Володихин, 2009. С. 5—33]. Фактически он был настоящей «военной звездой» России XVI столетия.

Как ни парадоксально, именно ему, возможно, лучшему, талантливейшему среди опричных военачальников, служба в опричнине давалась нелегко. На протяжении опричного периода Дмитрий Иванович постоянно использовался высшим военным командованием на видных военных постах. Но блестящей карьеры князь не сделал, более того, повышение в чинах давалось ему с трудом.

Хворостинин подошел к опричнице человеком, имевшим за плечами изрядный командный опыт. Он командовал крепостями и полками. В частности, возглавлял гарнизоны Шацка (1558/1559) и Нижнего Новгорода (1559/1560), был вторым воеводой сторожевого полка в армии, собравшейся у Великих Лук «по вестям», и даже возглавлял небольшое самостоятельное соединение — корпус поддержки, отправленный к недавно завоеванному Погощу [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 207, 209, 217, 242, 268; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 163; Володихин, 2009. С. 10—11], а также имел ряд иных, менее высоких, назначений. Иными словами, это был уже довольно заметный воевода, хотя и второго ряда.

Что дала ему опричнина? Самый большой карьерный успех князя — получение думного чина окольничего в конце 1568 г. или в 1569 г.; с другой стороны, он всего лишь занял место, которого добился еще его отец, князь И. М. Хворостинин (незадолго до начала опричнины он выбыл из Думы) [Зимин, 1958. С. 71—72, 75]. Что же касается армейских назначений Дмитрия Ивановича, то он не поднимался выше уровня полковых воевод, притом большей частью не первых. Высшие его достижения опричного периода таковы: осенью 1567 г. в Калуге он числился первым воеводой сторожевого полка, зимой 1568/69 г. был старшим воеводой в опричном отряде, отправленном «на Великие Луки» «по вестям», а в 1569 г. возглавил тот же сторожевой полк на позициях у Калуги; еще одно крупное назначение — «по вестям на Рязани воевода» под 7078 (видимо лето 1570) г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221, 242, 265; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59]. Иными словами, его бросали туда, где требовался отважный командир, способный вести маневренную войну и быстро принимать решения, находясь в авангарде. Прочие его назначения были не столь значительны и, в сущности, не поднимались над должностным уровнем, которого князь Д. И. Хворостинин добился еще до опричного периода⁷⁷. Его не спешили «выдвигать» даже после победы

⁷⁷ Кн. Д. И. Хворостинин участвовал в первой боевой операции опричного корпуса — осенью 1565 г. в районе Болхова, но как второй воевода; в весен-

1570 г. над крымцами, одержанной именно им. Напротив, во время выхода Ивана IV с армией против Девлет-Гирея в мае 1571 г. князь, вероятно, испытал тяжелое разочарование: его поставили всего лишь третьим воеводой передового полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 74]. Впрочем, это в какой-то степени спасло Хворостинина от горших неприятностей: оборонительная операция закончилась катастрофой, крымцы сожгли Москву, армия понесла тяжелейшие потери; опричное командование сторожевого и передового полков оказалось в роли главных виновников московского разгрома. Царь, как уже отмечалось, видел свою вину в том, что оно не сумело наладить сторожевую и разведывательную службу. Отчасти это было правдой: во главе передового полка стоял крещеный кабардинский «царевич» М. Т. Черкасский, о незначительном командном опыте которого уже говорилось выше. Его и подвергли казни вместе со вторым воеводой того же полка — князем В. И. Темкиным-Ростовским, а также вторым воеводой сторожевого полка боярином В. П. Яковлевым. Петра Тутаевича Шейдякова, возглавлявшего сторожевой полк, не тронули: очевидно, само назначение не очень опытного, зато весьма родовитого военачальника (из выезжей ногайской знати) было чисто номинальным, и ответственность за полк лежала главным образом на Яковлеве. Иван IV не усмотрел в действиях Дмитрия Ивановича столь серьезной вины, чтобы и его отправить на тот свет вместе с названными воеводами. Князь был лишь третьим, и не он принимал главные решения. Но совершенно невиновным царь его также не считал. Поэтому в следующем большом походе, зимой 1571/72 г., его поставили на должность с некоторым понижением — третьим воеводой сторожевого полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 76—77].⁷⁸

В дальнейшем карьера Дмитрия Ивановича была трудной: он то поднимался в чинах, то оказывался жертвой тяжелой опалы, то вновь шел наверх, то вчистую проигрывал целый ряд местнических дел и даже оказывался из-за этого в тюрьме. Между окончанием опричнины и смертью Ивана IV Хворостинин прошел через пять местнических разбирательств, главным образом весьма неудачно [Эскин, 1994. № 203, 240, 258, 267, 395]. Ясно видно: за годы опричнины он отнюдь не возвысился в армейской иерархии. Более того, до окончания царствования Ивана IV он даже во главе полков ставится относительно редко, несмотря на явный тактический дар и блестящие победы. Лишь

нем походе 1568 г. под Вязьму он был всего лишь вторым воеводой передового полка и т. д. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 229].

⁷⁸ Правда, позднее, у деревни Молоди (1572), он уже числится вторым воеводой в передовом полку [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 308, 315].

при царе Федоре Ивановиче военную деятельность князя Хворостинина оценили по достоинству. В 1584 г. ему был пожалован боярский чин, да и в воеводских чинах Дмитрий Иванович при новом монархе продвинулся весьма высоко [Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 344]. Правда, действительные и ясные его военные заслуги сыграли тут не первую роль. Признание и возвышение Хворостинина при Федоре Ивановиче связано с тонким обстоятельством семейных связей. Дмитрий Иванович приходился родней Годуновым: его дочь вышла замуж за Степана Степановича Годунова. Хворостинины стали верными сторонниками придворной «партии» Годуновых, им поручались ответственные дела, они участвовали в борьбе с главными врагами Годуновых — Шуйскими. И невенчанный монарх Борис Федорович отвечал Хворостинным милостями и «жалованием». Как пишет А. П. Павлов, «Хворостинины постоянно служат при дворе, упоминаются на званных царских обедах, участвуют во многих крупных походах» [Павлов, 1992. С. 42]. Правда, новые условия отнюдь не давали Дмитрию Ивановичу безоблачного состояния: местнические столкновения продолжались. Ю. Н. Мельников приводит свидетельства, согласно которым князь Д. И. Хворостинин вел затяжную борьбу с кн. Ф. Д. Шестуновым, причем правительство царя Бориса Федоровича «кажется, провоцировало соперничество» этих двух вельмож [Мельников, 1985. С. 118].

На примере князя Д. И. Хворостинина прекрасно видно, насколько далек от исторической реальности миф, согласно которому Иван Грозный смело выдвигал молодых талантливых полководцев из низов дворянства.

Большой фаворит Ивана Грозного кн. Афанасий Иванович Вяземский происходил из размножившегося и захудавшего рода, который в 60-х гг. XVI в. пребывал на грани утраты княжеского титула. Коренные вотчины этого семейства в городах Вязьма и Хлепень были потеряны еще в 90-х гг. XV столетия [Зимин, 1988. С. 136—137]⁷⁹. Любопытно, что возвышение князя также уходит корнями в Полоцкий поход 1562—1563 гг.: Афанасий Иванович стоял тогда во главе царского обоза [Баранов, 2004. С. 131] и выполнял трудную задачу руководства огромным «кошем» в условиях «заторов» и «мотчания» при движении колоссальной армии. Иван IV мог заметить тогда деятельного командинира.

⁷⁹ «Дворовая тетрадь» дает сведения о службе многочисленных представителей рода Вяземских как «литвы дворовой» или дворовых детей боярских, см.: [ТКДТ. С. 278—279 (указатель)]. У большинства Вяземских титул указан не прямо, а через формулировку «Иван князь Васильев сын Афанасьев Зайцов Вяземского» [ТКДТ. Л. 112 об.].

Хотя Афанасий Иванович являлся одним из первых лиц в опричнице (в частности занимал пост келаря в «Слободском ордене»), роль его как воеводы опричного корпуса была довольно скромной.

На командных должностях он появляется всего два раза: как второй дворовый воевода в крупной рати осенью 1567 г. и как второй воевода в Дорогобуже «по вестям» зимой 1568/69 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225, 242]. Таким образом, влияние кн. Аф. И. Вяземского на «дворовые дела» и даже на самого царя, как писал А. Шлихтинг, не сделало его значительной фигурой в опричной военной иерархии.

Возвысившись в опричнице, Афанасий Иванович «вытащил» на большие воеводские чины родню: кн. Дмитрия Ивановича Лисицы⁸⁰ Вяземского и Александра Ивановича Вяземского-Глухого; кроме того, в воеводах ходил и кн. Василий Иванович Волк Вяземский⁸¹, но он был малозаметен.

Из этого семейства значительным опытом и способностями обладал только один военачальник — кн. А. И. Глухой Вяземский (или Глухов). Единственный из князей Вяземских, поднявшихся в опричнице, он и до опричнины достиг на ниве военной службы высоких чинов⁸². Энергия и командирский талант этого человека очевидны. Летом 1554 г. во время боевых действий под Астраханью он постоянно возглавлял передовые силы, наголову разгромил вражеский отряд на Волге у острова Черного, затем неожиданно атаковал стан астраханского хана Емгурчая и разогнал неприятеля, захватил его пушки и п-

⁸⁰ У Болхова осенью 1565 г. Дмитрий Иванович числился первым воеводой в небольшой опричной рати, шедшей из Белева; осенью 1567 г. его поставили вторым воеводой большого полка на «береговую службу» под Калугой [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221].

⁸¹ Разряды знают всего два случая его назначения на воеводскую должность в опричнице: четвертым воеводой «на посылку» в осеннем походе 1567 г., свернутом на полпути, а также вторым воеводой в небольшом самостоятельном отряде опричников, развернутом «по вестям» в Дорогобуже зимой 1568/69 г. (первым воеводой тогда был кн. А. И. Вяземский-Глухой), см.: [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225, 242].

⁸² Кн. Александр Иванович Вяземский-Глухой осенью 1553 г. был поставлен воеводой в Шацк, в апреле 1554 г. возглавил отряд «вятчан» в походе на Астрахань, в 7070 (1561/1562) г. сидел вторым воеводой в Торопце, несколько месяцев спустя возглавил передовой полк в походе из Великих Лук «на литовскую землю», затем воеводствовал в Стародубе «за городом» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 165, 166, 231, 232, 240]. В. Б. Кобрин указал на тот факт, что «в грамотах короля Сигизмунда он упоминается в 1551 и 1559 гг. как черниговский наместник» [Кобрин, 1960. С. 33].

щали [Лебедевская летопись. С. 229]. В 1563 г. под Полоцком он возглавлял отряд из 154 «служилых людей по отечеству», числился сначала есаулом, потом головой; 16 февраля он опять отличился, совершив разведывательный рейд под Бобыничи и взяв там литовских «языков» [Баранов, 2004. С. 131, 133, 136, 140—143]. В опричнице Александр Иванович четырежды назначался на воеводские должности, а в Дорогобуже зимой 1567/68 г. возглавил самостоятельный отряд опричников, направленный туда «по вестям» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 242]⁸³. Этот командир заведомо превосходил большинство опричных воевод реальными заслугами и для опричного корпуса был просто подарком. Отсюда и высокая частота его назначений. Фактически он играл в армейской иерархии опричнины гораздо более значительную роль, чем Афанасий Иванович, несмотря на то что царским фаворитом не был и в «дворовых» делах никакой роли не играл. Вероятно, в Александре Ивановиче видели даль него военачальника, вероятно также, что у него был шанс на высокую и притом заслуженную карьеру в армии, но падение кн. Аф. И. Вяземского навредило близким слободского «келаря».

В 1570 г. Афанасий Иванович попал в опалу в связи с расследованием новгородского «измененного дела» и, по мнению большинства современных историков, подвергся казни⁸⁴, а его родня рас прощалась с блестящей карьерой. Больше Вяземских при Иване IV воеводами не назначали⁸⁵.

Князем Дмитрием Михайловичем Щербатым «укрепили» опричный корпус в 1570 г., в общем «призывае» титулованной знати. По словам С. Б. Веселовского, он принадлежал к «младшей и самой слабой линии рода князей Оболенских [ветвь черниговских князей. — Д. В.]» [Веселовский, 1963. С. 237]. В 1570 г. Дмитрий Михайлович ходил «в прибавку по вестям» из опричнины на Хотунь вторым воеводой в небольшом самостоятельном отряде. В 7079 (видимо осень 1570) г. был из опричнины вторым воеводой в походе к Тарусе, в полку левой руки. В 1571 г. в декабре князь ходил из Орешка против шведов как вое-

⁸³ До этого, в 1567—1569 гг., он трижды возглавлял отдельные полки во время боевых выходов опричного корпуса на юг, в направлении Калуги и Тулы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55, 57].

⁸⁴ Или, по другим сведениям, «умер в посаде Городецком в железных оковах» [Штаден, 2002. С. 55].

⁸⁵ Р. Г. Скрынников справедливо заметил: «С удалением [Аф. И.] Вяземского из опричнины были изгнаны все его многочисленные родственники» [Скрынников, 1992. С. 405]. Но разряды не знают назначений Вяземских на воеводские посты при Иване IV и по окончании опричнины, в 1572—1584 гг., хотя род их не пресекся.

вода передового полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 63, 69, 77]. В опричнине, таким образом, он большой роли не сыграл и особой карьеры не сделал.

Примерно то же можно сказать и о князе Василии Ивановиче Горбатом-Мосальском (или, иначе, Горбатого-Мосальском), с той лишь разницей, что он происходил из младшей ветви Черниговских, а не Оболенских князей. Семейство Мосальских князей к середине XVI столетия размножилось, но влияния при дворе не имело; «Дворовая тетрадь» донесла имена 16 «дворовых детей боярских» из Мосальских (9 из них попали в III статью «Тысячной книги»), служащих одной маленькой корпорацией; никакого Василия Ивановича среди них еще нет [ТКДТ. С. 63—64, 124, 352—353; Зимин, 1988. С. 129, 130, 135]. О его командирской работе в опричнине известно лишь то, что Василий Иванович возглавлял передовой полк опричного корпуса под Калугой в 7078 (видимо весна-лето 1570) г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261]. Причины возвышения кн. В. И. Горбатого-Мосальского неясны: до опричнины разряды не фиксируют его на «именных» службах — очевидно, это был еще молодой человек. Возможно, его потянул за собой родич, кн. Н. Р. Одоевский, взятый в опричную армию в том же 1570 г. Опричнику Василий Иванович благополучно пережил и продолжал служить, но в невысоких чинах. Боярский список 1588/1589 г. называет его в составе служилой корпорации Мосальских князей, никак, впрочем, не выделяя: указано лишь, что Василия Ивановича направляют в Новгород; А. П. Павлов указал на тот факт, что князь в конце XVI—начале XVII в. служил в чине московского дворянина [Павлов, 1992. С. 115; Станиславский, 2004. С. 215]⁸⁶.

В разрядной записи 1570 г. Василий Иванович назван только по родовому прозвищу: «Горбатый», а не «Горбатый-Мосальский». Это поднимает дополнительный вопрос: среди высокородных князей Горбатых-Сузdalских также был некий Василий Иванович. Пребывание его в опричнине крайне сомнительно. Еще в 1565 г., в связи с учреждением опричнины, была казнена его близкая родня — крупный полководец кн. А. Б. Горбатый-Сузdalский с сыном Петром, а также окольничий П. П. Головин, приходившийся родственником супруге Василия Ивановича — Е. И. Третьяковой [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 345; Веселовский, 1963. С. 130]. Кроме того, князь находился уже в изрядном возрасте. Но, учитывая тот факт, что в 1570 г. в состав опричного военного командования попали многие

⁸⁶ В 70-х гг. разрядами несколько раз упоминается князь «Василий Мосальский» — казначей и воевода в Нарве (Ругодиве), но из большого рода Мосальских тогда служило несколько Василиев, и непонятно, какой именно имеется в виду [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 83, 100, 111, 114].

видные аристократы, в том числе имевшие «репрессированную» родню и даже связанные с домом Старицких, совершенно исключить эту кандидатуру нельзя⁸⁷.

Григорий Иосифович (Осипович) Полев происходил из смоленских князей [Зимин, 1988. С. 232]. Род его утратил княжеский титул⁸⁸, служебное возвышение в Москве было для них затруднено связями с удельными князьями, однако Полевы к середине XVI столетия не успели захудать совершенно и оставались на государевом дворе заметными фигурами. Думных чинов они не достигали, в «Тысячную книгу» не вошли⁸⁹, но в крепостных воеводах, пусть и не на высших постах, бывали неоднократно, как, например, отец Г. И. Полева — Иосиф (Осип) Васильевич Полев [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 176, 200, 225, 231]⁹⁰.

Сам Григорий Осипович до поступления на опричную службу не отмечен разрядными записями ни на одном «именном» назначении. В опричнине он начинает с малого. В большом походе к литовскому рубежу осенью 1567 г. Г. И. Полев был всего лишь рынды «с рогатиною» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 52]. А должность рынды предназначалась для молодых людей.

Тем не менее уже в первой половине—середине 1568 г. происходит его возвышение. Весной 1568 г. к Мценску выходит небольшой опричный отряд, в котором Григорий Осипович — второй воевода [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 232]. Затем здесь сосредотачивается опричный корпус из трех полков. В нем Г. И. Полеву сначала предназначалось «по вестям за людьми... ходить» в большом полку, но это распоряжение было отменено [Там же. С. 232]. Позднее он становится первым воеводой передового полка [Там же. С. 237]. Эта должность — явно выше того уровня, до которого в результате многолетней службы поднялся его отец.

Это возвышение продлилось совсем недолго — по вине самого Григория Осиповича. Он ввязался в местническую тяжбу, направлен-

⁸⁷ Кн. В. И. Горбатый-Сузdalский знал солидные воеводские назначения: второй воевода большого полка в крупном полевом соединении, стоявшем в Муроме (лето 1547 или 1548), первый воевода в Аллатыре (1554—1555), см.: [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 332, 354; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 499].

⁸⁸ Такое изредка случалось. Помимо Полевых княжеское звание потеряли, например, Еропкины, Карповы.

⁸⁹ Полевы числятся по «Дворовой тетради» в дворовых детях боярских по Костроме и Ржеву, в т. ч. сам Григорий Осипович — по Костроме [ТКДТ. С. 148, 179].

⁹⁰ В Полоцком походе зимой 1562/63 г. И. В. Полев был дозорщиком, а затем был «прибран в ясоулы» [Баранов, 2004. С. 130—131, 132].

ную против К. Д. Поливанова, человека худородного, но располагавшего царским доверием, видного опричника. В результате Г. И. Полев попал в опалу [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 232].

Осенью 1570 г. в походе к Серпухову, против крымцев, Григорий Осипович — всего лишь голова, и он поставлен последним в реестре голов, т. е. ниже всех по чести, в том числе ниже князей Федора Хворостинина и Ивана Гвоздева [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 68]. Очевидно, это понижение следует связывать с последствиями опалы 1568 г. Но опала отягощала его карьеру не слишком долго: уже в октябре 1571 г. Г. И. Полев участвует в третьей свадьбе Ивана IV — несет церковное вино; в самом конце 1571 или в первые месяцы 1572 г. он ушел из жизни, о чем свидетельствует вклад по его душе в Иосифо-Волоцкую обитель [Веселовский, 1963. С. 228; Кобрин, 1960. С. 63—64].

Опричнина подарила Григорию Осиповичу шанс на карьерное продвижение, но реализовать этот шанс он не смог, поскольку не захотел играть по опричным правилам: оказывать почтение людям, стоящим ниже его по роду, но поднятым на высокие должности по воле государя. Что же касается интересов службы, то вряд ли чудесное превращение рынды в воеводу, которому отдан под команду целый полк, можно расценивать как приобретение опричной иерархией ценного, опытного командира.

Наконец, группа относительно худородных дворян: Р. В. Алферьев, М. А. Безнин, И. Б. Блудов, К. Д. Поливанов. Их совсем немного. И отнюдь не они определяют лицо опричной военной машины.

Кроме того, в отношении Романа Васильевича Алферьева и Михаила Андреевича Безнина следует сделать оговорку: они относятся к старинной тверской «родословной» фамилии Нашокиных, к середине XVI в. невероятно расплодившейся и утратившей влияние, но все-таки не скатившейся до уровня простых городовых дворян⁹¹.

Михаил Андреевич — фигура крупная, примечательная, о нем много писали в прошлом столетии. Он представляет собой пример опричника, прорвавшегося на высокую ступень власти и оправдавшего свой «скакочок наверх» и честной службой, и основательной книжностью. Этот человек отличался бешеным честолюбием, но вместе с тем и значительными способностями к государственным делам.

В доопричных разрядах Михаил Андреевич малозамечен. В 1559 г. мы видим его в головах на «береговой службе», затем в той же должности он ходил с Ф. И. Мстиславским на Алыст й на Феллин в Ливонии [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 210, 216, 223]⁹². Безнин проявил решительный характер во время переговоров с

⁹¹ Думных чинов Нашокины при Иване IV до опричнины не достигали.

⁹² М. А. Безнин записан в «Тысячную книгу» как сын боярский 3-й статьи по Можайску, а в «Дворовую тетрадь» — по Можайску же как дворовый сын боярский [ТКДТ. С. 76, 184].

осажденным в Полоцке гарнизоном в феврале 1563 г. и тем, по всей видимости, угодил царю⁹³. После взятия города он, несмотря на очень скромное служебное положение (Михаил Андреевич числился на протяжении полоцкого похода в дозорщиках, затем в есаулах) был отправлен к архиепископу Пимену в Новгород с почетной миссией гонца, несущего вести о победе [Лебедевская летопись. С. 309; Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 316; Баранов, 2004. С. 131, 132]. И Алферьев и Безнин неоднократно назначались на воеводские должности в опричнине, особенно Михаил Андреевич, однако карьеру сделали в основном по административной и дипломатической части.

Безнин служил в опричнине с самого ее основания. И в первом же походе опричного корпуса (под Болхов, осенью 1565 г.) он числится вторым воеводой опричной рати, шедшей из Белева, затем он появляется под Калугой осенью 1567 г. — вторым воеводой передового полка [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 45; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 221]. Явный взлет карьеры. В 1569 г. он поднимается в опричной военной иерархии еще выше: его назначают вторым воеводой в большом полку на Туле «после отходу опришнинских больших воевод»; а в 7080 (скорее всего, с весны 1572) г. он уже стоит первым воеводой в Нарве (Ругодиве), что для человека его социального уровня — за пределами мечтаний [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 251, 307]. После отмены опричнины его положение в армии изменяется к худшему. В январе 1573 г. царь посыпает его на штурм «пролома» в стене Пайды вместе с другими именитыми опричниками, а затем оставляет в небольшом завоеванном городе вторым воеводой [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 90, 95]. Вскоре его переводят в ту же Нарву, только не первым, а... четвертым воеводой. Но уже в августе 1573 г. Михаил Андреевич вернется в Пайду в чине первого воеводы [Там же. С. 98, 100]. В дальнейшем он сохранял положение воеводы на протяжении всего царствования Ивана IV (хотя многие опричные воеводы скатились до статуса голов), использовался как военачальник довольно часто, но самостоятельными соединениями ни разу не командовал. Его «потолок» для службы в поле — пост второго воеводы большого полка в октябре 1580 г., во время неудачного похода к Великим Лукам [Там же. С. 177]. Как администратор он взошел на более высокую ступень, получив в 1576 г. чин думного дворянина. При государе Федоре Ивановиче влияние Михаила Андреевича быстро падает, несмотря на то что он был когда-то дядькой при юном царевиче, теперь взошедшем на престол [Кобрин, 1960. С. 52; Мордовина, Станиславский, 1977. С. 181]⁹⁴. В 1584 г. Безнин одерживает побе-

⁹³ Ниже летописное изложение этого эпизода приводится полностью.

⁹⁴ Кобрин ошибочно назвал другую дату пожалования Безнину чина думного дворянина — 1582 г. [Кобрин, 2008. С. 153].

ду в бою с татарами на реке Выси, но военная карьера его не клеится, да и дипломатическая (здесь Безнин поднялся намного выше, чем на воеводском поприще) также постепенно сходит на нет. Летом 1586 г. Михаил Андреевич постригся в Иосифо-Волоколамской обители [Корецкий, 1986. С. 91].⁹⁵

М. А. Безнин, помимо всего прочего, был выдающимся публицистом: автором самостоятельного летописного сочинения, воеводских «отписок» и монастырских «приговоров», сделанных в особом, художественно-публицистическом стиле, описи книжного собрания Иосифо-Волоколамского монастыря (1591), а также заготовки для повести о взятии Полоцка, попавшей впоследствии в Лебедевскую летопись; возможно, он также вместе с А. Ф. Адашевым принимал участие в работе над официальной летописью [Корецкий, 1977. С. 204—208; 1970. С. 275—277; Володихин, 1995. С. 60—61; Книжные центры... 1991. С. 19—22; Waugh Daniel Clarke, 1979. Р. 17]. Относительно сообщения об осаде Полоцка, известного по Лебедевской и Александро-Невской летописям, а также по Записной книге Полоцкого похода 1562—1563 гг. и другим памятникам разрядного характера, существует полемика, касающаяся проблем атрибуции. В. И. Буганов, исследуя разрядные памятники, без особых оснований приписал авторство основы повествования о «полоцком взятии» Д. И. или И. С. Черемисиновым. Ю. В. Анхимюк привел убедительные доводы к тезису, согласно которому летописная повесть о «полоцком взятии» первична по отношению к текстам частных разрядных памятников, на которые ссылается В. И. Буганов [Анхимюк, 2004. С. 157—158]. К этому остается добавить следующее: при том внимании Ивана IV, которое он уделял официальному царскому летописанию, в текст летописной повести вряд ли могли проникнуть искажения событий, которые происходили перед глазами царя и при его активном участии (искажения в разрядных документах, особенно в частных разрядных книгах, представляются более вероятными). Между тем Иван IV вел через доверенных лиц переговоры с полоцким гарнизоном. Его представляли на «съездах» с литовцами в разное время Иван Черемисинов, Василий Разладин и Михаил Безнин. По ходу переговоров 7 февраля 1563 г. у русской стороны создалось впечатление, что представители полоцкого гарнизона Василий Грибун и Лукаш Халабурда специально _ медлят, затягивают

⁹⁵ Кстати, в монастыре М. А. Безнин (старец Мисаил) становится вторым лицом после настоятеля и пытается провести крупную хозяйственную реформу. Впоследствии Безнин ссорится с монастырскими властями и переходит в Троице-Сергиеву обитель. Дожил он до преклонных лет: как минимум в 1598 г. был жив, поскольку подписал тогда грамоту об избрании царя Бориса Федоровича как представитель Троице-Сергиевой обители. Ему тогда было 65—70 лет, не меньше [Кобрин, 2008. С. 155; Володихин, 1995. С. 59—60].

процесс. Далее в частных разрядных памятниках можно найти следующий текст:

И в те поря по государеву приказу приехал от дворовых воевод Михайла Безнин и учал говорити от воевод Ивану Черемисинову: «Прытко будет с полоцкими людьми дело, и они бы делали ранее, а не будет дела, и они бы розъехалися и государевым делом промышляли, а государевой рати про што без дела томитца». И Иван Черемисинов Михайлу Безнину говорил: «Вы де молотцы молодые, смышляете битися, и ты поедь прочь, а дай нам с Лукашем поговорити о крестьянской крови, штоб кровь крестьянская не пролилась, про што пролитися крови крестьянской, нечто бы дело зделалось без крови» [Анхимюк, 2004. С. 165—166].

Таким образом, создается впечатление, что мудрый Черемисинов одернул не в меру горячего Безнина, к тому же унизив его званием «молодца молодого», по сравнению с собой, старшим. Но, как уже говорилось, в том походе Безнин получил полное одобрение государя и в виде особой милости был отправлен как гонец с известием о падении Полоцка. С учетом этого факта, возвеличивание Черемисинова, к тому же идущее за счет унижения Безнина, который действовал по воле командования и самого царя, выглядит неестественно. В летописном варианте все иначе. Длинная ремарка Черемисинова полностью отсутствует, а значит, молодцом выглядит именно Безнин: он явился, чтобы поторопить не слишком ретивого коллегу и произвести на литовских дипломатов впечатление своей решительностью [Лебедевская летопись. С. 310]. Роль переговорщиков выделена столь отчетливо и характер их действий передан столь подробно, что это заставляет предполагать в одном из них автора заготовки, превратившейся затем в летописную повесть. С этой точки зрения, гораздо более вероятным автором является Михаил Безнин, а не кто-то из рода Черемисиновых, ведь именно он выставлен в летописи в выгодном свете. Но Черемисиновы, составляя или редактируя какой-то частный разрядный памятник, могли вписать туда несколько фраз от имени одного из представителей семейства, исправляя негативное впечатление от его деятельности.

Роман Васильевич Алферьев, близкая родня Безнина, появился в разрядах под 1553 г. как голова у стрельцов, участвовавших в карательной экспедиции на Луговую сторону и Арские места. В 1558 г. его назначили на очень скромную службу пристава у черкасских князей при служилых татарах во время одного из второстепенных ливонских походов русской армии. Во время похода князя И. Ф. Мстиславского на Феллин (1560) Алферьев числился головой в большом полку — тоже невелика честь. После взятия Феллина Роман Васильевич остался

там в качестве одного из воевод, командующих русским гарнизоном. Это его назначение — почетное, и оно свидетельствует о том, что Алферьев отличился во время боевых действий. Два года спустя он назначается вторым воеводой в Невель, и оттуда, по царскому указу от 28 сентября 1562 г., командируется в состав огромной армии, предназначеннной для взятия Полоцка; здесь он пребывает на должностях есаула и дозорщика. Но поздней весной 1565 г. опять поставлен головой (а не воеводой) в большую армию, выступавшую к южным рубежам [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 204, 223, 225, 231, 260; Баранов, 2004. С. 128, 131, 132]. Таким образом, до опричнины Роман Васильевич пребывал на средних «офицерских» должностях, как сотни других дворян. Он не был особенно заметен. В опричнию он попал не сразу — в отличие от Безнина, который оказался там в первые же месяцы существования опричного боевого корпуса. Да и то на первых порах Роман Васильевич не поднимается выше того же, привычного, положения головы. В 1568 г. он уже второй воевода передового полка в опричном корпусе под Вязьмой и Мценском. Под 7076 (видимо весна 1568) г. Алферьев показан в разряде как третий воевода небольшого отряда опричников под Одоевом. Пока еще он играет довольно скромную роль в опричном воинстве, хотя и стоит выше, чем в доопричные времена. Но тогда же ему удается добиться крупного успеха в местнической тяжбе с князем Иосифом Гвоздевым. К 1570 г. статус Романа Васильевича в опричнине резко повышается. Р. В. Алферьева ставят командовать войском, занятым строительством города Толшебора «по Колыванской дороге» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 54—56, 65; Кобрин, 1960. С. 51]. Выше этого он в военной карьере не поднимался⁹⁶. Зато карьера дипломатическая удалась ему гораздо больше. Еще в опричные годы он возвысился до положения печатника и впоследствии играл одну из ведущих ролей во внешней политике России; думный дворянин. При Федоре Ивановиче Алферьев растерял все свое влияние⁹⁷, испытал царскую опалу и потерпел тяжелые поражения в местнических тяжбах⁹⁸. Это естественно: по родови-

⁹⁶ Алферьев попал в команду бывших опричников, участвовавших в успешном штурме Пайды (январь 1573 г.), а именно в атаке «напролом». На закате карьеры, в июле 1585 г., он должен был припомнить ремесло военного, получив назначение вторым воеводой в Ладогу, что было для Романа Васильевича к тому времени явным понижением, а не успехом [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 90, 210—211].

⁹⁷ То же самое произошло в царствование Федора Ивановича и с Безним, и с другими опричными «выдвиженцами» Ивана Грозного.

⁹⁸ Отчасти они объясняются враждебным отношением со стороны могущественных Шуйских, отчасти же полным возвращением политического влияния высшей служилой знати, что само по себе перечеркивало высокий статус

тости он намного уступал аристократам Рюриковичам, Гедиминовичам и старинным московским боярским родам; до определенного момента монаршая милость выводила его на вершины власти, никак не соответствующие степени его знатности, затем государя сменил на троне его сын, и благоволение было отнято; тут старым врагам оставалось только вспомнить старые счеты с Алферьевым. Умер он в Царцыне в конце 1589 г. или в 1590 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 216, 248—250].

В опричной военной системе оба — Роман Алферьев и Михаил Безнин — исполняли роль постоянно задействованных командиров. Оба они были подняты по воле государя намного выше, чем могли мечтать в предопричное время. Оба начали местничать в опричнице и стали настоящими «рекордсменами» местнических тяжб после ее расформирования, поскольку единственным для них способом удержать высокий статус было постоянное соперничество с высокородной знатью и апелляции к той самой монаршей милости [Эскин, 1994. С. 211, 213]⁹⁹. М. А. Безнину принадлежит экстраординарное действие — в начале 1582 г. он угрожал царю пострижением в монахи после поражения в местническом споре:

...Искал своего отечества Михайло Безнин на Василье Зюзине. И, берегучи Василья, бояре перед Михайлом оправили тем, что Василья Зюзина дядя боярин Офонасей Щетнев был на Галиче намесник больши намесника боярина Михайла Тучкова, а ему, Василью, дана правая грамота на Петра Головина. И Михайло Безнин от тое боярской обвинки хотел постритца. И государь, разсмотря тово дела, Михайла пожаловал, велел дати на Василья правую грамоту [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 191].

Игнатий Борисович Блудов — еще одна «рабочая лошадка», но в гораздо большей степени, чем Алферьев и Безнин: его отправляют на воеводские должности постоянно. У Блудова опыт военной работы был колossalным — больше, чем у кого бы то ни было в группе «хутородных дворян», да и вообще один из самых значительных по всему опричному командному составу¹⁰⁰. Но происхождение провинциаль-

хутородных креатур Ивана IV. Впрочем, опалу, наложенную на Алферьева, объясняют также тем, что он находился в родственной связи с Нагими, коих опасался невенчанный правитель России Борис Годунов, см.: [Корецкий, 1986. С. 98; Павлов, 1992. С. 38].

⁹⁹ Кстати, такая же картина просматривается и в карьере кн. Д. И. Хворостинина, о котором речь шла выше, с той лишь разницей, что уровень его притязаний в военной иерархии был выше, чем у Безнина с Алферьевым.

¹⁰⁰ О службах Игната Борисовича Блудова подробно написали В. Б. Кобрин и С. Б. Веселовский, см.: [Кобрин, 1960. С. 26—27; Веселовский, 1963.

ногого дворянина не позволило ему подняться на высшие ступени армейской иерархии; в местническом отношении он стоял слишком низко. Потолок Игнатия Борисовича в опричнине — назначение воеводой сторожевого полка под Тулой в 1569 г. «после отходу опришнинских больших воевод» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 252]¹⁰¹. Этот военачальник погиб осенью 1580 г. под Смоленском [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 3, ч. 1. С. 178].

В опричнине служил также брат Игнатия Борисовича, Михаил Борисович. Он, очевидно, не рассматривался как человек, который обладает столь же феноменальным опытом и надежностью, как И. Б. Блудов. До весны-лета 1569 г. его вообще не видно в разрядах на командных должностях¹⁰², и лишь «Тысячная книга» сообщает о его службе по Воротынску, в числе детей боярских третьей статьи [ТКДТ. С. 73]. По всей видимости, только протекция брата позволила Михаилу Борисовичу получить чин второго воеводы в самостоятельном опричном отряде, отправленном к Великим Лукам в августе 1569 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 251—252] После отмены опричнины он никогда не поднимается до уровня воеводских чинов и получает лишь малозаметные «именные» поручения — «ставить сторожи» во время похода к Пайде зимой 1572/73 г., идти головой в составе передового полка на «береговую службу» летом 1576 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 92, 127]. Список служб Михаила Борисовича приведен здесь, хотя он в опричнине никогда не возглавлял ни полков, ни самостоятельных отрядов, по одной причине — чтобы показать, насколько заурядные личности попадали в опричный боевой корпус на командные посты «по родству». Ведь брат Михаила Борисовича, И. Б. Блудов, в отличие от него, в постопричные годы сумел, хотя и не

С. 206]. К данным Веселовского и Кобрина можно добавить немногое: в полоцком походе 1562—1563 гг. Игнатий Борисович должен был «за государем ездити» [Баранов, 2004. С. 130]. Возможно, тогда-то Иван IV и выделил эту фигуру как перспективную.

¹⁰¹ В остальное время Блудова ставили главным образом вторым воеводой в полках: очевидно, предполагалось, что человек со столь длинным шлейфом боевой службы за спиной «подстрахует» менее опытных опричных командиров. В таких должностях он четырежды ходил с опричным боевым корпусом к Калуге, стоял у Ржева, отбивал Изборск в составе опричного отряда, приданного земской армии М. Я. Морозова, оставался «дежурным» воеводой в Слободе весной 1572 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55, 58, 59, 83; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 233, 250—251]. Иными словами, Игнатья Борисовича охотно использовали как военачальника, но не спешили давать ему повышение.

¹⁰² В полоцком походе зимы 1562/63 г. М. Б. Блудов — всего лишь «дозорщик» [Баранов, 2004. С. 131].

сразу, восстановить прежнее свое положение воеводы, утраченное было в 1572 г. В сентябре 1576 г. он был воеводой в отряде, отправленном «по вестям» к Полоцку, а в 1580 г. попал одним из воевод в Смоленск и участвовал там осенью в разгроме девятитысячного войска литовцев [Там же. С. 135, 169, 183]. В какой-то степени, высокий чин Михаила Борисовича Блудова, полученный одноразово, мог быть своего рода компенсацией за долгую честную службу Игнатия Борисовича Блудова.

Константин Дмитриевич Поливанов принадлежал к старинному роду, не попавшему в государственный родословец и известному лишь по частным. Этот род стоял очень далеко от воеводских назначений и, тем более, думных чинов. Тем не менее Константин Дмитриевич, сопровождавший царя в его знаменитом походе 1564 г. из Москвы в Александрову слободу, и был одним из доверенных лиц Ивана IV. Летопись сообщает, что 3 января 1565 г. «прислал царь и великий князь из Слободы ко отцу своему и богомольцу к Офонасию митрополиту всеа Руси с Костянтином Дмитриевым сыном Поливанова с товарыщи да список, а в нем писаны измени боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измени делали и убытки государству...»; с тем же Поливановым Иван IV отправил иную грамоту купцам «и всему православному крестьянству града Москвы», а в грамоте говорилось, что на купцов и других горожан, не относящихся к числу «служильых людей по отечеству» у него «гневу... и опалы некоторые нет» [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 342]. Четырежды Константина Дмитриевича назначали на должности уровня полковых воевод и поручали иные важные опричные службы. Высшее служебное достижение Поливанова относится к 7076 (1567/1568) г.: его расписали первым воеводой в опричном отряде, отправленном к Мценску [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 54—55]¹⁰³. Очевидно, Константин Дмитриевич обладал в глазах царя значительными заслугами: ему удалось «втащить» на высокие чины и своего брата Ивана, начавшего службу задолго до опричнины, но не попавшего ни на одно «имменное» назначение [Кобрин, 1960. С. 64—65]¹⁰⁴.

¹⁰³ Другие крупные военные назначения К. Д. Поливанова в опричнине таковы: чуть позже под Мценском он был первым воеводой сторожевого полка, а в 1569 г. под Калугой числился вторым воеводой передового полка [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59].

¹⁰⁴ Впрочем, как уже говорилось выше, одноразовое пребывание Ивана Дмитриевича на воеводском посту могло быть писцовой ошибкой, а единственной его воинской службой в опричнине, помимо этого сомнительного воеводства, является пребывание в «стану у государя», во время осеннего похода

После отмены опричнины звезда К. Д. Поливанова закатилась: высокие чины он более не получал, ходил в приставах и головах.

Таким образом, можно сделать вывод, что на уровне основного воеводского костяка почти полностью повторяется картина, сложившаяся в верхнем эшелоне опричного командования. Неродовитых людей в этом слое очень мало — всего четверо. Прочие же относятся либо к титулованной аристократии, либо к старомосковским боярским родам. В военных действиях, которые вел опричный боевой корпус, эти четверо воевод не проявили себя как-то особенно: источники не дают возможности утверждать, что у кого-то из них был высокий тактический талант (как у того же кн. Д. И. Хворостинина или кн. А. И. Вяземского), однако не видно и того, чтобы кто-то из них «правился», отправляя служебные обязанности. Полоцкий поход 1562—1563 гг. и на этом уровне играет роль «кузницы кадров», через которую прошло абсолютное большинство видных фигур: 12 из 19 (т. е. 63%).

Количество выходцев из титулованной и нетитулованной знати на данном уровне до 1570 г. примерно равно, а позднее титулованная знать начинает абсолютно преобладать: позиции Плещеевых рушатся, замены им из числа старомосковских боярских родов не видно. Колычёвы-Умные скомпрометированы опалой со стороны митрополита Филиппа на их родича, они не могут встать на место Плещеевых. Других столь же влиятельных старомосковских боярских родов в опричной военной системе просто нет.

Личное доверие государя и семейственно-родственная поддержка не останавливают впечатления столь же мощного фактора при отборе претендентов на высокие посты, однако и в данном случае они играют весьма заметную роль. Полководцев, получивших значительный тактический опыт на воеводских должностях в крепостях или полевых соединениях еще до поступления в опричнину, — большинство.

Что же касается стабильности командного состава на данном уровне, то она гораздо ниже, чем на уровне высших опричных воевод. Несколько раз (4 и больше) на воеводские посты назначались только 6 персон из двух десятков. Это прежде всего кн. Д. И. Хворостинин, абсолютный рекордсмен по воеводским назначениям в опричнине (10 назначений), И. Б. Блудов (8), В. И. Колычёв-Умной (7), кн. И. П. Охлябинин (6). «Вливание» титулованных служилых аристократов, в первую очередь «старицких воевод», сыграло роль радикальной «смены команды». Костяк командных кадров на этом уровне, переживший

1567 г., прерванного до начала боевых действий [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 222].

большую кадровую перестановку 1570 г., оказался численно незначительным.

4. Вторые, третьи и четвертые воеводы в полках и отдельных отрядах опричного корпуса

Третий «ярус» опричной армейской иерархии составляли вторые, третьи и четвертые воеводы в полках и отдельных отрядах. Вот их реестр:

Бельский-Скуратов Григорий (Малюта) Лукьянович
 Блудов Михаил Борисович
 Борисов Григорий Никитич
 Борисов Никита Васильевич
 Боушев (Баушев) Иван («Омеля» [Емельян?] Унковский?)
 Бутурлин Дмитрий Андреевич
 Бухарин-Наумов Иван Иванович
 князь Вяземский Василий (Волк) Иванович
 князь Гвоздев-Приимков-Ростовский Иосиф Федорович
 князь Гвоздев-Приимков-Ростовский Михаил Федорович
 Зайцев Петр Васильевич
 Львов Федор
 князь Морткин Андрей Иванович
 Мятлев-Слизнев Иван Иванович
 Новокшенов (Новокщенов) Афанасий
 Плещеев-Очин Никита Иванович
 Поливанов Иван Дмитриевич
 Поярков Петр
 Салтыков Игнатий Борисович
 князь Сицкий Василий Андреевич
 князь Темкин-Ростовский Иван Васильевич
 князь Хворостинин Андрей Иванович
 князь Хворостинин Петр Иванович
 Шафериков-Пушкин Дмитрий
 Яковлев Василий Петрович

Служебная карьера И. Д. Поливанова, М. Б. Блудова, князя И. В. Темкина-Ростовского, князей А. И. и П. И. Хворостининых, а также князя В. И. Вяземского уже рассматривалась выше, поскольку в ряде случаев удобно было анализировать судьбы одновременно нескольких представителей рода военных людей в опричнине.

Старинные боярские роды представлены в этом списке обильно — так же как и на более высоких «ярусах» опричной военной иерархии. В числе их представителей Никита Иванович Плещеев-Очин, Дмитрий

Андреевич Бутурлин, Игнатий Борисович Салтыков, Василий Петрович Яковлев, Дмитрий Шафериков-Пушкин, Петр Васильевич Зайцев — всё это выходцы из древнего московского боярства. К ним примыкают Никита Васильевич и Григорий Никитич Борисовы, отпрыски старинного тверского боярства, давно сроднившиеся со службой на московских государей.

О роде Плещеевых и его роли в опричнине выше было сказано достаточно. Еще один его представитель, Н. И. Плещеев-Очин, занимал по сравнению с иными членами этого семейства более скромное положение. Он был в 1569 г. всего лишь третьим воеводой в отряде «из опричнин», ходившем отбивать Изборск вместе с земским корпусом М. Я. Морозова. Тем не менее Никита Иванович, уповая на выдающееся положение родни, в этом походе был челом «в отечестве о счете» на окольничего В. И. Колычёва-Умного, представителя другого великого опричного рода. Ему сопутствовал успех: удалось добиться права идти в поход «без мест» и получить «невместную грамоту» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58]. Когда семейство Плещеевых потеряло высокие чины и лишилось нескольких видных своих представителей в результате опалы на боярина А. Д. Басманова-Плещеева, у него был серьезный враг — влиятельные Колычёвы-Умные, которые могли подтолкнуть падение конкурентов. Никита Иванович, однако, благополучно пережил опричные казни ближайших родственников. Для него служба в опричном корпусе вообще оказалась малозначительным эпизодом. Отчасти ему повезло: он был, по всей видимости, намного моложе, чем его старшие братья Захарий Иванович и Иван Иванович, простиавшиеся с жизнью вместе с А. Д. Басмановым-Плещеевым, не достиг высокого положения и оставался в опричнине фигурой незаметной; по этой причине, вероятно, и уцелел.

Что Никита Иванович представлял собой как военачальник перед поступлением на службу в опричнину?

Это командр с изрядным послужным списком, по непонятным причинам не получивший в опричном корпусе ни малейшего повышения в чинах. В сентябре 1547 г. он присутствует на свадьбе князя Юрия Васильевича и княгини У. Д. Палецкой — «со княгининым зголовьем» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 4]. Очевидно, тогда он еще юноша, поскольку «именные» назначения его в армейских разрядах начнут появляться лишь десять лет спустя. Осенью 1557 г. он отправляется в Темников — первым воеводой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 16]. В 7070 (1561/1562) г. Никита Иванович — один из воевод в Смоленске, затем второй воевода стояржевого полка в рати, отправленной «в литовскую землю» (первый воевода того же полка — его брат Иван) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 230, 232]. В 7072 (1563/1564) г. он сидит воев-

водой в маленькой Керепети на ливонском рубеже, откуда в апреле 1564 г. переходит наместником в Почеп, а оттуда на следующий год возвращается в Керепеть [Там же. С. 245, 246, 253]. В промежутке от первого воеводского сидения в Керепети до наместничества в Почепе Н. И. Плещеев-Очин принял участие в походе большой русской рати воевод кн. В. С. и П. С. Серебряных-Оболенских в район нынешней Северной Белоруссии; оттуда 12 февраля 1564 г. он прискакал гонцом к Ивану IV с отчетом о тактическом успехе армии Серебряных [Александро-Невская летопись (Продолжение). С. 329—330]. Кобрин с полным на то основанием предположил, что Никита Иванович вошел в опричнину на раннем этапе ее существования, поскольку его имя числится среди поручителей по его старшем брате З. И. Плещееве-Очине в грамоте 7074 (1565/1566) г. [Антонов, 2004. С. 55—56; Кобрин, 1960. С. 63]. Очевидно, в опричной военно-административной системе оказалось слишком много людей из обширного семейства Плещеевых. Поэтому четвертому, младшему брату из отрасли Плещеевых-Очинах предстояло оказаться в тени высокопоставленных родственников и вне крупных воеводских назначений. По служебным назначениям в опричном корпусе его заметно превзошел даже Андрей Иванович Плещеев-Очин, родной брат, явно уступавший Никите Ивановичу в командном опыте. Андрей был старше Никиты, и семейный интерес в данном случае, как видно, возобладал над государственным. Возможно, Никиту Ивановича использовали на административно-судебных службах или ждали удобного момента, чтобы возвысить. Но вплоть до общей опалы на Плещеевых такого случая не представилось.

Благополучно пережив опалу, Никита Иванович на несколько лет исчезает из разрядов. Лишь в 1573 г. ему доверят небольшой отряд для самостоятельных действий в Ливонии, затем, весной-летом 1575 г., он опять появится на службе — как второй воевода в Туле, а через год, в августе 1576 г., уже возглавит полк левой руки на «береговой службе» у Каширы [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 327; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 115, 129]. Впоследствии его станут постоянно отправлять в походы на воеводских должностях, он возглавит полки и целые армии, заработает окольничество и будет последний раз упомянут разрядами в апреле 1593 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 262, 296]. Фактически Н. И. Плещеев-Очин окажется одним из самых востребованных русских полководцев периода последних лет правления Ивана IV и большей части царствования Федора Ивановича. Никита Иванович сделает очень хорошую карьеру на военном поприще, но возвышение его не связано со службой в опричнине.

Дмитрий Андреевич Бутурлин сыграл в опричной военной системе очень малую, почти незаметную роль. Осеню 1570 г. он был вторым воеводой в самостоятельном опричном отряде, развернутом на Сенькином перевозе против крымцев [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2,

ч. 2. С. 272] ¹⁰⁵. Это никак не соответствует его высокому положению в структуре опричнины в целом. Дмитрий Андреевич был окольничим в опричной Думе, выполнял дипломатические поручения, в 1564—1568 гг. составлял писцовые книги по Мурому; он благополучно пережил опричнину и был казнен лишь в 1575 г. [Сборник РИО, 1892. С. 599, 612, 613; Веселовский, 1963. С. 364; Зимин, 1958. С. 75].

С точки зрения воеводского опыта, Дмитрий Андреевич не был ценным приобретением для опричного боевого корпуса. Разряды лишь дважды зафиксировали его пребывание на командных должностях до опричнини: в Казани он «годовал» третьим воеводой в 7066 (1557/1558) г. — вместо окольничего С. В. Шереметева (Бутурлин обязан был «ведать ворота»); а во время зимнего 1562/63 г. похода на Погоцк числился есаулом, кроме того, его обязанностью было «спати в стану» у государя [Баранов, 2004. С. 130, 131].

Род Бутурлиных восходит к Акинфу Великому из Ратшичей, служивших московским князьям с XIV столетия. В XVI в. Бутурлины процветали: их регулярно назначали на воеводские посты в армии, наместниками и дворецкими в административном аппарате, некоторые дослужились до думных чинов. Правда, семейство их весьма расплодилось, так что среди Бутурлиных второй половины века встречается немало дюжинных дворовых детей боярских, не поднявшихся до высот воеводства или наместничества [Зимин, 1988. С. 161, 162, 166, 170—172]. Среди «тысячников» Бутурлиных целых десять, и служат они, большей частью, по Переяславлю Залесскому, в том числе и сам Дмитрий Андреевич — переяславский сын боярский III статьи [ТКДТ. С. 67, 268]. Бутурлины являлись одним из старомосковских боярских родов, т. е. принадлежали к той социальной среде, которая дала административный костяк ранней опричнины. Включение некоторых представителей этого разветвленного рода в состав опричного двора выглядит вполне естественно. Другое дело, что в армейской иерархии опричнини им было отведено место, полностью лишавшее их возможности контролировать сколько-нибудь серьезные вопросы: Бутурлины стояли в опричной военной среде намного ниже Плещеевых, как, впрочем, в дипломатической — ниже Колычёвых-Умных. Возможно, Дмитрий Андреевич, с его сравнительно небольшим командным опытом, в большей степени был интересен Ивану IV как администратор, а

¹⁰⁵ Остается добавить, что в сентябре того же года Дмитрий Андреевич Бутурлин сопровождал Ивана IV в походе из Александровской слободы к Серпухову, в мае 1571 г. — в походе на юг, против Девлет-Гирея, а также весной 1572 г. — в походе к Новгороду [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 66, 72, 80]. Сопровождал, но не был назначен на какую-либо воеводскую должность.

не как полководец. Это отчасти подтверждается карьерой Д. А. Бутурлина в постопричные годы: Дмитрия Андреевича не ставили на крупные воеводские посты; пиком его достижений в этой сфере стало «годование» первым воеводой в Пайде, взятой русскими войсками в январе 1573 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 95].

У Василия Петровича Яковлева схожая история службы в опричнице. Он также упоминается на воеводской должности в опричном боевом корпусе всего один раз. В мае 1571 г., во время неудачной оборонительной операции против крымцев Девлет-Гирея, Василий Петрович действует как второй воевода передового полка в опричном боевом корпусе [Там же. С. 74]. Тогда русская армия, вышедшая на встречу противнику, сначала отступила, а затем потерпела поражение, пытаясь отстоять столицу. Выше уже говорилось о том, что В. П. Яковлева казнили среди прочих воевод, на которых была возложена ответственность за московский разгром¹⁰⁶.

Трудно понять, почему Василию Петровичу доверили важный воеводский пост в столь ответственный момент. Он не обладал достаточным командным опытом. В опричные годы он вообще лишь дважды выходил в походы (до мая 1571 г.): осенью 1567 г. боярин В. П. Яковлев сопровождал царевича Ивана в прерванном походе в новгородские земли; осенью 1570 г. он сопровождал царя и царевича Ивана к Серпухову [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 51, 66]. Сопровождал — без каких-либо воеводских обязанностей. Но и до опричнины у Василия Петровича было крайне мало возможностей выработать навыки полководца. В апреле 1551 г. В. П. Яковлева определили вторым воеводой в Мценск — помогать брату, И. П. Яковлеву, крупному военно-му деятелю, поставленному туда же первым воеводой; весной 1554 г. он охранял строительство Дедилова вместе с кн. Д. М. Жижемским, прия на эту службу с тульского воеводства; в 7067 (1558/1559) г. его расписали в несостоявшийся поход под Тулу... как одного из высших администраторов, которые должны были оставаться в Москве и организовывать ее оборону от татар; а в апреле 1562 г. он получил точно такое же поручение, когда русская армия во главе с царем вышла к Можайску «для литовского дела» [Лебедевская летопись. С. 228, 298; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 472; Милюков. Древней-

¹⁰⁶ Таубе и Крузе связывают его гибель также со смертью брата, Ивана Петровича Яковлева-Хирона: обоих забили батогами насмерть [Таубе и Крузе, 1922. С. 54]. Возможно, так оно и было: Иван Петрович потерпел поражение под Ревелем, Василий Петрович — один из тех, кто потерпел поражение в Москве. Оба они были виновны в одном и том же, оба были наказаны смертью.

шая разрядная книга... 1901. С. 150, 213]¹⁰⁷. Вот весь его опыт как полководца: второй воевода в Мценске в 1551 г., затем под Дедиловом в 1554 г. ... и второй воевода сторожевого полка под Москвой в 1571 г., после семнадцатилетнего перерыва. Один раз в жизни человеку, не имеющему ни малейшего представления о воеводской работе в самостоятельном полевом соединении, доверили именно такую работу перед лицом наступающей крымской орды. Надо ли удивляться, что его действия впоследствии получили неудовлетворительную оценку, а сам он лишился жизни?

Но почему, по какой причине Иван IV позволил ему получить подобное назначение? Здесь в полной мере сказались те недостатки, которыми страдал кадровый подбор в опричной армейской иерархии. Опыт и тактические навыки, как это видно из множества случаев, представленных выше, оказывались далеко не на первом плане при выборе кандидатур на занятие воеводских постов в действующей армии. Кто такой Василий Петрович Яковлев? Он относился к старинному и весьма влиятельному боярскому роду Яковлевых-Захарьиных или, иначе, Яковлей¹⁰⁸, которые стали родней самому Ивану IV, женившемуся в 1547 г. на девице из их семейства — Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Одним из главных советчиков царя при учреждении опричнины был Василий Михайлович Захарьин-Юрьев, младший родственник Василия Петровича Яковleva [Зимин, 1988. С. 179, 185—187]¹⁰⁹. И, кстати, дочь того же В. М. Захарьина-Юрьева была замужем за кн. М. Т. Черкасским, который являлся братом второй жены Ивана IV — Марии-Кученей Черкасской (в период брака с нею и началась опричнина). Таубе и Крузе также сообщают, что Василий Петрович занимал высокую дворцовую должность «гофмейстера» [Таубе и Крузе, 1922. С. 54] (дворецкого?) при царевиче Иване Ивановиче, что подтверждается уже приведенной разрядной записью, в соответствии с которой осенью 1567 г. В. П. Яковлев сопровождал царевича в походе. Итак, Василий Петрович возвысился главным образом по той причине, что род его располагал доверием Ивана IV и был близок к престолу как никакой иной из родов старомосковской нетитулованной

¹⁰⁷ В. Б. Кобрин считал также, что весной 1555 г. Василий Петрович был воеводой в Михайловой, см.: [Кобрин, 1960. С. 90], но найти подтверждение этому в разрядах не удалось: на указанный им срок в Михайловой был расписан С. С. Морозов, которого летом сменила целая группа воевод: кн. И. И. Пронский Турутай, кн. Д. С. Шестунов, кн. П. С. Оболенский-Серебряный [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 484, 498].

¹⁰⁸ В именительном падеже единственного числа — Яковль.

¹⁰⁹ Женат В. П. Яковлев был, кстати, на дочери кн. Б. И. Горбатого — боярина и богатого вотчинника [Антонов, Маштафаров, 2004].

знати. Именно это обстоятельство и обеспечило В. П. Яковлеву успешную карьеру, а отнюдь не командирские таланты.

Служба Игнатия Борисовича Салтыкова в опричнине представляет собой загадку. Он упомянут всего один раз: во время выхода основных сил опричного корпуса под Калугу в 1605 (весна-лето 1570) г. Его поставили вторым воеводой в полку левой руки [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 262]. Но появление этой персоны в разрядах окружено странными обстоятельствами. История старинного московского рода Салтыковых (выходцы из разветвленного семейства Морозовых) в опричнине отлично изучена С. Б. Веселовским, а затем важные штрихи добавлены В. Б. Кобрином [Веселовский, 1963. С. 441—442; Кобрин, 1960. С. 72]. Салтыковы достигли видного положения при опричном дворе, но в армейской иерархии совершенно незаметны. Ни Веселовский, ни Кобрин в числе опричников Игната Борисовича не называют, хотя, казалось бы, для истории рода немаловажный факт — достижение воеводского чина одним из его представителей...

Более того, И. Б. Салтыков нигде более не всплывает в разрядных записях, иных документах, летописях, известиях иностранцев. В родословиях отыскать его также не удалось. Таким образом, возможны два варианта. Первый из них: у видного военного деятеля Бориса Ивановича Салтыкова был сын Игнатий, который один раз за всю жизнь получил именное назначение в опричнине и более нигде не достигал высокого положения. Второй: в разрядной книге — писцовая ошибка. Имелся в виду другой человек. Им мог быть, скорее всего, крупный опричный военачальник Игнатьй Борисович Блудов, который тогда постоянно назначался на командные посты подобного ранга¹¹⁰. Решить этот вопрос окончательно не представляется возможным, а потому, думается, следует воздержаться от дальнейших рассуждений на этот счет.

Пребывание Дмитрия Шаферикова-Пушкина в опричной службе представляет собой столь же серьезную исследовательскую проблему, как и в отношении И. Б. Салтыкова. Историки, составлявшие простираные списки опричного двора, — Г. Н. Бибиков, В. Б. Кобрин и, главное, С. Б. Веселовский — не видят в нем опричника. Мнение Веселовского особенно важно, поскольку он, во-первых, специально рассматривает биографию этой персоны в контексте опричных казней, затронувших Пушкиных [Веселовский, 1963. С. 432], и, во-вторых, поскольку ему принадлежит исследование рода Пушкиных, с учетом многочисленных боковых ветвей семейства.

¹¹⁰ И. Б. Блудов уже был охарактеризован выше. Впрочем, возможны, хотя и менее вероятны, иные варианты: автор разрядной записи мог иметь в виду, например, Дмитрия Борисовича Салтыкова.

С. Б. Веселовский, отчасти придавший книге о предках А. С. Пушкина популярный характер, допустил некоторые искажения в биографии столь крупного представителя этого рода, каким был Дмитрий Шафериков-Пушкин. Несколько упрощенное — применительно ко вкусам широкой аудитории образованных гуманитариев — изложение привело к появлению ряда неточных формулировок.

Думается, уместно привести здесь большую цитату из труда С. Б. Веселовского:

...При Иване Грозном Пушкиных разных фамилий было не менее 90 человек, из которых в дворянах служили 52 человека. Таким образом, около трети Пушкиных по своему служебному положению не имели случая обратить на себя внимание Ивана Грозного и попасть под его горячую руку. Тем не менее несколько Пушкиных все-таки пострадали от опальчивого царя. Курбский в «Истории о великом князе Московском» упомянул о Дмитрии Федоровиче Шаферикове и писал, что он был «муж зело разумный и храбрый и уже в совершеных летех; единоплеменный же бе Челядниным». Курбский знал Дмитрия Федоровича Шаферикова лично, так как тот не раз сражался под начальством Курбского в Ливонии... Изо всех Шафериковых Дмитрий Федорович был единственным выдающимся человеком. Незадолго до 1550 г. он попал в дворовый список и в 1550 г. в числе тысячи «лучших слуг» государева двора получил поместье под Москвой. Его возвышение по службе началось еще до того времени, когда царь взял бразды правления в свои руки. В 1554 г. Дмитрий Шафериков был вторым воеводой передового полка в походе на луговую черемису. С начала Ливонской войны он всё время в передовом полку — в Ругодиве и в Орешке, а затем в действиях под начальством князя Курбского. В 1562 г. он был воеводой в Себеже, в 1564 г. — в Невеле, в 1565 г. — в Велиже. На Земском соборе 1566 г. Дмитрий Шафериков был в дворянах первой статьи, то есть занимал высокое положение — в «больших московских дворянах», выше стольников. Он был убит, по-видимому, во время новгородского погрома 1570 г., и одновременно с ним погиб его брат Иван [Веселовский, 1990. С. 107—108].

Итак, этот Дмитрий Шафериков-Пушкин и Афанасий Новокшено¹¹¹ (Новокщенов или Новокрещенов) участвовали в строительстве города Толшебора на Колыванской дороге в 1570 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 65]. В разрядной записи не сказано, что они «из опричнинны», однако, во-первых, старшим воеводой при строительстве города был назначен видный опричник Р. В. Алферьев¹¹², и подчиненных

¹¹¹ О нем речь пойдет ниже, когда повествование дойдет до группы худородных дворян.

¹¹² Выше указывалось, что Р. В. Алферьев уже в 1568 г. занимал в опричнине воеводские должности.

ему также, скорее всего, подобрали из опричнины; и во-вторых, перед перечислением тех, кто «город делал», указано, что «для береженья» строительных дел были поставлены два воеводы, строго разведенные в разряде: один — земец И. П. Яковлев, другой же — опричник В. И. Колычёв-Умной. Троє воевод, смотревших за строительством (Алферьев, Шаферикин-Пушкин и Новокшенов), записаны сразу после Умного, без ремарок о принадлежности к опричнине или земщине, поскольку надо полагать, ремарка о принадлежности к опричнине самого Умного относилась и к ним троим. Если бы из числа этих троих один или двое относились к земщине, логично было бы ожидать, что и их также четко отделят от очевидного опричника Алферьева, как отделили Яковлева от Умного.

Вывод: Дмитрий Федорович Шаферикин-Пушкин в 1570 г. служил в опричнине и получил там воеводское назначение на строительство города.

Семейство Пушкиных к середине XVI в. было огромным и весьма разветвленным. Происходили они от героя Невской битвы 1240 г. Гаврилы Алексича и служили московским князьям — как великим, так и их удельным сородичам — с XIV столетия. Тесные связи с Дмитровским удельным двором (вплоть до думных чинов), по мнению А. А. Зимина, не способствовали их выдвижению на великорусской службе. Положение разных ветвей Пушкиных варьировало в широком диапазоне — от безвестных детей боярских до бояр и воевод [Зимин, 1988. С. 161—165]. Ветвь новгородских помещиков Шаферикиных-Пушкиных, шедшая от Федора Степановича Шаферика, была одной из «средних» — имелись ветви «старше» и «младше» в генеалогическом смысле — и довольно заметной в служебном отношении.

То, что пишет о службах Дмитрия Федоровича С. Б. Веселовский, в общем смысле верно, но фактически не совсем точно. Важно не только пребывание в воеводском чине, но еще и в каком именно. Так вот, Дмитрий Федорович в 1554 г. ходил на черемису не как второй воевода передового полка (так у Веселовского), а как второй воевода «в посылки» от передового полка¹¹³, а это намного ниже; затем он дважды в разных походах назначался головой, и лишь в поход 1560 г. на ливонские земли отправился вторым воеводой передового полка,

¹¹³ Да еще и непонятно до конца из-за несколько невнятной формы записи: то ли воевода «в посылки», то ли голова. Относительно низкое — ниже воеводы — положение Д. Ф. Шаферикина-Пушкина в этом походе видно по наградным ведомостям: воевод и старших голов наградили «угорскими золотыми», головам стрелецким дали по «золотой деньге», а Дмитрию Федоровичу досталась, как и многим другим участникам похода, всего лишь серебряная монета «новгородка».

позднее, в составе более крупного соединения, переместился на пост второго воеводы «у наряду»¹¹⁴; в Нарве (Ругодиве) в 1558 г. сидел вторым воеводой (никак не в передовом полку, а просто в крепости), в Раковоре в 1560 г. — вторым воеводой (точнее сказать, вторым воеводой отряда, отправленного из Раковора на ливонские земли), в Альсте в 7069 (1560/1561) г. — вторым воеводой, в Себеже в 7070 (1561/1562) г. — вторым воеводой, в Невеле в 7072 (1563/1564) г. — вторым воеводой, оттуда скоро перешел в Велиж, и в Велиже в 7073 (1564/1565) г. (или, возможно, несколько раньше, уже в 7072 г.) — вторым воеводой, в Усвяте в 7075 (1566/1567) г. — вторым воеводой (у Веселовского нет) [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 170, 199, 201, 205, 222, 231, 244; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 24, 26, 49; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 66, 77, 91, 151]. А вот зимой 1567/68 г. Д. Ф. Шафериков-Пушкин получил очень важное назначение — первым воеводой сторожевого полка в походе «в Литовскую землю... под Рую, да под Йскаш, да под Бряславль» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 227]¹¹⁵. Двою других воевод, соответственно, большого и передового полков, — И. А. Канбаров и В. Коробов — из земцев. Следовательно, и сам Дмитрий Федорович еще земец. Год спустя его направляют опять на ту же должность в армию, брошенную к крепости Улла [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 239]. И это вновь соединение, действующее под командованием земских военачальников: кроме Д. Ф. Шаферикова-Пушкина на «именных службах» стоят И. В. Меньшой Шереметев (во главе большого полка) и В. А. Бутурлин (во главе передового полка). В земских и опричных службах между походом на Улу и строительством на Колыванской дороге Дмитрий Федорович разрядами не зафиксирован, а после 1570 г. вовсе из них исчезает. Вероятно, он действительно был казнен¹¹⁶.

¹¹⁴ Русскую армию в первом случае действительно возглавлял князь А. М. Курбский, как пишет Веселовский, а более крупное соединение — уже другой военачальник, князь И. Ф. Мстиславский.

¹¹⁵ Впрочем, данная разрядная запись вызывает сомнение: под 7068 (1559/1560) г. стоит точно такая же. Из-за незначительных масштабов похода трудно определить, когда именно он произошел — восемью годами раньше или позже. Более вероятна поздняя датировка: в конце 1559—первой половине 1560 г. уровень служебных назначений Д. Ф. Шаферикова-Пушкина был заметно ниже, чем пост полкового воеводы. Вряд ли его тогда могли перевести из воинских голов сразу на командование полком.

¹¹⁶ Возможно, причиной казни могло стать давнее добродетельное знакомство с А. Д. Плещеевым-Басмановым, который несколько раньше лишился жизни в связи с подозрением в измене по «новгородскому делу». Ведь в 1558 г. имен-

Таким образом, Дмитрий Федорович был военачальником с весьма значительным боевым опытом. До опричнины он участвовал в ряде походов как младший военачальник (голова), затем как воевода, сидел в крепостях на самых опасных участках литовско-ливонского фронта (Нарва, Раковор, Себеж, Невель, Велиж, Усвят и Алыст — все это передний край русской обороны), успел сделать выдающуюся карьеру. На протяжении многих лет он был «вечно вторым», как и многие представители московской нетитулованной знати, например, знаменитый полководец и «отец опричнины» А. Д. Плещеев-Басманов.

Однако в земщине (именно в земщине, а не в опричнине) Д. Ф. Шафериков-Пушкин получил под командование полк в действующем полевом соединении. В опричнину он попал ненадолго и там его служебный статус понизился сравнительно с тем, что он имел незадолго до того в земщине. Очевидно, сам Дмитрий Федорович не горел желанием переходить в опричнину, однако его рекрутировали туда в момент, когда потребовались свежие командные кадры. Огромный опыт его, очевидно, не успел найти в опричном боевом корпусе должного применения.

Петр Васильевич Зайцев был в числе видных опричных деятелей. Род Зайцевых происходил от старшей ветви старинного московского боярского семейства Добрынских¹¹⁷. Из их числа вышел крупнейший политический фаворит времен правления Василия III — Иван Юрьевич Поджогин Шигона, дворецкий. Иван Юрьевич приходился дядей Петру Васильевичу Зайцеву [Зимин, 1988. С. 218, 221—222]. Возможно, на первых этапах его карьеры влиятельный родственник помогал ему. Петр Васильевич принадлежал к знатному роду, однако ни богатством, ни влиянием при дворе Зайцевы не отличались. Положения следовало добиваться службой, протекцией со стороны более удачливой родни, а также иных могущественных людей. Так, например, П. В. Зайцев оказал важную услугу Шуйским. Летопись называет П. В. Зайцева главным среди убийц кн. И. Ф. Бельского, умерщвленного в 1542 г. на Белоозере «без великого князя ведома боярским самовольством» [Ле-

но Алексей Данилович выдвинул Дмитрия Федоровича на воеводский чин, сделав его вторым воеводой в Нарве после успешного взятия города.

¹¹⁷ Родословие это до некоторой степени сомнительно: в ряде родословных книг редакции конца XVII в. к поколенной росписи Добрынских приписан «первак» К. И. Добрынского — Дмитрий Заяц (и, следовательно, введены родословия его потомков), что заставляет подозревать позднее искажение; однако в конце XV—XVI в. Зайцевы уже пребывали на службе у государей московских, хотя и в небольших чинах (например, отец Петра Васильевича — Василий Федорович Ярец Зайцев — жилец в новгородском походе 1495 г.), см.: [Маштафаров, 1997. С. 32; Бычкова, 1975. С. 111; Веселовский, 1963. С. 384].

тописец начала царства... С. 42]. А кн. И. Ф. Бельский тогда был виднейшим противником придворной партии Шуйских.

Тем не менее служебные успехи Петра Васильевича до первой половины 1560-х гг. невелики. В «Тысячную книгу» он, правда, попал — как сын боярский III статьи по Переяславлю-Залесскому [ТКДТ. С. 68]. Но до учреждения опричнины Петр Васильевич не получал воеводских назначений и был на военной службе малозаметен. В зимнем походе 1553/54 г. «на Луговую сторону и на Арские места... которые где не прямят государю» он участвует всего лишь как стрелецкий голова [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 464]. В 7067 (1558/1559) г. его расписали в ясельничие при подготовке царского похода против крымцев, под Тулу; поход, правда, так и не состоялся: татары отступили без столкновения с основными силами Московского государства [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 212]. Однако высокую «дворовую» должность ясельничего П. В. Зайцев занимал, видимо, довольно долго, на постоянной основе [Садиков, 1950. С. 283—284].

Во время «Полоцкого взятия» зимой 1562/63 г. П. В. Зайцев был на виду у царя и, кажется, отличился. Изначально он получил должность, смысл которой не вполне понятен: быть «в суде у бояря» — вероятно, на посылках или для особых поручений у штаба, находившегося при особе Ивана IV. Петр Васильевич обязан был также «за государем ездити» [Баранов, 2004. С. 129, 130]. Во время боевых действий он был «под турами» — укреплениями осаждающих, под прикрытием которых велся артиллерийский огонь и строились подходы к стенам крепости [Анхимюк, 2004. С. 167]. Очевидно, свою задачу П. В. Зайцев выполнил успешно: после сдачи города русским войскам ему дали ответственное «именное» поручение: «город делати», т. е. усиливать оборонную мощь городских стен в ожидании литовской попытки отбить Полоцк, а также ремонтировать те участки, которые пострадали от огня царской артиллерии.

Для Петра Васильевича и его напарника, дьяка Бориса Щекина, была оставлена обширная инструкция, трактовавшая их обязанности весьма широко [Баранов, 2004. С. 143—144]. Надо полагать, с ними П. В. Зайцев справился: во-первых, противник не смог взять Полоцк до 1579 г., во-вторых, Иван IV был Петром Васильевичем доволен: хотя до учреждения опричнины разряды не фиксируют каких-либо воинских назначений этого служилого человека, но с весны 1563 г. он в «ближней думе государевой» [Садиков, 1950. С. 284], а при самом начале опричнины он выступает как доверенное лицо монарха.

Р. Г. Скрынников считал П. В. Зайцева персоной, возглавившей опричный суд на Москве и ту часть штата Конюшенного приказа, которая попала в опричнину [Скрынников, 1992. С. 229—230]. Правда, эти соображения основываются на гипотетических построениях и не имеют под собой твердого фундамента сведений, почерпнутых из источников. Твердо установлено, что Петр Васильевич был думным дворянином, вел переговоры с литовцами и с вассалом Ивана IV ливонским королем Магнусом, был в 1566 г. козельским наместником [Зимин, 1964. С. 162, 197, 367; Скрынников, 1992. С. 395]. Резюме: П. В. Зайцев был в опричнине крупной фигурой — вне военной службы.

Что же представлял собой Петр Васильевич Зайцев как опричный военачальник? Он играл необычную роль. С одной стороны, его никогда не выдвигали на должности, связанные с принятием важных тактических решений. С другой стороны, ему оказывали почет, давая «именные», мало того, воеводские назначения, да еще и связанные с военной работой, обеспечивавшей безопасность самого Ивана IV. Петр Васильевич, о чем уже приходилось писать выше, еще в 1565 г. участвовал в отборе кадров для опричных формирований. В осеннем походе 1567 г., когда дело не дошло до столкновения с противником, П. В. Зайцев — третий дворовый воевода (по другому, менее достоверному варианту той же разрядной записи, он выступает как второй оружничий) [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 51]. И нельзя сказать, что одного его поставили тогда на воеводский пост ради того, чтобы почтить. Выше него находятся князья М. Т. Черкасский и Аф. И. Вяземский — невеликие, мягко говоря, специалисты в области тактики полевых соединений. Об их опыте и способностях также говорилось выше. Армии приходилось надеяться на первых воевод большого и передового полков — кн. И. А. Шуйского и Ф. М. Трубецкого, людей опытных и на вычных военному командованию. Петр Васильевич, даже учитывая удачный опыт участия в боевых действиях у стен Полоцка в 1563 г., был для назначения такого уровня несведущим новичком. В мае-июне 1570 г. П. В. Зайцев отправился вторым воеводой при кн. В. И. Темкине «на берег» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 63]. Когда речь шла о кн. Темкине, этот боевой выход уже комментировался как имеющий не столько военное, сколько разведывательно-охранное значение. А значит, Петру Васильевичу доверили заботу о безопасности самого Ивана IV. Несколько месяцев спустя, в сентябре 1570 г., он сопровождал царя в походе на юг, к Серпухову, против крымцев [Там же. С. 66]. П. В. Зайцев назван последним в списке опричных фаворитов, составлявших свиту государя Ивана Васильевича (кн. М. Т. Черкасский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, В. П. Яковлев, В. А. Сицкий, Л. А. Салтыков и П. В. Зайцев). Иными словами, во второй половине

1570 г. Петр Васильевич находится на вершине почета и влияния в опричной иерархии. Но для военной системы опричнине он — лицо явно второстепенное и воеводских назначений больше не получит.

С. Б. Веселовский с большой вероятностью установил время, когда П. В. Зайцев был казнен, — лето 1571 г.; по сообщению Генриха Штадена, Петра Васильевича повесили на собственных воротах перед спальней [Веселовский, 1963. С. 385; Штаден, 2002. С. 55].

Семейство Борисовых-Бороздиных вошло в опричнину поздно: до 1570 г. Григорий Никитич и Никита Васильевич¹¹⁸ Борисовы-Бороздины упоминаются в разрядах, составленных по земщине. Они оказались частью того аристократического «впрыскивания» новых командных сил, которое понадобилось после уничтожения многих старых кадров, стоявших у истоков опричнине. В отличие от первостепенной титулованной знати, попавшей тогда в армейскую иерархию опричного боевого корпуса (кн. Ф. М. Трубецкой, кн. С. Д. Пронский, кн. А. П. Хованский, кн. В. И. Барбашин и т. п.), Борисовы-Бороздины никогда не имели княжеского титула. Но они и не принадлежали к среде старомосковского боярства. Их род вышел из боярства тверского. Предвидя скорое подчинение Твери Москве, часть его (в том числе и Бороздины) в 1476 г. перешла на службу к Ивану III. Здесь они приобрели немалое влияние: представителей этого семейства регулярно назначали на воеводские должности, некоторые из них побывали на наместничих постах и даже дослужились до думных чинов; Борисовы были в родстве с удельным князем Владимиром Андреевичем по кн. Ефросинье Старицкой [Веселовский, 1963. С. 206—207; Зимин, 1988. С. 261—263].

В опричнине Никита Васильевич был более заметен. Его дважды назначали на воеводские должности: весной-летом 1570 г. ему досталось назначение вторым воеводой в полку правой руки при выходе большой опричной армии на «береговую» службу под Калугу; несколько месяцев спустя он оказался вторым воеводой в передовом полку под Тарусой, в составе другого крупного полевого соединения опричников [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 262]. К тому же он удостоился чина окольничего в опричной Думе (и как окольничий сопровождал Ивана IV в поздних походах опричного Двора в 1572 г.); по сведениям А. А. Зимина, окольничество у Никиты Васильевича было уже в 1566 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 76, 79; Зимин, 1958. С. 74]¹¹⁹. Григо-

¹¹⁸ Двоюродный племянник Григория Никитича, см.: [Кобрин, 1960. С. 27].

¹¹⁹ Впрочем, А. А. Зимин мог и ошибаться, считая, что думный чин был получен в опричнине. Как об этом будет сказано ниже, в 1566 г. Никита Васильевич был еще на земской воеводской службе, поэтому окольничество

рий Никитич Борисов-Бороздин удостоился воеводского назначения всего один раз: вместе с родственником он отбыл под Калугу в 1570 г., пребывая на аналогичном посту — вторым воеводой в передовом полку [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 261].

В. Б. Кобрин пишет:

Принадлежность Григория Никитича к опричнине устанавливается тем, что он вписан в недатированный опричный разряд в Калуге [Кобрин, 1960. С. 27].

Имеется в виду калужская разрядная запись 7073 г., которая в данном исследовании датирована летом 1565 г., притом ее опричная принадлежность поставлена под сомнение. Кобрин не заметил почему-то записи 1570 г., гораздо более твердо и однозначно включающей Г. Н. Борисова-Бороздина в число опричников. Более того, и Веселовский не упоминает ее: по мнению исследователя, Григорий Никитич «в опричнине... служил в 1566 г. во Мценске» [Веселовский, 1963. С. 207]. Действительно, осенью 1565 г. (а не 1566-го) он получил назначение первым воеводой в Мценск, но разрядная запись нигде не сообщает, что эта должность исполняется им в рамках опричного поручения: военачальник поставлен по соседству с другими земскими военачальниками, никакого различия между ними не сделано, а об опричнине и слова нет [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 264, 265]. Но, в сущности, это знаковая неточность: для Григория Никитича действительно пребывание в рядах опричного боевого корпуса стало кратковременным и малозначительным служебным эпизодом. Это был опытнейший военачальник, впервые он появился в разрядах в 1551 г. как второй воевода в Михайлове [Там же. С. 151]. Тогда Г. Н. Борисов-Бороздин выступает как воевода удельного князя Владимира Андреевича Старицкого. В дальнейшем Григорий Никитич оставался служилым человеком дома Старицких в высоких чинах как минимум до сентября 1556 г.¹²⁰ В полоцком походе зимы 1562/63 г. он уже получает назначения без каких-либо ремарок о принадлежности к удельному двору: его ставят есаулом во главе отряда, состоявшего из 100 служилых людей по отечеству, затем головой на позициях у

могло быть им получено в земщине, и лишь потом он перешел в опричную думу, возможно в 1570 г.

¹²⁰ В. Б. Кобрин собрал об этом исчерпывающую информацию, тут добавить нечего, можно лишь внести незначительные поправки: после воеводства в Михайлове Григорий Никитич был вторым воеводой в Калуге (осень 1555), наместником в Кореле (1556), а в сентябре того же года — вторым воеводой на «береговой службе» (уточнение: не в полевом соединении, а в Калуге, одним из крепостных воевод), см.: [Кобрин, 1960. С. 27].

Борисоглебского монастыря под стенами осаждаемого города, затем головой заставы на Луцкой дороге, а после завершения похода он отправился с отрядом из 80 служилых людей по отечеству в Смоленск (лето 1563 г.) [Баранов, 2004. С. 132, 134, 138, 139, 142—143, 148, 153]. Для крупного военного деятеля уровня Григория Никитича этот пост можно трактовать как явное карьерное понижение. Он исполнял работу, которую обычно поручали молодым военачальникам или командирам младшего звена: разбирал обозные заторы, ставил охранение на ночлеге [Там же. С. 136, 150]. Однако во время полоцкого взятия Григорий Никитич, очевидно, проявил расторопность и распорядительность, таким образом показав себя Ивану IV с наилучшей стороны. Поэтому в Смоленске он присутствует как третий воевода — уже на московской царской службе [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 239].

Так что такое чин второго воеводы в передовом полку опричной армии под Калугой, полученный им в 1570 г.? Не Бог весть какое повышение по службе — относительно того, какие должности Григорий Никитич занимал в 1550-х гг. Но была в получении этого поста одна весьма положительная для Г. Н. Борисова-Бороздина сторона: он закреплял свой высокий статус, заново обретенный на службе у государей московских, после потери такового при удельном дворе. А для высшего опричного командования возможность присоединить Г. Н. Борисова-Бороздина к «делу Старицких», вероятно, могла рассматриваться как стимул, подстегивающий его служебное рвение. То есть с той же точки зрения, что и в отношении других знатных служильцев Старицких.

Григорий Никитич благополучно пережил и опричнину, и самого Ивана IV. Он по-прежнему занимал воеводские должности, хотя и не первостепенные, — вплоть до 1591 г.; был в 1588 или 1589 г. на какой-то службе в Путивле, числился дворянином в списках государева двора 1580-х гг.; кроме того, он удостоился экзотической чести быть в боярах «великого князя» Симеона Бекбулатовича [Станиславский, 2004. С. 203, 217, 323; Веселовский, 1963. С. 207]¹²¹. Его карьерный «потолок» — пост первого воеводы на «годовании» в Куконосе 7089 (1580/1581) г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 180].

¹²¹ Правда, Веселовский считал, что разряды упоминают боярство Г. Н. Борисова-Бороздина при Семионе Бекбулатовиче под 1578 г. И на самом деле, он появляется как «Семионов боярин» под 7086 «с Троицына дни» (1578) годом, см.: [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 155] (воевода «в остроге» Корелы). Однако именуют его таким образом, очевидно, ретроспективно: правление Семиона Бекбулатовича завершилось еще в 1576 г.

Таким образом, назначение на должность опричного воеводы сыграло в карьере Григория Никитича скорее положительную роль, но не видно, чтобы оно заметно повлияло на служебный рост.

Судьба Никиты Васильевича Борисова-Бороздина сложилась иначе, трагичнее. Как и его родич, Н. В. Борисов-Бороздин имел солидный командный опыт, притом приходившийся на времена, непосредственно примыкающее к опричным годам и даже пересекающееся с ними. Иными словами, перемещая его на опричную военную службу, командование опричного корпуса, а может быть и сам царь, делали разумный выбор.

Служебная деятельность Никиты Васильевича фиксируется с 1542 г., когда он присутствовал на приеме литовского посольства [Сборник РИО, 1887. С. 148]. Разряды свидетельствуют о пребывании некоего Никиты Васильевича Борисова «на Чухломе» как второго воеводы в августе 1528 г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 77]. Однако весьма значительная оторванность этого назначения от более поздних служб заставляет усомниться: тот ли упомянут в разрядной записи человек, нет ли ошибки? Достоверность названного известия следует держать под сомнением. Впрочем, по сведениям С. Б. Веселовского, Никита Васильевич начал служить еще удельному князю Юрию Ивановичу и перешел в московскую службу лишь после его кончины в заточении [Веселовский, 1963. С. 206]. Быть может, трудности с переходом из удельного двора в великолкняжеский затормозили карьеру Н. В. Борисова-Бороздина и надолго лишили его воеводских назначений. Между 1542 г. и началом службы по опричным спискам разряды несколько раз упоминают его на командных должностях, однако не ранее 1551 г. — тогда его направили одним из начальствующих лиц в отряд, который пошел «с запасом» из Нижнего Новгорода в Свияжск по враждебной территории Казанского ханства [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 2. С. 405]¹²². Разрядная запись не дает возможности точно определить, был ли Никита Васильевич назначен в том походе одним из воевод или же пребывал в ранге воинского головы. В 1554 г. Н. В. Борисов-Бороздин во главе отряда устюжен совершают поход «в казанские места», на «черемису» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 478]. С. Б. Веселовский полагал, что к 1566 г. Никита Васильевич был уже принят в опричнину и как опричный служилец отправился вместе с Д. А. Кикиным описывать Казань и Свияжск [Веселовский, 1963. С. 207]. Но под 7074—7075 (1565/1566—1566/1567) и 7078 (1569—1570) гг. есть разрядные записи, говорящие о пребывании Никиты Васильевича в Полоцке вторым воеводой [Раз-

¹²² По сведениям В. Б. Кобриной, Н. В. Борисов-Бороздин еще раз был назначен в Свияжск в 1561/1562 гг. [Кобрин, 1960. С. 27].

рядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 1. С. 209, 214; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 265; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 48]. Командует им земский воевода Иван Петрович Федоров — в будущем крупнейший фигурант «дела» о заговоре земщины против Ивана IV — мнимом или настоящим. Вместе с ними в Полоцк назначены еще четверо военачальников-земцев¹²³. В 7078 (1569/1570) г. над Н. В. Борисовым-Бороздиным (теперь он третий воевода) опять поставлен первый воевода из земщины — князь А. И. Ногтев-Сузdalский. Очевидно, Никита Васильевич и сам тогда еще служил в земщине. Нет оснований говорить о переводе Н. В. Борисова-Бороздина в опричнину ранее первой половины 1570 г.

Итак, чем были для Никиты Васильевича назначения вторым воеводой полка правой руки, а затем передового в действующей опричной армии? Они отражают приблизительно тот же уровень воеводских назначений, который уже был у него на земской службе. Если это и повышение, то незначительное — лишь в силу того, что опричный боеевой корпус был ближе к особе самого царя, чем вооруженные силы земщины. Н. В. Борисов-Бороздин был военачальником средней руки, имел значительный опыт, и для опричного корпуса он мог считаться, надо полагать, ценным приобретением. Перед самым выводом его из состава земщины для пополнения опричного командного состава Никита Васильевич несколько лет провел на «годовании» в Полоцке, иными словами, на передовом, наиболее ответственном участке ливонского фронта. Вместе с тем неясно, был ли значительный командный опыт Н. В. Борисова-Бороздина тем решающим фактором, который обусловил перевод военачальника в опричнину. Вероятны и другие причины. Возможно, сыграла свою роль тривиальная нехватка командных кадров, наложившаяся на идею рекрутировать в опричнину людей, так или иначе связанных с покойным кн. Владимиром Андреевичем Старицким. Ведь именно в те месяцы 1570 г., когда Никиту Васильевича перевели на опричные воеводские должности, среди опричных военачальников оказалось еще пять (!) персон, связанных с домом Старицких родством или службой: кн. Н. Р. Одоевский, кн. А. П. Хованский, кн. С. Д. Пронский, кн. В. И. Темкин-Ростовский, а также Г. Н. Борисов-Бороздин.

Пережив опричнину, Никита Васильевич сохранил чин окольничего, продолжал участвовать в походах и его продолжали назначать на воеводские должности, хотя и второго плана. Так, в 1575 г. он еще был отправлен вторым воеводой в Феллин (Вильян) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 102, 114]. Но вскоре его по невыясненным причинам

¹²³ Князья Василий Прозоровский, Василий Троекуров, Василий Палецкий и Тимофей Долгорукий.

казнили. Исследователи относят смерть Никиты Васильевича к периоду длительностью в несколько месяцев конца 1575—начала 1576 г. — именно в это время он выбывает из списка думных чинов. Р. Г. Скрынников, используя данные Пискаревского и Московского летописцев, датирует ее наиболее точно — 27 ноября 1575 г. [Скрынников, 1992. С. 495—497, 544] ¹²⁴.

Группа титулованных аристократов, попавших в опричнине на должности ниже первого воеводы в полку или самостоятельно действующем отряде, невелика. Помимо князя И. В. Темкина-Ростовского, князей А. И. и П. И. Хворостининых, а также князя В. И. Вяземского, которые уже рассматривались выше — из-за удобства анализировать карьеру одновременно нескольких представителей рода в опричном боевом корпусе, в эту группу вошли князья Гвоздевы-Приимковы-Ростовские Иосиф (Осип) Федорович и Михаил Федорович, князь Морткин Андрей Иванович, а также князь Сицкий Василий Андреевич. Среди них ни одного представителя высшего слоя русской служилой знати ¹²⁵. Все это, так сказать, аристократия второго ряда.

Так, князь А. И. Морткин принадлежал к одной из младших ветвей Ярославского княжеского дома. Его отдаленный предок князь Федор Иванович Мортка служил в Твери. Уже в XVI в. род Морткиных приобрел темное пятно на репутации — в Литву «бегал» кн. И. М. Морткин, получивший там имя иного семейства — князей Бельских (хотя со знаменитыми Бельскими-Гедиминовичами род Морткиных-Рюриковичей не связан) [Зимин, 1988. С. 85, 88, 96, 105]. Морткины в середине XVI в. почти незаметны на московской службе, в их активе нет думных чинов, их род также не дал ни одного крупного военного деятеля. Князь Василий Иванович Морткин в 1554 г., во время похода на «черемису», судя по наградной ведомости, был кем-то в ранге, равном стрелецкому голове; в 1560 г. ходил в составе больших русских ратей сначала на Алыст, а потом к Феллину определенно как воинский голова; в 7071—7072 (1562/1563—1563/1564) гг. выступал в роли пристава при служилых татарах; в марте 1564 г. подписал среди 84 служилых людей по отечеству — в общей массе — порученную запись по Иване

¹²⁴ Скрынников считает, что волна репрессий, обрушившаяся тогда на не-титулованную знать (по обвинению в заговоре против Ивана IV), может быть объяснена оговором многих ни в чем не повинных людей, совершенным «придворным колдуном» Элизиусом Бомелием. Более логичного объяснения до сих пор никем из специалистов не предложено.

¹²⁵ За исключением, пожалуй, князя Темкина: род Темкиных-Ростовских по местническим счетам стоял весьма высоко, выше прочих, здесь перечисленных. Вот только лично кн. И. В. Темкин-Ростовский был молодым человеком и в силу этого не мог быстро достичь в опричнине выдающихся служебных успехов, а затем и вовсе подвергся казни вместе с отцом.

Васильевиче Большом Шереметеве [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1, ч. 3. С. 464; *Милюков*. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 223, 241, 243; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 19; Антонов, 2004. № 14. С. 32, 33, 35, 36]. Василий Иванович наиболее заметен среди всех Морткиных середины XVI в., но и он имел карьеру рядового, можно сказать, третъеразрядного служилого человека. В «Дворовой тетради» представителей этого рода шестеро, но ни один не попал в «Тысячную книгу» [ТКДТ. С. 352]¹²⁶. Таким образом, князья Морткины — слабая, захудалая ветвь ярославских князей.

Князь Андрей Иванович Морткин в опричных воеводских службах виден всего один раз — как второй воевода то ли передового, то ли сторожевого полка (есть два варианта данной разрядной записи) во время выхода опричной армии к Калуге весной 1568 г. [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 231; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55]. Кто он таков на иерархической лестнице царской службы? До опричнины и после единственного своего воеводского назначения в рамках опричного боевого корпуса Андрей Иванович не улавливается разрядами и летописями. Лишь «Дворовая тетрадь» сообщает, что задолго до воеводства в опричнине он числился рядовым дворовым сыном боярским по Твери [ТКДТ. С. 197]. Князь Морткин настолько незаметен, что даже С. Б. Веселовский гадает: «Морткины были так невысоки по службе, что неизвестно, был ли это Андрей Александрович или Андрей Юрьевич, его двоюродный брат». В. Б. Кобрин поправляет С. Б. Веселовского, правильно называя Морткина-опричника Андреем Ивановичем и указывая, что князь в 1549 г. получил под Тверью поместье из 6 деревень, а до того служил по Старице [Веселовский, 1963. С. 221; Кобрин, 1960. С. 48—49]. Ни о каких военных, административных или дипломатических заслугах кн. А. И. Морткина ничего не известно. Для опричной воеводской иерархии он был кадром сомнительной ценности. Тогда почему его взяли в опричнию? Причины неясны, можно лишь сделать предположение, что Андрея Ивановича «втащил» в опричный боевой корпус и обеспечил высокое назначение кто-то из родни — ярославских князей. Прочные позиции в опричном боевом корпусе занимали близкие родственники князей Морткиных — князья И. П. Залупа Охлябинин, а также Д. И. Хворостинин. Кн. Д. И. Хворостинин попал в опричнию еще в 1565 г., занимал на раннем этапе ее истории воеводские посты, поэтому, очевидно, с большой долей вероятности можно предполагать, что именно он способствовал продвижению своего родича — Андрея Ивановича.

Князья Иосиф (Осип) Федорович и Михаил Федорович Гвоздевы-Приимковы принадлежали дому ростовских князей — так же как и князья Темкины. Только в служебно-местнической иерархии они сто-

¹²⁶ Все это рядовые «дворовые дети боярские».

яли намного ниже Темкиных. Это была столь же слабая, столь же захудалая ветвь ростовских князей, как Морткины — слабая, захудалая ветвь ярославских князей. Об этом пишет С. Б. Веселовский [Веселовский, 1963. С. 230—231], и его слова полностью подтверждаются «немотой» разрядов: Гвоздевы хотя и бывали в «именных посылках», но до опричнины в воеводах они не ходили ни разу и не знали ни думных, ни высоких «дворовых» чинов. Вот их служебный «потолок»: князь Иван Федорович Приимков-Гвоздев в августе 1554 г. был отправлен из-под Астрахани в группе гонцов, несших весть о победе русских войск, а князь Иосиф (Осип) Федорович числился в армии, совершившей зимой 1562/63 г. поход на Полоцк, в списке «стольников есаулов» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 166; Баранов, 2004. С. 132].¹²⁷

Неожиданное возвышение князей Приимковых-Гвоздевых в опричнине произошло в конце 1567—начале 1568 г. Иосиф (Осип) Федорович весной 1568 г. был назначен на должность второго воеводы в самостоятельном опричном отряде, поставленном в Одоеве; а вскоре он должен был «по вестем за людьми... ходить» в составе передового полка по «росписи», которая так и не реализовалась в боевой обстановке [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 54—55]¹²⁸. В. Б. Кобрин пишет, что Иосиф Федорович получил тогда должность первого воеводы передового полка «под Вязьмой и Мценском», но это очевидная ошибка. Под Вязьмой в первой половине 1568 г. в воеводах передового полка ходили в разное время Ф. А. Басманов-Плещеев и З. И. Плещеев, у Мценска — Г. И. Полев, а кн. Гвоздев, как уже говорилось, всего лишь «ходил» «по вестям», да еще и делал это для нужд армейской группировки, которая в конечном итоге не составилась [Кобрин, 1960. С. 65; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 232, 233, 237]. До столь высокого уровня Иосифу Федоровичу не суждено было «допрыгнуть». Что касается его брата Михаила, то он весной 1568 г. получил должность второго воеводы в большом полку опричной армии, развернутой у Калуги [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 55; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 231].

¹²⁷ По сведениям Р. Г. Скрынникова, летом 1562 г. Иван IV велел заточить в тюрьму кн. И. Ф. Приимкова-Гвоздева-Ростовского, служившего рындой «у большого копья» [Скрынников, 1992. С. 157]. Назначение на должность рынды в походе — почетное, но совсем не высокое. В рынды ставились, как правило, люди молодые и особых служебных заслуг не имеющие.

¹²⁸ По сведениям В. Б. Кобрина, прежде этих двух воеводских назначений князь был всего лишь одним из голов во время литовского похода осени 1567 г. [Кобрин, 1960. С. 65]. Однако при проверке этих данных по разрядам факту возведения Иосифа Федоровича в чин головы не нашлось подтверждения.

По каким причинам Гвоздевы получили воеводские посты, которые столь значительно, можно сказать, скачкообразно повысили их служебный статус? На этот вопрос нет точного ответа, остается лишь строить гипотезы. С одной стороны, вероятна естественная в таких случаях протекция родни. Но из ростовских князей к тому времени в опричнине заметны лишь Темкины, прежде всего Василий Иванович. Возвышение кн. В. И. Темкина-Ростовского в военной иерархии опричнине произошло позже, чем возвышение Гвоздевых, — в 1570 г. Что же касается его административного статуса, то лишь в мае-июне 1568 г. Василий Иванович получил крупное ответственное поручение, отмеченное в источниках: князя отправили на Соловки расследовать деятельность митрополита Филиппа, бывшего игумена Соловецкого. Таким образом, сомнительно, чтобы он мог прежде этого времени оказывать родне протекцию, раздавая опричные воеводские чины. Более вероятно другое. Конец 1567—первые месяцы 1568 г. — период активного расследования по «делу Федорова», причем расследование сопровождалось целым рядом карательных операций, т. е. избиением людей, живших в вотчинах служилых аристократов, заподозренных в измене, прежде всего того же конюшего И. П. Федорова-Челяднина. Быть может, и Гвоздевы резко поднялись по служебной лестнице в связи с заслугами именно карательного характера. Впрочем, на данном этапе это не более чем предположение. Наконец, возможен и третий вариант: по сообщению Таубе и Крузе, князь Иван Федорович Гвоздев был лицом, приближенным к царю, — его «гофмаршалом», однако впоследствии проштрафился и был по распоряжению монарха отправлен (А. Шлихтинг считал, что кн. И. Ф. Гвоздев скончался от морового поветрия); Alessandro Гваньини сообщает, что кн. Иосиф Федорович Гвоздев был любим царем за рискованные шутки, которыми услаждал его слух за столом, однако перегнул палку и якобы был убит (последнее сомнительно), — на это обратил внимание еще Н. М. Карамзин [Таубе и Крузе, 1922. С. 54; Шлихтинг, 1934. С. 42; Веселовский, 1963. С. 436; Гваньини, 1997. С. 48; Карамзин, 1845. Стб. 97]¹²⁹.

¹²⁹ На достоверность сообщения Шлихтинга косвенно указывает следующее соображение: князь Иван Федорович мог заразиться от одного из братьев — Иосифа или Михаила, которые осенью 1571 г., соответственно, на Унже и в Костроме занимались карантинными мероприятиями, связанными с эпидемией чумы, а потом были срочно отзваны в Москву (возможно, для участия в торжестве в честь женитьбы Ивана IV на Марфе Собакиной), см.: [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 283—285; Кобрин, 1958. С. 266—267]. Что же касается убийства кн. Иосифа (Осипа) Гвоздева за наглое шутовство, то это как минимум не могло случиться в опричные годы, а возможно и вообще не произошло: само известие смутно, а кн. Гвоздев упоминается среди

Возможно, до гибели один из них оказался в кратковременном фаворе и обеспечил роду возвышение в армии, никак не соотносимое с реальным командным опытом Гвоздевых.

Впоследствии князь Михаил Федорович Гвоздев стал видным, постоянно востребованным военачальником, хотя и второго ряда. В походе на Пайду конца 1572—начала 1573 г. он был армейским головой, т. е. утратилобретенный в опричнине статус воеводы (таким образом, опричное возвышение стало для него всего лишь кратковременным взлетом) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 93]. Но позже Гвоздеву удалось вернуть его: в 7082 (1573/1574) г. Михаил Федорович уже сидел первым воеводой в Орле; в мае 1573 г. он был направлен оттуда как один из воевод полка правой руки в армию, находившуюся «на береговой службе»; годом позже он сидел на воеводстве в том же Орле и был расписан в армию «на берег» одним из воевод сторожевого полка; весной 1577 г. Гвоздев, бывший тогда первым воеводой в Рязани (это пик его карьеры), опять отправился на «береговую службу» в передовой полк; весной 1588 г. князь оказался «на берегу» вторым воеводой сторожевого полка; в 7100 (1591/1592) г. разряды застают Михаила Федоровича на той же должности; в 1598 г., при царе Борисе Федоровиче, его понизили до третьего воеводы сторожевого полка «на берегу»; 15 апреля 1599 г. он уже всего лишь голова «в объезде» Кремля, и то на него поступило четыре челобитных «в отечестве о счете» — видимо, влияние князя при дворе нового монарха серьезно уменьшилось и карьера пошла под гору; тем не менее, под 7110 (1601/1602) г. он все же упомянут воеводой, хотя и в захолустном Свияжске [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 107, 109, 111, 115, 139, 239, 291, 313, 321—322, 341; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 435]. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Подытожим: Гвоздевы — хотя и отрасль ростовских князей, но род слабый, лишенный влияния; до опричнины они малозаметны. В опричные годы по причинам, которые выше обозначены на уровне гипотез, Гвоздевы испытали краткий взлет на военной службе, никак не связанный с реальным полководческим опытом. Однако вскоре двое из них (Иван и Иосиф) исчезли из служебных списков, как видно, из-за безвременной кончины. Лишь князь Михаил Федорович Гвоздев продолжил военную карьеру, хотя после опричнины он испытал понижение в чинах. С середины 1570-х гг. до начала царствования Бориса Федоровича он постепенно повышает служебный статус, обретает военный опыт и становится видным военачальником. Однако затруд-

воинских голов в послеопричном походе на Пайду конца 1572—начала 1573 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 92].

нительно связывать с опричниной эти успехи, а также сложившуюся, по всей видимости, репутацию толкового командира.

Князь Василий Андреевич Сицкий — фигура гораздо более значительная для опричнины, чем братья Гвоздевы и Андрей Иванович Морткин. К середине XVI в. Сицкие — одна из младших ветвей ярославских князей¹³⁰ — не были совершенно захудальным родом, но и не добились выдающихся успехов на службе. Они время от времени назначались на воеводские посты в полки и крепости, но не на первые позиции; до Василия Андреевича никто из них в московских думных чинах не бывал. По служебному статусу Сицкие сравнимы с родичами — Охлябиниными и Хворостиниными, также происходившими из ярославских князей, но стояли несколько ниже этих ветвей. В специальной литературе общим местом стало утверждение, согласно которому статус Василия Андреевича резко подскочил благодаря удачной женитьбе. Супругой князя стала Анна Романовна Захарьина-Юрева, родная сестра Анастасии Романовны Захарьиной-Юревой, первой жены Ивана IV. С. Б. Веселовский считает непреложным фактом: «Василий Андреевич... попал в Опричный двор, несомненно, по свойству с царем» [Веселовский, 1963. С. 232]. Что ж, удачный брак действительно объясняет, почему представитель семейства, относительно невысоко стоящего в иерархии русской служилой аристократии, оказался «в приближении» у царя. Василий Андреевич уже в 50-х гг. был рязанским дворецким, вошел в Думу, оказался в боярах при царевиче Иване Ивановиче [ТКДТ. С. 114; Веселовский, 1963. С. 232—233; Кобрин, 1960. С. 72—73]. И это достаточные основания, чтобы не видеть в переходе Василия Андреевича с думным чином в опричную Думу ничего необычного¹³¹. Однако этого еще далеко не достаточно, чтобы объяснить его появление в составе командования опричного боевого корпуса.

На военной службе в опричных полевых соединениях кн. В. А. Сицкий появился в сентябре 1570 г. Его поставили вторым воеводой самостоятельного опричного отряда под Калугой, при первом воеводе — кн. Ф. М. Трубецкому [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 69]. Весной 1571 г. Василий Андреевич был назначен третьим воеводой сторожевого полка в царском походе против крымцев [Там же. С. 74]. В дальнейшем, уже в период распада опричной военной машины, князь Сиц-

¹³⁰ Происходили от князя Михаила Давыдовича Моложского [Зимин, 1988. С. 85, 89, 96].

¹³¹ В марте 1559 г. Василий Андреевич получил чин окольничего, который в опричнине сменил на более высокий — боярский; кроме того, он входил как боярин в думу царевича Ивана Ивановича, см.: [Зимин, 1958. С. 69; Скрыников, 1992. С. 228].

кий сопровождает Ивана IV в походах как «боярин из опричнины»; осенью 1571 г. Василий Андреевич участвовал в смешанном земско-опричном походе на шведов как второй воевода сторожевого полка и принял участие местничать со своим первым воеводой Замятней Сабуровым; от монарха на вопрос о том, как решить местнический спор, был получен ответ: «...з Замятнею без mest, а как придут с службы з государевы, и государь князю Василью в отечестве с Замятнею велит счет дати» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 76, 78, 79]¹³². Любопытно, что это не единственный случай местнической тяжбы кн. В. А. Сицкого в период опричнины: Р. Г. Скрынников обратил внимание на тяжбу «в отечестве» царского свояка Василия Андреевича с другим видным опричником, И. А. Бутурлиным [Скрынников, 1992. С. 227]. Ну а после отмены опричных порядков, на протяжении середины—второй половины 1570-х гг., не слишком родовитый аристократ вынужден был то и дело вступать в местнические разбирательства, отставая высокий служебный статус [Эскин, 1994. № 199, 225, 245, 255, 256, 262]. Как видно, удачный брак хотя и возвысил князя Сицкого, но не сделал его положение прочным¹³³.

Итак, в ранней опричнине Василий Андреевич не воеводствовал. На командной службе в опричной армии он оказывается, как и многие другие титулованные служилые аристократы, в 1570 г. Видимо, сыграл роль его прежний командный опыт, довольно обширный. По сообщению В. Б. Кобрина, военная служба князя В. А. Сицкого впервые фиксируется разрядом 1549/1550 г. — поход на Казань в качестве сопровождающего лица при Иване IV [Кобрин, 1960. С. 72]. В 1554 г. Василий Андреевич ходил вторым воеводой сторожевого полка на луговую черемису в составе большой армии кн. И. Ф. Мстиславского [Лебедевская летопись. С. 233]. Летом 1556 г. Василий Андреевич сопровождал царя Ивана Васильевича в серпуховском походе против крымцев; весной 1559 г. он отправился четвертым воеводой большого полка на юг, против Девлет-Гирея [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 181, 207].

¹³² Сабуров был казнен в том же году — утоплен в Волхове, но неясно, сыграла ли тут какую-либо роль его тяжба с Сицким.

¹³³ Разряды называют Василия Андреевича среди жертв несчастливой для русского войска битвы под Венденом в октябре 1578 г. Однако в разрядной книге также приводится грамота, датированная 25 декабря 1578 г., которую Иван IV выдал в пользу Б. Ф. Годунова по результатам его местнической тяжбы с кн. В. А. Сицким. Либо грамота эта поддельная и вставлена в разряд задним числом, либо кн. В. А. Сицкий, получив под Венденом ранение, прожил еще как минимум несколько месяцев и вынужден был испытать позор громкого проигрыша в споре «об отечестве» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 161—163].

Видно, что военные назначения в опричнине у кн. В. А. Сицкого ничуть не выше тех, что он занимал задолго до учреждения опричной системы, еще в 1550-х гг. Таким образом, речь шла не о повышении, не о военной карьере. Просто опричному боевому корпусу понадобились новые командные кадры, и тут кстати оказался опричник с думным чином, облеченный доверием царя и притом обладающий командными навыками.

Тем не менее участие в военных мероприятиях опричнины стало важной ступенькой в карьере кн. В. А. Сицкого.

Осенью 1572—зимой 1573/74 г. совершается крупное военное предприятие: поход большой армии во главе с Иваном IV в Ливонию. Результатом похода стало взятие Пайды. Василий Андреевич участвует в пайдинской кампании как второй воевода государева полка — после царевича Михаила Кайбулича (т. е. фактически первым среди русских воевод полка) [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 89—90]. Эта должность говорит либо о возросшем доверии со стороны царя, либо о том, что военные способности кн. Сицкого были в период опричной службы замечены и высоко оценены. Переход из вторых воевод стражевого полка во вторые (фактически же первые) воеводы государства полка — это весьма значительное служебное достижение. Из-под Пайды в начале 1573 г. Василий Андреевич был отправлен всего лишь как второй воевода стражевого полка в корпусе кн. И. Ф. Мстиславского, двинувшемся к Колывани. Там корпус был разбит и понес тяжелые потери. Но кн. В. А. Сицкий уцелел, и уже в апреле 1573 г. разряды называют его вторым воеводой стражевого полка на новом месте — в составе армии, вышедшей на «береговую службу». Через полгода он участвовал в сборах похода на мятежную «черемису» [Там же. С. 93—95, 102]. В 1576 г. ему доверили возглавить артиллерию (наряд) в большой армии, выступившей на юг, против крымцев [Там же. С. 122]. А на следующий год, во время масштабного вторжения русской армии в Ливонию, когда было взято множество городов и крепостей, Василию Андреевичу доверили место одного из воевод в большом полку [Там же. С. 142]. Это — заметное служебное повышение, которое князю удалось закрепить. Летом 1578 г. князь Сицкий отправился вторым воеводой в большой полк русской армии, изготавлившийся к наступлению на Кесь (Венден). Однако на этом карьера Василия Андреевича завершилась. Боевые действия под Венденом сложились для наших войск неудачно, и там кн. В. А. Сицкий сложил голову осенью 1578 г. [Там же. С. 158—160]

Постоянные назначения на командные посты в действующую армию, а также очевидный служебный рост свидетельствуют о том, что Василий Андреевич мог получить по результатам службы в опричном боевом корпусе репутацию способного военачальника.

Знаменитый Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта открывает список худородных дворян, служивших в опричнице на второстепенных воеводских постах. В массовом историческом сознании он отразился как персона, вторая в опричной иерархии — после самого царя. В результате ему приписывается множество несуществующих добродетелей, так же как, впрочем, и множество чужих преступлений.

Итак, худородство дюжинного провинциального служилого человека Г. Л. Скуратова-Бельского по сравнению с представителями старомосковских боярских родов и титулованной аристократии — тот факт, с которым согласно абсолютное большинство исследователей опричники. П. А. Садиков хотя и приписал ошибочно Скуратовых-Бельских к числу «очень захудальных» Плещеевых¹³⁴, к «второстепенным», но «честным» родам, однако не видел в Григории Лукьяновиче ничего иного, как только провинциального сына боярского [Садиков, 1950. С. 48, 111]. С. Б. Веселовский показал, что Малюта был сыном заурядного провинциального дворянина [Веселовский, 1963. С. 202]. В. Б. Кобрин подозревал в Скуратовых-Бельских бывших холопов московских князей [Кобрин, 1960. С. 24]. В «Тысячную книгу» Скуратовы-Бельские не попали. В «Дворовой тетради» они числятся среди рядовых детей боярских по Белой [ТКДТ. С. 194]. Р. Г. Скрынников выдвинул гипотезу, согласно которой худородная Марфа Собакина была отдаленной родней Скуратовых-Бельских, и брак с нею самого царя резко возвысил Григория Лукьяновича [Скрынников, 1992. С. 435]; однако доказательств этого предположения пока не найдено. Так или иначе, Р. Г. Скрынников не отрицает крайне низкого положения Г. Л. Скуратова-Бельского на лестнице местнических счетов [Там же. С. 377]. По традициям, сложившимся в военной среде Московского государства, Григорий Лукьянович не мог и мечтать о воеводском чине — с таким-то «отечеством». Обрести его Г. Л. Скуратов-Бельский мог только чудом или в случае серьезной ломки социальных устоев, что и произошло в опричнице.

Другой факт — высокое положение Малюты в поздней опричнице¹³⁵. С мая 1570 г. он — думный дворянин в опричной думе [Зимин, 1964. С. 367]. Это возвышение можно связывать с его карательной деятельностью, в частности, с уничтожением около 1500 новгородцев во время большого опричного похода по северным областям России

¹³⁴ Садиков следовал, вероятно, за В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым, также допустившими это ошибку.

¹³⁵ До осени 1567 г. Г. Л. Скуратов-Бельский вообще невидим для разрядов — как опричных, так и любых других. Неизвестно даже, был ли он взят в опричнию в первый год после ее основания или рекрутирован туда позднее.

(конец 1569—начало 1570 г.); кроме того, в декабре 1569 г. в Тверском Отроче монастыре им был убит Филипп, бывший митрополит Московский [Скрынников, 1992. С. 534]¹³⁶, прежде выступавший против опричных порядков. В «Слободском ордене», по сообщению Таубе и Крузе, Малюта играл не вполне понятную роль пономаря, распределявшего «службы монастырской жизни» вместе с келарем — кн. А. И. Вяземским [Таубе и Крузе, 1922. С. 38—39]; важно то, что из иерархии Ордена, помимо самого игумена — Ивана IV — и этих двух персон более никто не упомянут, следовательно, Григорий Лукьянович пребывал на самом верху этой странной организации. Наконец, характерны два сообщения Г. Штадена, который назвал Г. Л. Скуратова-Бельского, перечисляя лиц из опричнины, в наибольшей степени приближенных к монарху, а затем указал, что Малюта был «первым в курятнике» [Штаден, 2002. С. 45, 55].

Но положение Григория Лукьяновича в армейской иерархии опричнины никак не соответствовало влиянию политического фаворита Ивана IV на дела опричного руководства в целом. В. Б. Кобрин считал, что Малюта «в разрядах появляется впервые как военный, как голова и в дальнейшем не раз бывал воеводой» [Кобрин, 1960. С. 23—24]. Это сказано в полемике с С. Б. Веселовским, который, в свою очередь, считал, что для военной деятельности у Малюты не было ни соответствующих знаний, ни опыта. Кобрин, таким образом, выставляет Малюту опытным военачальником. Но это не соответствует действительности. М. Г. Скуратов-Бельский для опричного боевого корпуса был скорее случайным человеком. Когда Григорий Лукьянович мог успеть «не раз» побывать воеводой, если он оказался на воеводском посту один-единственный раз, на излете опричнины?! Весной 1572 г. он идет к Новгороду вместе в Иваном IV в смешанном земско-опричном походе как второй «дворовый воевода». Назначение — высокое. Тем более почетно для Григория Лукьяновича его получить, что он никогда не бывал на других, более низких воеводских должностях. Между тем пребывание его на этом посту не грозит армии тяжелыми последствиями, поскольку первым воеводой и фактическим главнокомандующим в этом походе поставлен весьма опытный кн. Ф. М. Трубецкой [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 81]. Надо полагать, для него и для прочей высокородной знати, стоявшей тогда на воеводских должностях, пребывать в близких чинах с абсолютно незнатным Малютой не слишком приятно. А для Замятни Сабурова, Михаила Яков-

¹³⁶ Убийство Филиппа если и не было совершено по прямому приказу Ивана IV, то не вызвало с его стороны никакого порицания и, быть может, способствовало дальнейшей карьере Малюты, см.: [Володихин, 2009а. С. 234—236].

левича Морозова и Ивана Дмитриевича Плещеева это явная «поруха чести» и повод для тяжбы «об отечестве». Все трое — представители древних и заслуженных старомосковских боярских родов, не чета ничтожным Скуратовым-Бельским. Но они молчат, опасаясь затевать местнический спор из-за государева гнева, который может на них обрушиться, если обижен будет монарший любимец. Ситуация парадоксальная: как военачальник Григорий Лукьянович для армии бесполезен, поскольку не располагает должным опытом. Как величайший раздражитель прочих воевод он даже вреден. Однако его все-таки назначили на эту должность, а значит, почили явным знаком доверия со стороны государя. Подобного рода обстоятельства самым очевидным образом нарушали традиционный порядок, сложившийся в русской армии того времени, притом нарушение совершалось никак не в интересах службы.

До того Г. Л. Скуратова-Бельского к высоким военным должностям не допускали. В осеннем походе 1567 г. он числится всего лишь в списке «третых голов» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 226]. В серпуховском походе осенью 1570 г. Малюта — среди дворян, предназначенных для пребывания «в стану у государя» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 67—68]. Вот и вся его военная карьера перед появлением на крупном воеводском посту. О сколько-нибудь солидном опыте военного командования и речи быть не может. Очевидно, в период с осени 1570 г. по весну 1572 г. Григорий Лукьянович должен был оказать Ивану IV какие-то весьма важные услуги, чтобы подняться столь высоко вразрез с интересами опричной служилой знати¹³⁷. Возможно, к таковым заслугам следует причислить расследование московского разгрома крымцами Девлет-Гирея в 1571 г., точнее сказать не представляется возможным. Именно тогда, как уже говорилось, лишились жизни несколько опричных воевод. Освободились «вакансии»...

С отменой опричнины для Григория Лукьяновича «отменилась» и всякая возможность продолжения военной карьеры в столь высоких чинах. Во время похода на Пайду (конец 1572—начало 1573 г.) он понижен до уровня прежних своих должностей. Теперь Малюта не воевода, а всего лишь «ездит за государем» [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 90]. Тогда же, во время взятия Пайды (январь 1573 г.), он и погиб.

¹³⁷ Еще одним признаком возвышения Григория Лукьяновича служит его пребывание на свадьбе Ивана IV и Марфы Собакиной (октябрь 1571 г.) в качестве «царицыны дружки» [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 286].

Итак, хотелось бы подчеркнуть: для опричной армейской иерархии Г. Л. Скуратов-Бельский — случайный человек, высоко взлетевший не по «отечеству», не из-за наличия особых тактических способностей, а лишь по благоволению Ивана IV.

Иван Боушев (Баушев), как уже говорилось выше, может ассоциироваться с родом Унковских, в частности с «Омелей» Унковским. Род Унковских малозаметен, это рядовые служилые люди, в XVI столетии редко возвышавшиеся до «именных» назначений. В опричнине был некий Курака Тимофеевич Унковский, стрелецкий голова [Штаден, 2002. С. 56], выше этого на протяжении всего века не поднимался никто из Унковских. Во время зимнего похода на Полоцк 1562/63 г. Бауш Унковский (отец Ивана Баушева?) был одним из поддатней «у топоров», а тот же Курака — в списке детей боярских «у государева кошущ» [Баранов, 2004. С. 130, 131]. «Дворовая тетрадь» называет множество Унковских — провинциальных детей боярских, — больше всего тверских, но есть также и волоцкие, дмитровские, боровские; в «Тысячную книгу» вошел один Васюк Максак Александрович Унковский — дворовый новгородский сын боярский II статьи, служивший по Шелонской пятине [ТКДТ. С. 92, 415]¹³⁸. Если же род Баушевых и существовал отдельно от Унковских (что сомнительно), то он для разрядов и прочих источников, свидетельствующих о воинской службе, остался совершенно невидимым.

До опричнины Иван Баушев разрядами не замечен. В опричнине он получает пост головы, — это назначение ему дали во время осеннего похода 1567 г. к литовско-ливонскому фронту. Он идет первым в списке «третьих голов» — чуть выше по чести, нежели Г. Л. Скуратов-Бельский, который в том же реестре назван четвертым [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 226]. Весной 1568 г. его вновь отправили в должности головы — на этот раз в опричном отряде, занявшем позиции у Мценска; здесь же он позднее должен был «ходить за людьми по вестям» вторым воеводой в сторожевом полку, но «в сходе» не был. Несколькими месяцами позднее Иван Баушев фигурирует как голова в передовом полку там же, у Мценска [Там же. С. 232, 237].

Таким образом, перед нами случай, когда худородный служилый человек по отечеству поднялся в опричнине выше, чем ему полагалось по его «отечеству», но, во-первых, незначительно выше, и во-вторых, единственное воеводское назначение хотя и было зафиксировано в разрядах, но на практике не реализовалось. История Ивана Баушева,

¹³⁸ В. Б. Кобрин указал на тот факт, что Иван Баушев также был новгородским помещиком с земельными владениями в Шелонской пятине, см.: [Кобрин, 1960. С. 23].

таким образом, для опричного военного корпуса — частность, незначительный эпизод.

Биография Ивана Ивановича Бухарина-Наумова в подробностях изучена С. Б. Веселовским. Не имеет смысла повторять то, что им собрано. Для темы настоящего исследования важен один нетривиальный вывод Веселовского: хотя Бухарины и являлись отраслью «старого рода коломенских вотчинников», т. е. «дворянской фамилией», но выдвижение Ивана Ивановича на воеводский пост в 1569 г. «было исключительным назначением», поскольку ранее он был виден в документах прежде всего как дьяк, приказный человек [Веселовский, 1963. С. 209, 365].

Но сам же Веселовский, пусть и без ссылки на источники, упоминает, что И. И. Бухарин-Наумов неоднократно бывал в походах, причем не только в качестве дьяка, но и в качестве воинского головы [Веселовский, 1963. С. 209]¹³⁹. Таким образом, опыт военного командования у него был, и он в таком случае не может рассматриваться в качестве человека, поставленного служить в той сфере деятельности, которая ему совершенно незнакома. С этой точки зрения представляется весьма важным оценить опыт командной деятельности Ивана Ивановича.

В опричнике он действительно назначался воеводой только один раз: был вторым воеводой сторожевого полка под Калугой в 1569 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 59—60] — при первом воеводе кн. Д. И. Хворостинине, лучшем военачальнике опричнины. В 1555 г. Иванко Ищуков сын Бухарин служит поддатней «у большого копья» в одном из царских походов, через год он поддатня «с рогатиною», в

¹³⁹ В. Б. Кобрин не добавил к этой «служебной биографии» принципиально новых данных, указав лишь факты, дающие возможность оценить Ивана Ивановича как землевладельца средней руки — состоятельного, но не богатого. Важно другое: если, по мнению С. Б. Веселовского, И. И. Бухарин-Наумов был казнен летом 1570 г. в связи с новгородским «изменным делом», то Кобрин доказал, что уйти из жизни он мог не ранее 1577/1578 г., т. к. до того упоминается живым в писцовой книге [Кобрин, 1960. С. 50]. Р. Г. Скрынников уверенно включает Ивана Бухарина в число жертв опричного террора 1567—1570 гг. Более того, он считает, что уже в 1568 г. его не было в живых! [Скрынников, 1992. С. 322, 344]. Кто из исследователей прав? Между 1567 и 1570 гг. подвергся казни Иван Ищук Бухарин-Наумов, «большой дьяк». Что же касается его сына, Ивана Ивановича Ищукова Бухарина-Наумова, то он умер, как пишет В. Б. Кобрин, не ранее конца 1570-х гг. В боярском списке 1577 г. он назван вместе с его сыном Иваном как дворянин, служащий по Медыни; сам он уже «болен, в рослаблении», очевидно, смертный час его не за горами; сын же заступил на службу «со государем» [Станиславский, 2004. С. 198].

1558 г. Иван Иванов сын Бухарин уже голова в триумфальном походе на «кливонских немцев» под общим командованием блистательного полководца кн. С. И. Микулинского, в походе на Феллин 1560 г. он занимает аналогичный пост, а в 1564 г. назначается головой при «служилых татарах» [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 173, 182, 206, 224, 243]. То, что не очень заметный дворянин, проведя несколько походов в чине головы, поднялся до одного из второстепенных воеводских постов, никак не нарушает традиции воинской иерархии того времени. А вот дьяком да и вообще приказным человеком Иван Иванович не был: им являлся его отец, Иван Ищук Бухарин-Наумов, с которым и смешал его С. Б. Веселовский. Хотя «Дворовая тетрадь» четко разводит их: вот «большой дьяк» Ищук Бухарин, а вот дворовый сын боярский по Москве Иванко Ищукин сын Бухарин, т. е. как раз Иван Иванович [ТКДТ. С. 115, 127]¹⁴⁰.

Для опричного боевого корпуса опытный воинский голова был неплохим приобретением. А для Ивана Ивановича воеводский пост в полевой армии опричнины стал высшим достижением в жизни. Таким образом, виден редкий пример того, как опричнина действительно несколько улучшила положение худородного служилого человека, имеющегоенный должностной опыт командной деятельности. В отличие от многих худородных опричных выдвиженцев, И. И. Бухарин-Наумов сохранил воеводский статус и после расформирования опричнины. Так, осенью 1573 г. он был вторым воеводой в Михайлове [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 356].

О Федоре Львове известно крайне мало. Как уже говорилось, само пребывание его на воеводстве сомнительно. 24 мая 1570 г. серпуховской воевода кн. М. И. Воротынский написал доклад для Ивана IV, где сообщалось, что три дня назад в районе Зарайска «воевода князь Дмитрий Хворостинин да Федор Львов... сошлися с крымскими людьми в ночи, и крымских людей побили, и языки многие поимали, и полону много отбили» [Там же. С. 256]. Воеводой определенно назван только кн. Д. И. Хворостинин. Был ли Ф. Львов при нем головой или же вторым воеводой, неясно. В. Б. Кобрин называет его таковым, никак не аргументируя, но это сомнительно [Кобрин, 1960. С. 47]. Для разрядов Ф. Львов — почти невидимая фигура, известно лишь, что в осеннем походе 1567 г. он был среди вторых голов, причем записан по чести ниже других худородных опричников — И. Блудова и К. Поливанова [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 225].

В. Б. Кобрин писал, что в то время были «известны два Федора Львова. Первый — Федор Васильевич, сын Василия Никитича Львова,

¹⁴⁰ В. Б. Кобрин ошибочно написал, что Иван Иванович служил по Боровску, но эта запись относится к другому человеку — Ивану Бурухину Наумову.

записан в дворовой тетради как новик „65-го году“... второй — „Федор Федоров сын“ в декабре 1570 г. после прибытия в Александрову слободу крымских послов и гонцов был послан к ним с кормом». По мнению Кобриня, головой и воеводой (?) был Федор Васильевич [Кобрин, 1960. С. 47]. Это мнение никак не аргументируется, но, думается, резоны, лежащие в его основании, понятны: слово «новик», очевидно, дало ассоциацию с военной службой, а значит, в перспективе, с переходом от рядовых должностей на уровень головы и, может быть, воеводы. Судя по «Дворовой тетради», семейство Львовых представляло собой разветвленный и разбросанный по многим областям (Торжок, Зубцов, Романов, Ростов) род небогатых помещиков, или, быть может, несколько родов с одинаковым патронимом. К роду князей Львовых он не имеет никакого отношения. До уровня детей боярских III статьи по «Тысячной книге» дотянули только двое из трех десятков Львовых [ТКДТ. С. 340—341]. Федор Васильевич Львов числился как «литва дворовая» по Ростову. Его отец — «Василий Никифоров (Безносов?) сын Львов» записан вместе с четырьмя сыновьями: Ярославцем, Михальцем, Гришей и Федьком. Запись несколько сумбурна, по ней можно сделать предположение, согласно которому то ли все братья Васильевичи, то ли двое последних — новики 7065 (1556/1557) г. [ТКДТ. С. 143]¹⁴¹. Как решающий аргумент в пользу того, что Ф. Львов 1570 г. это именно Федор Васильевич, а не Федор Федорович, может быть использован тот факт, что Ф. В. Львов продолжил службу (в качестве выборного сына боярского) после 1570 г.: его имя есть в боярских списках 1588/1589, 1598/1599 гг. и др. (указан оклад в 500 четей по Ростову) и, в частности, он участвовал в походе на шведов 1589—1590 гг., а значит, находился именно на военной, а не на дипломатической службе [Станиславский, 2004. С. 231, 255, 329, 347].

Впоследствии ни до, ни после опричнины Федор Васильевич Львов не занимал постов воинского головы и, тем более, воеводы, можно считать, что служба в опричной военной иерархии дала ему шанс повысить свой социальный статус, однако после ее отмены этот шанс исчез. Для опричного боевого корпуса Ф. В. Львов был третьестепенной фигурой.

Афанасий Иванович Новокшенов (Новокщенов, Новокрещенов) — еще один «маленький человек» опричнине. Из всей его военной деятельности в опричнине известно лишь о том, что он был третьим воеводой при строительстве толшеборских укреплений на Колыванской дороге в 1570 г. [Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 65], т. е. сыграл в

¹⁴¹ Кобрин ошибочно называет Федора Васильевича сыном Василия Никитича Львова, но «Дворовая тетрадь» определенно указывает иное отчество: Василий Никифорович.

опричной военной иерархии малозаметную роль. «Тысячная книга» представляет его как новгородского дворового сына боярского II статьи, служащего по Вотской пятине [ТКДТ. С. 85], т. е. Афанасий Иванович примерно равен по службе с Унковскими, да еще, пожалуй, с К. Д. Поливановым — последний был хоть и в III статье, зато по Москве; прочие же худородные опричники поставлены в «Тысячной книге» и «Дворовой тетради» на более низкие ступени. До учреждения опричнины Новокшено夫 служил в действующей армии на уровне воинского головы. Именно как голова он участвовал в двух больших ливонских походах 1558 г. и в походе на Алыйст 1560 г. [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 198, 202, 215]. В середине 1560-х гг. это уже довольно заметный человек при дворе государевом: на Земском соборе 1566 г. он попал в число дворян I статьи, а в 1571 г. записан среди поручителей по князе И. Ф. Мстиславском о его верности монарху [Антонов, 2004а. С. 176; 2004. С. 67, 71, 75]. «Именное» назначение 1570 г. немного приподняло Афанасия Ивановича над его обычным должностным уровнем, однако в дальнейшем он среди воевод не закрепился. Таким образом, в его карьере это был приятный эпизод, но не более того.

Петр Поярков в походе основных сил опричной армии под Мценск поздней весной—летом 1568 г. был расписан в сторожевом полку на должность то ли головы при воеводе К. Д. Поливанове, то ли второго воеводы. Текст разряда звучит в этом месте несколько двусмысленно:

Тово же году во Мценску были воеводы по полком: В большом полку Ондрей Иванович Очин Плещеев. В передовом полку Григорей Полев да голова Иван Баушев. В сторожевом полку Костентин Поливацов да Петр Поярков [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 237].

Иными словами, это весьма сомнительный воевода. Прежде он в опричных разрядах фигурировал только один раз: в осеннем походе 1567 г. числился вторым человеком «с постелею» при первом — Д. И. Годунове [Там же. С. 222].

О Петре Андреевиче Пояркове известно, что он служил в 1550-х гг. по Торжку и был вписан в «Тысячную книгу» как сын боярский III статьи [ТКДТ. С. 80]. В декабре 1553 г. его отправляют стрелецким головой на Луговую сторону, в первом большом ливонском походе 1558 г. он — голова в полку левой руки, в серпуховском походе против крымцев 1559 г. занимает ту же должность, а в 1560 г., в походе к Феллину, переходит головой в передовой полк (чуть выше «честьюю») [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 199, 211, 224; Кобрин, 1960. С. 65]. Иными словами, это опытный военачальник невысокого ранга. В опричнине его могли оставить на прежней должности — воинского головы — или же повысить до второстепенного воеводско-

го поста в небольшом полевом соединении, каким и был трехполковой опричный корпус под Мценском. Допустим, Петр Андреевич получил повышение. Однако это не успело всерьез сказаться на его карьере, поскольку, как указывает В. Б. Кобрин, уже в 1571 г. он был мертв [Кобрин, 1960. С. 65]. Так как в различных вариантах синодика казненных встречается имя И. П. Пояркова-Квашнина, казненного, по реконструкции Р. Г. Скрынникова, в связи с «делом» И. П. Федорова-Челяднина [Скрынников, 1992. С. 530], то можно предполагать опалу в отношении Петра Андреевича и даже преждевременную его гибель в связи с репрессиями против родни, оказавшейся под подозрением.

Иван Иванович Мятлев-Слизнев может быть назван «худородным» лишь с рядом оговорок. Это семейство, несомненно, входило в число «родословных». Оно являлось родней старомосковскому боярскому роду Свибловых, происходя с ним от одного предка — знаменитого Акинфа Великого. Правнук Акинфа, Андрей Андреевич Слизень (младший брат Федора Свибло), стал прародителем обширной и разветвленной ветви, где Мятлевы были старшим ответвлением [Зимин, 1988. С. 164, 167, 205]. Но до высоких чинов они никогда не дошли, служивались, в Боярскую думу не попадали. Если кто-то из них получал «именное» назначение, то это было целое событие для всего рода. А достижение воеводской должности, хотя бы и второстепенной, означало великий успех семейства. Так было, например, с Семеном Григорьевичем Мятлевым, который ходил под Полоцк при Василии III как третий воевода в полку правой руки, притом воевода, «прикомандированный» с удельной службы кн. Дмитрия Углицкого [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 67]. В «Тысячную книгу» из большого рода попали немногие, а из тех, кто все-таки туда попал, никто не поднялся выше III статьи. Сам И. И. Мятлев-Слизнев числился там как раз сыном боярским III статьи по Вязьме [ТКДТ. С. 77].

На этом фоне карьерный успех Ивана Ивановича Мятлева-Слизнева выглядит впечатляюще. До опричнины он уже успел «выбиться в люди». Известно, что с весны 1556 г. он «годовал» третьим воеводой в Чебоксарах, в большом походе на Полоцк зимой 1562/63 г. осуществлял дозорную службу и был в чине есаула, а весной 1563 г. отправился в Рославль уже первым воеводой [Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901. С. 185, 238; Баранов, 2004. С. 131, 132]. Для малозаметных Мятлевых-Слизневых это настоящий служебный триумф.

Однако прежде поступления на опричную службу Иван Иванович никогда не допускался на воеводские должности в действующих полевых соединениях. Впервые опричные разряды фиксируют его присутствие осенью 1567 г.: во время похода Ивана IV на литовско-ливонский театр военных действий он числился среди дворян, разряженных быть «в стану у государя». Иными словами, Ивану Ивановичу дове-

ряют, но высоких должностей пока не дают [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 222]. Но зимой 1568/69 г. или чуть позднее он уже третий воевода в небольшом самостоятельном отряде опричников у Ржевы Владимиrowой («по чести» он после кн. И. П. Охлябинина и перед И. Б. Блудовым). А несколько месяцев спустя в опричном «бебереговом» разряде он уже показан вторым воеводой полка правой руки под Калугой, а затем под Тулой [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 242, 250—251; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 58—59]. В сентябре 1570 г., во время похода большой русской армии к Серпухову, против крымцев, И. И. Мятлев-Слизнев назначен быть «у знамени», что, конечно, гораздо ниже прежних его воеводских назначений: почет немал, но к принятию тактических решений — никакого касательства [Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2, ч. 2. С. 269]. Опричнику Иван Иванович пережил, и под занавес ее, весной 1572 г., он получил назначение на Земский двор (полицейско-судебное учреждение, в задачи которого входило поддержание порядка на столичных улицах, борьба с незаконным изготовлением, хранением и употреблением алкогольных напитков) [Там же. С. 306]. Вообще, по словам Штадена, И. И. Мятлев-Слизнев имел на Земском дворе постоянную службу, видимо в роли судьи; пускаясь в плутовство, он обирал там купцов [Штаден, 2002. С. 37—38]. Там же, на Земском дворе, он продолжил службу и после отмены опричнины: боярский список 1577 г. показывает его там в качестве первого судьи [Станиславский, 2004, С. 192].

С. Б. Веселовский считал, что Иван Иванович «никакой карьеры в опричнине не сделал» [Веселовский, 1963. С. 221]. Это не совсем верно: пребывание на воеводских постах в действующей армии, несомненно, знак служебного успеха, пусть и не выдающегося. Возможно, эти успехи стоит связывать с протекцией, оказанной со стороны влиятельной родни. Так, Мятлевы-Слизневы одного корня с Чеботовыми и Бутурлиными. Между тем Иван Яковлевич Чеботов был боярином в опричной Думе; около 1570 г. он постригается в иночи [Кобрин, 1960. С. 83—84] — то ли в связи с репрессиями, обрушившимися на старомосковские боярские семейства, стоявшие у истоков опричнины, то ли в связи с персональной опалой, то ли просто по возрасту. Тогда же приостанавливается и военная карьера И. И. Мятлева-Слизнева — воеводских постов ему больше не дают. Помощь со стороны Бутурлиных более сомнительна: Дмитрий Андреевич Бутурлин, видный опричник, окольничий опричной Думы, был не настолько силен, чтобы самому себе или своему сыну обеспечить значительный воеводский пост. Вряд ли он сумел бы сделать это для родни из младшей ветви.

Резюме: захудалому семейству Мятлевых-Слизневых в лице Ивана Ивановича опричная иерархия обеспечила умеренное карьерное про-

движение. Однако в рамках военной иерархии оно скоро пресеклось и продолжилось на административной службе.

Итак, в процессе изучения «третьего яруса» опричной военной иерархии, а именно совокупности вторых, третьих и четвертых воевод в полках и отдельных отрядах опричного боевого корпуса, удалось получить следующую картину. Здесь преобладает титулованная знать, главным образом «второго сорта» — либо младшие представители высокородных семейств, либо выходцы из слабых, «захудальных» ветвей. Всего 9 военачальников. На данном уровне совершившийся в 1570 г. перелом от господства старомосковского боярства к рекрутированию полководцев в основном из среды титулованной аристократии незамечен. Последняя как преобладала до 1570 г., так и продолжает преобладать на позднем этапе опричнины. Что касается выходцев из старинных московских боярских родов, то они хотя и уступают по численности титулованной знати, но представлены широко. Можно считать твердо установленным, что на названном уровне воеводских назначений пребывало 7 нетитулованных аристократов¹⁴², роды которых в большинстве случаев были давно связаны службой с московскими правителями. Слой худородных выдвиженцев на этом уровне несколько более заметен, чем на уровне первых воевод в полках и самостоятельных отрядах. Но все же количественно они заметно уступают знати. Твердо установленным можно считать получение воеводских должностей указанного уровня 5 отпрысками худородных семейств. Под вопросом остаются еще 4 человека: И. Поливанов, И. Баушев (Унковский?), Ф. Львов, П. Поярков.

Если для более высоких уровней военной иерархии опричнины роль «кузницы кадров» в очень значительной степени играл Полоцкий поход зимы 1562/63 г., то в данном случае он статистически незначим для кадрового отбора. Из 21 персоны (или 26, если включить сюда и сомнительных опричных воевод) в «Полоцком взятии» участвовали только 7, т. е. не более 33 %. На более высоких уровнях количество выдвиженцев, участвовавших в названных боевых действиях под Полоцком, неизменно превосходило 60 %.

Наконец, по сравнению с более высоким уровнем опричной военной иерархии, здесь видна чудовищная «текущка кадров». Никто из воевод, остававшихся на протяжении опричного периода на данной служебной степени, не вошел в костяк опричного военного командования. Подавляющее большинство оказывалось в опричных полковых воеводах всего 1—2 раза, чаще привлекались к командно-тактической работе лишь кн. А. И. Хворостинин, кн. В. А. Сицкий да И. И. Мятлев-

¹⁴² А возможно и 8 — если не считать И. Б. Салтыкова мифической личностью, порождением писцовой ошибки.

Слизнев. Таким образом, военачальники данного уровня в подавляющем большинстве своем оставались случайными людьми в опричной военной системе. Их использовали как опричных воевод столь недолго, что они просто не успевали врастти в армейскую систему опричнины. Единичное назначение подобного рода не делало погоды в их персональной карьере. Что же касается интересов службы, то практика подбора кадров, при которой крупное полевое соединение по большей части возглавляли военачальники, встретившиеся для совместной службы один-единственный раз, должна была отрицательно сказываться на спаянности и прочности этих соединений.

Еще один фактор, как видно, негативно влиявший на боеспособность опричных армий и отдельных отрядов, — низкое число опытных полководцев, рекрутированных на данный уровень назначений. Из них у двух третей опыт тактической командной работы либо крайне невелик (нередко он просто нулевой), либо полностью приобретен на службе в роли войсковых голов, а не воевод, т. е. уровнем ниже. Впрочем, этот недостаток — общий для всех уровней опричной военной иерархии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На протяжении начальных десятилетий правления Ивана IV, до учреждения опричнины (1565), в составе командных кадров российской армии полностью доминирует титулованная служилая аристократия. Нетитулованная знать, т. е. стариные боярские роды, в значительной степени утратила прежнее влияние на распределение важнейших командных должностей. «Служилые люди по отечеству», не относящиеся к аристократии, могут претендовать на получение воеводских должностей лишь в виде исключения. На этой почве, очевидно, развивается конфликт, который отразится затем в основных принципах кадровой политики опричной военной иерархии.

До какой степени опричнина была сломом традиционных иерархических отношений в той социальной среде, из которой формировалась военная элита России?

Виден ряд серьезных расхождений с устоявшимся к середине 1560-х гг. порядком, расхождений, продержавшихся, однако, недолго. В русской армии середины XVI столетия титулованная аристократия получила абсолютное преобладание как поставщик кадров для высших воеводских назначений. «Реванш» старомосковского боярства над титулованной знатью в армейском командовании опричнины действительно имел место. Более того, можно говорить о ярко выраженном характере этого явления. Всего несколько семейств, главным образом Плещеевы да Умные-Колычёвы, контролировали большую часть важнейших воеводских назначений в опричном боевом корпусе.

Однако на позднем этапе истории опричнины преобладание старомосковской нетитулованной знати в армии исчезает. Разрушение господства Плещеевых, казни и опалы, ударившие по этому семейству в связи с «новгородским делом», полностью изменили картину в опричном боевом корпусе. Боярский «реванш» оказался нестойким и кратковременным: в 1570 г. он сходит на нет и до 1572 г. уже не возобновляется; картина воеводских назначений в опричной армейской среде перестает сколько-нибудь значительно отличаться от армейской среды преопричного периода. С середины 1570 г. воеводский корпус опричнины, включая и высшие должности, формируется в значительной степени из высокородных аристократов. Роль опричного главноко-

мандующего исполняет кн. Ф. М. Трубецкой, в опричнину приходит опытнейший кн. В. И. Барбашин. Осуществляется залповое «вливание» княжат, связанных службой или родственными узами с семейством Старицких, разгромленным в 1569 г.: в статусе опричных воевод оказываются кн. С. Д. Пронский, кн. А. П. Хованский, Н. Р. Одоевский, В. И. Темкин-Ростовский, а также знатнейшие выходцы из тверского боярства Г. Н. и Н. В. Борисовы-Бороздины, имевшие прочные связи с домом удельных князей Старицких.

Некоторые представители неродословных и худородных фамилий добились высоких воеводских назначений в армии, однако подобного рода случаев мало. Кроме того, «высоких» — не значит «высших». К руководству крупными самостоятельными полевыми соединениями в годы опричнины никого из них не допустили. Ни единого раза. Их потолок был — командование полком или недолгое пребывание во главе крепостного гарнизона, но не столь значительного, как, например, новгородский, псковский или казанский. Заметными людьми в опричной военной иерархии были Нащокины (прежде всего М. А. Безнин, затем Р. В. Алферьев), кроме того, опытнейший в военном деле И. Б. Блудов. Из царских любимцев высоко поднялся в опричной армии К. Д. Поливанов. Прочие государевы фавориты, в том числе и знаменитый Г. Л. Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта, либо вообще не получили воеводских постов, либо ставились на второстепенные воеводские должности — в качестве разовой почести. После отмены опричнины считаные единицы «худородных выдвиженцев» Ивана IV сохранили положение воевод (Нащокины и тот же И. Б. Блудов).

Продвижение еще в начальный период опричнины получили представители младших ветвей и захудальных родов княжеской знати, оттесненных до опричнины на второй план. Это в первую очередь Телятевские, затем Вяземские, Хворостинины, Гвоздевы-Приимковы, кн. И. П. Охлябинин, кн. В. А. Сицкий, кн. Д. М. Щербатый, кн. А. И. Морткин. Из их числа действительно выходили «способные» и «талантливые» военачальники — прежде всего надо назвать великого полководца кн. Д. И. Хворостинина (который, впрочем, получил в опричнине не столь уж значительное карьерное продвижение). Разумеется, никакими «новыми людьми» они не были. Они-то как раз получили в опричную эпоху превосходный шанс возвыситься, преодолеть барьер сравнительно низкого положения на шкале местнических счетов и воспользовались им сполна. В послеопричное время многие из них сумели закрепить за собой карьерные достижения. И это — главный результат того нарушения традиционных иерархических отношений в среде военнослужилой знати России, каким была опричнина.

Таким образом, пользуясь словами А. П. Павлова, нарушение «традиционной иерархии внутри господствующего класса» оказалось

недолгим и неглубоким. В армейской сфере реальные его последствия сводятся к введению нескольких новых семейств в тот аристократический слой, на основе которого формировался высший командный состав вооруженных сил Московского государства.

Радикальные мнения Р. Ю. Виппера и П. А. Садикова о «талантливых выдвиженцах» Ивана Грозного и противоположности «помещичье-дворянской опричнины» «княжеско-боярской феодальной знати» не находят ни малейшего подтверждения на материале верхних ярусов опричной военной машины. И даже более осторожная формулировка А. А. Зимина, согласно которой Иван IV «смело выдвигал новых людей», оказывается некорректной. «Новых людей» — неродовитых, происходящих из провинциальных городовых служилых корпораций, — на верхушке опричной военной машины почти нет. Первый русский царь и впрямь обеспечил русскую армию целым рядом «выдвиженцев», поднявшихся по его воле выше, чем позволял их социальный статус. Но, во-первых, это все та же «княжеско-боярская знать», по выражению Садикова, только чуть более низкого сорта. И во-вторых, выбор Ивана IV обеспечил армию военачальниками далеко не высшего уровня — по части опыта и тактических талантов. Если среди командиров самостоятельных отрядов или отдельных полков в составе крупных полевых соединений отыскивается немало даровитых военачальников или, как минимум, полководцев с большой «практикой» за плечами, то среди опричных командующих таковых очевидное меньшинство, а среди вторых, третьих и четвертых полковых воевод они и вовсе встречаются как исключение. Как правило, назначение на воеводство в полках и крепостях зависело от влияния родственников при опричном дворе Ивана IV, доверия самого царя и монаршего благорасположения, никак не связанного с наличием у претендента тактического дарования или долгих лет службы на соответствующих должностях.

Необходимо подчеркнуть исключительно важную роль зимнего похода на Полоцк 1562/63 г. Именно он сыграл роль «кузницы кадров» для военной организации опричнины.

Конечно, можно предположить, что гигантский «военный смотр» вооруженных сил России, произведенный за два года до введения опричнины, должен был собрать будущих опричных воевод хотя бы по той причине, что вообще собрал очень значительное количество служилых людей по отечеству. Ведь это было одно из самых масштабных военных предприятий Московского государства в XVI в. Но, очевидно, дело не только в том, что опричные полководцы статистически «поглощаются» многолюдством начальных людей, назначенных для похода к Полоцку. Если бы дело обстояло так, то в составе всех трех «эшелонов» опричного военного командования, рассмотренных в настоящем

исследовании, был бы примерно равный процент участников названного похода. Между тем этот процент заметно падает, если идти от высшего «яруса» к нижнему. 75 % командующих опричными полевыми соединениями участвовали в «пороцком взятии»; из числа первых воевод в опричных полках и небольших самостоятельных отрядах — 63 %, т. е. уже меньше; а из числа вторых, третьих и четвертых воевод в опричных полках — всего лишь 33 %. Таким образом, участие в Пороцком походе было фактором, который значительно усиливал возможность попадания на одну из высоких, ключевых должностей в командовании опричного боевого корпуса.

Опричный командный состав делится на две неравные группы. В одну из них входят военачальники, привлеченные на опричную службу ненадолго, исполнявшие «разовые поручения». Порой это были случайные для опричной организации персоны, а порой — фигуры, отряженные в опричнину в поздний период ее существования (1570—1572), когда воеводский корпус проходил переформирование и новым полководцам оставалось провести в составе «черного воинства» лишь очень короткий срок. Эта группа весьма многочисленна. Что же касается второй, меньшей по численности группы, то она представляла собой костяк опричных командных кадров — полководцев, служивших в опричнине на протяжении длительного периода и получавших воеводское назначение многократно (как минимум 4 раза).

По результатам проведенного исследования можно считать твердо установленным назначение в опричнине на воеводские должности 47 представителей русской служилой аристократии и дворянства, а также 3 представителей выезжей иноэтничной аристократии (двою князей Черкасских и П. Т. Шейдяков)¹.

В костяк же опричного военного командования вошло лишь 12 воевод, т. е. около 10 % от общего числа полководцев, служивших в опричнине. Все они достигли на опричной службе уровня либо командующих полевыми соединениями и небольшими самостоятельными отрядами, либо первых воевод в полках. Из выезжих в их числе — один лишь кн. М. Т. Черкасский. Из титулованной аристократии — еще 6 персон: князья А. И. Вяземский, И. П. Охлябинин, А. П. Телятовский, В. И. Телятовский, Ф. М. Трубецкой и Д. И. Хворостинин. Только один из них, а именно кн. Ф. М. Трубецкой, пришел в опричное военное командование в результате кадровой перестановки 1570 г. и только его можно отнести к числу высокородных аристократов высшего уровня знатности. Остальные — из второстепенных княжеских семейств, на порядок уступавших Трубецким в «отечестве». Только трое — В. И. Колычёв-Умной, З. И. Плещеев-Очин и И. Д. Колодка

¹ Еще пять персон остаются под вопросом.

Плещеев — вышли из среды старомосковского боярства. Цифра поразительная! Разгром Плещеевых по подозрению в измене по «новгородскому делу» вывел из опричной военной системы единственную значительную группу старомосковского боярства, влившую на распределение крупных воеводских должностей. Из всех остальных боярских родов, вошедших в опричное руководство, один-единственный Колычёв-Умной оказался по-настоящему даровитым военачальником, притом обладавшим доверием Ивана IV. Как видно, те семейства не-титулованной аристократии, которые участвовали в рождении опричной организации, оказались неспособными дать ей достаточное количество опытных военачальников. Честолюбивое стремление занимать высокие посты в армии не опиралось на сильный кадровый ресурс. Наконец, еще двое относятся к числу худородных дворян — И. Б. Блудов и М. А. Безнин. Оба — люди выдающихся способностей, причем у Безнина эту оценку можно распространить, помимо военной, также на литературную и дипломатическую сферы. Однако в целом очень хорошо видно, что значительной роли худородные полководцы в опричной военной иерархии не сыграли ни в какой период ее существования.

Можно сделать парадоксальный вывод: даже учитывая ситуацию «реванша», временно взятого старомосковским боярством перед титулованной знатью на высших уровнях опричного военного руководства, наиболее ценными военными специалистами считались все-таки не его представители, а служилая княжеская аристократия «второго ранга». Боевой костяк, обеспечивавший стабильность и надежность опричной военной системы, в наибольшей степени формировался на основе именно этой социальной группы.

Явно ослабляло этот костяк неоднократное назначение на высокие командные посты людей, не имеющих должного опыта. Среди них прежде всего И. Д. Колодка Плещеев и кн. М. Т. Черкасский, пришедшие в опричнину с нулевым опытом тактической командной работы. Небогатая «практика» имелась у М. А. Безнина, а также у кн. В. И. Телятевского. В случае с Плещеевым и Телятевским очевидна родственная протекция, что же касается Безнина, то он после Полоцка стал, очевидно, одним из любимцев царя, а кн. М. Т. Черкасский — близким родственником Ивана IV. Таким образом, даже на состав боевого ядра опричных воевод влияли протекция, родственные связи, фаворитизм. Впрочем, Безнин и Плещеев удержались в составе этого самого ядра, поскольку сумели проявить способности к командной работе.

Участие в Полоцком зимнем походе 1562/63 г. явилось одним из определяющих факторов при формировании костяка опричного командования. Из 12 перечисленных полководцев, вошедших в его состав, только двое (!) не были при «полоцком взятии», это В. И. Колычёв-Умной и И. Д. Колодка Плещеев. В качестве есаулов и голов

под Полоцком присутствовали кн. А. И. Вяземский, кн. И. П. Охлябинин, кн. В. И. Телятевский, кн. Ф. М. Трубецкой, кн. Д. И. Хворостинин, М. А. Безнин, рынды вышел в поход кн. М. Т. Черкасский, ертаул возглавлял кн. А. П. Телятевский, И. Б. Блудов отряжен был «за государем ездити», а З. И. Плещеев-Очин — охранять захваченного в плен С. Довойну, возглавлявшего полоцкий гарнизон. Очевидно, царское доверие к командным способностям этих людей могло быть завоевано ими (хотя бы некоторыми из них) как раз во время большого Полоцкого похода.

Что же касается всех остальных (80 %!), то их назначали опричными воеводами один, два, реже — три раза. Их легко сменяли. Очевидно, не на них в большинстве случаев надеялись при наступлении критической ситуации.

Можно сделать предположение, которое задает вектор дальнейших исследований в этой области: возможно, многие представители аристократических родов не первой знатности, а также и просто дворянских семейств стремились попасть на воеводскую службу в опричном боевом корпусе, поскольку для них это был единственный шанс доставить роду славу «именного назначения» столь высокого уровня, отмеченного в разрядах. Не столько сделать карьеру постоянной службой, сколько «отметиться» для вящей личной славы и повышения служебного уровня всего рода. Так было, очевидно, с воеводскими назначениями М. Б. Блудова, Г. Л. Скуратова-Бельского и И. И. Бухарина-Наумова. Впрочем, данная гипотеза нуждается в серьезной разработке.

Существование самостоятельной опричной военной машины не принесло Московскому государству триумфальных военных успехов. Отдельно от земских ратей опричники только один раз одержали крупную победу: в мае 1570 г. кн. Д. И. Хворостинин и Ф. Львов разбили крымцев под Зарайском. Помимо этого, опричный военный корпус взял на себя часть ответственной и крайне обременительной «береговой» службы по защите южных рубежей России. Опричные воеводы делят с земскими честь ряда крупных военных успехов и позор больших поражений. В активе у них — участие в отбивании Изборска (1569) и в удачных военных действиях против крымцев под Болховом (1565). Но, с другой стороны, на них лежит львиная доля вины за поражение под Ревелем в 1570 г. Да и в решающий момент оборонительной операции против крымского хана Девлет-Гирея весной 1571 г. опричные полки действовали неудачно [Володихин, 2006. С. 89—91]. Что же касается участия опричников в разгроме крымской армии у деревни Молоди в 1572 г., то сделанные выше выводы позволяют утверждать следующее: отдельные военачальники, приписанные к опричнине, в частности тот же князь Д. И. Хворостинин, немало потрудились для этой победы, а вот об участии каких-то опричных отрядов

или полков, обособленных от земской армии, говорить не приходится. Опричный боевой корпус к тому времени уже подвергся расформированию. Таким образом, список реальных военных достижений опричной военной организации весьма скромен. Военная сторона опричной реформы, изначально чуть ли не главнейшая, в итоге оказалась проваленной.

Главный вывод, который можно сделать на основе исследования источников по периоду правления Ивана IV: высший командный состав на протяжении всего этого времени формировался почти исключительно из русской служилой аристократии. Преобладала титулованная аристократия, причем доминирующие позиции получили знатнейшие семейства, поскольку формирование командных кадров происходило главным образом по «родовому» принципу. Он был несколько поколеблен в период опричнины, и представители старинных московских боярских родов, а также сравнительно небольшая группа «худородных» дворян получили высокие воеводские посты, но после сворачивания опричнины подавляющее большинство этих выдвиженцев утратили высокое положение. Зато целый ряд родов «второстепенной» знати, главным образом титулованной, смогли закрепить высокое положение, полученное при опричнине. Таким образом, верхушка военного командования России частично обновилась. Однако все эти изменения не лишили родовую аристократию первенства в сфере руководства русской армией. Следовательно, старый порядок формирования командных кадров в вооруженных силах Московского государства лишь незначительно видоизменился за счет обновления социальной базы. В целом же он сохранил прежний вид.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список и хронология боевых выходов опричных отрядов с 1565 по 1571 г.¹

1565 г.

В октябре 1565 г. к Болхову для отражения крымцев были отправлены два самостоятельных опричных отряда: из Москвы — под командой кн. А. П. Телятевского, а также из Белева — под командой кн. Д. И. Вяземского. Оборонительная операция против крымцев закончилась успешно, в основном она совершилась силами земщины.

1566 г.

Действия опричного корпуса по отражению внешнего неприятеля в разрядах не отмечены, вероятно, опричные отряды использовались для охранной службы на случай возможных антиопричных выступлений.

1567 г.

В сентябре 1567 г. в новгородскую землю с целью последующего наступления на литовско-ливонском фронте выступили основные силы русской армии. В походе участвовал опричный двор во главе с кн. М. Т. Черкасским. Поход был прерван, войска с полдороги возвращены назад.

Также в сентябре 1567 г. под Калугой была развернута опричная армия на три полка во главе с кн. А. П. Телятевским.

1568 г.

Весной 1568 г. под Вязьмой сосредоточилась опричная армия из трех полков. Она стояла там на протяжении нескольких месяцев. Состав и численность опричного контингента в этом районе менялись. Первым командовал названной опричной группировкой кн. М. Т. Черкасский, затем кн. А. П. Телятевский и З. И. Плещеев-Очин.

¹ В список не вошли боевые операции, в которых опричники участвовали во второй половине 1571 и 1572 гг. В этот период действовало смешанное опрично-земское командование, и признаков существования самостоятельной военной структуры в опричнине не прослеживается. Не вошли также карательные походы, так как их нельзя отнести к военным операциям.

Также весной 1568 г. отряды опричников расположились на позициях в Одоеве (командовал А. И. Плещеев-Очин) и Мценске (командовал К. Д. Поливанов). Позднее (видимо поздней весной—летом 1568 г., точнее определить не представляется возможным) в Мценске сосредоточилась трехполковая армия опричников во главе с А. И. Плещеевым-Очиным.

Также весной 1568 г. еще одна опричная армия в составе трех полков выдвинулась к Калуге. Командовал И. Д. Колодка Плещеев. Армия стояла там на протяжении нескольких месяцев, возможно и летом 1568 г.

В конце весны—летом 1568 г. отряд опричников появился в Ржеве Владимиrowой. Командовал им В. И. Колычёв-Умной. Позднее, видимо зимой 1568/69 г., то ли названная группировка была усиlena и у нее сменили командование, то ли отряд был снят с позиций, а на его место пришел более крупный отряд, во главе которого числился И. Д. Колодка Плещеев.

Также зимой 1568/69 г. «по вестям» отряды опричников были направлены в Дорогобуж (командовал кн. А. И. Вяземский Глухой) и Великие Луки (командовал кн. Д. И. Хворостинин).

1569 г.

В январе 1569 г. литовцы захватили Изборск. Отбивать его был направлен земский корпус с мощной артиллерией, а также большой опричный отряд во главе с З. И. Плещеевым-Очиным. Русские войска взяли город.

Поздней весной—летом 1569 г. у Калуги была сосредоточена пятиполковая опричная армия во главе с Ф. А. Плещеевым-Басмановым. Позднее, видимо в августе 1569 г., ее передвинули к Туле. Во время перехода командующим оставался Ф. А. Плещеев-Басманов, позднее его сменил кн. В. И. Телятевский (по другим, менее достоверным сведениям — кн. И. П. Зубан Телятевский).

Тогда же, в конце весны—летом 1569 г. в районе Великих Лук стоял опричный отряд во главе с И. И. Плещеевым-Очиным.

1570 г.

В 7078 г. (судя по расположению разрядных записей, скорее всего весной—летом 1570 г., точнее определить невозможно) под Калугой сосредоточилась пятиполковая опричная армия во главе с кн. Ф. М. Трубецким.

«В прибавку по вестям» на Хотунь отправился опричный отряд. Командовал им кн. В. И. Барбашин.

В качестве авангардной группы для подготовки к походу самого Ивана IV из Москвы на юг был послан еще один отряд во главе с кн. В. И. Темкиным-Ростовским.

В мае 1570 г. «У Онтоныя Великого» поставлен опричный отряд И. Д. Колодки Плещеева, а в Калуге — другой отряд, кн. Ф. М. Трубецкого. По разрядным записям трудно понять — предшествовал этот выход кн. Ф. М. Трубецкого к Калуге сосредоточению там крупных сил опричного боевого корпуса или последовал за ним. 21 мая 1570 г. опричный отряд кн. Д. И. Хворостинина разбил крымцев у «Николы Зарайского».

Предположительно, летом 1570 г. опричный отряд во главе с кн. Д. И. Хворостининым был «на Рязани».

Трудно определить точную дату, видимо, летом 1570 г. на Колыванской дороге у Толшебора строился город (укрепление). Помимо земских сил, оборонявших строительство, там стоял опричный отряд под командованием В. И. Колычёва-Умного, а строительством руководила опричная команда во главе с Р. В. Алферьевым.

В июне 1570 г. осаждать Колывань отправился корпус короля ливонского Магнуса, отряды земского воеводы И. П. Яковleva и опричного В. И. Колычёва-Умного. Под Колыванью русские войска потерпели поражение.

В сентябре 1570 г. Иван IV выходит с земской армией и опричным двором против крымцев, доходит до Серпухова и стоит там несколько дней. Дворовые воеводы не указаны, старшим среди сопровождающих царя военачальников назван кн. М. Т. Черкасский.

Тогда же, в сентябре 1570 г., опричный отряд во главе с кн. Ф. М. Трубецким стоит в Калуге; «на Сенькином мысу» занял позиции опричный отряд под командованием кн. С. Д. Пронского, а под Тарусой сосредотачивается опричная армия пятиполкового состава во главе с кн. М. Т. Черкасским, отправленным из Серпухова.

1571 г.

В мае 1571 г. для отражения крымцев Девлет-Гирея вышли земская армия, опричный двор во главе с кн. Ф. М. Трубецким, а также два полка из состава опричного корпуса. Во главе передового полка стояли кн. М. Т. Черкасский и кн. В. И. Темкин; во главе сторожевого полка стояли кн. П. Т. Шейдяков и кн. В. П. Яковлев. Боевой выход закончился поражением, сожжением Москвы и уничтожением Опричного дворца в Занеглименье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Разрядные книги, боярские списки, иные списки служилых людей государева двора

Анхимюк, 2004: *Анхимюк Ю. В.* Полоцкий поход 1563 года в частных разрядных книгах // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004 (публикация источника).

Баранов, 2004: *Баранов К. В.* Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. Вып. 10. М., 2004.

Милюков. Древнейшая разрядная книга... 1901: Древнейшая разрядная книга официальной редакции по 1565 год включительно. М., 1901.

Петров, 2004: *Петров К. В.* Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // РНБ. Рукописные памятники. Вып. 9. СПб., 2004.

Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966.

Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974.

Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Т. I. Вып. 1—2.

Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 1—2.

Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977—1978. Т. 1, ч. 1—3.

Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981—1982. Т. 2, ч. 1—3.

Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1984—1989. Т. 3, ч. 1—3.

Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1994—2003. Т. 4, ч. 1—2.

Станиславский, 2004: *Станиславский А. Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков. М., 2004 (здесь же публикация ряда боярских списков).

ТКДТ: «Тысячная книга» 1550 г. и «Дворовая тетрадь» 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.

Иные материалы государственного делопроизводства

Беседа... 1848: Беседа Ивана Грозного с послом Воропаем // Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9, отд. IV. С. 296.

Документы... 1998: Документы походного архива воеводы кн. Василия Дмитриевича Хилкова 1580 г. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). 1571—1580 гг.

Мельников, 1985: *Мельников Ю. Н.* Местническое дело боярина кн. Ф. Д. Шестунова с боярином кн. Д. И. Хворостининым 29 февраля 1589 г. // Исследова-

ния по источникам истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1985 (публикация источника).

Описи... 1960: Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под. ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

Сборник РИО, 1887: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 59, ч. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. СПб., 1887.

Сборник РИО, 1892: Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 71, ч. 3: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. СПб., 1892.

Летописи

Александро-Невская летопись: Александро-Невская летопись (и Продолжение Александро-Невской летописи) // Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича / Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.

Безднинский летописец: Безднинский летописец // Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова / Зап. отд. рук. Гос. библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1977. Т. 38 (публикация источника).

История о Казанском царстве: История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000.

Лебедевская летопись: Лебедевская летопись // Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича / Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.

Летописец начала царства: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. ПСРЛ. Т. 29. М., 1965.

Московский летописец: Московский летописец // Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

Никоновская летопись: Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. IX—XIV. М., 2000.

Пискаревский летописец: Пискаревский летописец // Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы / ПСРЛ. Т. 34. М., 1978.

Псковская 3-я летопись: Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5, вып. 2. М., 2000.

ПСРЛ: Полное собрание русских летописей / Предисл. Буганова В. И. М., 1978.

Соловецкий летописец: Соловецкий летописец // Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. / Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981 (публикация источника).

Сочинения иностранцев

- Гваньини, 1997: *Гваньини А.* Описание Московии. М., 1997.
- Гейденштейн, 1889: *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889.
- Таубе и Крузе, 1922: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе / Пер. М. Г. Рогинского // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8.
- Флетчер, 1906: *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906.
- Шлихтинг, 1934: *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934.
- Штаден, 2002: *Штаден Г.* Записки немца-опричника. М., 2002.

Актовый материал

- Антонов, 2002: *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2002. Вып. 8.
- Антонов, 2004: *Антонов А. В.* Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10, № 14.
- Антонов, 2004а: *Антонов А. В.* Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
- Духовные и договорные грамоты... 1950: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
- Законодательные акты... 1986: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII века. Л., 1986.
- Катаев, Кабанов, 1905: *Катаев И. М., Кабанов А. К.* Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905. Отд. 1.
- Маштафаров, 1997: *Маштафаров А. В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 г. // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1.
- «Приговор»... 1813: «Приговор» об избрании Филиппа на митрополию. 20 июля 1566 г. // Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813.

Иные источники

- Курбский, 1986: *Курбский А.* История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986.
- Переписка... 1986: Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1986.
- СГГД: Собрание государственных грамот и договоров. Т. 1. М., 1813.

Историография

- Абрамович, 1991: *Абрамович М. Г.* Шуйские и русский трон. Л., 1991.
- Альшиц, 1947: *Альшиц Д. Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. М., 1947. Т. 23.

- Альшиц, 1949: *Альшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // Исторический архив. Вып. IV. М.; Л., 1949.
- Альшиц, 1958: *Альшиц Д. Н.* Разрядная книга московских государей XVI в. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. VI.
- Альшиц, 1979: *Альшиц Д. Н.* Об официальном характере «Книги Розрядной великих князей и государей московских...» // АЕ за 1978 г. М., 1979.
- Альшиц, 2009: *Альшиц Д. Н.* От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси. СПб., 2009.
- Амосов, 1998: *Амосов А. А.* Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998.
- Антонов, Маштафаров, 2004: *Антонов А. В., Маштафаров А. В.* Об архиве сузdalского Покровского девичьего монастыря XV—начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10, № 106.
- Анхимюк, 2005: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV—начало XVII века. М., 2005.
- Баиров, 2008: *Баиров А. К.* История русского военного искусства. М., 2008.
- Бахрушин, 1954: *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // Научные труды. М., 1954. Т. II.
- Бибиков, 1941: *Бибиков Г. Н.* К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XIV.
- Борисов, 1993: *Борисов Н. С.* Русские полководцы XIII—XVI веков. М., 1993.
- Буганов, 1958: *Буганов В. И.* Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 гг. // АЕ за 1957 г. М., 1958.
- Буганов, 1962: *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962.
- Буганов, 1975: *Буганов В. И.* К изучению состава «Государева двора» XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975.
- Буганов, 1978: Предисловие // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 224.
- Булычев, 2005: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.
- Бурдей, 1963: *Бурдей Г. Д.* Молодинская битва 1572 года // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1963. Т. 26.
- Бычкова, 1975: *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. М., 1975.
- Бычкова, 1986: *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов в России XVI в. М., 1986.
- Веселовский, 1963: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Веселовский, 1969: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
- Виппер, 1998: *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный // Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530—1584). Виппер Р. Ю. Иван Грозный / Сост. и автор вступ. ст. Д. М. Володихин. М., 1998.
- Волков, 2004: *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства (конец XV—первая половина XVII в.). М., 2004.

- Волков, 2005: *Волков В. А. Русская рать: богатыри, витязи и воеводы.* М., 2005.
- Володихин, 1994: *Володихин Д. М. Источники трактата Джильса Флетчера «О государстве русском» // Россия и Запад: диалог культур.* М., 1994.
- Володихин, 1995: *Володихин Д. М. Лебедевская летопись о взятии Погоща войсками Ивана IV в 1563 г. (Вопросы атрибуции) // Вестник МГУ. Сер. 8 (История). 1995. № 1.*
- Володихин, 1997: *Володихин Д. М. «Очень старый академик». Оригинальная философия истории Р. Ю. Виппера.* М., 1997.
- Володихин, 2009: *Володихин Д. М. Воеводы Ивана Грозного.* М., 2009.
- Володихин, 2009а: *Володихин Д. М. Митрополит Филипп.* М., 2009.
- Володихин, 2010: *Володихин Д. М. Иван IV Грозный. Бич Божий.* М., 2010.
- Володихин, Александров, 1994: *Володихин Д. М., Александров Д. Н. Борьба за Погощ между Русью и Литвой в XII—XVI веках.* М., 1994.
- Голицын, 1878: *Голицын Н. С. Русская военная история.* СПб., 1878. Ч. 2: От Иоанна III до Петра I.
- Граля, 1994: *Граля И. Иван Михайлов Висковатый.* М., 1994.
- Греков, 1976: *Греков И. Б. Об идеально-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в. (об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.* М., 1976.
- Дмитриева, 1989: *Дмитриева Р. П. Летописец Соловецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в.* Ч. 2. Л—Я. Л., 1989.
- Довнар-Запольский, 1910: *Довнар-Запольский М. В. Время царя Ивана Грозного // Русская история в очерках и статьях / Под. ред. М. В. Довнар-Запольского.* Т. II. М., 1910.
- Епифанов, 1976: *Епифанов П. П. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века.* Ч. 1: Материальная культура. М., 1976.
- Ерусалимский, 2006: *Ерусалимский К. Ю. Ливонская война и московские эмигранты в Речи Посполитой // ОИ.* 2006. Вып. 3.
- Загоскин, 1875: *Загоскин Н. П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в До-Петровской Руси.* Казань, 1875.
- Зимин, 1950: *Зимин А. А. Предисловие // «Тысячная книга» 1550 г. и «Дворовая тетрадь» 50-х годов XVI в. / Подгот. к печ. А. А. Зимин.* М.; Л., 1950. С. 17.
- Зимин, 1958: *Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 г.* М., 1958.
- Зимин, 1960: *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного.* М., 1960.
- Зимин, 1964: *Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного.* М., 1964.
- Зимин, 1988: *Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV—первой половине XVI в.* М., 1988.
- Зимин, 1992: *Зимин А. А. Текстология пространной редакции разрядных книг за 1475—1537 гг. // Архив русской истории.* М., 1992. Вып. 2.
- Кавелин, 1897: *Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт древней России // СС.* СПб., 1897. Т. I.

- Карамзин, 1845: *Карамзин Н. М. История Государства Российского*. Т. 9. СПб., 1845. Стб. 97.
- Каргалов, 1989: *Каргалов В. В. Полководцы X—XVI вв.* М., 1989.
- Клосс, 1980: *Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв.* М., 1980.
- Ключевский, 1994: *Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси.* М., 1994.
- Книжные центры... 1991: Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности / Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1991.
- Кобеко, 1901: *Кобеко Д. Ф. Щелкаловы и Чепчуговы // Русская старина.* СПб., 1901. Вып. СV (XXXII год издания).
- Кобрин, 1958: *Кобрин В. Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // ТОДРЛ.* М.; Л., 1958.
- Кобрин, 1960: *Кобрин В. Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г.* М., 1960.
- Кобрин, 1961: *Кобрин В. Б. Социальный состав опричного двора: Авто-реф. дис. ... канд. ист. наук.* М., 1961.
- Кобрин, 1963: *Кобрин В. Б. Источники для изучения численности и истории формирования опричного двора // АЕ за 1962 г.* М., 1963.
- Кобрин, 1985: *Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России.* М., 1985.
- Кобрин, 2008: *Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика: Избранные труды.* М., 2008.
- Колобков, 2004: *Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного.* СПб., 2004.
- Корецкий, 1970: *Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в.* М., 1970.
- Корецкий, 1977: *Корецкий В. И. Безднинский летописец конца XVI в. из собрания С. О. Долгова // Зап. отд. рук. Гос. библиотеки им. В. И. Ленина.* М., 1977. Т. 38.
- Корецкий, 1981: *Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники.* 1980 г. М., 1981.
- Корецкий, 1986: *Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в.* М., 1986.
- Кром, 2002: *Кром М. М. О численности русского войска в первой половине XVI в. // Российское государство в XIV—XVII вв.* СПб., 2002.
- Кром, 2010: *Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века.* М., 2010.
- Курукин, 2010: *Курукин И. В., Булычев А. А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного.* М., 2010.
- Лихачев, 1888: *Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в.* М., 1888.
- Лихачев, 1899: *Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков.* СПб., 1899. Ч. 1.
- Марголин, 1948: *Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды ГИМ.* Вып. XX. М., 1948.

Маркевич, 1888: *Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв. Одесса, 1888.*

Мельников, 1985: *Мельников Ю. Н. Местническое дело боярина кн. Ф. Д. Шестунова с боярином кн. Д. И. Хворостининым 29 февраля 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. ст. М., 1985.*

Мельников, 1987: *Мельников Ю. Н. Источники и происхождение разрядной книги 1559—1605 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Т. 19.*

Милюков, 1887: *Милюков П. Н. Официальные и частные редакции разрядных книг // Чтения ОИДР. М., 1887. Кн. 2.*

Милюков, 1889: *Милюков П. Н. К вопросу о составлении разрядных книг // ЖМНП. 1889. Май.*

Мордовина, Станиславский, 1977: *Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Семёна Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977.*

Морозов, 1983: *Морозов В. В. Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в. // АЕ за 1982 г. М., 1983.*

Мятлев, 1912: *Мятлев Н. Тысячники и московское дворянство XVI столетия. Орел, 1912.*

На пути... 2000: *На пути к регулярной армии России: От славянской дружины к постоянному войску / Под общ. ред В. А. Золотарева и Ю. П. Квятковского. СПб., 2000.*

Назаров, 1975: *Назаров В. Д. О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // Общество и государство феодальной России. М., 1975.*

Новицкий, 1915: *Новицкий В. И. Выборное и большое дворянство XVI—XVII веков. Киев, 1915.*

Новодворский, 1904: *Новодворский В. В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904.*

Павлов, 1992: *Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.*

Павлов-Сильванский, 1909: *Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Люди кабальных и докладные. 2-е изд. СПб., 1909.*

Пенской, 2008: *Пенской В. В. Военный потенциал Российского государства в конце XV—XVI в.: количественное измерение // Отечественная история. М., 2008. № 1.*

Петров, 1991: *Петров К. В. Осознание родовой общности феодальной аристократии России в конце XVI в. // Материалы 29-й Всесоюз. науч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск, 1991*

Петров, 1993: *Петров К. В. Проблемы местнического старшинства полковых воевод в России в первой половине XVI в. // Вестник Челябинского ун-та. Сер. 1. История. 1993. № 1.*

Петров, 2004: *Петров К. В. Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) // РНБ. Рукописные памятники. Вып. 9. СПб., 2004.*

Платонов, 1996: *Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996.*

- Платонов, 1998: *Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530—1584)* // Платонов С. Ф. Иван Грозный (1530—1584). Виллер Р. Ю. Иван Грозный / Сост. и автор вступ. ст. Д. М. Володихин. М., 1998.
- Правящая элита... 2006: Правящая элита Русского государства IX—начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006.
- Пресняков, 1893: *Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение*. СПб., 1893.
- Пресняков, 1918: *Пресняков А. Е. Московское царство*. Пг., 1918.
- Разин, 1999: *Разин Е. А. История военного искусства XVI—XVII вв.*, СПб., 1999.
- Рождественский, 1897: *Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века*. СПб., 1897.
- Русская военная сила: Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до настоящего времени / Под ред. А. Н. Петрова. Изд. 2-е, испр. и доп. Т. И. М., 1892.
- Садиков, 1950: *Садиков П. А. Очерки по истории опричнины*. М.; Л., 1950.
- Середонин, 1891: *Середонин С. М. Известия иностранцев о вооруженных силах Московского государства в конце XVI в.* СПб., 1891.
- Середонин, 1891а: *Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Commonwealth» как исторический источник*. СПб., 1891.
- Скрынников, 1961: *Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.* // Исторические записки. М., 1961. Кн. 70.
- Скрынников, 1977: *Скрынников Р. Г. Загадка древнего автографа* // Вопросы истории. 1977. № 9.
- Скрынников, 1992: *Скрынников Р. Г. Царство террора*. СПб., 1992.
- Скрынников, 2002: *Скрынников Р. Г. Иван Грозный*. М., 2002.
- Смирнов, 1958: *Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века*. М.; Л., 1958.
- Солодкин, 1997: *Солодкин Г. Я. История позднего русского летописания*. М., 1997.
- Станиславский, 2004: *Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII веков*. М., 2004.
- Строков, 1955: *Строков А. А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество*. М., 1955.
- Сухотин, 1931; 1940: *Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине*. Белград, 1931. [Вып.] 1; То же. Белград, 1940. [Вып.] 7—8.
- Сухотин, 1940а: *Сухотин Л. М. Список опричников* // Новик. Нью-Йорк, 1940. Вып. III.
- Тихомиров, 1951: *Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники* // Исторический архив. М., 1951. Т. VII.
- Тихомиров, 1957: *Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в.* // История СССР. 1957. № 3.
- Флетчер, 1906: *Флетчер Дж. О государстве русском*. СПб., 1906.
- Флоря, 1983: *Флоря Б. Н. Формирование сословного статуса господствующего класса Древней Руси (на материале статей о возмещении за «бесчестье»)* // История СССР. М., 1983. № 1.

- Флоря, 2003: *Флоря Б. Н. Иван Грозный*. М., 2003.
- Форстен, 1893: *Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648)*. СПб., 1893. Т. 1.
- Хорошкович, 2003: *Хорошкович А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века*. М., 2003.
- Чернов, 1954: *Чернов А. В. Вооруженные силы Московского государства в XV—XVII вв.* М., 1954.
- Чумаков, 1891: *Чумаков А. Осада Ревеля (1570—1571 гг.)* // Чтения ОИДР. 1891. Кн. II, отд. IV.
- Шевяков, 1956: *Шевяков В. Н. К вопросу об опричнине Ивана IV* // Вопросы истории. М., 1956. № 9
- Шмидт, 1973: *Шмидт С. О. Становление российского самодержавства*. М., 1973.
- Шмидт, 1984: *Шмидт С. О. Российское государство в середине XVI столетия*. М., 1984.
- Штаден, 1925: *Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника*. М., 1925. С. 79.
- Штаден, 2002: *Штаден Г. Записки немца-опричника*. М., 2002. С. 61—62.
- Эскин, 1994: *Эскин Ю. М. Местничество в России XVI—XVII вв. Хронологический реестр*. М., 1994.
- Эскин, 2009: *Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв.* М., 2009.
- Яковлева, 1951: *Яковлева О. А. К вопросу о списке служилых людей 7081 (1573) г.* // Зап. НИИ при Совете министров Мордовской АССР. Саранск, 1951. Т. 13.
- Яковлева, 1955: *Яковлева О. А. Пискаревский летописец* // Материалы по истории СССР. Т. II: Документы XV—XVII вв. М., 1955.
- Brown, 2002: *Brown P. B. Tsar Aleksei Mikhailovich: Muscovite Military Command Style and Legacy to Russian Military History* // The Military and Society in Russia: 1450—1917 / Ed. by Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden, 2002.
- Keep, 1985: *Keep J. L. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia 1462—1874*. Oxford, 1985.
- Martin, 2002: *Martin J. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War* // The Military and Society in Russia: 1450—1917 / Ed. by Eric Lohr and Marshall Poe. Leiden, 2002.
- Waugh Daniel Clarke, 1979: *Waugh Daniel Clarke. The Unpublished Moscovite Chronicles* // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. XII.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник. М.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ГПБ — Государственная публичная библиотека.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. М.
МГУ — Московский государственный университет.
ОИ — Отечественная история. М.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. М.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М.
РИО — Русское историческое общество.
РНБ — Российская национальная библиотека.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М.
СС — Собрание сочинений.
ТКДТ — «Тысячная книга» 1550 г. и «Дворовая тетрадь» 50-х годов XVI в. /
Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950.
ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР.
Эрм. — Эрмитажное собрание.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Абрамович М. Г. 30, 268
Адашев А. Ф. 156, 211
Адашев Д. Ф. 31, 117, 182
Акинф Великий 75, 222, 252
Кн. Алабышев С. Ф. 101, 103, 109,
110
Алды-Гирей, крымский царевич 146
Алексей Михайлович, царь и вели-
кий князь московский 31
Кн. Аленкин (Оленкин) Ф. А. 111
Алферьев Р. В. 88, 134, 136, 139, 142,
165, 210, 213-214, 215, 225, 226,
257, 265
Альшиц Д. Н. 7, 45-46, 51, 129-130,
268-269
Амосов А. А. 52-53, 269
Анастасия Романовна Захарьина-
Юрьева, царица, первая жена Ива-
на IV 78, 85, 118, 151, 224, 241
Антонов А. В. 71, 133, 153, 220, 224,
237, 268-269
Анхимюк Ю. В. 45, 46-47, 212, 230,
266, 269

Баиров А. К. 7, 9-10, 11, 20, 35, 269
Кн. Барятинский И. М. 89
Басманов А. Д., см.: Плещеев-Басма-
нов А. Д.
Басманов Ф. А., см.: Плещеев-Басма-
нов Ф. А.
Басмановы-Плещеевы, см.: Плещеевы-
Басмановы
Баранов К. В. 266
Кн. Барбашин В. И. 86, 134, 139, 142,
165, 181-183, 184, 231, 251, 264
Кн. Барбашин И. И. 104-105, 108
- Кн. Барбашины (Барбашинины-Суз-
дальские) 68, 70, 182
Кн. Барбошин В. И., см.: кн. Барба-
шин В. И.
Бахрушин С. В. 37, 120, 269
Кн. Бахтеяров Д. 93, 98
Кн. Бахтеяровы (Бахтеяровы-Ростов-
ские) 69
Беззубцев М. К. 97
Беззубцев Епанчев С. С. 108-110
Беззубцев Ф. К. 92
Безнин М. А. 54, 89, 130, 134, 138,
142, 143, 160, 162, 165, 210-213,
214, 215, 257, 260, 261
Кн. Белевские 14, 23
Кн. Белевский А. В. 98, 101
Кн. Белевский И. В. 98-100, 107
Кн. Белевский И. И. 105
Бельская А. Д. 85
Кн. Бельские 13, 14, 23, 68, 70, 75, 77,
199, 237
Кн. Бельский Д. Ф. 64, 86, 103, 107-
113
Кн. Бельский И. Д. 59, 64, 85, 86, 116,
117, 123
Кн. Бельский И. Ф. 93, 104, 108, 229
Кн. Бельский С. Ф. 107
Кн. Бельский Ф. И. 93-95
Бельские-Скуратовы 38, 244-246
Бельский-Скуратов Малюта Г. Л. 40,
135, 147, 218, 244-247, 248, 257, 261
Беляев И. Д. 31, 43, 47
Бибиков Г. Н. 7, 120, 225, 269
Блудов И. Б. 121, 123, 124, 134, 136,
139, 209, 214-215, 217, 224, 249,
253, 257, 260, 261

¹ Курсивом выделены имена и фамилии людей науки.

- Блудов М. Б. 134-135, 215-216, 218, 261
- Бокеев С. В. 91
- Кн. Борбашин В. И., см.: кн. Барбашин В. И.
- Борисов Н. С. 30, 269
- Борисов-Бороздин В. П. 97, 102, 105, 111, 112
- Борисов-Бороздин Г. Н. 121, 122, 124, 135, 218, 219, 231, 232-233, 235, 257
- Борисов-Бороздин Н. В. 122, 127, 135, 218, 219, 231-232, 234-235, 257
- Борисов-Бороздин Н. И. 111
- Борисов-Машуткин В. М. 111, 112
- Борисовы-Бороздины 69, 231
- Бороздин-Захарьин В. Б. 92, 93
- Бороздин-Захарьин И. Б. 93-95
- Бороздин-Захарьин П. Б. 92-95
- Бороздины, см.: Борисовы-Бороздины
- Боушев И. (Баушев И.) 135, 136, 218, 247, 251, 254
- Буганов В. И. 6, 23, 43-46, 47, 48, 56, 126, 127, 211, 267, 269
- Кн. Буйносовы (Буйносовы-Ростовские) 69
- Кн. Булгаков Курака А. И. 92, 96, 99-103
- Кн. Булгаков Д. И. 111
- Кн. Булгаков Голица М. И. 97-99, 103
- Кн. Булгаков Колышко М. И. 92, 94, 96, 98, 103
- Кн. Булгаков-Куракин Д. А. 109, 112, 113
- Кн. Булгаков-Куракин П. А. 113-114, 115, 116, 117
- Кн. Булгаков-Куракин Ф. А. 108, 109, 111-113
- Кн. Булгаков-Куракин И. А. 109-113
- Кн. Булгаковы 68, 170
- Булычев А. А. 38, 54, 269, 271
- Бундов К. С. 133
- Бурдэй Г. Д. 7, 31, 269
- Кн. Бурмак Д. 105
- Бутурлин А. И. 56
- Бутурлин А. Н. 98, 101
- Бутурлин В. А. 227
- Бутурлин Д. А. 135, 218-219, 220-221, 222, 253
- Бутурлин И. А. 242
- Бутурлин И. М. 31, 65, 87
- Бутурлин И. Н. 98, 104, 105, 106
- Бутурлин Р. Д. 65
- Бутурлин Ф. Н. 98, 99, 102
- Бутурлины 67, 69, 221, 253
- Бухарин-Наумов И. И. 135, 218, 248-249, 261
- Бухарин-Наумов Ищук И. 249
- Бухарины 48
- Бычкова М. Е. 6, 23, 76, 77, 78, 269
- Василий Васильевич, великий князь московский 14, 151
- Василий II Темный, см.: Василий Васильевич, великий князь московский
- Василий Иванович, великий князь московский 13, 14, 24, 25, 64, 67, 73, 78, 80, 106, 118, 119, 187
- Василий III, см.: Василий Иванович, великий князь московский
- Кн. Великого Гага В. А. 113
- Кн. Великого А. П. 103
- Вельяминов Облез И. В. 112
- Вельяминов Шадра (Щадра) И. В. 96, 112
- Вельяминов-Зернов Г. С. 93
- Вельяминов-Облезов Н. И. 111, 112
- Вельяминов-Шадрин В. И. 103
- Вельяминовы 45
- Вельяминовы-Воронцовы 22
- Вельяминовы-Зерновы 69
- Кн. Верейский В. М. 91
- Веселовский С. Б. 6, 7, 21-22, 24, 37, 48, 49, 79, 80, 83, 84, 137, 148, 150, 151, 152, 155, 156, 161, 163, 164, 167, 173, 174, 176, 179, 180, 181-182, 184, 185, 187, 206, 207, 209, 221, 224-225, 226, 227, 231, 232, 233, 234, 237, 238, 239, 241, 244, 245, 248-249, 253, 269
- Вешняков И. М. 115
- Кн. Взбарацкий И. П., см.: кн. Збацкий И. П.

- Виннер Р. Ю. 7, 36, 171, 258, 269, 270, 273
Висковатый И. М. 270
Владимиров Овца Б. 100
Волков В. А. 7, 31-32, 33
Володихин Д. М. 31, 36, 54, 59, 60, 76, 129, 147, 157, 175, 202, 211, 245, 261, 269, 270, 273
Волошские 69
Волынские 69, 70
Волынский-Вороной М. Я. 65, 113
Волынский-Попадейкин Я. Ф. 135, 138, 139, 173
Воронцов В. Ф. 65
Воронцов Д. С. 103, 104, 107, 108
Воронцов И. С. 65, 108-111, 113, 114
Воронцов М. С. 100, 102
Воронцов С. И. 95, 96
Воронцов Ф. С. 108, 109, 111
Воронцовы 13, 20, 67, 70
Кн. Воротынские 14, 23, 31, 68, 75
Кн. Воротынский А. И. 65, 115
Кн. Воротынский В. И. 64, 112, 114, 115, 116
Кн. Воротынский И. М. 92, 97, 98, 99, 101-106
Кн. Воротынский М. И. 30, 31, 59, 64, 86, 112, 113, 115-118, 144, 178-179, 186, 250
Выродков И.Г., дьяк 31
Кн. Вяземские 14, 23, 164, 165, 167, 175, 198, 205, 206, 207, 257
Кн. Вяземский Глухой А. И. 135, 139, 142, 143, 167, 205-206, 217, 245, 259, 261, 264
Кн. Вяземский Аф. И. 37, 125, 135, 177, 205, 206, 231
Кн. Вяземский Волк В. И. 135, 205-206, 218, 219, 236
Кн. Вяземский Лисица Д. И. 130, 131, 135, 139, 142, 167, 198, 205, 263
Гаврила Алексич 79, 226
Гваньини А. 240, 268
Кн. Гоздев-Приимков-Ростовский Ив. Ф. 209, 239-240
Кн. Гоздев-Приимков-Ростовский Иосиф (Осип) Ф. 88, 135, 214, 218, 236, 238-240, 241
Кн. Гоздев-Приимков-Ростовский М. Ф. 88, 135, 218, 236, 239, 240, 241, 241
Кн. Гоздевы-Приимковы-Ростовские 88, 164, 238, 239, 240, 241, 257
Гедимин, великий князь литовский 167
Кн. Гедиминовичи 14, 20, 22, 179, 181, 214, 237
Гейденштейн Р. 59, 268
Глинская Е., великая княгиня, жена Василия III, см.: Елена Глинская
Кн. Глинские 68, 69
Кн. Глинский В. М. 117
Кн. Глинский И. М. 117, 170
Кн. Глинский М. В. 64, 115, 116, 117
Кн. Глинский М. Л. 99, 100, 104
Кн. Глинский Ю. В. 110
Годунов А. Д. 102
Годунов Б. Ф. 56, 57, 70, 272
Годунов Большой В. Г. 101
Годунов В. Д. 102
Годунов Д. И. 252
Годунов С. С. 204
Годуновы 69, 170, 204
Кн. Голицын Н. С. 7, 8-9, 11, 35, 270
Кн. Голицын-Булгаков В. Ю. 64, 86
Кн. Голицын-Булгаков И. Ю. 64
Кн. Голицын-Булгаков Ю. М. 64, 107, 108, 109-113, 115
Кн. Голицыны (Булгаковы-Голицыны) 68, 69, 170, 199
Головин В. В. 65
Головин М. П. 65
Головин П. П. 152, 208, 215
Головины 67, 69, 70
Кн. Горбатые (Горбатые-Шуйские, Горбатые-Сузdalские) 31, 66, 68, 70, 187, 208
Кн. Горбатый Бучен А. Б. 101, 102, 103
Кн. Горбатый Ал. Б. 31, 64, 86, 108-114, 208
Кн. Горбатый Б. И. 66, 97-101, 103, 107
Кн. Горбатый В. И. 208

- Кн. Горбатый Кислый М. В. 66, 99, 100, 102, 103, 104, 107
 Кн. Горбатый И. И. 95, 96, 101, 104
 Кн. Горбатый П. А. 208
 Кн. Горенские-Оболенские 68
 Кн. Горенский-Оболенский И. В. 108-116
 Кн. Горенский-Оболенский П. И. 65
 Граевский К. 195
Граля И. 85, 270
 Греков И. Б. 56, 270
 Грибун В. 212
 Григорьев П., дьяк 195
 Кн. Гундоров Н. 88
 Кн. Гундоров С. И. 105, 113
 Кн. Гундоров Ф. А. 111, 113
 Кн. Гундоров Ю. И. 109
 Кн. Гундовы (Гундровы-Стародубские) 69
 Кн. Дашков И. Д. 88
 Давыдов-Челядин Г. Ф. 94, 97, 98, 99
 Давыдов П. Ф. 97
 Давыдовы 13
 Девлет-Гирей, крымский хан 86, 128, 129, 144, 146, 163, 164, 178, 184, 191, 203, 222, 243, 247, 261, 265
 Дмитрий Иванович, великий князь московский 72
 Дмитрий Иванович Жилка, князь, внук Ивана III, сын Ивана Молодого 95
 Добрынские (Симские-Добрынские-Образцовы) 77, 229
 Довнар-Запольский М. В. 35-36, 270
 Кн. Долгоруковы (Долгоруковы-Оболенские) 69
 Кн. Дорогобужский И. А. 92, 93, 94
 Кн. Друцкий Д. Ю. 106
 Елена Глинская, супруга Василия III, великая княгиня 74, 118, 167
 Кн. Елецкий В. 105
 Кн. Елецкий П. И. 98-100
 Елизаров А. В. 110
 Ельякши (Улияния), ханша астраханская 152
 Емгурчи, хан астраханский 152, 206
 Епифанов П. П. 7, 24, 27-28, 270
 Ермак 31
 Еропкин Ф. С. 96
Ерусалимский К. Ю. 270
 Житов П. И. 94
 Жулебин С. И. 109
 Заболоцкие (Всеволожи-Заболоцкие) 78-79
 Заболоцкий А. Г. 93
 Заболоцкий В. С. 79
 Заболоцкий С. К. 78, 79, 110
 Заболоцкий-Ушаков И. 117
 Загоскин Н. П. 6, 11, 270
 Зайцев П. В. 125, 135, 219, 229-231
 Зайцев Ярец В.Ф. 229
 Кн. Засекин И. И. 100, 101
 Кн. Засекин Чулок И. М. 102
 Кн. Засекин М. И. 95
 Кн. Засекины (Засекины-Ярославские) 45, 68, 69
 Захарьин М. Ю. 96, 98
 Захарьин-Юрьев В. М. 55, 74, 84, 85, 162, 163, 224
 Захарьин-Юрьев Г. Ю. 108
 Захарьин-Юрьев Д. Р. 66, 114
 Захарьин-Юрьев Н. Р. 5
 Захарьин Ю., см.: Захарьич Ю.
 Захарьин Я., см.: Захарьич Я.
 Захарьина-Юрьева А. Р., см.: Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева
 Захарьины-Бороздины, см.: Бороздины-Захарьины
 Захарьины-Юрьевы 57, 68, 84-85, 163, 174
 Захарьины-Яковлевы 68, 70, 223
 Захарьины-Кошкины 13, 14, 22
 Захарьич (Захарьин) Ю. 93, 94
 Захарьич (Захарьин) Я. 91, 92, 93, 96, 97, 100
 Кн. Збарецкий И. П. 103
 Кн. Звенигородские 69

Зимин А. А. 6, 7, 19-20, 22-23, 30, 34, 37, 46, 48, 49, 51, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 85, 121, 123, 125, 130-131, 134, 137, 144, 145, 151, 155, 162, 164, 167, 168, 172, 174, 175, 176, 179, 182, 184, 187, 195, 202, 205, 207, 208, 221, 222, 224, 227, 229, 230, 232, 237, 245, 252, 258, 266, 270, 275.

Зюзин В. 215

Иван Васильевич, великий князь московский 13, 14, 21, 24, 40, 78, 91, 95, 106, 119, 151, 155, 167, 176, 184, 231, 270

Иван Васильевич, царь и великий князь московский 8, 9, 13, 15, 19, 22, 24, 25-26, 27-29, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 43, 44, 48-53, 55, 57, 60, 63, 64, 66, 67, 70-74, 78, 80-83, 85, 86, 91, 107, 118, 120, 124, 126, 132-134, 139, 144, 146, 150, 151, 153-158, 161-164, 166, 167-169, 171, 172, 175, 177, 179-182, 184, 186, 187-196, 200, 203-205, 207, 209, 211, 212, 216, 217, 220-226, 230-235, 241-243, 245-247, 250, 253, 256-258, 260, 262, 264-274

Иван III, см.: Иван Васильевич, великий князь московский

Иван IV, см.: Иван Васильевич, царь и великий князь московский

Игнатьев Т. Ф. 117

Ильин И. 188

Кабанов А. К. 196, 268

Кавелин К. Д. 6, 35, 270

Канбаров Н. А. 228

Карамзин Н. М. 240, 271

Карамышева И. М. 133

Каргалов В. В. 28—29, 271

Карпов Д. Ф. 65

Карповы (Карповы-Долматовы) 67, 69

Катаев И. М. 196, 268

Кн. Катырев-Ростовский 189

Кн. Катыревы-Ростовские 69

Кн. Кашин-Оболенский А. В. 66, 97, 100, 101, 103, 105

Кн. Кашин Глухой И. В. 96

Кн. Кашин Большой И. В. 101, 102, 103

Кн. Кашин Сущ (Сухой?) И. И. 65, 115, 117, 118

Кн. Кашин Ю. И. 65, 112, 113, 115-117

Кн. Кашины (Кашины-Оболенские) 68, 69

Квятковский Ю. П. 272

Киндырев Д. И. 92

Китаев-Новосильцев Д. В. 99

Клосс Б. М. 52-54, 55, 271

Ключевский В. О. 9, 12, 14, 244, 271

Кобеко Д. Ф. 71-72, 271

Кобрин В. Б. 6, 7, 37, 39, 48, 74, 120, 121-125, 128, 130, 134, 135, 136, 137, 140, 153, 155, 156, 158, 159, 163, 164, 168, 170, 172, 173, 175, 176-177, 178, 189, 191, 195, 206, 209, 211, 214, 215, 217, 220, 224, 225, 232, 233, 237, 238, 239, 242, 243, 244, 245-246, 250, 252, 254, 271

Кобылины 22

Кн. Ковровы-Кривоборские (Стародубские) 69

Колобков В. А. 7, 192, 271

Колычёв А. 92

Колычёв Хлызень Б. А. 93

Колычёв В. 188

Колычёв Меньшой Г. А. 102, 103

Колычёв М. А. 94

Колычёв Лобан И. А. 92-95, 97, 98, 100, 101

Колычёв Жук И. В. 94

Колычёв Лошак И. В. 104

Колычёв Пупок И. С. 99, 100

Колычёв С. К. 94

Колычев Ф. С., см.: Филипп II, митрополит Московский

Колычёв-Лошаков Г. Г. 105

Колычёв-Умной В. И. 65, 135, 139, 142, 143, 165, 173, 174-175, 218, 219, 226, 259, 260-261, 264, 265

Колычёв-Умной И. И. 110, 111, 112

Колычёв-Умной Ф. И. 175

- Колычёв-Хлызnev Б. Н. 74
 Колычёвы 13, 14, 22, 68, 70, 174
 Колычёвы-Умные 218, 219, 222, 256
 Корецкий В. И. 7, 139, 179, 192, 211,
 267, 271
 Коробов А. И. 93
 Коробов В. 228
 Кн. Косой В. И. 92, 93
 Кошкины, см.: Захарыны-Кошкины
Кром М. М., 33, 118, 271
 Кн. Кропоткин А. 103
 Кн. Кропоткин Д. И. 138, 139
 Крузе Э. 35, 82, 125, 133, 146, 150,
 163, 164, 222, 223, 236, 239, 245,
 268
 Кн. Кубенский И. И. 110
 Кн. Кубенский М. И. 102, 103, 104,
 107, 108
 Кумбулов М. 188
 Кн. Куракин А. П. 65
 Кн. Куракин Г. А. 65
 Кн. Куракин Ф. А., см.: кн. Булгаков-
 Куракин Ф. А.
 Кн. Куракин-Булгаков Д. А., см.: кн.
 Булгаков-Куракин Д. А.
 Кн. Куракин-Булгаков И. А., см.: кн.
 Булгаков-Куракин И. А.
 Кн. Куракин-Булгаков П. А., см.: кн.
 Булгаков-Куракин П. А.
 Кн. Куракины 68, 69
 Кн. Курбские 13
 Кн. Курбский А. Д. 98-100, 102
 Кн. Курбский А. М. 31, 35, 36, 71, 78,
 79, 83, 115, 116, 117, 150, 151, 166,
 171, 183, 186, 191, 225, 226, 227, 268
 Кн. Курбский Д. И. 103
 Кн. Курбский М. М. 107, 108
 Кн. Курбский Карамыш М. Ф. 95
 Кн. Курбский С. Д. 93
 Кн. Курбский С. Ф. 97, 99-104
 Кн. Курбский Ф. М. 107, 108
 Кн. Курбский Черный Ф. С. 29
 Кн. Курлятев-Оболенский Д. И. 59, 65,
 107, 108, 110-112, 200
 Кн. Курлятев-Оболенский И. К. 64,
 160
- Кн. Курлятев-Оболенский К. И. 107,
 109, 110
 Кн. Курлятевы-Оболенские 68, 69
 Курукин И. В. 38, 271
 Кутузов Щука Ф. Ю. 99, 102, 104
 Кутузова-Клеопина М. А. 77
 Кушева Е. Н. 164
- Лихачев* Д. С. 271
 Лихачев Н. П. 43, 51, 271
 Кн. Лобанов-Ростовский И. С. 65, 92
 Кн. Лобановы-Ростовские 68, 69
 Лодыгины 22
 Львов Ф. 136, 139, 219, 250-251, 255,
 261
 Кн. Лыков В. Ю. 88
 Кн. Лыков Меньшой И. И. 109, 111,
 112
 Кн. Лыков М. Ю. 65
 Кн. Лыковы (Лыковы-Оболенские)
 68, 69
 Ляцкий И. В. 102, 104
- Кн. Мавкин М. У. 108, 109, 111, 112
 Магмет-Гирей (Магмет-Кирей), крым-
 ский царевич 146
 Магнус, король ливонский 86, 175,
 197, 230, 265
Марголин С. Л. 31, 271
 Мария Нагая, царица, последняя же-
 на Ивана IV 80
 Маркевич А. И. 6, 11-12, 272
 Марфа Собакина, царица 169, 240,
 244, 247
 Маштафаров А. В. 224, 229, 268, 269
 Кн. Мезецкие 14, 23
 Мельников Ю. Н. 45, 46, 60, 154, 204,
 266, 272
 Кн. Мещерский В. Д. 97
 Кн. Микулинские 13, 68, 70, 75
 Кн. Микулинский В. А., 64, 67, 91, 92,
 94, 101-103, 105, 107, 108, 109
 Кн. Микулинский-Пуньков Д. И. 65,
 109, 113, 114
 Кн. Микулинский Лугвица И. А. 96,
 98-102, 104
 Кн. Микулинский И. Д. 98

- Кн. Микулинский П. И. 111
Кн. Микулинский М. Ф. 91
Кн. Микулинский (или Пуньков-Микулинский) С. И. 31, 64, 106, 109-115, 117, 156-157, 249
Милюков П. Н. 43, 47, 59, 71, 75-81, 83-85, 87, 88, 123, 124, 136, 144, 145, 149, 151-153, 156, 159, 174, 177, 180, 182, 183, 185, 188, 198, 199, 202, 206, 209, 210, 213, 220, 223, 227, 229, 232-234, 237, 236, 243, 249, 251-253, 266, 272
Кн. Можайский С. И. 23
Кн. Моложский М. Д. 241
Морозов В. В. 52, 54, 272
Морозов В. В. 117, 118
Морозов В. Г. 98
Морозов В. П. 72
Морозов Г. В. 84, 91, 113, 114
Морозов (Поплевин) И. Г. 94, 98, 100, 101
Морозов Большой И. М. 138, 139
Морозов М. И. 113
Морозов М. Я. 64, 88, 116, 117, 126, 154, 174, 186, 219, 246
Морозов П. В. 64, 113
Морозов Я. Г. 100, 105
Морозовы 20, 22
Кн. Мортка Ф. И. 237
Кн. Морткин А. И. 88, 135, 164, 219, 236, 237-238, 241, 257
Кн. Морткин В. И. 237
Кн. Морткин И. М. 237
Кн. Морткины 88, 237, 238
Кн. Мосальские 69
Кн. Мосальский Горбатый В. И. 135, 139, 165, 198, 207-208
Кн. Мстиславские 13, 31, 68, 69, 199
Кн. Мстиславский И. Ф. 59, 64, 86, 113-117, 182, 183, 184, 213, 227, 243, 251
Кн. Мстиславский Ф. И. 59, 64, 67, 210
Кн. Мстиславский Ф. М. 107, 108
Кн. Мутьянские 69
Мятлев-Слизнев И. И. 135, 219, 252-254, 255
Мятлев Н. В. 6, 16, 50, 272
Мятлев С. Г. 252
Мятлевы (Мятлевы-Слизневы) 252, 253-254
Нагая Е. 80
Нагие 53, 80, 214
Нагой М. И. 80
Нагой Немой Ф. М. 80-81
Нагой Ф. Ф. 81
Назаров В. Д. 6, 23, 272
Нащокины, см.: Безнин М. А., Алферьев Р. В.
Кн. Несвицкий Д. М. 109
Новицкий В. И. 6, 16-17, 20, 272
Новодворский В. В. 161, 272
Новокшенов А. И. 136, 139, 219, 226, 251
Новокшонов А., см.: Новокшенов А. И.
Кн. Ногаев-Ромодановский А. В., см.: кн. Ромодановский-Ногаев А. В.
Кн. Ноготковы (Ноготковы-Оболенские) 69
Кн. Ноготь А. 92
Кн. Ногтев А. И. 66, 11, 112, 116, 152, 235
Кн. Ногтев Д. А. 66
Кн. Ногтев И. С. 75, 108, 110
Кн. Ногтевы (Ногтевы-Сузdalские)
Кн. Ноздроватые (Ноздроватые-Звенигородские) 69
Облезов-Вельяминов Н. И., см.: Вельяминов-Облезов Н. И.
Кн. Оболенские 13, 207
Кн. Оболенские-Серебряные, см.: кн. Серебряные-Оболенские
Кн. Оболенский А. В. 91, 92, 95
Кн. Оболенский А. М., см.: Кн. Пенинский-Оболенский А. М.
Кн. Оболенский Туреня Б. М. 92
Кн. Оболенский Ноготок В. А. 101
Кн. Оболенский-Стригин Шиха В. И., см.: Кн. Стригин-Оболенский Шиха В. И.
Кн. Оболенский Немого Д. И. 111, 113
Кн. Оболенский Лыко И. В. 92

- Кн. Оболенский Щетина И. И. 97, 101
 Кн. Оболенский Репня И. М. 92, 93,
 95, 96, 98, 99
 Кн. Оболенский Хромой Н. В. 98, 99,
 105, 108
 Кн. Оболенский П. М. 92
 Кн. Оболенский П. Н. 92
 Кн. Оболенский Лопата Ф. В., см.:
 Телепнев-Оболенский Лопата Ф. В.
 Кн. Оболенский Телепень Ф. В. 91-92,
 93, 96-98
 Кн. Оболенский-Глазатый Ф. И. 115
 Кн. Оболенский-Лопатин В. Ф. 111,
 113-116
 Образец И. Б. 94
 Кн. Овчина И. Ф., см.: кн. Телепнев-
 Оболенский Овчина И. Ф.
 Кн. Одоевская А. Р. 188
 Кн. Одоевские 14, 23, 39, 68, 69, 184
 Кн. Одоевский Швих В. С. 14, 93, 95,
 98-102
 Кн. Одоевский Д. С. 117, 118
 Кн. Одоевский И. С. 95, 97
 Кн. Одоевский И. Ф. 108
 Кн. Одоевский Н. Р. 66, 126-128, 139,
 165, 169, 184-186, 192, 193, 197,
 236, 257
 Кн. Одоевский П. С. 92, 96, 97, 103
 Кн. Одоевский Р. И. 66, 105, 107, 108
 Кн. Одоевский С. В. 106
 Кн. Одоевский Ф. И. 66, 67, 98, 105-
 109, 111
 Кн. Оленкин Ф. А., см.: кн. Ален-
 кин Ф. А.
 Ольгерд, великий князь литовский
 167, 169
 Кн. Охлябинин Д. П. 112
 Кн. Охлябинин Залупа И. П. 66, 88,
 121, 122, 124, 127, 128, 135, 139,
 153, 198—199, 218, 238, 253, 257,
 259, 261
 Кн. Охлябинин Р. В. 121, 122, 124
 Кн. Охлябинин В. Ф. 96, 109
 Кн. Охлябинин П. Ф. 108
 Кн. Охлябинины (Охлябинины-Яро-
 славские) 68, 69, 88, 89, 164, 199,
 241
 Очин-Плещеев А. И., см.: Плещеев-
 Очин А. И.
 Очин-Плещеев З. И., см.: Плещеев-
 Очин З. И.
 Очин-Плещеев И. И., см.: Плещеев-
 Очин И. И.
 Очин-Плещеев Н. И., см.: Плещеев-
 Очин Н. И.
 Очины-Плещеевы, см.: Плещеевы-
 Очины
 Павлов А. П. 6, 33-34, 38-40, 48, 69,
 70, 155, 161, 167, 170, 204, 208, 257,
 272, 273
 Павлов-Сильванский Н. П. 6-7, 12-16,
 24, 73, 169, 272
 Кн. Палецкая У. Д. 220
 Кн. Палецкие 68, 70
 Кн. Палецкий В. 105, 235
 Кн. Палецкий (Полецкой) А. Д. 65
 Кн. Палецкий (Полецкой) Д. Ф. 66,
 111, 112, 114, 115
 Кн. Палецкий (Полецкой) И. 96
 Кн. Палецкий (Полецкой) Ф. И. 95
 Кн. Патрикеев (Патрикевич) И. Ю.
 91
 Кн. Пенинский-Оболенский А. М.
 92, 97, 99, 100
 Кн. Пенинский-Оболенский Ю. А.
 109, 110
 Кн. Пенка (Пенко) Д. А., см.: кн.
 Ярославский Пенка (Пенко) Д. А.
 Кн. Пенков В. Д. 101, 102
 Кн. Пенков Д. А. 92, 93
 Кн. Пенков И. В. 111
 Кн. Пенков Хомяк И. Д. 98, 107
 Кн. Пенковы (Пенковы-Ярославские)
 13
 Пенской В. В. 7, 33, 272
 Пересветов И. 25
 Кн. Пестрый А. Ф. 102
 Петров А. Н. 273
 Петров К. В. 7, 30, 47, 266, 272
 Пешков-Сабуров С. Д., см.: Сабуров-
 Пешков С. Д.
 Пимен, архиепископ Новгородский
 210

- Платонов С. Ф. 7, 36-37, 38, 244, 269, 272, 273
Плещеев Басман Д. А. 144
Плещеев Д. Б. 151, 265
Плещеев Д. Г. 153
Плещеев Д. М. 66, 116-118, 147
Плещеев Колодка И. Д. 65, 88, 135, 138, 139, 142, 143, 144, 147-149, 154, 155, 158, 159, 165, 171, 172, 200, 246, 259-260, 264
Плещеев М. А. 96, 99, 102
Плещеев Н. А. 98
Плещеев П. М. 93
Плещеев Меньшой Ф. М. 93
Плещеев-Басманов А. Д. 55, 65, 74, 86-87, 116, 118, 119, 125, 144-147, 177, 198, 219, 220, 228
Плещеев-Басманов Ф. А. 134, 139, 142, 143, 144, 146, 148, 149-151, 158, 159-160, 162, 171, 239, 264
Плещеев-Очин А. И. 135, 139, 142, 143, 144, 148, 154-155, 158, 171, 172, 220-221, 251, 264
Плещеев-Очин З. И. 66, 116, 118, 126, 135, 139, 142, 144, 151-154, 155, 159, 163, 172, 173, 174, 220, 239, 259, 261, 263, 264
Плещеев-Очин И. Г. 151, 155
Плещеев-Очин И. И. 115, 135, 139, 142, 143, 167, 173-174, 264
Плещеев-Очин Н. И. 66, 67, 135, 167, 219-221
Плещеевы 22, 45, 68, 69, 144, 147, 148, 151, 155, 158, 165, 166, 167, 173, 175, 198, 199, 218, 219, 220, 222, 244, 256, 260
Плещеевы-Басмановы 37, 57, 68, 69, 144, 147, 154, 157, 162, 199
Плещеевы-Очины 68, 220
Поджогин Шигона И. Ю. 229, 268
Полев Меньшой В. Ф. 105
Полев Г. И. (Осипович, т.е. Иосифович) 135, 136, 139, 198, 208-209, 238, 251
Полев И. В. 208
Поливанов И. Д. 136, 139, 218, 254
Поливанов К. Д. 135, 136, 139, 142, 165, 209, 216-217, 249, 251, 257, 264
Попадейкин Я. Ф., см.: Волынский-Попадейкин Я. Ф.
Поплевин П. Б. 93
Поярков П. А. 135, 218, 251-252, 254
Поярков-Квашнин И. П. 252
Пресняков А. Е. 17-18, 51, 273
Кн. Приимков-Ростовский И. Ф., см.: кн. Гвоздев-Приимков-Ростовский И. Ф.
Кн. Приимков-Ростовский М. Ф., см.: кн. Гвоздев-Приимков-Ростовский М. Ф.
Кн. Приимков-Ростовский Н. Б. 116, 138, 139
Кн. Приимковы-Ростовские 69
Кн. Прозоровские (Прозоровские-Ярославские) 13, 69
Кн. Прозоровский Лугвица И. А. 110, 111, 112
Кн. Прозоровский М. А. 96
Кн. Прозоровский Ф. А. 108
Кн. Прозоровский Ф. Ю. 94
Кн. Пронские 68, 69, 176, 177, 180
Кн. Пронский Д. Д. 112
Кн. Пронский Шемяка Нелюбов И. В. 66, 67, 97, 98, 105, 109, 110-112
Кн. Пронский И. Д. 99
Кн. Пронский Турунтай И. И. 65, 77, 86, 105, 109, 110, 114-117, 123, 176
Кн. Пронский П. Д. 111, 176
Кн. Пронский С. Д. 65, 135, 138, 139, 142, 143, 165, 175-176, 180, 182, 183, 192, 193, 231, 235, 257, 265
Кн. Пронский Ф. Д. 98, 99, 103, 176
Кн. Пронский Ю. Д. 176
Кн. Пронский-Рыбин В. Ф. 133, 176
Кн. Пронский-Шемякин Ю. И. 86, 114, 115
Кн. Пужбольский-Ростовский Брюхой И. И. 97
Кн. Пуньков, Пунков-Микулинский Д. И., см.: кн. Микулинский-Пуньков Д. И.

- Кн. Пуньков, Пунков-Микулинский С. И., см.: кн. Микулинский-Пуньков С. И.
 Кн. Путятин Неклюд Г. Д. 138, 139
 Пушкин Шаферик Ф. С. 226
 Пушкин-Шафериков Д. Ф. 136, 139, 218, 219, 224-228
 Пушкины 224-226
- Радзивилл К. 79
 Разин Е. А. 7, 33, 35, 273
 Разладин (Разладин-Квашнин) В. В. 138, 139, 211
 Ратшичи 221
 Кн. Репнин А. В. 66, 89
 Кн. Репнин В. И. 104, 107
 Кн. Репнин М. П. 66, 97, 115, 117
 Кн. Репнин П. И. 66, 67, 101, 104-107, 110
 Кн. Репнин Ю. П. 182
 Кн. Репнины (Репнины-Оболенские) 68, 69
 Кн. Ржевские 68, 69
 Рогинский М. Г. 268
 Розладин В. В., см.: Разладин (Разладин-Квашнин) В. В.
 Рождественский С. В. 7, 73, 273
 Романовы-Юрьевы (из Захарьиных) 69
 Кн. Ромодановские (Ромодановские-Стародубские) 69, 72
 Кн. Ромодановский В. В. 93, 94, 95
 Кн. Ромодановский Ф. Б. 113
 Кн. Ромодановский-Ногаев А. В. 113
 Кн. Ростовские 13, 68, 88, 186, 187, 188, 189, 238, 239, 240
 Кн. Ростовский А. В. 92, 94, 96-102
 Кн. Ростовский А. Д. 66, 98, 100, 101, 107, 110-112
 Кн. Ростовский А. Ф. 94
 Кн. Ростовский Губка В. И. 93, 97
 Кн. Ростовский Буйнос И. А. 93 -95, 97-103
 Кн. Ростовский Катырь И. А. 104, 108, 110
 Кн. Ростовский Темка Янов И. И. 100, 187
- Кн. Ростовский П. Д. 96
 Кн. Ростовский С. В. 12
 Кн. Ростовский-Лобанов И. А. 65, 92
 Кн. Рюриковичи 13, 14, 176, 186, 214
 Кн. Ряполовские (Стародубские-Ряполовские) 89
 Кн. Ряполовский Мних В. С. 92, 93, 94, 96, 97
 Кн. Ряполовский Лобан П. С. 94, 96
 Кн. Ряполовский Хрипун П. Н. 92
 Кн. Ряполовский Молодой С. И. 91, 93
 Кн. Ряполовский-Стригин И. Ф. 109
 Кн. Ряполовский Стрига Ф. С. 93, 96
 Кн. Ряполовский-Хрипунов Тать И. Ф. 105, 106, 107
- Сабуров А. В. 92, 96, 97, 99, 103
 Сабуров А. Ю. 111
 Сабуров В. Б. 175
 Сабуров В. Ю. 71
 Сабуров Кривой Тимофей-Замятня И. 137, 138, 139, 152, 197, 242, 245
 Сабуров З. К. 100
 Сабуров Ю. К. 96
 Сабуров Я. И. 111
 Сабуров-Пешков С. Д. 112-113
 Сабуровы 13, 14, 45, 68, 69
 Садиков П. А. 7, 37, 82, 120, 125, 137, 194, 195, 229, 244, 258, 273
 Салтыков А. М. 81, 96
 Салтыков Б. И. 112, 124
 Салтыров Д. Б. 121, 122-123, 124, 224
 Салтыков И. Б. 135, 136, 218, 219, 224, 254
 Салтыков И. М. 102
 Салтыков Иг. М. 102, 105
 Салтыков Л. А. 81-84, 123, 230
 Салтыков Ф.-И. 70
 Салтыковы 13, 68, 69, 81, 224
 Сафа-Гирей, крымский хан 81
 Свечин А. А. 11
 Свибло Ф. 252
 Свибловы 252
 Кн. Селунские 69
 Семен Карпович 92, 93

- Семион Касаевич, служилый татарский царевич 77
Кн. Серебряные-Оболенские 68, 70, 220
Кн. Серебряный-Оболенский Б. В. 66
Кн. Серебряный-Оболенский В. С. 59, 65, 70, 82, 86, 112-115, 117, 220
Кн. Серебряный-Оболенский П. С. 65, 112, 114, 115, 117, 196, 198, 220, 223
Кн. Серебряный-Оболенский С. Д. 100-102, 104
Середонин С. М. 58-59, 273
Сидоров С. Г. 115, 145
Симский Хабар И. В. 97, 102, 103, 104
Кн. Сисеев И. П. 110, 111
Кн. Сисеев Ф. В. 117, 118
Кн. Сицкие (Сицкие-Ярославские) 68, 69, 290
Кн. Сицкий А. 105
Кн. Сицкий В. А. 66, 135, 137, 164, 190, 218, 230, 236, 241-243, 254, 257
Кн. Сицкий И. В. 66
Кн. Сицкий С. 104
Кн. Сицкий Ф. П. 96
Кн. Скопин-Шуйский В. Ф. 59, 86
Кн. Скопин-Шуйский Ф. И. 109, 112, 114
Скрынников Р. Г. 7, 38, 51, 75, 76, 80, 81, 82, 125, 147, 148, 150, 154, 156, 163, 164, 173, 176-177, 186, 190, 194, 230, 236, 242, 244, 245, 252, 273
Скуратов Малюта, см.: Бельский-Скуратов Малюта Г. Л.
Скуратов-Бельский Малюта Г. Л., см.: Бельский-Скуратов Малюта Г. Л.
Скуратовы-Бельские, см.: Бельские-Скуратовы
Слизень А. А. 252
Слизнев И. И., см.: Мятлев-Слизнев И. И.
Слизнев Л. Б. 105
Слизнев Т. Б. 105
Смирнов И. И. 7, 18-19, 34, 273
Солодкин Г. Я. 56, 273
Станиславский А. Л. 7, 50, 71, 72, 149, 170, 207, 210, 233, 248, 250, 253, 266, 272, 273
Кн. Старицкие 39, 149, 176, 177, 179, 180, 184, 185, 189, 191, 192-193, 208, 232, 233, 235, 257
Кн. Старицкая М. В. 196
Кн. Старицкий А. И. 174, 179
Кн. Старицкий В. А. 75, 79, 80, 88, 176, 184, 188, 192, 193, 231, 232, 235
Кн. Стародубский (то ли Стародубский-Кривоборский, то ли Стародубский-Тулупов) С. И. 95
Кн. Стародубский-Осиповский В. И. 112
Кн. Стародубский-Сорокин Ю. 105
Стефан Баторий, король польский 57, 59, 86, 160, 161
Кн. Стригин-Оболенский А. И. 97, 103, 104
Кн. Стригин-Оболенский Шиха В. И. 95, 96, 101
Кн. Стригин-Оболенский И. В. 94
Кн. Стригин-Оболенский Щетина И. И. 95, 96, 101
Кн. Стригин-Оболенский И. С. 97
Кн. Стригин-Оболенский Ф. И. 94, 96
Кн. Стригин-Оболенский Ф. С. 96
Кн. Стригин-Ряполовский И. Ф., см.: кн. Ряполовский-Стригин И. Ф.
Строков А. А. 7, 32-33, 35, 273
Кн. Сулемшовы 69
Кн. Сухой И. И. 114, 115
Сухотин Л. М. 7, 120, 165, 273
Кн. Татев П. И. 66, 87
Кн. Татев Ф. И. 89
Кн. Татевы (Татевы-Стародубские) 68, 69
Таубе И. 35, 82, 125, 133, 146, 150, 163, 222, 223, 239, 245, 268
Кн. Тверские 14, 70, 155
Кн. Тевекелев (Тевекелевич) И. 159, 188
Кн. Телепнев-Оболенский Немой И. В.
Кн. Телепнев-Оболенский Овчина И. Ф.

- Кн. Телепнев-Оболенский Лопата Ф. В. 104, 105
 Кн. Телятевские 68, 69, 155, 157, 164, 165, 166, 198, 257
 Кн. Телятевский А. П. 65, 130, 135, 139, 142-144, 148, 155-158, 159, 163, 172, 175, 259, 261, 263
 Кн. Телятевский В. И. 121, 122, 124, 127, 135, 139, 142-144, 158-161, 171, 259, 260, 261, 264
 Кн. Телятевский И. М. 96, 97
 Кн. Телятевский М. Ф. 93-95
 Кн. Телятевский П. И. 112, 155
 Кн. Телятевский Зубан И. П. 135, 136, 139, 142-144, 159-160, 264
 Кн. Темкин-Ростовский В. И. 121, 123, 129, 135, 139, 142, 164, 165, 186-194, 203, 230, 235, 239, 257, 264, 265
 Кн. Темкин-Ростовский Г. И. 117
 Кн. Темкин-Ростовский И. В. 121, 127, 135, 165, 194, 218, 236
 Кн. Темкин-Ростовский И. И. 94
 Кн. Темкин-Ростовский Ю. И. 66, 105, 107-108, 109, 110, 112-116, 118, 187
 Кн. Темкины-Ростовские 68, 69, 187, 236, 237, 238, 239
Тихомиров М. Н. 56, 57, 267, 273
 Кн. Токмаков Ноздроватый В. И. 88, 116
 Кн. Токмаков Ю. И. 66, 88, 89, 137, 139, 194-197
 Кн. Токмаковы (Токмаковы-Звенигородские, Токмаковы-Ноздроватые) 68, 69, 88
 Травин Салтык И. И. 29
 Траханиотовы 69
 Третьяков Ф. И. 117
 Третьякова Е. И. 207
 Третьяковы-Головины 69
 Кн. Троекуров В. 235
 Кн. Троекуров И. М. 96, 103, 105, 109, 110, 114, 115
 Кн. Троекуров М. М. 113
 Кн. Троекуров Ф. И. 66, 114
 Кн. Троекуров Ф. М. 115
 Кн. Троекуровы (Тоекуровы-Ярославские) 69
 Кн. Тростенские (Тростенские-Оболенские) 69
 Кн. Тростенский И. А. 102
 Кн. Тростенский И. И. 110
 Кн. Тростенский И. (Иван) Т. 108, 113
 Кн. Тростенский И. (Иосиф, Осип) Т. 110-113
 Кн. Тростенский Т. А. 92, 93, 97
 Кн. Тростенский Ф. Т. 105
 Кн. Трубецкие 39, 68, 69, 167, 170, 199, 259
 Кн. Трубецкой А. В. 86
 Кн. Трубецкой А. И. 107
 Кн. Трубецкой Б. А. 65, 111, 112, 113
 Кн. Трубецкой В. А. 113, 116
 Кн. Трубецкой М. А. 111, 116
 Кн. Трубецкой М. Р. 66, 67
 Кн. Трубецкой Персидский С. И. 107, 167
 Кн. Трубецкой Т. Р. 86
 Кн. Трубецкой Ф. М. 121, 123-124, 125, 135, 140, 142, 143, 144, 164, 165, 167-170, 172, 175, 184, 230, 231, 241, 245, 257, 259, 261, 264, 265
 Кн. Тулупов (Тулупьев) И. Д. 93, 94, 95
 Кн. Туренин И. С. 66
 Кн. Туренин Ф. Б. 105
 Кн. Туренины (Туренины-Оболенские) 68, 69
 Кн. Турунтай-Пронский, см.: кн. Пронский Турунтай И. И.
 Кн. Туреня Оболенский Б. М., см.: Кн. Оболенский Туреня Б. М.
 Тучков В. М. 110
 Тучков М. М. 115, 214
 Кн. Тюменские 69
 Кн. Тюфякин М. В. 66
 Кн. Тюфякины (Тюфякины-Оболенские) 68, 69
 Гр. Уваров А. С. 268
 Кн. Уланов Тебет Б. 98, 100-103
 Унковские 136, 247, 251
 Унковский Б. 247
 Унковский К. Т. 247
 Унковский Максак В. А. 247

- Унковский И. (Омеля), см.: Боушев И.
Кн. Урусовы 69
Ушаков-Заболоцкий И., см.: Заболоц-
кий-Ушаков И.
Кн. Ушатые (Ушатые-Ярославские)
13, 69
Кн. Ушатый Чулок В. В. 96, 102-104,
110
Кн. Ушатый Ляпун И. Ф. 94-95, 97-99,
101
Кн. Ушатый К. Ф. 97-99
Кн. Ушатый Большой Ю. Ф. 103, 104
- Федор Давыдович 94
Федор Иванович — царь и великий
князь московский 50, 52, 54, 64, 67,
70, 71, 149, 168, 170, 204, 210, 213,
220, 236
Федоров-Челядин И. П. 75-77, 108,
109, 112, 114, 239, 252
Филипп II, митрополит Московский
133, 174
Флетчер Дж. 8-9, 58-60, 75, 170, 201,
268, 270, 273
Флоря Б. Н. 7, 23, 38, 76, 155, 164,
273, 274
Форстен Г. В. 183, 274
- Хабаров И. И. 77-78, 113, 114
Кн. Хворостинин А. И. 135, 200, 218
Кн. Хворостинин Д. И. 29, 31, 60, 86,
89, 178-179, 199-204, 264, 265
Кн. Хворостинины (Хворостинины-
Ярославские) 69, 164, 199, 204, 241
Кн. Хворостинин П. И. 66, 199, 200
Кн. Хворостинин И. М. 109, 199, 202
Кн. Хворостинин Ф. И. 142, 200, 209
Хеллие Р. 41, 274
Кн. Хилков В. Д. 66, 134, 266
Кн. Хованский А. П. 66, 177-181, 257
Хорошевич А. Л. 157, 274
Кн. Хрипунов Тать И. Ф., см.: к. Ря-
половский-Хрипунов Тать И.Ф.
- Чеботов И. Я. 79-80
Чеботовы 253
Челядин В. А. 98
- Челяднины 3, 20, 75, 225
Чепчугов-Клементьев И. И. 72
Чепчугов-Клементьев И. Н. 72
Чепчугов-Клементьев Н. П. 66, 70-72
Чепчугов-Клементьев С. 71
Чепчугова-Клементьева Е. Н. 72
Чепчуговы-Клементьевы 31, 71-72, 271
Черемисинов Д. И. 211
Черемисинов И. С. 211, 212
Черемисиновы 212
Черепнин Л. В. 268
Кн. Черкасские 69, 122, 158, 163, 172,
259
Кн. Черкасский Б. Т. 163, 172
Кн. Черкасский В. Т. 121, 140
Кн. Черкасский И. Т. 121, 128, 135,
136, 140, 143, 163, 172
Кн. Черкасский М.-К. (Мария-Куче-
ней) Т. 122, 158, 161, 163, 223
Кн. Черкасский М.-С. (Михаил-Сал-
нук) Т. 66, 85, 122, 127-129, 135,
140, 142, 143, 144, 158, 161-164, 165,
171, 172, 190, 192, 203, 223, 230,
259, 260, 261, 263, 265
Кн. Черкасский М. (Мамстрюк) 162
Кн. Черкасский С. А. 65, 136
Чернов А. В. 7, 24-27, 28, 35, 274
Чуботов И. Я., см.: Чеботов И. Я.
- Шафериков-Пушкин Д., см.: Пуш-
кин-Шафериков Д.
Шевяков В. Н. 120, 274
Шеин В. Д. 111
Шеин Д. В. 92, 93
Шеин И. Д. 77, 109, 111, 113
Шеини 20, 68, 69, 77
Мурза Шейдяков (Шейдякович) А. 86
Кн. Шейдяков П. Т. 86, 126, 135, 140,
164, 172, 190, 203, 259, 265
Кн. Шейдяковы 69
Кн. Шемячич В. И. 23
Шереметев В. А. 104
Шереметев В. С. 115
Шереметев И. А. 96, 101, 103, 107,
108
Шереметев Большой И. В. 65, 82-83,
87, 88, 110, 111, 115-117, 145, 237

- Шереметев Меньшой И. В. 59, 66, 86, 88, 89, 115, 116, 123, 124, 126, 227
 Шереметев Н. В. 70
 Шереметев С. В. 86, 114-116, 221
 Шереметев Ф. В. 65, 86, 89, 117, 184
 Шереметевы 22, 68, 69
 Кн. Шестунов Д. С. 116-118, 223
 Кн. Шестунов Ф. Д. 160, 204, 266, 272
 Кн. Шестуновы (Шестуновы-Ярославские) 69
 Шифир-мурза 168
 Шлихтинг А. 132-133, 150, 175, 205, 239, 268
 Шмидт С. О. 7, 30, 51-52, 53, 73, 169, 267, 274
 Штаден Г. 35, 76-77, 133, 146, 150, 162, 163, 167, 191, 206, 231, 245, 247, 253, 268, 274
 Кн. Шуйские (Сузdalьские) 13, 30, 31, 39, 56, 69, 72, 75, 181, 187, 199, 204, 213, 229, 268
 Кн. Шуйский А. М. 105, 109-110
 Кн. Шуйский Немой В. В. 66, 92, 94, 96-103, 105, 107
 Кн. Шуйский И. А. 65, 137, 230
 Кн. Шуйский И. В. 67, 103, 109
 Кн. Шуйский Плетень И. М. 65, 108, 110-115
 Кн. Шуйский И. П. 29, 31, 59, 65, 86
 Кн. Шуйский П. И. 65, 86, 111-114, 117, 153
 Кн. Шуйский Ф. И. 66, 108-109, 111
 Щелкалов В. Я. 72
 Щелкаловы 72, 271
 Кн. Щеня Д. В. 29, 30, 91-94, 96-101
 Кн. Щенятев В. М. 111
 Кн. Щенятев М. Д. 14, 92, 97, 99-102
 Кн. Щенятев П. М. 65, 86, 114-117
 Кн. Щенятевы 69, 70
 Кн. Щепин-Оболенский Серебряный С. Д., см.: кн. Серебряный-Оболенский С. Д.
 Кн. Щербатов Д. М. 127, 128, 135, 138, 140, 165, 198, 206, 257
 Кн. Щербатов И. 127, 128, 135, 142, 143
 Кн. Щербатов М. А. 66, 89
 Кн. Щербатов М. М. 51
 Кн. Щербатовы (Щербатые, Щербатовы-Оболенские) 69
 Кн. Щербатой Д. М., см.: кн. Щербатов Д. М.
 Кн. Щербатой И., см.: кн. Щербатов И.
 Кн. Щербатой М. А., см.: кн. Щербатов М. А.
 Щетнев А. 214
 Щигалей, служилый царь татарский 81, 85, 155, 182
 Эскин Ю. М. 7, 30, 72, 204, 214, 242, 274
 Юрий Васильевич, брат Ивана IV 85, 219
 Кн. Юрий Патрикеевич 13
 Юрьевы, см. Захарыны-Юрьевы
 Яковлев В. П. 129, 135, 164, 190, 203, 218, 219, 222-224, 230, 265
 Яковлев З. П. 113, 116
 Яковлев-Захарын (Яковля) Хирон И. П. 65, 82, 86, 87, 88, 89, 116, 142, 174, 175, 222, 226, 265
 Яковлев С. В. 66
 Яковлевы, см.: Захарыны-Яковлевы
 Яковлева О. А. 55-56, 130, 274
 Ярашты, астраханский царевич 152
 Кн. Ярославский Оленка А. Ф. 97-98
 Кн. Ярославский Пенка (Пенко) Д. А. 92, 94-95
 Кн. Ярославский Сисей К. С. 103
 Кн. Ярославский П. С. 96
 Кн. Ярославский С. Р. 91-93, 98-99
 Brown P. B. 41, 274
 Keer J. L. 40-41, 274
 Lohr E. 41, 274
 Martin J. 41, 274
 Poe M. 41, 274
 Waugh D. C. 211, 274

СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Михайлович Володихин родился в 1969 г. в Москве. Отслужил два года срочной службы в Советской армии. В 1993 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета. В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Патриарший приказной архив как источник по истории русской книжной культуры XVII в.».

В настоящее время — доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета. Специалист по политической, военной и культурной истории Московского государства XV—XVII вв. Автор 270 научных, учебных и научно-популярных публикаций по отечественной и всеобщей истории, методологии, историографии и источниковедению, а также 3 научных и 7 научно-популярных монографий, 4 учебных пособий, 2 сборников статей и архивного справочника. Член Союза писателей России.

Основные научные, научно-популярные и учебные публикации Д. М. Володихина, связанные с историей Московского государства

Книги

1. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. М., 1993 (монография).
2. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII—XVI вв. М., 1994 (монография, в соавторстве с Д. Н. Александровым).
3. Состав привилегированного купечества в первой половине XVII в. М., 1996 (научный справочник, в соавторстве с Т. Б. Соловьевой).
4. Спорные проблемы истории Белой Руси. Сб. ст. Полоцк, 1997.
5. Очерки по истории отечественных архивов. М., 1999 (учебное пособие).
6. Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006 (монография).
7. Отечественная история. М., 2006 (учебник, в соавторстве с С. В. Алексеевым, Г. А. Елисеевым).
8. Воеводы Ивана Грозного. М., 2008 (сборник биографических очерков).
9. Митрополит Филипп. М., 2009 (монография).
10. Опричнина и «псы государевы». М., 2010 (монография).
11. Иван IV Грозный. М., 2010 (монография).
12. Царь Федор Иванович. М., 2011 (монография).

Статьи, публикации

1. «Русская Хроника» Стрыйковского // Вестник МГУ, сер. 8 (История). М., 1993. № 2 (в соавторстве с Д. Н. Александровым).
2. Новые данные о взятии Полоцка в 1563 г. // Полоцкий летописец. 1993. № 2.
3. С. М. Середонин: методы работы с иностранными источниками по истории средневековой России // Проблемы политической истории и историографии. М., 1994.
4. Источники трактата Джильса Флетчера «О государстве русском» // Россия и Запад: диалог культур. М., 1994.
5. Лебедевская летопись о взятии Полоцка войсками Ивана IV в 1563 г. (вопросы атрибуции) // Вестник МГУ, сер. 8 (История). М., 1995, № 1.

6. «Увет духовный» как попытка ранней антистарообрядческой polemiki // Москва старообрядческая. М., 1995. Вып. 2.
7. The Sources of J. Fletcher's Treatise «Of the Russe Common Wealth» // Russia and the West: the dialog of Cultures. Moscow, 1995.
8. Отправка богослужебных книг московской печати в Белоруссию во время войны 1654—1667 г. // Исследования по истории Украины и Белоруссии. М., 1995.
9. Ты не прав, XVI-й век? (О характере Московского государства) // Родина. 1996. № 12.
10. Известие Хроники М. Стрыйковского о разгроме Кайдана на Припяти // Россия и Запад: диалог культур (материалы 2-й международной конференции 28—30 ноября 1995 г.). М., 1996 (в соавторстве с Д. Н. Александровым).
11. Методология А. А. Зимиша // Вестник Университета Российской академии образования. 1996. № 12.
12. Честь воеводы (донесение Генриха Садтлера о действиях М. Б. Шеина во время осады Смоленска) // Родина. 1998. № 2.
13. Патриаршие книгописцы и золотописцы в конце XVI—XVII вв. // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
- 14 Эпоха Ивана Грозного в сочинениях С. Ф. Платонова и Р. Ю. Виппера // С. Ф. Платонов и Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М., 1998.
15. История книги Р. Ю. Виппера «Иван Грозный» // Российская монархия: вопросы истории и теории. Воронеж, 1998.
16. Патриаршие казначеи в XVII в. // Русь и южные славяне. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894—1987). СПб., 1998.
17. Документы конца XVI в. о централизованном распространении книг // Русский дипломатарий. 1998. Вып. 4.
18. Патриаршие книгописцы и золотописцы в конце XVI—XVII вв. (окончание) // Археографический ежегодник за 1996 год. М., 1998.
19. Наиболее ранняя часть архива Приказа Книгопечатного дела // Русское средневековье. 1998. Вып. 1: Книжная культура.
20. Географический аспект распространения продукции Московского печатного двора путем свободной продажи в 30-х гг. XVII в. // Экономическая история. Обозрение. М., 1999. Вып. 3.
21. «Бесспорный политический талант...» Личность Бориса Годунова в творчестве С. Ф. Платонова // Платонов С. Ф. Борис Годунов. М., 1999.
22. И. Е. Забелин — историк старомосковской цивилизации // Забелин И. Е. Минин и Пожарский. М., 1999.
23. Малоизвестный документ по истории русского книгопечатания в XVII столетии // Русское Средневековье. 1999 год. Духовный мир. М., 1999.
24. Экзистенциальные мотивы в работах С. О. Шмидта о С. Ф. Платонове // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000.
25. Исследования С. О. Шмидта по истории Московского государства // Русское средневековье. 2000—2001 годы. Источники. М., 2002.

26. Трудноопределимые персоны служилых аристократов из реестра репрессированных в «Истории о великом князе Московском» князя Андрея Михайловича Курбского // Вестник МГУ, сер. 8 (История). М., 2006, № 1.
27. Служил чисто, прямо и честно [о Дмитрии Пожарском] // Родина. 2006. № 11.
28. Казус Чепчугова // Родина. 2008. № 4.
29. «Смело выдвигал новых людей...» Опричные воеводы // Родина, 2008. № 6.
30. Князь Иван Шуйский, защитник Пскова // Родина. 2008. № 8.
31. Могильный крест преподобного Савватия Соловецкого // Соловецкое море. М.; Архангельск, 2009. Вып. 8.
32. Происхождение калужской разрядной записи 7073 (1564/1565) г. (К вопросу о персональном составе опричного воеводского корпуса) // Вестник МГУ, сер. 8 (История). М., 2009. № 2.
33. «Смело выдвигал новых людей...» Опричные полководцы // Диалог с историей. М., 2009. Вып. 27.
34. Честолюбивый каратель. Карьера князя Темкина в опричнине // Родина. 2009. № 10.
35. Тысяча миль за полтора года. Русское наступление в Сибири при царе Федоре Ивановиче // Родина. 2010. № 8.
36. Когда была отменена опричнина? // Вестник МГУ, сер. 8 (История). М., 2010. № 5.
37. Формирование армейской элиты в опричнине 1565—1572 гг.: проблемы кадровой политики // Элита России в прошлом и настоящем: социально-психологические и исторические аспекты. М., 2010.
38. Не за совесть, а за страх: воеводы князя Владимира Андреевича Старицкого на опричной службе // Историческое обозрение. М., 2010. Вып. 11.
39. Жажда Академии [Духовное просвещение в допетровской России] // Свой. М., 2010. Вып. 10.
40. Отважный «кунктор». Князь Михаил Воротынский на степных рубежах России // Родина. 2011. № 4.
41. Конфликт в среде русской служилой аристократии XVI в. из-за распределения воеводских должностей как препятствие к формированию коллективной идентичности // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. Сб. ст. М., 2011.
42. Политический контекст перенесения мощей митрополита Филиппа на Соловки // Исторический журнал: научные исследования. М., 2011. № 4.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОЛОДИХИН

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ
РУССКОГО ВОЕВОДСКОГО КОРПУСА
ПРИ ИВАНЕ IV

научное издание

Редактор и корректор — Т. Г. Бугакова
Технический редактор — Г. В. Тихомирова

Макет подготовлен в издательстве
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Подписано в печать 01.09.2011
Гарнитура основного текста типа «Times»
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат 60×90¹/₁₆. Объем 20 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3926

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers»
founded in 1992
in 2003 was included into
«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»
Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152
E-mail: pvccentre@mail.ru
Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of 'Uthman»).

Издательство «ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

Образовано в 1992 году

В 2003 году внесено

в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»

Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111

E-mail: pvcentre@mail.ru

Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно в области традиционной культуры; издание переводов важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

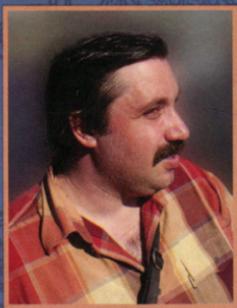
Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

По итогам конкурса «Книга года-2007» в номинации «Осенняя хризантема» в шорт-лист лучших изданий о Китае вошла книга «Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова».

Дмитрий Михайлович Водохин родился в 1969 г. в Москве. Отслужил два года срочной службы в Советской армии. В 1993 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета. В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Патриарший приказной архив как источник по истории русской книжной культуры XVII в.». В настоящее время — доцент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета. Специалист по политической, военной и культурной истории Московского государства XV—XVII вв. Автор 270 научных, учебных и научно-популярных публикаций по отечественной и всеобщей истории, методологии, историографии и источниковедению, а также 3 научных и 7 научно-популярных монографий, 4 учебных пособий, 2 сборников статей и архивного справочника. Член Союза писателей России.

Монография посвящена исследованию проблем, связанных с военной историей Московского государства середины — второй половины XVI в. Работа построена на комплексном изучении письменных источников (воинские разряды, летописи, законодательные памятники, записки иностранцев о России) и на критическом анализе специальной научной литературы.

Усилиями нескольких поколений отечественных историков накоплено немало разрозненных фактов и частных наблюдений, касающихся высшего командования вооруженных сил России XVI в., однако до сих пор не ставился вопрос о его социальном составе в целом и о влиянии на него такого, в частности, учреждения, как опричнина. Настоящая монография является первой попыткой ответа на эти вопросы.

Автором впервые составлен список ведущих военачальников Московского государства середины XVI в., а также реестр аристократических семейств, откуда они рекрутировались. Кроме того, впервые из общего списка крупных опричных служилых (он неоднократно составлялся и уточнялся) выделен точный список опричных воевод.

Адресуется специалистам по истории Московского государства, а также всем интересующимся русской военной историей.

ISBN 978-5-85803-431-5

A standard linear barcode representing the ISBN 978-5-85803-431-5.

9 785858 034315